

ISSN 2712-9608

ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

2024. № 4 (Вып. 52)

**LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA**

Новосибирск

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

**ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

2024. № 4 (выпуск 52)

Научный журнал

Электронное сетевое издание
ISSN 2712-9608

Является продолжением серийного сборника
«Языки коренных народов Сибири»

Новосибирск

ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

2024. № 4 (Вып. 52)

Основан в 1993 г. Периодичность – 4 раза в год. Издаётся на русском и английском языках

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

д-р филол. наук, проф. **Н. Б. Кошкарева** (ИФЛ СО РАН) – главный редактор
д-р филол. наук, проф. **И. Я. Селюткина** (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора
(по разделу «Лингвистика»)
канд. искусствоведения **Г. Е. Солдатова** (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора
(по разделу «Фольклористика»)
канд. филол. наук **А. В. Байыр-оол** (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь
(по разделу «Лингвистика»)
К. В. Жданова (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь
(по разделу «Фольклористика»)

д-р филол. наук, чл.-корр. РАН **А. В. Дыбо** (ИЯз РАН)
канд. искусствоведения, доцент **Н. В. Леонова** (НГК им. М. И. Глинки)
д-р филол. наук **И. А. Невская** (ИФЛ СО РАН)
Ph.D in systematic musicology **А. В. Никольский** (Frontiers Media, Швейцария)
д-р филол. наук **Н. Р. Ойроткинова** (ИФЛ СО РАН)
канд. филол. наук **Т. Р. Рыжикова** (ИФЛ СО РАН)
д-р филол. наук, доцент **В. Н. Соловар** (ОУИПИИР)
д-р филол. наук, проф. **С. Ж. Тажимаева** (Евразийский национальный университет
им. Л. Н. Гумилёва, Казахстан)
канд. филол. наук **Л. Н. Тыбыкова** (ГАГУ)
канд. филол. наук **Е. В. Тюттешева** (ИФЛ СО РАН)
д-р филол. наук, проф. **Л. А. Шамина** (ИФЛ СО РАН)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

д-р филол. наук, проф. **Е. Н. Кузьмина** (ИФЛ СО РАН) – председатель редакционного совета
д-р филол. наук, академик РАН **А. Е. Аникин** (ИФЛ СО РАН)
д-р филол. наук **М. В. Бавуу-Сюрюн** (ТувГУ)
д-р филол. наук, проф. **Ф. Я. Вейсялли** (Азербайджанский университет языков, Азербайджан)
д-р филол. наук, доцент **Л. С. Дампилова** (ИМБТ СО РАН)
д-р филол. наук **Н. И. Данилова** (ИГИИПМНС СО РАН)
д-р филол. наук, академик Академии наук Абхазии **З. Д. Джапуа**
(Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии, Абхазия)
д-р филол. наук **В. Л. Кляус** (ИМЛИ им. А. М. Горького РАН)
д-р искусствоведения, проф. **М. Г. Кондратьев** (ЧГИГН)
д-р филол. наук **М. Олмез** (Стамбульский университет, Турция)
д-р филол. наук, проф. **Е. К. Скрибник** (Мюнхенский университет, Германия)
канд. искусствоведения, доцент **Г. Б. Сыченко** (Международный совет
по традиционной музыке под эгидой ЮНЕСКО (ИСТМ), Италия)
д-р филол. наук **А. Н. Чугунекова** (ИГИСАТ ХГУ им. Н. Ф. Катанова)

ISSN 2712-9608

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, д. 8, Новосибирск, 630090
yaz_fol_sibiri@mail.ru

Официальный сайт сетевого журнала: <https://lang-folk.ru/journals/ykns/index.php>

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN BRANCH
INSTITUTE OF PHILOLOGY

**LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA**

2024 – No. 4 (Issue 52)

Scientific Journal

An online electronic publication
ISSN 2712-9608

A continuation of the collection of scientific articles
“Languages of Indigenous Peoples of Siberia”

Novosibirsk

LANGUAGES AND FOLKLORE OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA
2024. No. 4 (Iss. 52)

Founded in 1993. The Journal is issued four times a year and published in Russian and English

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL BOARD

N. B. Koshkareva, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Editor-in-Chief
I. Ya. Selyutina, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Deputy Editor-in-Chief
G. E. Soldatova, Candidate of Art Studies (Institute of Philology, SB RAS) – Deputy Editor-in-Chief
A. V. Bayyr-ool, Candidate of Philology (Institute of Philology, SB RAS) – Executive Secretary
K. V. Zhdanova (Institute of Philology, SB RAS) – Executive Secretary

A. V. Dybo, Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences
(Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)
N. V. Leonova, Candidate of Art Studies, Docent (M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory)
I. A. Nevskaya, Doctor of Philology (Institute of Philology of the SB RAS)
A. V. Nikolsky, Ph.D in systematic musicology (Frontiers Media, Switzerland)
N. R. Oinotkinova, Doctor of Philology (Institute of Philology of the SB RAS)
T. R. Ryzhikova, Candidate of Philology (Institute of Philology of the SB RAS)
V. N. Solovar, Doctor of Philology, Docent (Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development)
S. Zh. Tazhibaeva, Doctor of Philology, Professor
(L. N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan)
L. N. Tybykova, Candidate of Philology (Gorno-Altai State University)
E. V. Tyuntешеva, Candidate of Philology (Institute of Philology of the SB RAS)
L. A. Shamina, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology of the SB RAS)

EDITORIAL COUNCIL

E. N. Kuzmina, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) –
Head of the Editorial council
A. E. Anikin, Academician of the Russian Academy of Sciences (Institute of Philology of the SB RAS)
M. V. Bavuu-Syuryun, Doctor of Philology (Tuvan State University)
F. Y. Veysalli, Doctor of Philology, Professor (Azerbaijan University of Languages, Azerbaijan)
L. S. Dampilova, Doctor of Philology, Docent
(Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS)
N. I. Danilova, Doctor of Philology
(Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the SB RAS)
Z. D. Dzhapua, Doctor of Philology, Academician of the Academy of Sciences of Abkhazia
(D. I. Gulia Abkhazian Institute for Research in the Humanities, Abkhazia)
V. L. Klyaus, Doctor of Philology (A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS)
M. G. Kondratyev, Doctor of Art Studies, Professor (Chuvash State Institute of Humanities Studies)
M. Olmez, Doctor of Philology (Istanbul University, Turkey)
E. K. Skribnik, Doctor of Philology, Professor (University of Munich, Germany)
G. B. Sychenko, Candidate of Art Studies, Docent
(International Council for Traditional Music (ICTM), Italy)
A. N. Chugunekova, Doctor of Philology
(Institute for Humanities Studies and Sayano-Altay Turkology, N. F. Katanov Khakass State University)

ISSN 2712-9608

Institute of Philology of the SB RAS, Nikolaeva st., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
yaz_fol_sibiri@mail.ru

Official website: <https://lang-folk.ru/journals/ykns/index.php>

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-ЛЕТИЮ М. И. ЧЕРЕМИСИНОЙ

Тажибаева С. Ж.	Научно-педагогическое наследие доктора филологических наук, профессора Майи Ивановны Черемисиной (1924–2013 гг.)	10–21
Шамина Л. А.	Постигая сокровенные тайны языка: вспоминая Майю Ивановну Черемисину	22–31
Запорожченко Г. М.	«Вишневая косточка личности» Майи Ивановны Черемисиной: начало научной карьеры в Новосибирском научном центре. 1960-е гг.	32–48
Ким И. Е.	Вопросы референции в научных исследованиях М. И. Черемисиной	49–56
Каксин А. Д.	Профессор М. И. Черемисина и социолингвистическое исследование языков коренных народов Сибири	57–61
Сравнительные конструкции в языках разных систем		
Горбунова В. А.	Способы выражения сравнительных отношений неравенства в ульчском и других тунгусо-маньчжурских языках	62–73
Крюкова Е. А.	Сравнительные конструкции в кетском языке	74–81
Тазранова А. Р.	Семантика именных компаративных конструкций с лексемой <i>ошкош</i> 'как, такой же, подобный' в алтайском языке	82–97
Фонетика		
Рыжикова Т. Р., Шиндрова К. В., Плотников И. М., Якимец Н. В.	Интонационные и прагматические характеристики диалогической речи барабинцев и чатов	98–113

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Обрядовый фольклор

Никифорова В. С., Романова Е. Н.

Шаманский обряд якутов *Ытык дабатыы* С. А. Зверева в аудиозаписи 1969 г.: текст, интерпретация, семантика 114–123

Песенный фольклор

Анисимов Н. В., Пчеловодова И. В.

Семантика фитонима *сугон* 'лук' в удмуртском песенном фольклоре (на материале коренных и переселенческих локальных традиций) 124–133

Тиرون Е. Л.

Поэтика личных песен коряков-нымыланов на примере творчества Лидии Иннокентьевны Чечулиной 134–148

Федотова Е. В.

Определение понятия «родина» в чувашских рекрутских песнях Сибири и Поволжья 149–161

Этномузыковедение

Солдатова Г. Е.

Обско-угорский бубен: морфология, органофония 162–177

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Шагдурова О. Ю., Тюттешева Е. В., Федина Н. Н., Плотников И. М.

Промысловая лексика теленгитов и чалканцев по данным полевых исследований 2024 г. 178–192

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Высоцкая И. В.

Всероссийская научная конференция с международным участием «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» (к 100-летию доктора филологических наук, профессора М. И. Черемисиной) Новосибирск, 8–12 октября 2024 г. 193–199

ХРОНИКА

Юрию Ильичу Шейкину – 75 лет 200–201

CONTENTS

ON THE 100TH ANNIVERSARY OF MAYA IVANOVNA CHEREMISINA

Tazhibayeva S. Zh.	Scientific and pedagogical heritage of Doctor of Philology, Professor Maya Ivanovna Cheremisina (1924–2013)	10–21
Shamina L. A.	Unveiling the mysteries of language: a tribute to Maya Ivanovna Cheremisina	22–31
Zaporozhchenko G. M.	“The cherry stone of personality” of Maya Ivanovna Cheremisina: the beginning of a scientific career at the Novosibirsk Scientific Center. The 1960s	32–48
Kim I. E.	Problems of reference in the studies conducted by M. I. Cheremisina	49–56
Kaksin A. D.	Professor M. I. Cheremisina and sociolinguistic study of the languages of indigenous peoples of Siberia	57–61
Comparative constructions in languages of various systems		
Gorbunova V. A.	Ways of expressing comparative inequality in the Ulch and other Tungusic languages	62–73
Kryukova E. A.	Comparative constructions in the Ket language	74–81
Tazranova A. R.	Semantics of nominal comparative constructions with the lexeme <i>oshkosh</i> (like, same, similar) in the Altai language	82–97
Phonetics		
Ryzhikova T. R., Shindrova K. V., Plotnikov I. M., Yakimets N. V.	Intonational and pragmatic characteristics of the dialogic speech of Barabians and Chats	98–113

FOLKLORISTICS

Ritual folklore

- Nikiforova V. S., Romanova E. N.**
Yakut shamanic rite *Ytyk dabatyy* by S. A. Zverev in audiorecording of 1969: text, interpretation, semantics 114–123

Song folklore

- Anisimov N. V., Pchelovodova I. V.**
Semantics of the phytonym sugon (onion) in Udmurt song folklore: a case study of indigenous and migrant local traditions 124–133
- Tiron T. L.**
Poetics of Koryak-Nymylan personal songs: a case study of the works by Lydia Innokentievna Chechulina 134–148
- Fedotova E. V.**
Defining the concept of “homeland” in Chuvash recruitment songs from Siberia and the Volga region 149–161

Ethnomusicology

- Soldatova G. E.**
Ob-Ugric drum: morphology, organophony 162–177

FIELD RESEARCH

- Shagdurova O. Yu., Tyuntешеva E. V., Fedina N. N., Plotnikov I. M.**
Hunting and fishing vocabulary of Telengits and Chalkans based on 2024 field research 178–192

SCIENTIFIC MEETINGS AND EVENTS

- Vysotskaya I. V.**
All-Russian scientific conference with international participation "Languages of the peoples of Siberia and adjacent regions" (on the 100th anniversary of the Doctor of Philology, Professor Maya Ivanovna Cheremisina) Novosibirsk, October 8–12, 2024 193–199

CHRONICLE

- Yury Ilyich Sheikin: 75 Years 200–201

К 100-ЛЕТИЮ М. И. ЧЕРЕМИСИНОЙ

Майя Ивановна Черемисина (1924 – 2013)

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52)

Yazyki i Fol'klor Korenykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 4 (iss. 52)

УДК 81'1
DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-10-21

**Научно-педагогическое наследие доктора филологических наук, профессора
Майи Ивановны Черемисиной (1924–2013 гг.)**

С. Ж. Тажибаева

Евразийский Национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Аннотация

М. И. Черемисина – один из крупнейших специалистов по общему языкознанию, языковой типологии и тюркологии, доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, профессор Новосибирского государственного университета, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, глава Новосибирской синтаксической школы. Окончила филологический факультет Московского государственного университета (1947 г.), аспирантуру при Московском государственном педагогическом университете им. В. П. Потемкина. Научная деятельность М. И. Черемисиной связана с решением фундаментальных лингвистических проблем в языках разных типологических систем. Под ее научным руководством защищено 57 диссертаций, в том числе 7 докторских.

Ключевые слова

профессор Майя Ивановна Черемисина, научная деятельность, педагогическая деятельность, общее языкознание, типология, языки разных систем, языки коренных народов Сибири

Для цитирования

Тажибаева С. Ж. Научно-педагогическое наследие доктора филологических наук, профессора Майи Ивановны Черемисиной // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52). С. 10–21. DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-10-21

**Scientific and pedagogical heritage of Doctor of Philology, Professor
Maya Ivanovna Cheremisina (1924–2013)**

Saule Zh. Tazhibayeva

L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Abstract

A prominent figure in general linguistics, language typology, and turkology, Maya Ivanovna Cheremisina (1924–2013) was born in Kiev on September 30, 1924. Her distinguished career included the positions of Doctor of Philology, Professor at Novosibirsk State University, and Honored Scientist of the Russian Federation. After graduating from the Faculty of Philology at Moscow State University in 1947, Maya Ivanovna continued her education by enrolling in a postgraduate program at V.P. Potemkin Moscow State Pedagogical University. Maya Ivanovna began her scientific career by studying figurative language in the satirical prose of M. E. Saltykov-Shchedrin. The dissertation focused on the system of allegories found in the essays titled

© С. Ж. Тажибаева, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 4 (iss. 52)

“Abroad.” Further scientific activity was related to solving fundamental linguistic problems in languages of different typological systems. The scientific and pedagogical achievements of Professor Cheremisina constitute a unique and irreplaceable heritage. Her scientific works are characterized as fundamental research and are widely known among scholars. Maya Ivanovna was the head of the Novosibirsk Syntactic School, which united researchers from the indigenous peoples of Siberia and scholars from Kazakhstan and Central Asia. Her pedagogical contributions were equally fruitful, guiding the defense of 55 dissertations, including six doctoral ones. The scientific and pedagogical contributions of Professor Cheremisina offer promising avenues for future research within the fields of typology and functional linguistics.

Keywords

Maya Ivanovna Cheremisina, scientific activity, pedagogical activity, General Linguistics, Typology, languages of different systems, indigenous people of Siberia

For citation

Tazhibaeva S. Zh. Nauchno-pedagogicheskoe nasledie doktora filologicheskikh nauk, professora Maji Ivanovny Cheremisinoj [Scientific and pedagogical heritage of Doctor of Philology, Professor Maya Ivanovna Cheremisina (1924–2013)] // *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 4, pp. 10–21. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-10-21

Введение

Научный путь ученого всегда интересен, тем более если это не ординарный исследователь, а УЧЕНЫЙ со своим видением научных проблем и путей их решения. Редко у кого из ученых можно встретить такой интерес к своей науке, как у доктора филологических наук, профессора Майи Ивановны Черемисиной: нет таких единиц языка, которые бы она обошла вниманием, нет таких областей в лингвистике, которые были бы ей чужды.

Майя Ивановна Черемисина – известный лингвист, талантливый организатор науки, чья научно-исследовательская и педагогическая деятельность всегда велись параллельно, и в каждой из них она работала с энтузиазмом, большим интересом и любовью.

Научно-педагогическую деятельность после окончания университета и аспирантуры Майя Ивановна начинала в вузах Тулы, Пекина (КНР), Томска. Томский профессор Андрей Петрович Дульзон, знаменитый лингвист-германист и этнограф, специалист по кетскому языку, был одним из первых, кто познакомил Майю Ивановну с исследованиями в области языка и культуры коренных народов Сибири.

С конца 1950-х гг. под Новосибирском стал создаваться уникальный научный центр – Академгородок. Благодаря руководителю центра академику Михаилу Алексеевичу Лаврентьеву Академгородок был известен особым демократическим духом, где царила свобода научного творчества, вдохновения, инновационных идей. Это место стало привлекательным для многих прогрессивно мыслящих ученых.

С 1965 г. научно-педагогическая деятельность М.И. Черемисиной начинается в Академгородке. Она, как и многие ученые, совмещает преподавание в Новосибирском государственном университете (сначала на отделении математической лингвистики, после его закрытия – на отделении филологии, где ей было присуждено ученое звание профессора в 1975 г.) с работой в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР.

Майя Ивановна прошла путь от филолога-русиста в ранних своих работах до лингвиста универсального профиля в исследованиях более позднего периода. Все ее работы отличались оригинальностью и новизной, тщательной проработкой понятийно-терминологического аппарата описания языковых фактов, изяществом научного стиля изложения.

Исследования М. И. Черемисиной в области лексической семантики

В первые годы работы в Академгородке в круг научных интересов Майи Ивановны входило исследование типологии лексических значений, связи семантики лексемы с ее синтаксической функцией, лексической образности, синонимии и референции, структуры и семантики характерологических метафор и других экспрессивных единиц. Майя Ивановна одной из первых обратила внимание на культурную специфику образных средств языка, в частности зооморфных единиц и так называемых «образов множеств». Большое количество работ в этот период было написано Майей Ивановной в соавторстве с Феликсом Абрамовичем Литвиным, профессором Орловского государственного университета, неизменным спутником Майи Ивановны во мно-

гих экспедициях. Экспрессивность, образность, лексическая семантика, пути метафоризации были центральными темами, которые разрабатывались на кафедре общего языкознания НГУ в этот период, этим темам были посвящены конференции, в организации которых самое деятельное участие принимала Майя Ивановна и ее коллеги по кафедре, и прежде всего – доктор филологических наук, профессор Нина Александровна Лукьянова.

Опираясь на теоретико-методологическую базу, разработанную М. И. Черемисиной, были защищены диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук по словарю детской речи (*Захарова А. В.* «Опыт лингвистического анализа словаря детской речи», 1975 г.), по зооморфизмам русского и английского языков (*Рыжкина О. А.* «Системное исследование зооморфизмов в русском языке (в сопоставлении с английским)», 1980 г.).

В дальнейшем вопросы полисемии, синонимии, типологии лексических значений, а также семантической интерференции разрабатывались в диссертациях учеников Майи Ивановны на материале языков Сибири (*Чертыкова М. Д.* «Глаголы говорения в хакасском языке (системно-семантический аспект)», 1996 г.; *Кокошников О. Ю.* «Семантическая структура многозначного глагола в хакасском языке (в сопоставлении с русским)», 2002 г.; *Саналова Б. Б.* «Глаголы интеллектуальной деятельности в алтайском языке (в сопоставительном аспекте)», 2004 г.; *Альчикова О. М.* «Лексико-семантическая группа параметрических имен прилагательных зрительного восприятия в алтайском языке (в сопоставлении с киргизским языком)», 2004 г.; *Добринина А. А.* «Прилагательные современного алтайского языка, обозначающие черты характера человека (в сопоставительном аспекте)», 2006 г.; *Минаева В. П.* «Интерферирующее воздействие русского языка на кетский язык», 1986 г.; *Гальчук Л. М.* «Семантическое освоение русизмов как критерий их заимствованности (на материале алтайского языка)», 1997 г.).

Позднее исследования лексической образности и синтаксической организации тюркских языков не могли не натолкнуть на мысль о необходимости изучить образную и синтаксическую организацию произведений малых жанров – пословиц, поговорок и т. д. Так, одна из учениц Майи Ивановны – Н. Р. Ойноткинова, проанализировав сначала структурно-синтаксические особенности алтайских пословичных и поговорочных текстов, впоследствии выполнила полное исследование лексико- и морфолого-стилистических средств, определивших специфику поэтики этих жанров в фольклоре сибирских тюрков [Ойноткинова 2012].

Доктор филологических наук, профессор О. Н. Лагута с благодарностью вспоминает поддержку М. И. Черемисиной, высказанную ею при обсуждении проекта монографии о метафорах [Лагута 2003]. Как известно, метафоры концептуально тесно связаны со сравнениями, хотя и не тождественны им. От исследования специфики метафорической образности на лексическом уровне в русском и других языках Майя Ивановна закономерно, на наш взгляд, перешла к изучению сравнительных конструкций на синтаксическом уровне.

Исследования М. И. Черемисиной в области синтаксиса русского языка

В докторской диссертации «Сложные сравнительные конструкции русского языка» (1974 г.) Майей Ивановной был предложен универсальный алгоритм исследования синтаксических структур, который впоследствии был успешно применен по отношению к сравнительным конструкциям тюркских языков – алтайского и якутского в диссертациях ее учеников (*Васильев Ю. И.* «Способы выражения сравнения в якутском языке», 1981 г.; *Тыбыкова Л. Н.* «Сравнительные конструкции алтайского языка», 1989 г.), а также реализован в исследованиях многих других урало-алтайских языков.

Помимо этого, внимание ученого привлекали такие, казалось бы, неприметные представители грамматических систем языков, как местоименные по происхождению единицы, используемые в союзных функциях («скрепы»), а также инфинитив, обладающий, как выяснилось при более тщательном изучении, семантической и функциональной емкостью. Инфинитивные конструкции были предметом исследования и университетских коллег Майи Ивановны. В частности, доктор филологических наук, профессор Кирилл Алексеевич Тимофеев, заведовавший в те годы кафедрой общего языкознания НГУ, а до переезда в Академгородок занимавший пост заместителя директора Института языкознания Ленинградского отделения АН СССР, был автором раздела, посвященного инфинитивным односоставным предложениям в академической «Грамматике русского языка» 1960 г.

Научные работы Майи Ивановны в области сложного предложения русского языка дали толчок в дальнейшем многим молодым исследователям развивать и продолжать идеи Учителя. Большое количество диссертаций, выполненных под руководством М. И. Черемисиной, было посвящено русским сложным предложениям с разными показателями связи (*Рудяк С. И.* «Указательные местоимения в сложноподчиненном предложении в связном тексте (к вопросу о лексико-грамматическом статусе указательных местоимений)», 1979 г.; *Бондаренко И. В.* «Союзные инфинитивные конструкции со специфической зависимой частью в современном русском языке», 1982 г.; *Леонтьев А. П.* «Моноsubjектные полипредикативные конструкции современного русского языка (сопоставительное описание структур с дубль-подлежащим и с нулевым подлежащим)», 1982 г.; *Байдуж Л. М.* «Конструкции с союзом *тем более что* и их место в системе средств выражения причинно-следственных отношений (на материале современного русского языка)», 1983 г.; *Перфильева Н. П.* «Уступительно-противительные конструкции с двусторонней связью в современном русском литературном языке», 1984 г.; *Дебрени М.* «Изыяснительные полипредикативные конструкции в русском языке и роль местоимения *то* в них», 1985 г.; *Усова Н. В.* «Противительные конструкции с союзом *но* в современном русском литературном языке (роль союза *но* и сопровождающих его вторичных скреп в формировании и выражении противительных отношений)», 1986 г.; *Мюллер И. Г.* «Семантические конструкции с союзными скрепами типа *для того чтобы*», 1989 г.; *Романовская И. Э.* «Эмотивные конструкции русского языка», 1991 г.).

Своеобразным итогом изучения русского сложного предложения и одновременно теоретическим фундаментом для построения типологии полипредикативных конструкций в языках разных систем стала монография «Очерки по теории сложного предложения» (1987 г.), написанная в соавторстве с близким другом и соратником, доктором филологических наук, профессором Татьяной Андреевной Колосовой, вместе с которой Майя Ивановна опубликовала множество работ по теории сложного предложения [Черемисина, Колосова 1987; и мн. др.].

Научная коллаборация с профессором Е. И. Убрятовой

Типологическая синтаксическая проблематика начинает доминировать в трудах Майи Ивановны с конца 1970-х гг. В формировании научного мировоззрения Майи Ивановны и ее дальнейших исследований грамматического строя урало-алтайских языков большую роль сыграла доктор филологических наук, профессор Елизавета Ивановна Убрятова – крупный тюрколог, синтаксист, основатель якутской диалектологии, которая совместно с коллегами работала над созданием диалектологического атласа тюркских языков СССР. Ею была создана стройная теория простого и сложного предложения якутского языка, основанная на общности средств связи единиц разных уровней; многое было сделано в области исследования происхождения якутского языка и его отношения к тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам. Она разработала теорию происхождения тюркских языков Сибири, в соответствии с которой один из древних тюркских языков (древнетюркский, древнеуйгурский, древнекыргызский) распространялся в иноязычной языковой среде [Широбокова 2006: 3–8].

Майя Ивановна рассказывала, что именно Елизавета Ивановна открыла ей «тайнства» тюркских языков, «вовлекла» в исследование проблем синтаксиса сибирских тюркских языков, грамматический строй которых принципиально отличается от строя индоевропейских языков.

Научная коллаборация Е. И. Убрятовой и М. И. Черемисиной была продуктивной, общие идеи ученых, методы исследования позволили создать всемирно известную Новосибирскую синтаксическую школу в рамках теоретических положений описания синтаксиса сложного и простого предложения языков алтайской, уральской и палеоазиатской языковых семей. Но именно М. И. Черемисина наметила концепцию комплексного сопоставительно-типологического исследования сложного предложения в языках народов Сибири и разработала методику исследования.

Исследование полипредикативного синтаксиса урало-алтайских языков

Продолжая научную традицию Е. И. Убрятовой, Майя Ивановна начинает проводить вместе со своими коллегами и учениками сопоставительно-типологические исследования сложных предложений в языках народов Сибири. Результаты исследований подтвердили гипотезу о том,

что синтаксические механизмы полипредикации в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках имеют глубинное сходство и уникальные для каждого языка черты.

Развивая концепцию Е. И. Убрятовой о предикативном склонении причастий, М. И. Черемисина обратила внимание и на то, что за этим грамматическим механизмом усматривается не просто склонение причастных форм, а склонение всей зависимой предикативной единицы, которое морфологически осуществляется через склонение причастных сказуемых [Черемисина 1979: 40].

Впервые в исследованиях синтаксической группы, которая была сформирована Майей Ивановной при поддержке Е. И. Убрятовой, был описан «алтайский тип» подчинительных конструкций, в которых основную нагрузку в выражении отношений между событиями несут конструкции с зависимым сказуемым, выраженным инфинитивной формой глагола [Черемисина 1979: 40]. Итогом работы научного коллектива стала публикация ряда коллективных монографий, научных статей [Черемисина 2004: 12].

В 1980–2000-х гг. под научным руководством Майи Ивановны аспиранты разрабатывали проблематику сложного предложения в бурятском, якутском, хакасском, тувинском, алтайском, хантыйском, селькупском, нганасанском и др. языках. Итогом исследований стала защита многочисленных кандидатских, а впоследствии и докторских диссертаций: *Скрибник Е. К.* «Способы выражения субъекта в системе зависимой предикации (на материале бурятского языка)», 1980 г.; *Скрибник Е. К.* «Система полипредикативных конструкций с инфинитивными формами глагола в бурятском языке», 1989 г.; *Ефремов Н. Н.* «Сложноподчиненные предложения времени в якутском языке», 1981 г.; *Ефремов Н. Н.* «Полипредикативные конструкции якутского языка: система, структура, семантика», 1999 г.; *Коваленко Н. Н.* «Инфинитивные глагольные формы в системе зависимой предикации (на материале нганасанского языка)», 1984 г.; *Шамина Л. А.* «Структурные и функциональные типы полипредикативных конструкций со значением времени в тувинском языке», 1985 г.; *Шамина Л. А.* «Система бипредикативных конструкций с инфинитивными формами глагола в тюркских языках Южной Сибири», 2004 г.; *Абдуллаев С. Н.* «Темпоральные полипредикативные конструкции уйгурского языка в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири», 1986 г.; *Боргоякова Т. Н.* «Способы выражения временных отношений между двумя событиями в хакасском языке», 1987 г.; *Оюн М. В.* «Определительные конструкции тувинского языка», 1988 г.; *Филистович Т. П.* «Темпоральные конструкции алтайского языка», 1988 г.; *Тажибаева С. Ж.* «Способы выражения причинно-следственных отношений в казахском языке», 1990 г.; *Тажибаева С. Ж.* «Способы выражения каузальных отношений в казахском языке: сопоставительный аспект», 2004; *Кошкарева Н. Б.* «Конструкции с инфинитивными формами глагола в хантыйском языке», 1991 г.; *Ковган Е. В.* «Причастные определительные конструкции в западных диалектах хантыйского языка», 1991 г.; *Мартынова Е. И.* «Состав и синтаксические функции инфинитивных форм селькупского глагола», 1993 г.; *Абумова О. Д.* «Структурная типология тюркских причинно-следственных конструкций и ее семантическая реализация в хакасском языке», 2002 г.

В исследовании, проведенном на примере каузальных полипредикативных предложений казахского языка, полностью подтвердилась гипотеза о предикативном склонении причастий Е. И. Убрятовой, М. И. Черемисиной, а также других сибирских исследователей. В полипредикативных конструкциях казахского языка, выражающих причинно-следственные отношения, четко противопоставляются две подсистемы причастных форм: управляемых и неуправляемых. При этом обращает на себя внимание выявленная в ходе исследования параллель казахского языка с южносибирскими тюркскими языками, обнаруживаемая в системе управляемых причастных форм. Неуправляемые причастно-падежные и причастно-послеложные формы зависимой предикативной единицы казахского языка связаны с доминирующей предикативной единицей отношениями примыкания [Тажибаева 2001].

Итоги исследования вопросов, связанных с предикативным склонением причастий, были систематизированы в коллективных монографиях, тематических сборниках научных статей синтаксической группы сектора языков народов Сибири [Черемисина, Скрибник 1980; Предикативное склонение... 1984; Структурные типы... 1986; Шамина 1987; Скрибник 1988; Бродская 1988; Филистович 1991; Ефремов 1998; Невская 1989; Тажибаева 2001; Тыбыкова А. Т., Тыбыкова Л. Н., Черемисина 2013; и мн. др.]. М. И. Черемисина любила проводить коллективные исследования. Она подчеркивала: «я всегда любила работать в коллективе, в соавторстве, когда

есть возможность в ходе работы обсудить возникающие проблемы, поспорить, обосновать свои мысли или согласиться с доводами коллеги, с которым стоишь на одной платформе» [Черемисина 2014: 10].

Результатом масштабного исследования стало введение в научный оборот ряда терминов, которые широко используются в настоящее время в синтаксических исследованиях далеко за пределами Новосибирской синтаксической школы, например: *полипредикативная конструкция* – родовой термин, который охватывает как собственно сложные предложения с финитными сказуемыми в главной и зависимой частях и аналитическим показателем связи, так и несобственно сложные предложения с инфинитными сказуемым зависимой части и синтетическим (падежным, падежно-послеложным или послеложным) показателем связи; *моносубъектная конструкция* – разновидность несобственно сложных предложений с одним и тем же субъектом в обеих предикативных частях, в противопоставлении *разносубъектным* и *вариативносубъектным* конструкциям; *предикативное склонение причастий* как способ выражения отношений между событиями; *скрепа* как родовой термин, объединяющий все способы связи частей полипредикативных конструкций – аналитические, синтетические и аналитико-синтетические.

Исследование простого предложения урало-алтайских языков

Другим важным направлением в научной деятельности Майи Ивановны была разработка теоретико-методологической базы исследования простого предложения в языках народов Сибири. Майя Ивановна считала, что языковой единицей синтаксического уровня является *элементарное простое предложение* (ЭПП) как простейшая воспроизводимая единица языка, представляющая собой единство плана выражения и плана содержания, которые взаимно обуславливают друг друга. Планом выражения ЭПП служит *структурная схема* – последовательность условных символов, отражающая морфологический способ выражения компонентов, необходимых для реализации соответствующего смысла. План содержания ЭПП представлен типовой *пропозицией*, т. е. «абстракцией, которая соответствует смыслу предложения как знака языка, является обобщением класса однотипно оформляемых конкретных пропозиций» [Черемисина, Скрибник 1996]. Одному ЭПП соответствует одна пропозиция, т. е. ни один член ЭПП не может быть развернут в самостоятельную предикативную единицу. В речи функционирует множество конкретных фраз, как единица языка ЭПП представлено моделью, под которой понимается «метаязыковой знак, отображающий ЭПП как знак языка-объекта, представленный в виде формулы» [Там же]. ЭПП обладает синтаксической *парадигмой*, которая предполагает возможность варьирования по грамматическим категориям модальности, темпоральности, персональности, утвердительности / отрицательности, информативности / императивности / интеррогативности, количественности, аспектуальности, залогу и др. при сохранении тождества самому себе, т. е. при сохранении пропозиции, отношений между компонентами и способа их грамматического выражения.

Фундаментальные идеи Майи Ивановны послужили теоретико-методологической основой для изучения простого предложения в разнотипных языках, были защищены кандидатские и докторские диссертации: *Тыбыкова А. Т.* «Структурно-семантическая характеристика простого предложения в алтайском языке», 1989 г.; *Соловар В. Н.* «Структурно-семантические типы простого предложения казымского диалекта хантыйского языка», 1991 г.; *Соловар В. Н.* «Парадигма простого предложения в хантыйском языке: на материале казымского диалекта», 2011 г.; *Абдуллаев С. Н.* «Структурно-семантические модели простого предложения в современном уйгурском языке (формально-содержательный анализ и вопросы соотносимости с другими синтаксическими единицами)», 1992 г.; *Телякова В. М.* «Простое предложение в шорском языке в сопоставлении с русским», 1994 г.; *Серээдар Н. Ч.* «Основные типы предложений с именным сказуемым в тувинском языке», 1995 г.; *Сагаан Н. Я.* «Система средств выражения пространственных отношений в тувинском языке», 1998 г.; *Невская И. А.* «Типология локативных конструкций в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка)», 1997 г.; *Чугунеева А. Н.* «Глаголы движения и формируемые ими модели простого предложения (на материале хакасского языка)», 1998 г.; *Байжанова Н. Р.* «Базовая структурная схема элементарного простого предложения $N_1 V_f$ в алтайском языке», 1999 г.; *Кошкарева Н. Б.* «Типовые синтаксические структуры и их семантика в уральских языках Сибири», 2007 г.

Благодаря этим исследованиям синтаксический ярус языка предстает как упорядоченная система, формирующаяся обозримым количеством языковых единиц, варьирующих в рамках парадигмы в соответствии с присущим тому или иному языку набором синтаксических категорий.

Морфология глагола в урало-алтайских языках

С моделированием элементарного простого предложения непосредственно связана проблематика, касающаяся морфологии глагола как центрального компонента синтаксических единиц, валентности и парадигматические возможности которого предопределяют границы синтаксического варьирования предложения. Под руководством Майи Ивановны были защищены диссертации, посвященные глагольным категориям алтайского, хантыйского, селькупского, алюторского, шорского, селькупского языков (Алмадакова Н. Д. «Грамматическая категория залога в алтайском языке», 1993 г.; Каксин А. Д. «Категория наклонения в хантыйском языке (формы и функции)», 1994 г.; Мальцева А. А. «Морфология глагола в алюторском языке: финитные формы (с применением методики порядкового членения)», 1994 г.; Михайлова Н. И. «Формы побуждения в шорском языке», 1997 г.; Ильина Л. А. «Эволюция глагольной категории эвиденциальности (системно-диахроническое моделирование на материале селькупского языка)», 2002 г.; Вальгамова С. И. «Глагольное словообразование в хантыйском языке», 2003 г.; Колесникова А. В. «Аффиксальное глаголообразование в алтайском языке (в сопоставлении с древнетюркским языком)», 2004 г.; Кузнецова Н. Г. «Асимметричные явления и развитие селькупской глагольной парадигмы», 1996 г.).

В середине 1990-х гг. Майя Ивановна обращается к теме глагольных аналитических конструкций (в другой терминологии – бивербальные конструкции, сериальные конструкции, аналитические формы сказуемого), которыми так богаты тюркские языки. В 1995 г. выходит основополагающая статья Майи Ивановны, в которой обосновываются критерии выделения аналитических конструкций, определяются основания их классификации с опорой на форму смыслового компонента – деепричастие, причастие, инфинитив, проводится дальнейшая дифференциация по количеству компонентов, типу вспомогательного глагола и т. д. [Черемисина 1995]. В работах ее учеников и последователей исчисляются возможности комбинации разных вспомогательных глаголов с теми или иными грамматическими и семантическими типами лексических компонентов, анализируются многокомпонентные аналитические конструкции и передаваемые ими значения, раскрываются процессы синтеза и грамматикализации (Озонава А. А. Модальные аналитические конструкции алтайского языка», 1999 г.; Тазранова А. Р. «Бивербальные конструкции с бытийными глаголами в алтайском языке (в сопоставительном аспекте)», 2002 г.; Тохнина Э. Т. «Бивербальные конструкции с аспектуальной семантикой недлительности в алтайском языке: в сопоставлении с шорским языком», 2006 г.).

Несмотря на то, что аналитические конструкции являются одной из популярных тем в современной лингвистике, Майе Ивановне удалось не просто систематизировать все разнообразие подобных грамматических форм, но и показать функцию этих конструкций как основного средства выражения предикативных категорий темпоральности, модальности и аспектуальности и тем самым связать их с парадигмой предложения.

Научно-педагогическая коллаборация М. И. Черемисиной с казахстанскими учеными

Основной сферой научных интересов Майи Ивановны в тюркологии был алтайский язык, но ее интересовали и проблемы других тюркских языков Сибири и сопредельных регионов. Так, теоретические взгляды М. И. Черемисиной оказали большое влияние и на развитие казахского синтаксиса. В профессиональной деятельности Майи Ивановны, оказавшей прямое или косвенное влияние на дальнейшее развитие синтаксических исследований в Казахстане, также выделяются два направления: научно-исследовательское и педагогическое.

Майя Ивановна долгие годы поддерживала тесные научные связи с Институтом языкознания АН Казахской ССР (г. Алматы). Тесные научно-педагогические связи были установлены с Усть-Каменогорским педагогическим институтом, где она была научным консультантом соискателей и аспирантов-филологов. Ежегодно Майя Ивановна выезжала в этот вуз для чтения лекций студентам филологического факультета по актуальным проблемам языкознания.

М. И. Черемисина руководила курсовыми и дипломными работами студентов, консультировала молодых преподавателей, проводила семинары для профессорско-преподавательского состава.

Благодаря активной педагогической деятельности Майи Ивановны были подготовлены компетентные специалисты в области казахской и русской филологии. В Новосибирске проходила научную стажировку Ф. Ахметжанова, проводившая научное исследование по сравнительным конструкциям казахского языка, Н. Н. Чайковская, изучавшая проблемы изъяснительных конструкций русского языка.

Синтаксис долгое время оставался одним из слабых участков казахской лингвистики. Теоретическая концепция полипредикативного синтаксиса М. И. Черемисиной стала последовательно развиваться в трудах казахских синтаксистов – доктора филологических наук, профессора Х. М. Есенова [Есенов 1992], доктора филологических наук, профессора Н. Х. Демесиновой [Демесинова 1977] и др.

Казахстанские ученые продолжают проводить исследования в области полипредикативного синтаксиса. В вузовские учебные планы введены элективные курсы по проблемам полипредикативного синтаксиса казахского и русского языков для студентов и магистрантов, подготовлены дипломные работы, магистерские и докторские диссертации. Ни одно серьезное научное исследование в Казахстане не проводится без ссылок на труды М. И. Черемисиной и ее учеников.

Талант организатора

Майя Ивановна является признанной главой научной школы, объединившей исследователей из числа представителей коренных народов Сибири, а также исследователей из Казахстана и Центральной Азии. Научная деятельность Майи Ивановны всегда проходила в тесном контакте с коллегами из научных институтов Алтая, Хакассии, Тувы, Якутии и т. д. Она часто вместе с коллегами и аспирантами выезжала в экспедиции для проведения полевых исследований и документирования языкового материала, а также в вузы – для чтения лекций и проведения авторских спецкурсов.

За годы работы в Институте филологии СО РАН М. И. Черемисиной были подготовлены научно-педагогические кадры по различным направлениям лингвистики. Под ее научным руководством было защищено 57 диссертаций, включая докторские. Исследования проводились по широкому кругу лингвистических проблем на материале разносистемных языков: по алтайскому было подготовлено 7 кандидатов филологических наук, хакасскому – 4, тувинскому – 4, шорскому – 2, якутскому – 2, казахскому – 1, уйгурскому – 1. Ее учениками были защищены диссертации по разным языкам народов Сибири и Дальнего Востока: хантыйскому – 5, селькупскому – 2, кетскому – 1, нганасанскому – 1, алюторскому – 1, а также выполнен ряд работ по русскому, бурятскому и японскому языкам. Такой результат мог показать только специалист и научный руководитель с неординарным видением лингвистических проблем, необыкновенной широтой взглядов на язык как объект исследования, щедро разделявший свои идеи с учениками. Дар ученого у Майи Ивановны сочетался с даром педагога. В настоящее время ее ученики работают по всему миру в ведущих университетах и научных центрах.

Идея подготовки национальных кадров для талантливой молодежи Сибири и их обучение в НГУ реализовалась в 1993 г., когда под руководством М. И. Черемисиной на гуманитарном факультете НГУ была организована кафедра языков и фольклора народов Сибири. Майя Ивановна была избрана первым заведующим этой кафедры. За годы функционирования кафедры было подготовлено 66 специалистов по тюркским языкам, 28 защитили кандидатские диссертации, 2 – докторские диссертации.

Майя Ивановна – яркий пример талантливого лингвиста-первопроходца, не боявшегося системных трудностей всех уровней, открытого к передовому, новому в науке и искренне любившей своих учеников.

Учитель глазами учеников

Майя Ивановна была идеальным научным руководителем. Она много времени уделяла аспирантам и студентам. Несмотря на свою занятость, всегда находила время для консультаций, индивидуальной работы как со студентами, так и с аспирантами и докторантами. Всем, кто работал и учился у Майи Ивановны, необычайно повезло. Каждый раз мы испытывали радость от

общения с ней, от научных и личных контактов. Двери дома Майи Ивановны были всегда открыты для коллег и учеников. У Майи Ивановны было удивительное качество – она с уважением относилась к каждому своему ученику, к его языку и культуре. Она прекрасно знала художественную литературу и творчество писателей, язык которых исследовала. Майя Ивановна была своей в любой культуре: с удовольствием ела якутскую строганину из рыбы, хантыйскую строганину из оленины, с удовольствием пила тувинский чай, любила алтайский талкан и казахские баурсаки. Доброжелательность, внимательное и теплое отношения научного руководителя и членов ее семьи к ученикам позволяла в сложные девяностые годы находить кров в ее квартире, которая была своеобразным перевалочным пунктом для нас, приезжающих из Казахстана, Ханты-Мансийска, Горно-Алтайска, Новокузнецка, Франкфурта и др. городов.

Среди учеников и коллег Майи Ивановны был проведен небольшой ассоциативный эксперимент. Участники эксперимента ответили на два вопроса: «Кем для Вас является Майя Ивановна?», «С кем / чем Вы можете сравнить Майю Ивановну?». Ответы были очень искренними, полными любви и уважения к памяти Учителя. Считаю своим долгом их проиллюстрировать.

Все принимавшие участие в эксперименте со словами благодарности отзываются о научном руководителе:

- «Майя Ивановна является для меня Учителем, ученым, вдохновившим меня на работу в области языкознания. Для меня она еще является родственной душой, относившейся ко мне почти как к внуку: в каком-то смысле она меня баловала»;
- Майя Ивановна – «эталон человечности и мудрости»;
- «Учитель с большой буквы, моральный и научный авторитет, истинный друг и пример во всем. Она была как истинная вторая мама для всех ее учеников – она нас не только учила, но и потчевала, а иногда и у себя селила, выслушивала все наши заботы, давала мудрые советы, оказывала всяческую поддержку»;
- «Майя Ивановна – это идеальный пример Учителя, Человека и Ученого. Быть ее учеником – это честь. Наверное, мы и не такие уж хорошие, трудолюбивые, любознательные..., но Майя Ивановна видела в нас ту струнку, которая вывела на первый план нашу ответственность, ответственность за работу, за себя, за имя и статус»;
- «Для меня наши руководители – Е. И. Убрятова и М. И. Черемисина – образцы настоящих ученых-исследователей, достойных, мужественных людей»;
- «Главным у наших руководителей был высокий профессионализм, эрудиция, преданность науке, любовь к языкам и людям, а также строгость, требовательность, взыскательность по отношению к научной деятельности аспирантов и сотрудников. В секторе был дух коллективизма и открытости. Результаты работы аспирантов и сотрудников раскрывались на семинарах и конференциях, беспристрастно обсуждались всеми участниками. У Майи Ивановны была репутация новатора и смелого мыслителя»;
- «С мнением Майи Ивановны считалась Елизавета Ивановна. Она, внешне не проявляя, очень болела за своих аспирантов, внимательно слушала оценки их работы Майей Ивановной. Действительно, вопросы Майи Ивановны при обсуждении докладов способствовали разработкам направлений в работе»;
- «Майя Ивановна для меня очень близкий, родной и теплый человек с неиссякаемым интересом к жизни и всему живущему»;
- «Человек, Учитель, Светило науки»;
- «Учитель с большой буквы, возможность у нее учиться – огромное счастье»;
- «Учитель, Богом посланный в моей жизни!».

Научного руководителя участники эксперимента сравнивают с солнцем, звездой, с теплым солнечным днем, с белой хризантемой:

- «Майю Ивановну можно сравнить и с Солнцем, и со звездой одновременно. Солнце – тоже звезда, но она близко – и греет нас всех своим теплом. Со звездой – потому что эта звезда для нас – путеводная: она всегда впереди, указывает путь и ведет вперед»;
- «Майя Ивановна – это целый мир, не узнав и не приблизившись к которому, моя жизнь была бы намного беднее и жестче, даже страшно представить...»;
- «По характеру она мне напоминала толстовскую Марию Дмитриевну Ахросимову – сурового, но справедливого, гостеприимного и очень небезразличного друга семьи Ростовых, крестную мать Наташи. Научных крестников у Майи Ивановны было много!»;

- «Ни с кем даже сравнить не могу, она единственная и неповторимая»;
- «Майя Ивановна для меня очень близкий, родной и теплый человек с неиссякаемым интересом к жизни и всему живущему»;
- «Она несравненная! Другого такого человека нет. Но если все же попытаться, то, наверное, с Елизаветой Ивановной Убрятовой, хотя они и очень разные. Их объединяло очень ответственное отношение к науке и истинная человечность, глубокая интеллигентность и принципиальность, строгость и доброта».

Здоровый климат, особая научная и моральная атмосфера как в секторе языков народов Сибири, так и на кафедре общего языкознания НГУ создавали дружеские отношения среди аспирантов. Имея официальных научных руководителей, аспиранты считали себя в равной мере учениками и Елизаветы Ивановны Убрятовой, и Кирилла Алексеевича Тимофеева, и Майи Ивановны Черемисиной.

Научно-педагогическая деятельность доктора филологических наук, профессора Майи Ивановны Черемисиной является ярким примером любви, преданности и служения науке, самоотверженной подготовки высококвалифицированных специалистов. Ученики, коллеги с честью продолжают научные традиции всемирно известной сибирской синтаксической школы профессора Майи Ивановны Черемисиной.

Список литературы

Демесинова Н. Х. Типы сложноподчиненных предложений и вопросы синтаксической синонимии // Сложное предложение в языках разных систем. Новосибирск, 1977. С. 84–91.

Есенов Х. М. Синтаксис осложненного предложения в казахском языке. Алма-Ата, 1992. 206 с.

Ефремов Н. Н. Полипредикативные конструкции в якутском языке. Новосибирск, 1998. 192 с.

Лагута О. Н. Метафорология: теоретические аспекты. В 2-х ч. Новосибирск, 2003. Ч. 1. Метафорология: проникновение в реальность. 500 с. Ч. 2. Лингвометафорология: основные подходы. 208 с.

Ойроткинова Н. Р. Алтайские пословицы и поговорки. Поэтика и прагматика жанров. Новосибирск, 2012. 354 с.

Предикативное склонение причастий в алтайских языках. Новосибирск: Наука, 1984. 192 с.

Скрибник Е. К. Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке. Новосибирск: Наука, 1988. 197 с.

Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск: Наука, 1986. 319 с.

Тажобаева С. Ж. Каузальные полипредикативные конструкции казахского языка. Новосибирск, 2001. 271 с.

Убрятова Е. И. Исследование по синтаксису якутского языка. Сложное предложение. Новосибирск: Наука, 1976. 214 с.

Филистович Т. П. Темпоральные полипредикативные конструкции алтайского языка (в сопоставлении с тувинским и хакасским). Новосибирск, 1991. 170 с.

Черемисина М. И. О перспективах и первых результатах коллективного сопоставительно-типологического исследования сложного предложения в языках разных систем // Способы выражения полипредикативности. Новосибирск, 1978. С. 3–8.

Черемисина М. И. Некоторые вопросы теории сложного предложения в языках разных систем. Новосибирск, 1979. 82 с.

Черемисина М. И. Моносубъектные конструкции: понятие и типология // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск: Наука, 1980. С. 6–33.

Черемисина М. И. Основные типы аналитических конструкций сказуемого в тюркских языках Южной Сибири // Языки коренных народов Сибири. Вып. 2. Новосибирск, 1995. С. 3–22.

Черемисина М. И. Автобиография // Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. С. 8–13.

Черемисина М. И. О теоретических вопросах модельного описания предложений // Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. С. 395–405.

Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по синтаксису сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 197 с.

Черемисина М. И., Скрибник Е. К. Опыт формального описания причастно-последовательных конструкций бурятского языка // Подчинение в полипредикативных конструкциях. Новосибирск: Наука, 1980. С. 38–76.

Черемисина М. И., Скрибник Е. К. О системе моделей элементарных простых предложений в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 4. С. 46–57.

Шамина Л. А. Временные полипредикативные конструкции тувинского языка. Новосибирск, 1987. 140 с.

Широбокова Н. Н. Елизавета Ивановна Убрятова // Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. Новосибирск: Наука, 2006. С. 3–8.

References

Cheremisina M. I. Avtobiografiya [Autobiography]. In: *Teoreticheskie problemy sintaksisa i leksikologii yazykov raznykh sistem* [Theoretical problems of syntax and lexicology of languages of different systems]. Novosibirsk, Nauka, 2004, pp. 8–13. (In Russ.)

Cheremisina M. I. Osnovnye tipy analiticheskikh konstruktсий skazuemogo v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri [Main types of analytical constructions of the predicate in the Turkic languages of Southern Siberia]. *Languages of the indigenous peoples of Siberia*, 1995, iss. 2, pp. 3–22. (In Russ.)

Cheremisina M. I., Kolosova T. A. *Oчерки по синтаксису сложного предложения* [Essays on the syntax of a complex sentence]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 197 p. (In Russ.)

Cheremisina M. I. Monosub’ektnye konstruktсии: ponyatie i tipologiya [Same-subject constructions: concept and typology]. In: *Polipredikativnye konstruktсии i ikh morfologicheskaya baza* [Polypredicative constructions and their morphological basis]. Novosibirsk, Nauka, 1980, pp. 6–33. (In Russ.)

Cheremisina M. I. *Nekotorye voprosy teorii slozhnogo predlozheniya v yazykakh raznykh sistem* [Some questions of the theory of complex sentences in languages of different systems]. Novosibirsk, 1979, 82 p. (In Russ.)

Cheremisina M. I. *O perspektivakh i pervykh rezul’tatakh kollektivnogo sopostavitel’no-tipologicheskogo issledovaniya slozhnogo predlozheniya v yazykakh raznykh sistem* [On the prospects and first results of a collective comparative-typological study of a complex sentence in languages of different systems]. In: *Sposoby vyrazheniya polipredikativnosti* [Methods of expressing polypredicativity]. Novosibirsk, 1978, pp. 3–8. (In Russ.)

Cheremisina M. I. O teoreticheskikh voprosakh model’nogo opisaniya predlozheniy [On theoretical issues of model description of sentences]. In: *Teoreticheskie problemy sintaksisa i leksikologii yazykov raznykh sistem* [Theoretical problems of syntax and lexicology of languages of different systems]. Novosibirsk, Nauka, 2004, pp. 395–405. (In Russ.)

Cheremisina M. I., Skribnik E. K. Opyt formal’nogo opisaniya prichastno-poslelozhnykh konstruktсий buryatskogo yazyka [An experience of formal description of participial-postpositional constructions of the Buryat language]. In: *Podchinenie v polipredikativnykh konstruktсийakh* [Subordination in polypredicative constructions]. Novosibirsk, Nauka, 1980, pp. 38–76. (In Russ.)

Demesinova N. H. Tipy slozhnopodchinennykh predlozheniy i voprosy sintaksicheskoy sinonimii [Types of complex sentences and issues of syntactic synonymy]. In: *Slozhnoe predlozhenie v yazykakh raznykh sistem* [Complex sentence in languages of different systems]. Novosibirsk, 1977, pp. 84–91. (In Russ.)

Efremov N. N. *Polipredikativnye konstruktсии v yakutskom yazyke* [Polypredicative constructions in the Yakut language]. Novosibirsk, 1998, 192 p. (In Russ.)

Esenov H. M. *Sintaksis oslozhnennogo predlozheniya v kazakhskom yazyke* [Syntax of a complex sentence in the Kazakh language]. Alma-Ata, 1992, 206 p. (In Russ.)

Filistovich T. P. *Temporal'nye polipredikativnye konstruksii altayskogo yazyka (v sopostavlenii s tuvinskim i khakasskim)* [Temporal polypredicative constructions of the Altai language in comparison with Tuvan and Khakass]. Novosibirsk, 1991, 170 p. (In Russ.)

Laguta O. N. *Metaforologiya: teoreticheskie aspekty. V 2-kh ch.* [Metaphorology: theoretical aspects. In 2 pts.]. Novosibirsk, 2003. Pt. 1: Metaforologiya: proniknovenie v real'nost' [Metaphorology: penetration into reality]. 500 p.; Pt. 2: Lingvometamorologiya: osnovnye podkhody [Linguometaphorology: basic approaches]. 208 p. (In Russ.)

Oynotkinova N. R. *Altayskie poslovitsy i pogovorki. Poetika i pragmatika zhanrov* [Altai proverbs and sayings. Poetics and pragmatics of genres]. Novosibirsk, 2012, 354 p. (In Russ.)

Predikativnoe sklonenie prichastiy v altayskikh yazykakh [Predicative declension of participles in the Altai languages]. Novosibirsk, Nauka, 1984, 192 p. (In Russ.)

Shamina L. A. *Vremennye polipredikativnye konstruksii tuvinskogo yazyka* [Temporal polypredicative constructions of the Tuvan language]. Novosibirsk, 1987, 140 p. (In Russ.)

Shirobokova N. N. Elizaveta Ivanovna Ubryatova. In: Ubryatova E. I. *Issledovaniya po sintaksisu yakutskogo yazyka* [Research on the syntax of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2006, pp. 3–8. (In Russ.)

Skribnik E. K. *Polipredikativnye sinteticheskie predlozheniya v buryatskom yazyke* [Polypredicative synthetic sentences in the Buryat language]. Novosibirsk, Nauka, 1988, 197 p. (In Russ.)

Strukturnye tipy sinteticheskikh polipredikativnykh konstruksiy v yazykakh raznykh sistem [Structural types of synthetic semi-predicative constructions in languages of different systems]. Novosibirsk, Nauka, 1986, 319 p. (In Russ.)

Tazhibaeva S. Zh. *Kauzal'nye polipredikativnye konstruksii kazakhskogo yazyka* [Causal polypredicative constructions of the Kazakh language]. Novosibirsk, 2001, 271 p. (In Russ.)

Ubryatova E. I. *Issledovanie po sintaksisu yakutskogo yazyka. Slozhnoe predlozhenie* [Research on the syntax of the Yakut language. Complex sentence]. Novosibirsk, Nauka, 1976, 214 p. (In Russ.)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
29.10.2024*

Сведения об авторе

Сауле Жаксылыкбаевна Тажубаева – доктор филологических наук, профессор, Евразийский Национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

E-mail: tazhibaeva_szh@enu.kz

ORCID 0000-0002-5655-8391

Information about the Author

Saule Zhaksylykbayevna Tazhibayeva – Doctor of Philology, Associate Professor, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

E-mail: tazhibaeva_szh@enu.kz

ORCID 0000-0002-5655-8391

УДК 811.512.156 + 81'366.55 + 81'366.54
DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-22-31

**Постигая сокровенные тайны языка:
вспоминая Майю Ивановну Черемисину**

Л. А. Шамина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

30 сентября 2024 г. исполнилось 100 лет со дня рождения видного российского ученого, доктора филологических наук, профессора Майи Ивановны Черемисиной. Статья посвящена воспоминаниям о совместной работе, конференциях, экспедициях и рядовым событиям, в которых автору довелось участвовать вместе с М. И. Черемисиной. По инициативе М. И. Черемисиной был осуществлен ряд экспедиций в районы Сибири и Дальнего Востока. Под ее редакцией вышли в свет многочисленные сборники и ряд монографий – коллективных и авторских, посвященных урало-алтайским языкам Сибири. Мысль Е. И. Убрятовой о том, что для установления связей как между словами, так и между единицами более высоких языковых уровней – словосочетаниями и предложениями – в тюркских языках используются одни и те же языковые средства, получила дальнейшее развитие в трудах М. И. Черемисиной и ее учеников. Статья сопровождается фотографиями с мест полевых исследований, конференций и др.

Ключевые слова

Майя Ивановна Черемисина, языки Сибири, синтаксические связи, словосочетание, предложение, экспедиция, сказуемое, сравнительные конструкции

Для цитирования

Шамина Л. А. Постигаая сокровенные тайны языка: вспоминая Майю Ивановну Черемисину // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52). С. 22–31. DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-22-31

**Unveiling the mysteries of language:
a tribute to Maya Ivanovna Cheremisina**

L. A. Shamina

Institute of Philology of the Siberian Branch RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

A significant milestone for the scientific community was reached on September 30, 2024, marking the one hundredth anniversary of the birth of the distinguished Russian scientist, Doctor of Philology, Professor Maya Ivanovna Cheremisina. This article pays tribute to the memories and experiences shared by the author during the collaborative work, conferences, expeditions, and even ordinary events with Maya Ivanovna. Of particular note in the article is the proactive role of Maya Ivanovna in conducting a series of expeditions throughout Siberia and the Far East. These expeditions, under her expert guidance, yielded invaluable insights and information. As a result, numerous collections and monographs were published, both collective

© Л. А. Шамина, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 4 (iss. 52)

and authored, shedding light on the current state of the Altai languages in Siberia. Furthermore, the article acknowledges the contributions made by Maya Ivanovna and her students in developing the field of linguistics. Specifically, it mentions the work of E. I. Ubryatova, who asserted that Turkic languages utilize similar linguistic methods to establish connections between words and higher language units like phrases and sentences. Building upon this idea, Maya Ivanovna and her students expanded and refined the concept in their subsequent works. To enhance the understanding and appreciation of these remarkable achievements, the article provides a collection of photographs capturing moments from the field research, conferences, and other related events. This article commemorates the centennial of the birth of Maya Ivanovna, summarizing her impactful career and significant contributions to linguistics and scientific exploration.

Keywords

Maya Ivanovna Cheremisina, languages of Siberia, syntactic connections, phrase, sentence, expedition, predicate, comparative constructions

For citation

Shamina L. A. Postigaya sokrovennye tayny yazyka: vspominaya Mayyu Ivanovnu Cheremisinu [Unveiling the mysteries of language: a tribute to Maya Ivanovna Cheremisina]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 4 (iss. 52), pp. 22–31. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-22-31

До знакомства

После защиты докторской диссертации «Сложные сравнительные конструкции русского языка» (1973 г.) и книги, изданной на ее основе (1976 г.), Майя Ивановна как бы подвела черту под исследованиями в разных областях русистики.

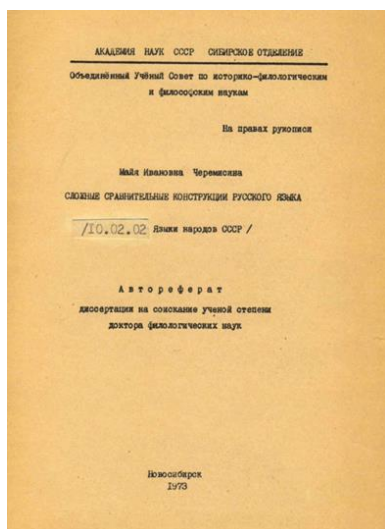

Рис. 1. М. И. Черемисина. Сравнительные конструкции русского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 1973. 36 с.

Рис. 2. Оппонент – д-р филол. наук, профессор МГУ В. А. Белошапкова

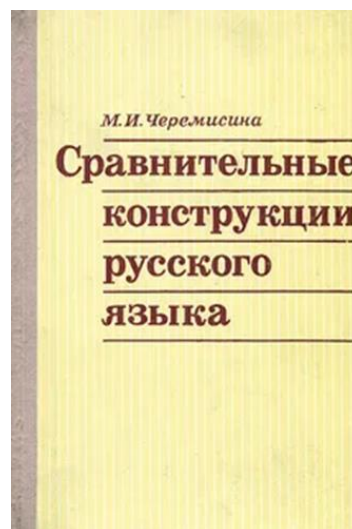

Рис. 3. М. И. Черемисина. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск: Наука, 1976. 270 с.

Когда Майя Ивановна пришла в Институт истории, филологии и философии СО АН СССР (ИИФиФ СО АН СССР), там уже работала Лилия Михайловна Горелова, защитившая диссертацию по эвенкийскому языку. Майя Ивановна предложила ей заниматься синтаксисом сложного предложения в эвенкийском языке в составе синтаксической группы, которую Майя Ивановна еще только планировала организовать.

Как студентка я с Майей Ивановной не контактировала: я училась в японской группе, а Майе Ивановне я просто сдала экзамен по общему языкознанию, и после экзамена, в 1976 г., моя однокурсница порекомендовала меня Майе Ивановне в качестве помощницы в работе с библиотекой, картотекой и прочими бумажными делами.

Позднее другая моя однокурсница в воспоминаниях об университете напишет: «После университета Люда работала с одной из самых знаменитых лингвисток, очень уважаемой дамой, чей ум

и знания были безупречны и о работе с которой многие мечтали...» [Доморослая 2018: 251]. Такой вот отзыв бывшей студентки и ответ на вопрос, который Майя Ивановна адресовала самой себе: «А интересно бывает узнать про себя – какое ты производил тогда впечатление...» [Черемисина 2020: 417].

Синтаксические исследования в ИИФиФ СО РАН

В институте (1976 г.) я застала конец лексикологических исследований. При мне еще собирался последний сборник по лексикологии.

Начало синтаксическим исследованиям в ИИФиФ СО АН СССР положила монография Е. И. Убрятовой «Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение» (1976 г.).

Рис. 4. Елизавета Ивановна Убрятова (1907–1990), зав. отделом филологии ИИФиФ СО АН СССР

Рис. 5. Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение. Книга первая. Новосибирск: Наука, 1976. 216 с.

Монографию Е. И. Убрятовой Майя Ивановна читала в рукописи и говорила, что это было очень трудно, но интересно. Всю рукопись она прочитала трижды, а некоторые места еще и по нескольку раз, стараясь вникнуть одновременно и в сам язык, значительно отличающийся от других тюркских, с которыми она еще не была близко знакома, и в ход мыслей Елизаветы Ивановны. Рукопись была вся в вопросах, комментариях Майи Ивановны. Пробралась Майя Ивановна через сложности якутского языка!

Майя Ивановна, пожалуй, первый человек, по достоинству оценивший этот фундаментальный труд, написанный в нетрадиционном ключе, что было обусловлено необычным строем якутского языка: для описания подобной грамматической системы шаблонов в то время не существовало. Майя Ивановна написала рецензию в журнал «Советская тюркология», но она не была опубликована: Майю Ивановну упрекнули в том, что она не знает русский язык и в синтаксисе заплутала, что, разумеется, было не так. Елизавета Ивановна, пытаясь успокоить Майю Ивановну, говорила, что все эти претензии направлены против нее (какие-то шероховатости в отношениях с редколлегией журнала «Советская тюркология»). Естественно, Майя Ивановна рецензию по их требованию не исправила и в печать не передала – там ведь надо было менять весь синтаксис Е. И. Убрятовой. Да и разве можно представить Майю Ивановну прогнувшейся под чье-либо мнение, да еще и странное! Посмеялись и забыли об этом. Кстати сказать, на бюро Комитета советских тюркологов в г. Нальчик в апреле 1986 г. мы были приглашены все: Е. И. Убрятова, М. И. Черемисина, Е. К. Скрибник, Л. А. Шамина, Н. Н. Широкова – вся синтаксическая группа, думаю, стараниями Е. И. Убрятовой, конечно же.

Основные положения работы Е. И. Убрятовой легли в основу концепции авторского коллектива под руководством М. И. Черемисиной. Майя Ивановна писала, что рукопись

Е. И. Убрятовой позволила ей по-новому «увидеть проблему сложного предложения в его отношении к простому», поставила целый ряд новых и интересных задач. Проблемы синтаксиса языков Сибири оказались «несравненно крупнее и важнее по сравнению с тем, чем я могла бы заняться в русистике» [Черемисина 2020: 422].

Вокруг Майи Ивановны, вокруг сборников, которые она собирала и редактировала, толпились и аспиранты-русисты, и аспиранты-сибиреведы, защитившие впоследствии кандидатские и докторские диссертации. Мы собирались у Майи Ивановны по средам, переводили примеры, разбирались с грамматикой, учили свои языки, приносили свои перфокарточки с примерами, выискивали грамматические формы, расписывали, расспрашивали, пытались осмыслить и понять, что же за ними стоит. Формировались вопросы анкеты по синтаксису для экспедиции. Результаты «посиделок» по средам публиковались в многочисленных сборниках, готовился вопросник для анкет. С Майей Ивановной было интересно, умно. Она интересно думала и стимулировала этот процесс в головах окружавших ее людей – студентов, аспирантов, коллег.

Рис. 6. Л. А. Шамина и М. И. Черемисина

Всех в этом доме кормили. Вкусно! Лепешки, которые пекла Майя Ивановна, думаю, помнят все, кто хоть один раз побывал у нее в гостях! На этой фотографии (рис. 6) другая кухня и другая квартира, которую я «выбила», будучи председателем жилищной комиссии ИИФиФ СО АН СССР. Конечно, балльная система подсчета результатов трудовой деятельности сыграла свою положительную роль. Для постановки в очередь на улучшение жилищных условий в жилищную комиссию месткома института по баллам М. И. Черемисина была, естественно, впереди всех претендентов объединенного института. Ее никак не могли отодвинуть на задний план, хотя старались очень.

Майя Ивановна никогда не боялась, что «идею украдут»: щедро делилась идеями направо и налево. Да и не только за научные идеи не боялась, но и за квартиру свою на Морском 19 на 4-м этаже тоже не боялась, оставляла ее открытой. Прихожу я рано утром, а Майе Ивановне надо было срочно уйти до моего прихода. В двери записка: «Людочка, ключ ↓ (стрелка вниз), под ковриком у двери».

Майя Ивановна никогда не боялась, что «идею украдут»: щедро делилась идеями

Майя Ивановна «распределяла» сибирские языки, которыми люди занимались потом всю жизнь. Мне было сказано: «Вот Вам тувинский, изучайте!».

С М. И. Черемисиной консультировались преподаватели кафедры иностранных языков нашего института, различных вузов Новосибирска и других городов Сибири – ставка делалась на них, будущих исследователей полипредикативного синтаксиса. Вот весь этот народ со своими первыми результатами составил костяк нашей первой конференции (рис. 7). Так происходил поворот в сторону языков Сибири.

Позднее, в книге «Мои воспоминания» Майя Ивановна напишет: «В рамках русистики мне было тесно. Я никогда не пожалела о том повороте своих интересов, к которому подтолкнула меня Елизавета Ивановна Убрятова, открывшая мне так мало распаханное еще поле исследований» [Черемисина 2020: 415].

Первая наша конференция состоялась в 1978 г. К ней мы подошли в таком составе: из института три человека (М. И. Черемисина, Л. М. Горелова, Л. А. Шамина) плюс аспиранты – приезжие (Н. Н. Ефремов, Ю. И. Васильев – Якутск, Т. Н. Боргоякова – Хакасия) и местные (С. И. Рудяк, Н. В. Усова – Новосибирск), в их числе Е. К. Скрибник – аспирантка НГУ (рис. 7), а также М. Д. Симонов, активно примкнувший к синтаксическим студиям сотрудник нашего отдела. Среди участников Т. А. Колосова – профессор Воронежского университета. С ней первой наш институт в лице М. И. Черемисиной заключил Договор о сотрудничестве, которое

продолжалось до конца жизни, как и сотрудничество с неизменным участником наших шести экспедиций – профессором Орловского педагогического института Ф. А. Литвиным.

Рис. 7. Участники I-й синтаксической конференции (1978 г., Новосибирск)

с их пор перед глазами. Эмоции мои зашкаливали от гордости за Майю Ивановну, за такую высокую оценку работы, которую проделал наш коллектив!

Именно на этой конференции (в старом здании на Морском проспекте – бывший райком КПСС) Е. И. Убрятова в прениях после докладов, вероятно, впечатлившись объемом проделанной работы, количеством докладов по языкам Сибири, сказала: «Благословен тот день и час, когда мы с Владимиром Михайловичем Надеяевым повернули Майю Ивановну с пути русистики в сибиреведение». Идет Елизавета Ивановна по проходу зала к трибуне и говорит эти слова. Живая картинка до

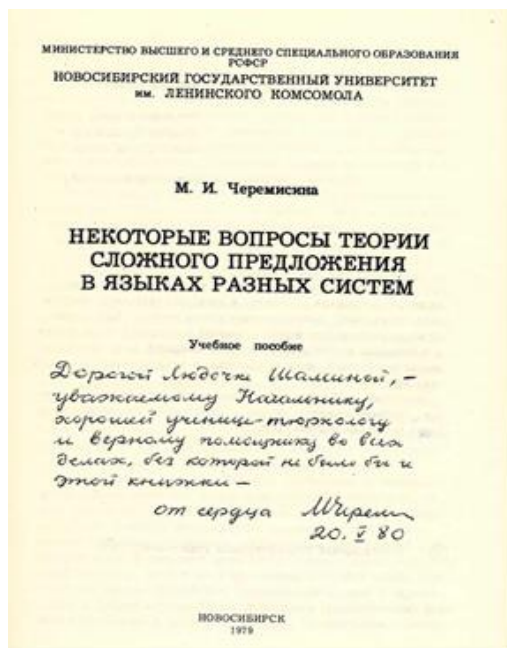

Рис. 7. Черемисина М. И. Некоторые вопросы теории сложного предложения в языках разных систем. Учебное пособие. НГУ, 1979. 83 с.

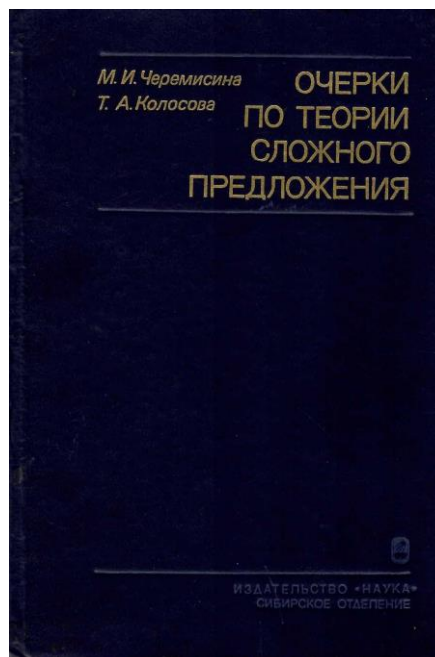

Рис. 8. Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 200 с.

Исследование предикативного склонения в якутском, одном из сибирских тюркских языков, наметило перспективу исследования этого синтаксического механизма в других типологически сходных с ним языках. Конкретные работы в этом направлении показали, что механизм полипредикации действительно является принципиально единым для всех тюркских языков и, шире, языков урало-алтайской типологической общности. Об этом Майя Ивановна написала сразу

после первых поездок сначала в Бурятию с Е. К. Скрибник и М. Д. Симоновым, затем нашей с ней поездки в Туву (весной – в командировку, в июле – в экспедицию) в своей самой первой монографии «Некоторые вопросы теории сложного предложения в языках разных систем» (рис. 8) – небольшой брошюры, но с большими мыслями. Со дня ее выхода в 1979 г. прошло 45 лет – еще один небольшой юбилей. Я горжусь дарственными надписями на статьях и книгах, которые Майя Ивановна мне презентовала. В них не просто формальная отписка, а глубокий смысл и определенный итог прошедшего этапа исследований, жизни...

От Абакана до Эрзина

И 45 лет прошло со дня нашей первой экспедиции! 45 лет назад вышла первая заметка о синтаксической лингвистической экспедиции в Сибири: «Около трех недель лингвистический отряд Северо-Азиатской экспедиции Сибирского отделения Академии наук работал в Курумканском районе, где в течение длительного времени живут и работают на одной земле буряты, эвенки, русские» (рис. 9).

Рис. 9. Статья о первой экспедиции «Постигая сокровенные тайны языка» в газете «Огни Курумкана» 07.08.1979 г.

В составе нашего отряда в первой экспедиции была Милена (ближайшая помощница Т. И. Заславской в экспедициях). Татьяна Ивановна презентовала ее в помощь мне – начальнику отряда, впервые выехавшему в поле. Милена научила нас, как проявлять себя в поселках, куда мы приезжали (прилетали). Надо сказать, что с ее помощью я сдавала финансовый отчет В. С. Сковороде по первому предъявлению (старшее поколение знает, какой строгий и придирчивый был тогда главбух в ИИФиФ СО АН СССР!).

По приезде, осмотревшись вокруг, увидев здание с красным флагом, сразу шли туда: там находилась местная власть. Предъявляли письмо-сопровождение из нашего института за подписью академика А. П. Окладникова: кто мы, откуда и зачем, с просьбой оказать содействие ученым. Встречали нас приветливо, с уважением. В сельском совете нам называли имена людей, которые знают язык, могут нам помочь. Ходили по дворам, раздавали анкеты, приглашали к себе, записывали на магнитофон.

Думаю, впереди нас шла также и информация от республиканских институтов: ТувНИИЯ-ЛИ, ХакНИИЯЛИ, ГАНИИЯЛИ (мы прежде всего представлялись в местных НИИ). Вот один пример: едем мы в Онгудай на автобусе, вдруг перед ним тормозит машина, автобус останавливается, из машины выходит Александра Тайбановна Тыбыкова, требуя открыть дверь автобуса, входит в автобус и на чистом алтайском языке объясняет пассажирам, КТО с ними едет и ЧТО с нами надо делать, КАК помогать ученым!

Что касается экспедиционного быта, то это интернат во время ремонта и запах краски, который я до сих пор ощущаю, отсутствие пола, удобства во дворе и пр. Лето, ремонт. Хорошо, что это было. И бесплатно. Питание – как повезет. Помню, приехали поздно вечером в село. Магазин открыт, но в нем, кроме салата, кажется, «Балкантон» в банках, ничего не было. Хлеба тоже. Острая до жути закуска венгерского производства. Ели... Куда деваться!

В наших самых первых экспедициях активно обсуждались различные вопросы – и когда разносили анкеты информантам, и за общим столом, когда анализировали полученные анкеты (рис. 10, 11).

Рис. 10. Обложка папки с анкетами по тувинскому языку

Рис. 11. Фрагмент анкеты по тувинскому языку

Майя Ивановна была неутомима. Анализировала карточки с примерами в любой удобной ситуации, например, сидя на пенёчке (рис. 12). Когда в Хабаровском крае в с. Троицком мы встретили отряд наших коллег и я услышала, что в их план работы входит «отдых», то очень удивилась! Мы тоже отдыхали, когда «покоряли» горки и холмики, знакомились с местностью. Впереди всегда была Майя Ивановна (рис. 13). А после прогулок – работа, разбор примеров в анкетах, которые мы получили от информантов.

Рис. 12. М. И. Черемисина во время экспедиции в Хакасии, 1982 г.

Рис. 13. Во время экспедиции в Туве, 1980 г.

В активном поиске алтайского типа подчинительных конструкций нами было совершено шесть экспедиций в разные районы Сибири. На карте Тувы я объединила все точки – места, где мы работали. Получился вот такой «экспедиционный самолет», хвостом тянется от Абакана через Минусинск до Кызыла – Тээли до Эрзина (рис. 14).

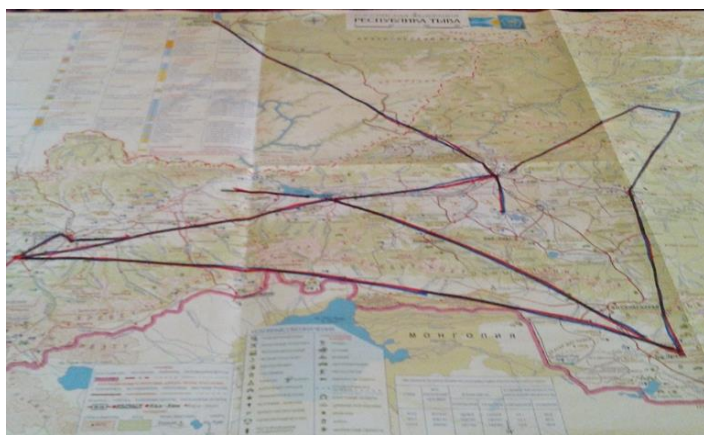

Рис. 14. Карта Тувы с маршрутами экспедиций

В промежутках между поездками в Туву были и другие экспедиции: на Алтай, в Хакасию, в Ханты-Мансийск, в Нанайский р-н Хабаровского края. График был плотный. Практически каждый год по новому языку. Экспедиции Майя Ивановна любила. Людей (информантов), с которыми мы встречались, очень уважала и ценила. В рассказах Майи Ивановны об экспедициях и информантах есть все: любовь и уважение к информантам, к работе, поездкам, местам. Улыбка не сходила с ее лица!

Любовь была взаимная: Доруг-оол Алдын-оолович Монгуш, известный лингвист, заслуженный деятель науки Тувинской АССР, народный учитель Республики Тыва, всю ночь печатал нам анкету на машинке, чтобы успеть до отлета самолета в Новосибирск (где-то в 6 утра)! Потом его жена Регина Рафаиловна слегка нас пожурела: загрузили человека!

Первые результаты полевых исследований нашли отражение в многочисленных сборниках, издаваемых группой М. И. Черемисиной (рис. 15, 16), и двух коллективных монографиях – «зеленой» и «серой» (рис. 17, 18).

Рис. 15. Полипредикативные конструкции и их морфологическая база (на материале сибирских и европейских языков). Новосибирск: Наука, 1980.

Рис. 16. Подчинение в полипредикативных конструкциях. Новосибирск: Наука, 1980.

Рис. 17. Черемисина М. И., Бродская Л. М., Горелова Л. М. и др. Предикативное склонение причастий в алтайских языках. Новосибирск: Наука, 1984. 192 с.

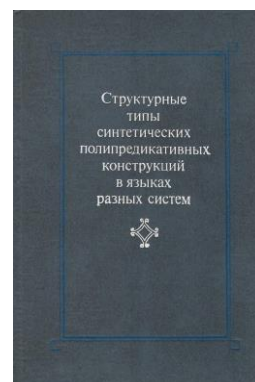

Рис. 18. Черемисина М. И., Бродская Л. М., Скрибник Е. К. и др. Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск: Наука, 1986. 316 с.

Процесс подготовки и написания «зеленой» монографии тоже незабываемая страница. Коллектив авторов присылал свои материалы (машинописные!). Объем статей, интервал, кегль мы оговаривали, чтобы меньше перепечатывать для сдачи черновика в издательство «Наука». Статьи читала Майя Ивановна, редактировала, если требовалось. А требовалось, конечно! Ну и если текст после читки Майи Ивановны можно было положить в папку для издательства, то и слава Богу! Печатать ведь МНЕ!! Один из наших соавторов, Л. М. Бродская, никогда не выдерживала интервал – чтобы побольше текста вошло на указанный объем страниц. После редакции Майи Ивановны текст надо было обязательно перепечатывать: загущение было некоторое. Ее статьи отдавали на перепечатку З. Д. Московской – ворчала очень!

К итогам

Идея Е. И. Убрятовой о том, что для установления связей между словами и между единицами более высоких языковых уровней, а именно словосочетаниями и предложениями, тюркские языки используют одни и те же языковые средства, нашла у Майи Ивановны не только глубокое понимание, но и получила дальнейшее развитие. Так называемый «алтайский тип» подчинительных конструкций стимулировал возможность взглянуть на устройство синтаксиса сложных конструкций в европейских языках под другим углом зрения.

Коллектив ученых, руководимый профессором М. И. Черемисиной, поставил и решил задачу выявления и описания ведущих принципов организации полипредикативных конструкций в агглютинативных сибирских языках. В коллективных и индивидуальных исследованиях прослежено, как преломляются на уровне сложного предложения общие закономерности их грамматического строя, выявлены структурные и функциональные типы сложных предложений в отдельных языках, сопоставлены полученные результаты, а также соотнесены с результатами исследований по сложному предложению русского как флективного языка.

Результаты исследования, изложенные в двух коллективных монографиях («зеленой» и «серой»), дают теоретический комментарий-обоснование, в которых выделено ядро системы и показаны основания, в силу которых оно выделяется именно так. Описаны основные, важнейшие

системные связи между выявленными моделями, охарактеризованы функционально-семантические типы полипредикативных конструкций.

В трудах М. И. Черемисиной затронуто много разнообразных лингвистических проблем. Простота и доступность изложения отличают научный стиль Майи Ивановны. В ее книгах, статьях можно найти проблемы, которые еще не охвачены вниманием исследователей. Так, например, разработанная ею типология зависимых сказуемых в составе полипредикативных конструкций языков коренных народов Сибири применима не только к сибирским языкам, хотя и в них еще есть нерешенные проблемы. Так, среди аналитических конструкций сказуемого в языках Сибири М. И. Черемисина выделяла модально-компаративные. Этот пласт еще никак не изучен на материале сибирских языков. Да и много чего интересного можно найти в трудах Майи Ивановны, оставившей ученикам и последователям ориентиры в увлекательный и сложный мир лингвистической науки!

Этот год юбилейный во всех смыслах: 45 лет первой книге Майи Ивановны о синтаксисе сибирских языков, 45 лет первой научной экспедиции, 40 лет со дня выхода первой коллективной монографии – «зеленой», 50 лет со времени создания в 1974 г. в ИИФиФ СО АН СССР синтаксической группы и 100 лет со дня рождения ее основателя – профессора М. И. Черемисиной. Вечная память дорогому Учителю!

Завершая свое воспоминание (за кадром осталось еще много личного, душевного, не для посторонних глаз), покажу еще одну – последнюю – дарственную надпись (рис. 19). Здесь оценка Майей Ивановной своей такой насыщенной, полноценной и интересной жизни: **Не зря мы жили на свете!**

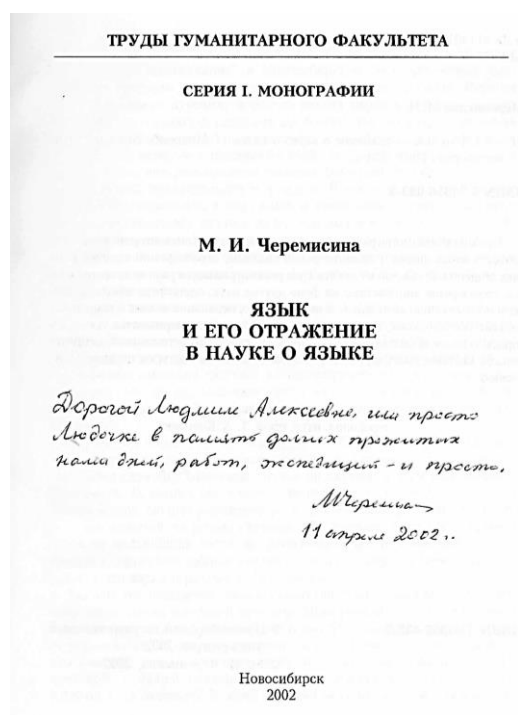

Рис. 18. Черемисина М. И. Язык и его отражение в науке о языке. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. 254 с.

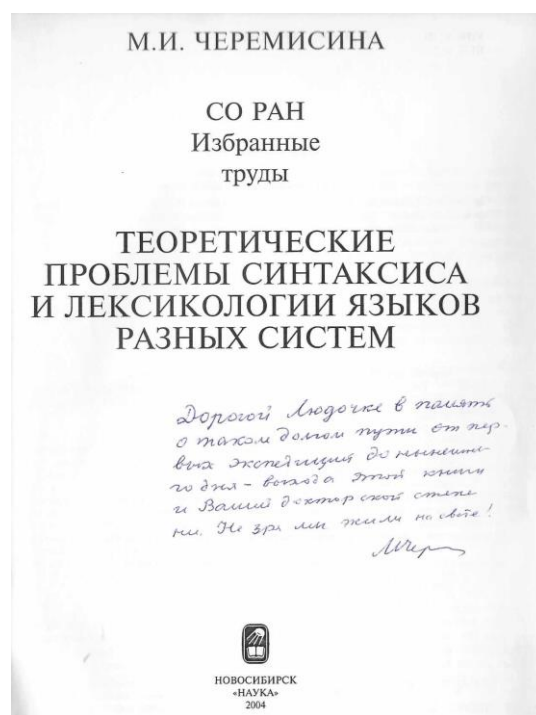

Рис. 19. М. И. Черемисина. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука. 2004. 896 с.

Литература

Доморослая Т. И. Универ. Вокруг да около (О тех, кого люблю и помню). Новосибирск. 2018. 270 с.

Черемисина М. И. Мои воспоминания. Новосибирск: СО РАН. 2020. 493 с.

Шамина Л. А., Черемисина М. И., Литвин Ф. А. Постигая сокровенные тайны языка // Газета «Огни Курумкана» 07.08.1979.

References

- Cheremisina M. I. *Moi vospominaniya* [My memories]. Novosibirsk, 2020, 493 p. (In Russ.)
Domoroslaya T. I. *Univer. Vokrug da okolo (O tekh, kogo lyublyu i pomnyu)* [Uni. Round and round (About those whom I love and remember)]. Novosibirsk, 2018, 270 p. (In Russ.)
Shamina L. A., Cheremisina M. I., Litvin F. A. Postigaya sokrovennye tainy yazyka [Understanding the innermost secrets of language]. *Ogni Kurumkana*. 07.08.1979. (In Russ.)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
13.08.2024

Сведения об авторе

Шамина Людмила Алексеевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
E-mail: shamina_la@mail.ru
ORCID 0000-0003-0539-7732

Information about the Author

Lyudmila A. Shamina – Doctor of Philology, Principal Researcher, Department of Languages of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
E-mail: shamina_la@mail.ru
ORCID 0000-0003-0539-7732

УДК 94 (571.1) + 930 (091) «196»
DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-32-48

**«Вишневая косточка личности» Майи Ивановны Черемисиной:
начало научной карьеры в Новосибирском научном центре. 1960-е гг.**

Г. М. Запорожченко

Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

В центре внимания – переломный этап биографии известного лингвиста М. И. Черемисиной, связанный с обстоятельствами включения в кадровый состав Новосибирского научного центра СО АН СССР в 1965 г. Доценту провинциального вуза, мечтавшей работать в современном научном коллективе, приглашения в новый наукоград было ждать не от кого. Страстная увлеченность наукой, глубокая общелингвистическая подготовка, самостоятельное профилирование в области матлингвистики, упорство и трудолюбие позволили ей завоевать авторитет в научном сообществе Академгородка и осуществить переезд на работу в Сибирь. Статья основана на документах, мемуарах, эпистолярном наследии М. И. Черемисиной.

Ключевые слова

М. И. Черемисина, лингвистика, матлингвистика, биографика, новосибирский Академгородок, Сибирское отделение РАН

Благодарности

Статья подготовлена в рамках научного проекта FWZM 2024-0008 «Социум и власть в России в XX – начале XXI вв.: политическое участие, коммуникация, идентичность акторов». Автор выражает благодарность за предоставленный документ А. А. Озоновой, Е. В. Шиплюк.

Для цитирования

Запорожченко Г. М. «Вишневая косточка личности» Майи Ивановны Черемисиной: начало научной карьеры в Новосибирском научном центре. 1960-е гг. // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52). С. 32–48. DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-32-48

© Г. М. Запорожченко, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 53)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 4 (iss. 52)

**“The cherry stone of personality” of Maya Ivanovna Cheremisina:
the beginning of a scientific career at the Novosibirsk Scientific Center
The 1960s**

G. M. Zaporozhchenko

Institute of History of the Siberian Branch of RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The primary focus of this paper is the turning point in the biography of the esteemed linguist M. I. Cheremisina, related to her appointment to the staff of the Novosibirsk Scientific Center of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences in 1965. Special attention is paid to the socio-anthropological dimension of science, in particular, the incorporation of women into the field of science. A methodological approach is actualized based on the modernization paradigm, the anthropology of academic life, biographistics, and gender history. The analysis covers documents, published memoirs, autobiography, letters, and diaries by Cheremisina. In the late 1950s, Cheremisina lived and worked in Tula. The experience of teaching at the pedagogical institute led her to engage in significant introspection. The education system suffered from subpar quality due to students' lack of interest in acquiring profound knowledge. Meanwhile, she longed for a full-fledged teaching and research job. While visiting Akademgorodok, she became convinced that it presented promising prospects for scientific and social advancement, due to the presence of a contemporary scientific community. Obtaining an invitation for both the job position and the apartment proved to be challenging. Nevertheless, the aid provided by her sister and colleagues proved to be highly advantageous. Profound enthusiasm for science, extensive linguistic expertise, accomplished track record in mathematical linguistics, unwavering determination, and diligent efforts established her credibility within the academic community of Akademgorodok. As a result, Cheremisina successfully executed a life strategy of relocating to Siberia for work.

Keywords

M. I. Cheremisina, linguistics, matlinguistics, biographica, Novosibirsk Akademgorodok, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Acknowledgements

The article was prepared within the framework of the scientific project FWZM 2024-0008 «Society and power in Russia in the XX – early XXI centuries: political participation, communication, identity of actors».

For citation

Zaporozhchenko G. M. «Vishnevaya kostochka lichnosti» Maji Ivanovny` Cheremisinoj: nachalo nauchnoj kar'ery` v Novosibirskom nauchnom centre. 1960-e gg. [«The cherry stone of personality» by Maya Ivanovna Cheremisina: the beginning of a scientific career at the Novosibirsk Scientific Center. The 1960 s.]. *Yazyki i Fol'klor Korenykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2024, no. 4 (iss. 52), pp. 32–48. DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-32-48 (In Russ.)

Введение

Доктору филологических наук, профессору Майе Ивановне Черемисиной посвящено немало публикаций научно-биографического и мемуарного характера [Кошкарева 2004; Цейтлин 2004; Прияткина 2004; Лукьянова 2013; Горелова 2019; Чугуненкова 2020; Савелова, Крайнева 2021; Запорожченко 2023]. В 2004 г. в связи с 80-летием ей был посвящен специальный номер журнала «Гуманитарные науки в Сибири». Персональный фонд сестер Карповых – Т. И. Заславской и М. И. Черемисиной хранится в электронном Открытом архиве СО РАН.

Неординарная личность, яркая и плодотворная жизнь М. И. Черемисиной продолжают привлекать внимание. Глобальный процесс трансформации социогуманитарной парадигмы, включающий антропологический поворот 1970-х гг. в социальных науках, затронул и проблемное поле науки. Он направляет исследовательский интерес к социально-антропологическому измерению науки, в частности, к изучению опыта инкорпорации человека в сферу науки в прорывных точках ее роста в академических городках во второй половине XX в. В связи с этим в статье впервые в фокус внимания выдвинут переломный этап биографии М. И. Черемисиной, связанный с обстоятельствами включения в научную жизнь Сибирского отделения АН СССР.

Подобный ракурс исследования актуализирует методологический подход, основанный на междисциплинарном синтезе логик модернизационной парадигмы социального знания, антропологии академической жизни, биографистики, гендерной истории.

Модернизационная парадигма осмысливает процесс формирования в СССР во второй половине XX в. зрелого индустриального общества с его рефлексией статуса науки как драйвера экономического развития в условиях глобальных вызовов и формирования новых технологических укладов [Водичев 2021: 135]. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации предполагала реализацию амбициозных проектов интенсификации сферы науки, в т. ч. учреждения Сибирского отделения АН СССР. При создании научных центров в восточных районах страны, и прежде всего в Новосибирске, наиболее отчетливо и полноценно в шестидесятые годы развернулась спонтанная институционально-личностная модернизация [Гордиенко 2014: 187–273], которая базировалась на новых, по сравнению с консервативной модернизацией сталинской эпохи, основаниях (принятие решений на личностном уровне, ответственная самостоятельность, автономный профессионализм, рост значимости ценностей активного индивидуализма – риска, новизны, самореализации). Она вписывалась в жизненные планы и метафизически обосновывала биографические смыслы граждан [Согомонов 2010: 274], прежде всего научной элиты, приносящей человечеству наиболее ценные плоды познания по усовершенствованию действительности [Карабущенко 2019: 178].

Углубленно рассматривая среду научного сообщества, *антропология академической жизни* изучает конкретный способ существования «академического» человека как носителя профессиональной субкультуры [Комарова 2008]. Обращение к *биографическому подходу* целесообразно как к инструменту для прояснения идей, открытий, эпохи через личность. Особое положение занимает биографический подход в интеллектуальной истории, краеугольным камнем которого является понимание неразрывности связи между жизнью и творчеством личности. При этом непосредственным *объектом* биографии является жизнь отдельного ученого, *предметом* оказывается социальная и культурная ситуация [Репина 2019: 16–17].

Биографическая индивидуализация нацеливает на использование *гендерного подхода*, который предполагает выяснение не только политики в отношении женщин и их места на рынке труда, но и степени и форм интериоризации культурных представлений общества о различиях мужского / женского в поле науки. Равенство женщины с мужчиной в советской системе интерпретировалось скорее, как обязанность женщины выполнять свой «долг перед государством» наравне с мужчиной. Реальная конструкция «освобождения женщины» была ориентирована в первую очередь не на женскую самореализацию, а на включенность женщины в коллектив для облегчения идеологического воздействия. «Обычная» советская семья характеризовалась неравномерным участием партнеров в домашних делах и заботе о детях, что влекло снижение возможности самоактуализации для женщин-ученых в силу противоречия между профессиональными и семейно-бытовыми ролями [Градскова 1998: 3, 15–16, 30]. В то же время «тотальная андрогиния» первых десятилетий советского тоталитаризма в начале 1960-х гг. сменялась «женским возрождением», связанным с осмыслением социокультурных ролей полов и ростом участия женщин в социальной жизни [Пушкарева 2012: 9].

Совокупность вышеозначенных представлений позволяет концептуализировать индивидуальную биоисторию в контексте оценки особенностей реализации женщинами-учеными своего интеллектуального потенциала в ходе модернизационных процессов хрущевской эпохи и создания Новосибирского научного центра.

Источниковую основу статьи составили документы, опубликованные мемуары, автобиография, эпистолярное наследие (письма, дневники) М. И. Черемисиной.

1. Новосибирский Академгородок 1960-х гг. – лучший вариант для научной работы и жизни

В период основания СО АН СССР в конце 1950-х гг. М. И. Черемисина жила и работала в Туле. Позади были годы учебы в МГУ (1942–1947), аспирантуре Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина (1947–1950)¹. В аспирантуре произошла смена специальности с «русской литературы» на «языкознание». Первым местом работы по специальности в 1950 г. был Томск, где муж Майи Ивановны П. Г. Черемисин заведовал кафедрой иностранных языков, она же вела семинары по лекционному курсу «Введение в языкознание» профессора А. П. Дульзона. В 1951 г. семья переехала в Тулу, где Майя Ивановна преподавала

¹ Архив НГУ. Ф. Р-1848. Д. 973-2. Л. 5.

на кафедре русского языка Тульского государственного педагогического института. В 1955–1956 гг. она работала советником кафедры лексики Института русского языка Китайской Народной Республики.

Как отметила Н. Б. Кошкарева, «в области русского языка Майя Ивановна оказалась самоучкой» [Кошкарева 2004: 144]. Действительно, при переводе из Ташкента, где она жила в эвакуации, в Москву экзамен по фонетике по ошибке был зачтен за весь курс современного русского языка со всеми его разделами – лексикой, морфологией, синтаксисом, которые она не изучала и не сдавала [Черемисина 2020: 281]. Это дало ей возможность в дальнейшем смотреть на многие вещи непредвзято, не через призму какой-то одной выученной концепции. Преподавание в Китае русского языка как иностранного «позволило взглянуть на привычные факты родного языка глазами инофона и увидеть в нем то, над чем носители языка даже не задумываются» [Кошкарева 2004: 144]. Все это вкупе со знанием систем французского и немецкого языков, изучение которых с детства являлось отдушиной, «приятным, личным делом» [Черемисина 2020: 199], сформировало глубокую языковую интуицию «мыслителя общелингвистического масштаба» [Прияткина 2004: 3].

В Туле в семье Черемисиных родилось трое дочерей. Тем не менее Майя Ивановна очень много работала, выполняя огромную преподавательскую нагрузку. Садясь готовить лекцию на очередную трудную тему, стремилась «сделать по-своему, не так, как в учебниках, а на это надо порядочно времени и сил затратить»², составляла заочникам в сессию «150 индивидуальных заданий по целому листу на машинке, чтоб никто ни у кого не мог списать – сколько часов работы!»³.

Однако преподавание в пединституте вызывало у нее много критических размышлений. «Жизнь ныне как-то ужасно бессмысленна и бесперспективна, – писала она. – В работе в институте никакого смысла и цели не вижу, и с каждым годом это все яснее и последовательнее. Ничто не нужно. Вуз не нужен, школа не нужна, мы не нужны. Всё слова, пустые слова, в которые никто не верит и даже вида не делают, что верят»⁴. Она жаловалась, что ее курс по структурной лингвистике и семинар по сравнениям сняли в пользу медицины и лишних часов физкультуры – «а зачем дураков учить?»⁵. За 15 лет работы в вузе «ведь НИ ОДНОГО не могу назвать студента, которому я могла что-то толкового дать. Никому ничего не нужно. Отсидел лекцию, сдал экзамен, получил диплом – и всё... Все знают, что подготовка у нашего сегодняшнего студента дрянная. Читать им некогда, и не хотят»⁶. «А как работать... если знание никому не нужно? Неужели до конца нашей жизни только это и будет?»⁷.

Между тем она жаждала полноценной работы, будь она преподавательская или научная: на досуге писала сочинение о материи в философском смысле⁸, отправляла совместно с «научным» другом Ф. А. Литвиным много докладов и статей в Москву, Горький, Воронеж, Орел, Смоленск, Самарканд⁹ не только без «заказа», но и без сколько-нибудь реальной надежды на публикацию: «Меня просто гораздо больше занимает сам процесс поиска решения, чем судьба написанного: вот и сейчас собираю материал по сравнениям без надежды опубликовать когда-либо»¹⁰.

Тон писем из Тулы становился все более грустным и беспросветным¹¹. Разъехались друзья, коллеги по кафедре не были единомышленниками¹². Ставку научного сотрудника ей, доценту

² Письмо М. И. Черемисиной Н. А. Клыковой 29.10.1962. Л. 1. Z1 542_159. Здесь и далее ссылки даны на материалы Открытого архива СО РАН. [Электронный ресурс]. Фонд Т. И. Заславской – М. И. Черемисиной. Семейная переписка. Переписка с друзьями и коллегами. Дневники. <http://odasib.ru/OpenArchive/> (дата обращения 30.08.2024).

³ Письмо М. И. Черемисиной Т. И. Заславской 20.12.1963. Л. 7. Z2 754_004.

⁴ Письмо М. И. Черемисиной Н. А. Клыковой 28.02.1962. Л. 9. Z1 542_104.

⁵ Письмо М. И. Черемисиной Т. И. Заславской 11.11.1963. Л. 3. Z3 713_212.

⁶ Письмо М. И. Черемисиной Т. И. Заславской 20.12.1963. Л. 7. Z2 754_004.

⁷ Письмо М. И. Черемисиной Н. А. Клыковой 28.02.1962. Л. 10. Z1 542_105.

⁸ Письмо М. И. Черемисиной Т. И. Заславской 11.11.1963. Л. 4. Z3 713_213.

⁹ Письмо М. И. Черемисиной Н. А. Клыковой 13.09.1961. Л. 1. Z1 541_181.

¹⁰ Письмо М. И. Черемисиной Т. И. Заславской 15.05.1963. Л. 1. Z3 711_148.

¹¹ Письмо Т. И. Заславской М. И. Черемисиной 30.01.1963. Л. 1. Z1 553_183.

¹² Письмо М. И. Черемисиной Н. А. Клыковой 02.01.1963. Л. 2. Z1 552_059.

Тульского пединститута, в 1964 г. не дали¹³. Тула за окном наводила уныние одним своим видом¹⁴. Пытаясь жить в опустевшей Туле, она клялась, конечно, что «пока будет связана с системой народного просвещения, будет стараться, чертыхаясь, отплевываясь, уличая себя в идиотизме и т. д., – стараться передать хоть кусочек, хоть обрывок живой эстафеты знания, а еще больше – стремления к знанию»¹⁵. Тем и манил ее новосибирский Академгородок, где с 1963 г. жила и работала младшая сестра Татьяна Ивановна Заславская: «Тут курсы читаются вообще по-другому: свобода и учебного плана, и программ. Каждый лектор имеет право читать по-своему. Ну, разумеется в пределах и по согласованию с кафедрой»¹⁶.

«О, соотечественники! Мне грустно! Вы цвет моего поколения! Вы, веселящиеся, умные и остроумные...», – писала Майя Ивановна сестре из тульского одиночества¹⁷. В феврале 1963 г. впервые в жизни Майя Ивановна села в самолет, посетила Академгородок, «бодрый, молодой, веселый, утопающий в белом пушистом снегу»¹⁸, и убедилась, что он открывал совершенно другие перспективы научной и социальной жизни, а главное – работы в современном научном коллективе. Она «страстно, всей душой» захотела туда [Черемисина 2020: 403]! В период создания ННЦ в конце 1950-х – начале 1960-х гг. обеспечение его научными кадрами происходило путем агитации на переезд в Сибирь известных ученых со своими учениками из Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Одессы, Харькова, что гарантировало сохранение научных школ, преемственность традиций [Куперштох 1999: 27, 32]. Мало кому известной преподавательнице тульского пединститута с тремя детьми ждать приглашения было не от кого: «Никто меня не звал, к сожалению» [Черемисина 2020: 403]. Но идея переезда в сибирский наукоград не давала покоя, стала мечтой и целью.

2. Борьба за включение в кадровый состав Сибирского отделения АН СССР

Т. И. Заславская обещала сестре, что обязательно «вытащит» ее в Академгородок, но «все хлопоты упирались словно бы в какой-то камень, валун, намертво вросший в почву»¹⁹. Первоначальная негуманитарная направленность ННЦ явно не способствовала их планам. Великолепным случаем «показать себя, войти к людям с деловой стороны, а не со стороны знакомства, которая всегда немного подозрительна», могло бы стать участие во втором симпозиуме молодых ученых «Орудия и методы научного познания»²⁰ в марте 1964 г. в Академгородке. Несмотря на то, что Майя Ивановна переросла возраст молодых ученых 35 лет, она стала усиленно готовить доклад, ведь выступать предстояло перед высококвалифицированной аудиторией, главным образом математиков.

Доклад «Язык как моделирующая система» был подготовлен по совершенно новой для нее теме – математической лингвистике, что заняло несколько месяцев интенсивной работы. «Очень устала. Влезла в эти проблемы по уши, ночей не спала, все перечитала по этому вопросу (Ляпунова, Кулагину, Мельчука). Это нечто новое крайне интересовало, захватило с головой, было зверски любопытно. Язык. Знак. Действительность. Мир. Вещь. Модель. Походила малость на лекции по математике. На столе – «Основания геометрии» Гильберта, «Теоретическая арифметика», 4 тома «Проблем кибернетики», «Атомная физика» Бора, и рядом наши – «Модели языка» и тому подобное. Разве это не увеселение? В кибернетическом сборнике читала про теоретико-множественную концепцию языка. Все предстояло обдумать и не с кем посоветоваться. Ясно вижу, что работать одной ПЛОХО. Коллектив до зарезу необходим. Мышление. Сознание. Думание. Речь. Язык науки. Очень довольна, что занялась этой штукой. Ужас как много тут интересного! Как воспримет это аудитория? Много часов разговаривала о моделях с математиком Мишей Добровольским. Физика и лингвистика. А какая разница? Ведь структура-то одна. В Воронеже докладывала свои представления о «слово – термин – понятие –

¹³ Письмо М. И. Черемисиной Н. А. Клыкковой 29.10.1964. Л. 1-2. Z1 541_299 Z1 541_300.

¹⁴ Письмо М. И. Черемисиной Т. И. Заславской 08.12.1963. Л. 2. Z1 553_083.

¹⁵ Письмо М. И. Черемисиной Т. И. Заславской 05.1963. Л. 3. Z3 712_009.

¹⁶ Письмо М. И. Черемисиной Л. Я. Зориной 09.02.1963. Л. 2. Z3 596_123.

¹⁷ Письмо М. И. Черемисиной Т. И. Заславской 05.1963. Л. 1. Z3 712_007.

¹⁸ Письмо М. И. Черемисиной М. Г. Воскобойниковой (Де-Метц) 12.02.1963. Л. 1. Z2 576_151.

¹⁹ Письмо Т. И. Заславской М. И. Черемисиной 09.11.1963. Л. 1. Z1 553_226.

²⁰ Там же.

значение». Прозвучало! Слежу за советской литературой, но не могу за зарубежной. Все-таки в матлингвистике понимать начинаю, и очень мне это нравится! Почувствовала необъяснимый шарм новой системы мышления. Стало ясно – истина здесь, завтрашний день науки именно тут»²¹.

«Вишневой косточкой» своей личности Майя Ивановна назвала ночь, проведенную под грохот взрывов у гроба матери, убитой в первую же бомбёжку Москвы в июле 1941 г. Весь свой запас страха она изжила тогда²². Но не всегда ли крепла внутри нее эта твердь бесстрашия и упорства, начиная с безмятежного киевского детства? Они с сестрой росли горячо любимыми в семье дедушки – крупного ученого-физика, признанного главы киевской «консервативной профессуры» Г. Г. де Метца (бельгийская фамилия) и бабушки С. К. Крафт из немецких переселенцев с екатерининских времен, считавших себя русскими, но прежде всего европейцами [Черемисина 2020: 69–73]. Необычайно высокий в семье престиж чтения, изучения языков, постоянных мыслительных занятий, пример образованнейших отца и матери, в течение всей «двойной» мучительно искавших работу, которая позволила бы с их непролетарским происхождением не то что «жить», а хотя бы выбраться из нищеты [Черемисина 2020: 67], – все это формировало модель деятельного, подвижнического образа жизни.

В самые страшные, изнуряюще голодные годы в эвакуации в Ташкенте и военной Москве юная Майя работала, где только могла устроиться, чтобы прокормить себя (на уборке хлопка, в геодезической партии, трактористом), и училась: «Даже в самые критические моменты... желание учиться было сильнее всех преходящих желаний» [Черемисина 2020: 339]. В Ташкенте сначала выбрала горный факультет: «Он считался трудным и не женским, может, это меня и пленило» [Черемисина 2020: 235]. Лишь когда туда в эвакуацию «нагрязнула из обеих столиц гуманитарная интеллигенция и в Среднеазиатском государственном университете открылся филологический факультет, поняла, что ее место там» [Черемисина 2020: 280]. Преподавая удивительно работоспособным китайским студентам, она увидела, как можно и нужно работать [Черемисина 2004: 10]. Вернувшись в Тулу, едва справляясь с семейными хлопотами и тремя маленькими детьми, с головой ушла в освоение всего нового, что возникло в лингвистике за эти годы: «Чтобы следить за тем, что происходило тогда в науке, нужно было много сил и упорства. Нужно было прогрызать, плакать, но грызть новые книги с массой пугающих терминов» [Черемисина 2020: 397]. Она пользовалась каждой возможностью съездить в Москву: на конференцию, на рабочие совещания в университет, в институт иностранных языков. Наконец начала собственные лингвистические исследования.

Именно тогда в только что вышедшей из подполья лингвистике начался общий подъем и поворот к структурализму [Фрумкина 1997: 94]. В 1960 г. было создано отделение структурной и прикладной лингвистики на филологическом факультете МГУ, затем в Горьком (ныне – Нижний Новгород), Киеве. В 1963 г. на кафедре кибернетики НГУ в тесном контакте с группой московских специалистов открылась специализация по матлингвистике, которую продвигали А. А. Ляпунов, А. В. Гладкий, И. А. Мельчук, С. В. Яблонский, Б. А. Трахтенброт и др.²³. Как остро Майя Ивановна почувствовала пульс науки! Вот в Туле она читает книгу по кибернетике со статьей биолога, всемирно известного теоретика эволюционного учения XX в. И. И. Шмальгаузена, памятного по дедушкиному киевскому окружению, и размышляет: «А ведь закономерности развития и существования языка, как я их себе представляю, чрезвычайно близки оказываются к законам существования организмов – а в широком смысле к эволюционным процессам»²⁴. И в том же 1964 г. в НИЦ А. А. Ляпунов и Р. Л. Берг начали подготовку к публикации трудов И. И. Шмальгаузена [Шмальгаузен 1968]²⁵.

²¹ См.: Письма М. И. Черемисиной Т. И. Заславской 31.01.1963. Лл. 1–6; 23.11.1963. Л. 1–4. Z3 713_142; 03.12.1963. Л. 1. Zc 510_047; 20.12.1963. Л. 5. Z3 713_205; 28.12.1963. Л. 3. Zc 510_153.

²² Открытый архив СО РАН. Фонд Т. И. Заславской – М. И. Черемисиной. Дневники членов семьи. Дневники М. И. Черемисиной. Записки для потомков. 1976.10. Л. 14.

²³ Письмо А. А. Ляпунова Т. Гавриловой. 12.1963. Лл. 1–2. Ly 239_023 Ly 239_024.

²⁴ Письмо М. И. Черемисиной Т. И. Заславской 24.02.1964. Л. 4. Zc 510_172.

²⁵ Письмо А. А. Ляпунова с просьбой оказать содействие в издании трудов академика И. И. Шмальгаузена. 1964. Открытый архив СО РАН. Фонд А. А. Ляпунова. Ly 236_079.

Не удивительно, что отправленные в Академгородок тезисы доклада получили очень высокую оценку ученых друзей Майи Ивановны из разных городов и Оргкомитета симпозиума. Ученый секретарь М. А. Розов счел направление доклада крайне перспективным, лежащим в общем русле симпозиума, видел в них материал по крайней мере для десяти докладов. Особенно заинтересовала проблема «язык – речь – наука», связанная с теорией знака. Социологов привлекла разработка темы о соотношении понятия и отражаемого им явления: «они бьются над этим как рыба об лед, но не могут продвинуться»²⁶. Майя Ивановна готовилась ехать на симпозиум в Академгородок. И...

Тезисы не приняли. Утвержденный в программе доклад в последнюю минуту был отвергнут А. А. Ляпуновым. Правда, Розов с самого начала говорил, что Ляпунов придерживался по этому вопросу противоположной точки зрения, но он не думал, что это могло повлиять на отбор докладов, и, наоборот, полагал, что спор придаст больший интерес обсуждению²⁷. Неожиданная новость ошеломила. Но не сломила. Майя Ивановна приняла участие в симпозиуме, прилетев в Академгородок без вызова: «Даже просто поговорить с людьми! Ведь вокруг никого нет»²⁸. Конференция, впрочем, показалась ей довольно бледной, «если не считать “дуэль” между физиком, профессором Румером и философом Щедровицким» [Черемисина 2020: 404].

Итак, надежды на продвижение в ННЦ посредством выступления на симпозиуме не оправдались, однако при этом был получен колоссальный опыт освоения новой темы на стыке математики и лингвистики: «Я нисколько не считаю себя в проигрыше! – писала она. – Так что даже сама немного удивлена этим непосредственным ощущением. За эти месяцы я очень много продумала и довольно много прочла. Я понимаю, насколько сложны те вопросы, в которые я влезаю. Но чтение разных вещей привело меня к твердому сознанию того, что выдвигаемые мной идеи – не бред»²⁹. Так Майя Ивановна из преподавателя провинциального вуза самостоятельно профилировалась в исследователя одной из передовых междисциплинарных областей науки.

Далее были трудные два года 1964–1965. Приглашения на работу в Академгородок (ставки и квартиры) оказалось добиться очень трудно. В НГУ на кафедре общего языкознания был объявлен конкурс на доцента. Майя Ивановна представила прекрасные характеристики, но было еще два конкурента. За нее по просьбе Т. И. Заславской усиленно хлопотал А. Г. Аганбегян. Благоприятную позицию занимали И. Н. Векуа, В. А. Аврорин, К. А. Тимофеев, А. И. Федоров, болела душой А. Н. Соскина. Однако и. о. ректора НГУ Р. И. Солоухин встретил их усилия очень неприветливо и сказал, что М. А. Лаврентьев за еще одну ставку филолога «живьем съест, потому что и так студенты-лингвисты обходятся уже на вес золота»³⁰. Кроме того, якобы Лаврентьев очень не любил брать на работу кого-то не из Академгородка, по-видимому, из-за дефицита квартир³¹. Принципиальным противником набора каких бы то ни было филологов являлся авторитетнейший А. А. Ляпунов, стремившийся решить вопрос о математико-лингвистической группе в пользу математиков³².

В это время Майя Ивановна тяжело болела, долго лежала в больнице. В стране происходил поворот в политической жизни, отстранение Н. С. Хрущева и приход к власти Л. И. Брежнева, что остро переживалось «оттепельной» общественностью. В семье Черемисиных назрел кризис, закончившийся разводом. Независимо от причин драмы было очевидно, что привычная гендерная нормативность была мало совместима с научными занятиями женщин. Тем более что сам П. Г. Черемисин не интересовался новыми направлениями, не ездил в Ленинку, не читал диссертаций, был сильным филологом, хорошим преподавателем, любимым студентами, но не исследователем [Черемисина 2020: 401]. Различия в глубинных ценностях Майя Ивановна считала фундаментальным обстоятельством, делавшим разрыв с ним оптимальным исходом: «С ним

²⁶ Письмо Т. И. Заславской М. И. Черемисиной 30.01.1963. Л. 2. Z1 553_184.

²⁷ Письмо Т. И. Заславской М. И. Черемисиной 20.02.1964. Л. 1. Z1 553_303.

²⁸ Письмо М. И. Черемисиной Т. И. Заславской 25.02.1964. Л. 9. Z2 754_037.

²⁹ Письмо М. И. Черемисиной Т. И. Заславской 25.02.1964. Л. 3. Z2 754_031.

³⁰ Письмо Т. И. Заславской М. И. Черемисиной 29.05.1965. Л. 1. Zc 747_117.

³¹ Письмо Т. И. Заславской М. И. Черемисиной 18.09.1965. Таня Майе. Л. 1. Zc 747_210.

³² Письмо Т. И. Заславской М. И. Черемисиной 08.04.1963. Л. 5. Z1 553_194; 22.04.1963. Л. 2. Z3 711_056.

я не могла быть самой собой, не могла развиваться в ту сторону, куда влекли меня мои внутренние потенции»³³. Поэтому переезд в Новосибирск планировался уже только для нее и детей.

Но перспектива переезда по-прежнему оставалась неясной. Майя Ивановна даже была почти уверена, что ничего не получится из-за «различия ее линии и линии Новосибирской лингвистической группы, которую там представляют математики»³⁴. Она, видимо, не знала, что И. А. Мельчук, например, предложивший в 1960-х гг. одно из лучших формальных описаний естественного языка, также не сошелся в научных взглядах с А. А. Ляпуновым, который его «мог бы понять, он был гениальный, но ему это было неинтересно слушать. Кроме того, он был занят миллионами разных дел» [Мельчук 1998: 7]. Тем не менее Мельчук разрабатывал в Институте прикладной математики АН под руководством Ляпунова систему машинного перевода [Митренина 2017: 6, 9] и много сотрудничал с ним в Академгородке.

Важно отметить, что в сложной ситуации с трудоустройством в ННЦ Майя Ивановна отнюдь не полагалась только на помощь сестры и ее коллег. Она рассылала резюме, искала другие варианты работы. Рассматривала Горно-Алтайск, Пржевальск (поближе к Тане), Ужгород, Измаил, Черновицы, Гомель, Витебск, Могилев, Ровно, Каменец-Подольск, Латвию и Литву (если Таня вернется в Москву): «Прельщает то, что маленькие города. Жизнь должна быть относительно спокойная и довольно сытная. И климат неплохой»³⁵. Ответы были положительные, особенно теплое письмо пришло из Мичуринска, она была склонна согласиться.

К ее огромной радости, именно в это время, в октябре 1965 г., ситуация в ННЦ разрешилась положительно: Майя Ивановна получила приглашение на работу в отдел гуманитарных исследований Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР и по результатам конкурса на кафедру общего языкознания в НГУ³⁶. Ей с детьми выделили трехкомнатную (малометражную) квартиру с телефоном. В ноябре 1965 г. она переехала в Академгородок, в который уже давно была влюблена.

В НГУ Майя Ивановна преподавала на отделениях матлингвистики (курс структурной лингвистики, «который мало кто из лингвистов решался читать – дело было совсем новое» [Черемисина 2020: 404], современного русского языка, общего языкознания³⁷) и филологии наряду с известными филологами: В. А. Аврориным, Л. И. Богораз, Е. П. Лебедевой, К. А. Тимофеевым, приглашенными специалистами из Москвы и Ленинграда: Ю. Д. Апресяном, И. А. Мельчуком, А.К. Жолковским, Ю.С. Мартемьяновым, Е. В. Падучевой, С. Я. Фитиаловым, Г. С. Цейтиным; инициировала первые в Сибири крупные всесоюзные конференции в 1967, 1969, 1972 гг. со звездным составом участников – ведущих лингвистов Москвы, Ленинграда, Киева, Свердловска; в 1994 г. организовала и возглавила кафедру языков и фольклора народов Сибири [Лукьянова 2013: 8–9]. В Институте после защиты докторской разрабатывала новую тему – сопоставительного изучения языков коренных народов Сибири, подготовила много остепененных учеников. Трудилась, как всегда, очень много, во всех областях деятельности добиваясь фундаментальных результатов. Но главное – в Академгородке она получала совсем другие ощущения от работы: «Люблю я работать... В любые бурные дни работа – это бухта, в которой находишь успокоение и удовлетворение», – писала в 1968 г. И студенты в НГУ были совсем другие, умные и заинтересованные: «Накатала им здоровущую часть по методологии, про которую сама с опаской думаю... ничего, глотают»³⁸. Здесь вокруг нее в соответствии с академгородковскими традициями неформального общения ученых с учениками сложилось «черемисинское братство» [Прияткина 2004: 3]: «Майя Ивановна пекла вкуснейшие лепешки, заваривался чай, и все научное собрание получало дополнительный импульс – возникало чувство команды и коллектива» [Горелова 2019: 16]. Более подробные воспоминания Майи Ивановны о работе в Академгородке представлены в Приложении [см. Приложение].

³³ Коллекции фонда Т. И. Заславской – М. И. Черемисиной. Дневники и другие записи членов семьи. Дневники М. И. Черемисиной. Дневник 1974–1986 гг. Л. 9. Z2 560_009.

³⁴ Письмо М. И. Черемисиной Т. И. Заславской 02.06.1964. Л. 2. Zc 510_182.

³⁵ Письмо М. И. Черемисиной М. Л. Заславскому 27.04.1965. Лл. 4–5. Zc 747_056 Zc 747_057; Письмо М. И. Черемисиной Т. И. Заславской 28.05.1965. Л. 2. Zc 747_112.

³⁶ universityclub.ru/home.asp?artId=8816

³⁷ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р. 1848. Оп. 1. Д. 279. Л. 32 об.

³⁸ Письмо М. И. Черемисиной Л. Я. Зориной 21.09.1968. Л. 2. Z3 596_172.

Заключение

М. И. Черемисина фактически вошла в сибирскую научную жизнь с боем. Ее пример персонафицировано выражал процессы институционально-личностной модернизации, демонстрировал синергетический эффект соединения возможностей, предоставленных ученым в 1960-е гг. государством, и личностных усилий. Зримым антропологическим и социальным последствием создания Сибирского отделения АН СССР и новосибирского Академгородка стало известное сглаживание гендерной асимметрии в поле науки, способствовавшее реализации женщинами своего интеллектуального потенциала в наиболее благоприятной в тот период обстановке бытового благоустройства и продуктивного междисциплинарного общения.

С другой стороны, характер М. И. Черемисиной с крепкой «вишневой косточкой», страстная увлеченность наукой, сохраненная духовно-ментальная связь с предыдущими поколениями интеллигенции позволили ей профессионально оценить и включиться в освоение одного из наиболее прогрессивных научно-технологических трендов второй половины XX в. «Нужно было много сил и мужества, чтобы идти по этой дороге», – писала Майя Ивановна³⁹. В то время считалось, что матлингвистика – это «что-то важное и закрытое, может быть, военное, компьютерное, связанное с криптографией, интересное, денежное», поэтому первоначально специальность складывалась как более мужская, чем женская⁴⁰. Но успех в науке, по мнению Н. Л. Пушкаревой, «зависел не от пола, а от готовности преодолевать сопротивление, от способностей к выстраиванию определенной жизненной стратегии» [Пушкарева 2011: 101]. Майя Ивановна, как и многие другие успешные в науке женщины, подтвердила правило, что профессиональное утверждение женщин в «мужском» мире науки происходило по линии усвоения маскулинных ролевых моделей и опиралось на талант и фундамент реальных достижений, эквивалентных колоссальным жизненным усилиям.

Список литературы

- Водичев Е. Г. Траектории экономических реформ: наука и научная политика в годы «хрущевского десятилетия» // Уральский исторический вестник. 2021. № 4 (73). С. 135–144.
- Гордиенко А. А. Новосибирский Академгородок – реликт «утраченного мира» или «Силиконовая тайга». Новосибирск: Ин-т философии и права СО РАН, 2014. 386 с.
- Горелова Л. М. Майя Ивановна Черемисина // Предложение как единица языка и речи. Новосибирск: Академиздат, 2019. 208 с. С. 12–20.
- Градскова Ю. В. «Обычная» советская женщина: обзор описаний идентичности. М.: Sputnik, 1998. 158 с.
- Запорожченко Г. М. Воспоминания известных ученых как исторический источник. Рецензия: Черемисина М. И. Мои воспоминания / ред.-сост. А. А. Озонова, Е. В. Шиплюк; Рос акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. Новосибирск: СО РАН, 2020. 493 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 200–205.
- Карабущенко П. Л. Научная элита в контексте ее исторического развития // Вопросы элитологии: философия, культура, политика. Астрахань, 2019. С. 178–188.
- Комарова Г. А. Антропология академической жизни в постсоветском контексте // Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2008. С. 5–26.
- Кошкарева Н. Б. К 80-летию со дня рождения Майи Ивановны Черемисиной // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2004. Т. 3. № 1. С. 143–146.
- Куперитох Н. А. Кадры академической науки Сибири (середина 1950 – 1960-е гг.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. 151 с.
- Лукьянова Н. А. Развитие русистики на гуманитарном факультете Новосибирского государственного университета (60-е годы XX – начало XXI века) // Вестник НГУ. 2013. Т. 12. Вып. 2: Филология. С. 7–15.

³⁹ Письмо М. И. Черемисиной М. Г. Воскобойниковой (Де-Метц) 28.12.1963. Л. 3. Зс 510_153.

⁴⁰ «Взрослые люди». Беседа с математиком Владимиром Успенским. <http://www.moscowuniversityclub.ru/home.asp?artId=8816>

Мельчук И. А. Как начиналась математическая лингвистика // Очерки истории информатики в России / Ред.-сост. Д. А. Поспелов, Я. И. Фет. Новосибирск: Научно-издательский центр ОИГГМ СО РАН, 1998. 664 с. С. 1–12.

Митренина О. В. Назад, в 47-й: к 70-летию машинного перевода как научного направления // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 5. № 3. С. 5–12.

Пряткина А. Ф. Черемисинское братство // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 4. С. 3–5.

Пушкарева Н. Л. Женщины в советской науке. 1917–1980-е гг. // Вопросы истории. 2011. № 11. С. 92–102.

Пушкарева Н. Л. Гендерная система в России XX века и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. Вып. 117. М., 2012. № 5. С. 8–24.

Репина Л. П. Биография в контексте «глобальной микроистории» // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики: мат-лы Всерос. науч. конф. с межд. участ. (Чебоксары, 18 апреля 2019 г.). Чебоксары: ИД «Среда», 2019. С. 12–18.

Савелова О. А., Крайнева И. А. Электронный архив сестер Карповых: история научной династии // Исторический курьер. 2021. № 2 (16). С. 1–10.

Согомонов А. Ю. Этика догоняющей модернизации // Неприкосновенный запас. 2010. № 6. С. 269–276.

Фрумкина Р. М. О нас – наискосок. М.: Русские словари, 1997. 240 с.

Цейтлин С. Н. Похвальное слово Майе Ивановне Черемисиной // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 1. С. 3–4.

Черемисина М. И. Автобиография // Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. С. 8–13.

Черемисина М. И. Мои воспоминания. Новосибирск: СО РАН, 2020. 493 с.

Чугуненкова А. Н. Майя Ивановна Черемисина: памяти Учителя // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. № 3 (27). С. 72–78.

Шмальгаузен И. И. Кибернетические вопросы биологии / Под общ. ред. и с предисл. Р. Л. Берг и А. А. Ляпунова. Новосибирск: Наука, 1968. 224 с.

References

Cheremisina M. I. Avtobiografiya [Autobiography]. In: *Teoreticheskie problemy sintaksisa i leksikologii yazykov raznykh sistem* [Theoretical problems of syntax and lexicology of languages of different systems]. Novosibirsk, Nauka, 2004, 896 p. (In Russ.)

Cheremisina M. I. *Moi vospominaniya* [My memoirs]. A. A. Ozonova, E. V. Shilyuk (Eds.). Novosibirsk, SB RAS, 2020, 439 p. (In Russ.)

Chugunenkova A. N. *Mayya Ivanovna Cheremisina: pamyati Uchitelya* [Maya Ivanovna Cheremisina: in memory of a Teacher]. *Sayan-Altai scientific review*. 2020, no. 3 (27), pp. 72–78. (In Russ.)

Frumkina R. M. *O nas – naiskosok* [About us – obliquely]. Moscow, Russkie slovari, 1997, 240 p. (In Russ.)

Gordienko A. A. *Novosibirskiy Akademgorodok – relikht “utrachennogo mira” ili “Silikonovaya taiga”* [Akademgorodok is a relic of the “lost world” or “Silicon taiga”]. Novosibirsk, Institute of Philosophy and Law SB RAS, 2014, 386 p. (In Russ.)

Gorelova L. M. *Mayya Ivanovna Cheremisina*. In: *Predlozhenie kak edinicza yazyka i rechi* [Sentence as a unit of language and speech]. Novosibirsk, Akademizdat, 2019, pp. 12–20. (In Russ.)

Gradskova Yu. V. *“Obychnaya” sovetskaya zhenshchina: obzor opisaniy identichnosti* [“Ordinary” Soviet woman: a review of descriptions of identity]. Moscow, Sputnik, 1998, 158 p. (In Russ.)

Karabushchenko P. L. *Nauchnaya elita v kontekste ee istoricheskogo razvitiya* [The scientific elite in the context of its historical development]. In: *Voprosy elitologii: filosofiya, kul'tura, politika* [Questions of elitism: philosophy, culture, politics]. Astrakhan, 2019, pp. 178–188. (In Russ.)

Komarova G. A. *Antropologiya akademicheskoy zhizni v postsovetskom kontekste* [Anthropology of academic life in the post-Soviet context]. In: *Antropologiya akademicheskoy zhizni: adaptatsionnye protsessy i adaptivnye strategii* [Anthropology of academic life: adaptive processes and adaptive strategies]. Moscow, IEA RAS, 2008, pp. 5–26. (In Russ.)

Koshkareva N. B. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya Mayi Ivanovny Cheremisinoi [On the 80th anniversary of the birth of Maya Ivanovna Cheremisina]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2004, vol. 3, no. 1, pp. 143–146. (In Russ.)

Kupershtokh N. A. *Kadry akademicheskoy nauki Sibiri (seredina 1950 – 1960-e gg.)* [Personnel of academic science in Siberia (mid-1950 s – 1960s)]. Novosibirsk, SB RAS, 1999, 151 p. (In Russ.)

Luk'yanova N. A. Razvitie rusistiki na gumanitarnom fakul'tete Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta (60-e gody 20 – nachalo 21 veka) [The development of Russian studies at the Faculty of Humanities of Novosibirsk State University (1960 s – the beginning of the 21st century)]. *Vestnik NSU*. 2013, vol. 12, iss. 2: Philology, pp. 7–15. (In Russ.)

Mel'chuk I. A. Kak nachinalas' matematicheskaya lingvistika [How mathematical linguistics began]. In: *Ocherki istorii informatiki v Rossii* [Essays on the history of computer science in Russia]. D. A. Pospelov, Y. I. Fet (Eds.). Novosibirsk, Scientific-Publishing Center of the V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy of the Siberian Branch of the RAS, 1998, pp. 1–12. (In Russ.)

Mitrenina O. V. Nazad, v 47-y: k 70-letiyu mashinnogo perevoda kak nauchnogo napravleniya [Back to the 47th: to the 70th anniversary of machine translation as a scientific field]. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2017, vol. 5, no. 3, pp. 5–12. (In Russ.)

Priyatkina A. F. Cheremisinskoe bratstvo [Cheremisinsky brotherhood]. *Humanitarian sciences in Siberia*. 2004, no. 4, p. 3–5. (In Russ.)

Pushkareva N. L. Zhenshchiny v sovetskoy nauke. 1917–1980-e gg. [Women in Soviet science. 1917–1980]. *Voprosy istorii*. 2011, no. 11, pp. 92–102. (In Russ.)

Pushkareva N. L. Gendernaya sistema v Rossii 20 veka i sud'by rossiyanok [The gender system in Russia 20th century and the fate of Russian women]. *New Literary Observer*. Moscow, 2012, no. 5, pp. 8–24. (In Russ.)

Repina L. P. Biografiya v kontekste “global'noy mikroistorii” [Biography in the context of “global microhistory”]. In: *Paradigmy rossiyskoy istorii skvoz' prizmu biografistiki: materialy Vseros. nauch. konf. s mezhd. uchast. (Cheboksary, 18 apr. 2019 g.)* [Paradigms of Russian history through the prism of biography: proceedings of the All-Russian scientific conference with international participants (Cheboksary, 18 April 2019)]. O. N. Shirokov et al. (Eds.). Cheboksary, ID “Sreda”, 2019, 216 p. (In Russ.)

Savelova O. A., Krayneva I. A. Elektronnyy arkhiv sester Karpovykh: istoriya nauchnoy dinastii [Electronic archive of the Karpov sisters: the history of the scientific dynasty]. *Historical Courier (Istoricheskiy Kurier)*. 2021, no. 2 (16), pp. 1–10. (In Russ.)

Shmal'gauzen I. I. *Kiberneticheskie voprosy biologii* [Cybernetic questions of biology]. R. L. Berg, A. A. Lyapunov (Eds.). Novosibirsk, Nauka, 1968, 224 p. (In Russ.)

Sogomonov A. Yu. Etika dogonyayushchey modernizatsii [Ethics of catching up modernization]. *Neprikosnovennyi zapas*. 2010, no. 6, pp. 269–276. (In Russ.)

Tseytlin S. N. Pokhval'noe slovo Maye Ivanovne Cheremisinoi [Praiseworthy word to Maya Ivanovna Cheremisina]. *Humanitarian sciences in Siberia*. 2004, no. 1, p. 3–4. (In Russ.)

Vodichev E. G. Traektorii ekonomicheskikh reform: nauka i nauchnaya politika v gody “khrushchevskogo desyatiletia” [Trajectories of economic reforms: science and scientific policy in the years of the “Khrushchev Decade”]. *Ural Historical Journal*. 2021, no. 4 (73), pp. 135–144. (In Russ.)

Zaporozhchenko G. M. Vospominaniya izvestnykh uchenykh kak istoricheskiy istochnik. Retseziya: Cheremisina M. I. Moi vospominaniya. Novosibirsk, SO RAN, 2020, 493 s. [Memoirs of famous scientists as a historical source. Review: Cheremisina M. I. My memoirs. Novosibirsk, SB RAS, 2020, 493 p.]. *Tomsk State University Journal of History*. 2023, no. 83, pp. 200–205. (In Russ.)

Почти 20 лет на кафедре общего языкознания

31 марта 84 года Кириллу Алексеевичу Тимофееву исполняется 70 лет. И мы знакомы с ним, – это даже кажется странным! – больше двадцати лет. Когда-то «двадцать лет» казалось огромным промежутком времени. А теперь – время так сжимается... Совсем это было недавно – мы с Таней прилетели в совсем молодой Академгородок... Остановились в гостинице: «Золотой долины» тогда ещё не было, гостиница располагалась в здании, где теперь красная поликлиника. А напротив было кафе «Улыбка» – тогда в самом деле похожее на улыбку.

...Только когда идёшь по сосновому лесу, по той тропинке, за Геологией и дальше вниз, по которой тогда, много лет назад, ходили мы на гумфак... Когда ещё не было второго здания НГУ, и мы занимались в здании за ВЦ... Идешь по этому лесочку теперь, смотришь на сосны и понимаешь, что немало лет нужно было им, чтобы так вытянуться. Вдвое ниже были тогда эти сосенки. Вдвое длиннее был наш пеший путь из дома на занятия и обратно. А давался он нам всем, и Кириллу Алексеевичу, и мне, вдвое легче, чем теперешний, гораздо более короткий. Мы были на двадцать почти лет моложе тогда...

Нам были отведены в этом здании за ВЦ четвертый и пятый этажи. Был коридор, довольно широкий и длинный. Был, помнится, холл по середине. Окна аудиторий большей частью выходили вперед, в сторону главного входа. И однажды на лекции я глянула из окна, а на клумбе, уже занесенной снегом, сидит большой такой, ещё не перелинявший, что ли, заяц-русак...

В вечерние часы по коридору гулко раздавались шаги Дамы с палкой. Она сочиняла стихи, и килограмма по два за раз приносила их на суд Кирилла Алексеевича. Посещала лекции и практические занятия «в добровольном порядке», была влюблена в студента Мокеенко, на радость и потеху всей группы. Было ей уж за 40...

Был тогда здесь Танкред Голенпольский, который сейчас в Москве, и живет неплохо. Он был, безусловно, человек не без таланта, яркий... Но к какой жизни был он призван?.. Может быть, как раз к той, которую он и обрел. И уж конечно не к той, которая ему причиталась как преподавателю, – старшему преподавателю! – английского языка на гумфаке НГУ! Он ведь должен был блистать, для него блеск был такой же потребностью, как воздух, и, вероятно, больше, чем хлеб...

О Танкреде мне помнится всё больше смешное. Всякие штучки, которые он выкидывал, в своё время меня возмущали: мне было трудно понять их природу и принять их естественность. А теперь даже те его номера, которые дорого мне обходятся даже и до сих пор, – и то вспоминаю с усмешкой... Он ведь выдал себя Абе́лу за заведующего кафедрой, когда тот пришел разговаривать, чтоб устроить меня на гумфак, ещё в 63 году. Если бы тогда я приехала, я имела бы, вероятно, трехкомнатную квартиру... Но он выдал себя за зав. кафедрой, требовал с Абе́ла «за меня» магнитофон, а ни Кириллу Алексеевичу, ни Аврорину ни слова обо мне не сказал. И когда я приехала «читать спецкурс по структурной лингвистике», все реальные власти шарахались от меня... А я ведь тогда в толк не могла взять, почему они смотрят на меня так, будто я свалилась с луны, и они ничего обо мне знать не знают, ведать не ведают...⁴¹

Это уж много-много спустя я узнала, сама не помню откуда, как было дело...

Был тогда Эзра Маркович, переселенный из бывших румынских земель. Вся его родня в период добровольного присоединения этих земель к Советской России благополучно улизнула на Запад, а Эзра с супругой захлопулись в мышеловке. Когда началась война, их от греха сослали в Сибирь. Тут они и жили, пока не открылась возможность уехать в Израиль.

В Университете тогда, как было положено, провели осуждающий его митинг. Кто-то молчал, кто-то сказал «ай-ай-ай!» Кто-то произнес положенную для таких случаев речь. А Эзра ходил счастливый. Его жена за все эти годы не научилась даже говорить по-русски. В магазин пойти не могла. Вот сколько лет у неё из жизни, в сущности, было вычеркнуто. Эзра хоть как-то, – не так, как хотел и мечтал, но жил. Даже диссертацию успел защитить. Преподавал, зарабатывал, ходил в кино, видел людей. А она-то – почти как в одиночном заключении, в сибир-

⁴¹ Более подробно Майя Ивановна рассказывает об этом эпизоде в «Моих воспоминаниях» [Черемисина 2020: 404–405].

ской без малого если двадцатипятилетней ссылке...

Были матлингвисты, которыми командовал непокладистый Гладкий. Был Феликс Д., который защитил диссертацию про скобки, а потом как-то потрясающе быстро, глазом никто не успел моргнуть, ему доцента присвоили. Очень в высоком почете была тогда всякая математика, – даже когда совсем никакой математики не было, одно это слово уже внушало почтение просто невообразимое. Доцента он получил, но неучем как был, так и остался. На занятиях такую нес околесицу, что хоть святых вон выноси. Студенты его не любили, не уважали, – группы-то матлингвистические собирались из сильных и умных ребят. Говорили: проверил бы кто-нибудь, что он читает!

Кирилл Алексеевич пошел в один прекрасный день к нему на занятия. Послушал его один час... Вышли они, – Дрейзин впереди, Кирилл Алексеевич за ним... Собирается не с мыслями, а со словами, которыми можно своё впечатление выразить, чтоб не совсем уж обидеть новоиспеченного наставника молодёжи... «...Вы бы, – говорит стеснительным интеллигентским голосом, – перед занятием что-нибудь почитали! Это ведь очень просто, доступно освещено у Пешковского... Как раз то, что вы сегодня... э-э.. не совсем доходчиво объясняли...» На что Дрейзин, уже из дверей деканата-преподавательской, только слегка голову повернув назад, в сторону Кирилла Алексеевича: «А что мне Пешковский! Вот скоро свою кандидатскую диссертацию защитит Жолковский!..» («вот уж он вам покажет!» – угадывалось в интонационной незавершенности фразы).

Первые абитуриенты пришли на гумфак ещё до меня. А вот первый выпуск был уже при мне. Я тогда не была ещё, помнится, в ГЭКе... Первая дипломница у меня была Саша Захарова, она кончала в 1967 году, а первый выпуск был, наверное, в 1966-м?.. Ну, только я сидела дома, когда за мной кто-то пришел и передал просьбу прийти на заседание ГЭК. Слушали защиты тогда Кирилл Алексеевич и Александр Ильич вдвоем. Конечно, кто-то ещё был за председателя, но нравы тогда были вольные, и реально они были вдвоем. Нина Петровна, Нина Александровна, Ким и другие были тогда аспирантами. Женя Шерешевская и Галя... как же её фамилия-то была? Быковченко. Потом уже стала Павловой... Тогда студентками были, на 3 или 4 курсе.

Призвали меня тогда в ГЭК «по делу о Наде Губиной». Она писала диплом у Кирилла Алексеевича, и он её работу оценивал как отличную. А Александр Ильич, как это с ним нередко бывает, почему-то сильно взъярился и заявил, что она даже тройки не заслуживает. Но на тройку он, так и быть, согласен, однако никак не более. Что тут делать? ...Вот и понадобился третий судья.

Исход дела сразу был очевиден: я должна была признать, что работа хорошая, «на четверку». Но ведь не просто прийти и сказать – «хватит вам спорить, ставьте «4» и по домам»... Посадили меня честь по чести за стол, положили передо мной напечатанную дипломную, страниц на 60, в серо-зелёном переплёте, и читала я её добросовестно часа три подряд. Решение, естественно, оригинальным не оказалось. Спорящие стороны возражать не стали, тем более что за компромисс голосовал и желудок. Буфета тогда на ВЦ никакого не было, ГЭК заседал с утра, а когда я кончила читать манускрипт, дело если и не шло к полуночи, то уж во всяком случае было вполне темно. В июне у нас ведь поздно темнеет.

С тех пор минуло так много и приемов, и выпусков. Сколько прошло студенческих поколений... Не раз изменялся и внешний вид поступающих, и их манера держаться, мера скромности и развязности... Да и мера любознательности, мера готовности и способности осваивать знания – это тоже далеко не константа... Это определяется эпохой, системой ценностей данного момента, подъёмом престижности и падением престижности разных родов наук, да и вообще разных родов занятий...

В 60-е годы, особенно в их начале, был высок престиж и науки вообще, и точных наук особенно. Поэтому наше отделение матлингвистики стягивало к себе студенческую элиту. Высок был престиж Академгородка, нашего Университета. На всех факультетах были зверские конкурсы, – по 11, по 13 человек на место бывало и у нас, и у историков... Это уже слишком много, из 12-13 отобрать наилучших труднее, чем из 7-8 или 5-6 претендентов. Но всё равно, тогдашние наборы были сильными.

Потом, уже в 70 годы, престиж точных наук упал. Снизились, а затем и вовсе сошли на нет конкурсы на математический факультет. Сильно понизился конкурс и на другие факультеты.

На гуманитарный он тоже упал – с 12-13, это был «пик», до 5-6. И вот, вроде как держится на этом уровне. Но теперь и эта цифра стала едва ли не «пиковой». Молодежь сейчас гораздо сильнее, чем раньше, тянется к гуманитарному знанию. Но общий спад в отношении к науке сказывается, конечно же, на абсолютном значении конкурсной цифры. В предстоящие годы прогнозируется дальнейшее падение курса высшего образования в целом. Да и как может быть иначе, коль скоро оно до такой степени обесценилось...

Да, многое изменилось в наших наборах и выпусках. Только вот соотношение девочек-мальчиков остаётся из года в год почти неизменным... Мало мальчиков. И, к сожалению, среди тех, кого волей рока забрасывает на гумфак, очень редко могут быть причислены не то что к лучшим, а просто к достойным представителям своего пола.

...Был, к примеру сказать, у нас выпускник З. Прирабатывал в славной газете «За науку в Сибири». Напечатал там заметку – на юбилей Иоганна Васильевича Гегеля. Сильно был пьющий юноша.

...Был ещё царь Солтан, – по фамилии С., по имени, помнится, Станислав. Чрезвычайно нахален был, и притом одновременно и глуп, и пил, и играл. Похвалялся, что сбросит «всех этих баб», включая и Елизавету Ивановну, и меня, и своего руководителя, Александра Ильича. И «воцарится»... Однажды, когда Елизавета Ивановна меня оставила её замещать во время её отпуска, ко мне табельщица тогдашняя подошла: что, дескать, делать, Солтана нет на работе восьмой уж день, и дома нет, и сведений нет: то ли болен, то ли что? Я говорю – ставьте отсутствие, раз он отсутствует. Ну, Александр Ильич сильно расстроился, обеспокоился, поехал его разыскивать. Тогда говорилось – болеет, мол, без больничного. Теперь говорит – продурлся он, говорит, тогда так, что и штаны проиграл. Оголодал весь, выйти не в чем. И жена ушла. Приехал он, добыли штаны, стал человек по всей форме.

В Томске он защищался. Из уважения к Ильичу томские дамы проголосовал «за»... Ещё сколько-то времени прошло, и совершил Стас Солтан едва ли не единственный свой благородный поступок: пришел на Отдел расклад, кого-нибудь сокращать. Ну, оно и так ясно, на кого бы компас указывал. Однако Стас сам вызвался и уволился по собственному желанию. ...Поехал от нас на ширую Украину, в город Нежин, к огурчикам и к рябине. Понес в далекие земли славу нашего Университета.

...Да и только ли в нашем Университете?! Очень бедна филология кадрами мужественного пола....

Как не вспомнить в этом контексте незабываемого Мих-Мих О., из под власти которого я попала непосредственно под крыло и опеку Кирилла Алексеевича Тимофеева?

Однажды какое-то «пост-защитное мероприятие» проводилось в ресторане гостиницы «Золотая долина», – это когда ещё у нас в НГУ был свой Совет. Столы широко стояли, через весь зал, поперек. Я в одном конце сидела, а в другом конце Баранникова Лидия Ивановна, она первым оппонентом была. Что-то она говорила, вдруг прервалась на полуслове, и в нашу сторону: «Что-что?».

Мне показалось, – или в самом деле в том углу кто-то про Мих-Мих О. что-то сказал в положительном смысле?!» – «Что вы, что вы! – дружно ответили ей голоса из нашего угла, – как же это возможно? Плохое, только плохое!»

И ведь действительно – только плохое. Но это отдельная повесть, и сейчас он вспомнился мне лишь в контексте – и по контрасту. Ведь это даже трудно вообразить себе, как мне было странно, как всё не верилось, что так бывает – когда я от Мих-Миха сюда приехала... Это только те и могут понять, кому довелось с Мих-Михом работать или с ему подобными. А на нашей кафедре здесь, в НГУ, работают все, как на подбор, те, кто испокон веку своего только тут и работает, и другой руки над собою не знает. И всё, что тут есть, кажется им естественным, и больше внимания привлекают к себе недостатки.

И вещи познаются сравнением, и люди познаются сравнением...

Двадцать лет позади...

И конечно, теперь я вижу Кирилла Алексеевича не так, как вначале, – я, смею сказать, теперь гораздо лучше знаю его, он не «Икс»... Но всё равно, – это феномен... Явление...

Ни о Мих-Мих О., ни о Феликсе Д. так не скажешь.

И Кирилл Алексеевич вовсе не оригинал. Он очень естественный человек, совсем не придуманный, ни во что не играющий. Очень домашний. Когда смотришь на них с Еленой Багратов-

ной, кажется – ну, что может быть естественней, чем быть «естественными людьми», как они?

Но это ведь так редко бывает. И стоит задуматься: почему? Что в этом трудного что сложного, почему не получается у других?

А какое положительное действие эта естественность оказывает на всех нас, членов кафедры, которой Кирилл Алексеевич руководит столько лет... Мы этого не замечаем, не думаем об этом, просто работая на кафедре месяц за месяцем, год за годом. Двадцать лет позади, – а вспомнить: сколько было на кафедре серьёзных конфликтов? ...Да словно бы и не было их?! ...Да нет, они были, возникали – но не разгорались. Не было кислорода для их разгорания в той атмосфере, которая создалась и держится на этой кафедре. Было – и когда Александр Ильич ополчился, пошел войной на Нину Александровну... И с Женой Шерешевской был конфликт у меня и у Нины Александровны. Да что говорить, где люди, где интересы живые, не может не возникать каких-то недовольств, спорных вопросов, ситуаций для какого-то взаимного недовольства. И очень важно, как поведет себя, куда направит развитие событий та рука, которая сверху.

Мне кажется, что за все двадцать лет не было такой ситуации, чтобы кто-то о чем-то попросил Кирилла Алексеевича, что было бы в его власти и в его возможностях, и чтобы он не пошел навстречу. Только вот очень существенно это – «в его возможностях».

Каждый человек таков, как он есть, со своим хорошим и со своими слабостями. И правильно это сказано, что наши недостатки продолжают собой наши достоинства. Кирилл Алексеевич мягок и интеллигентен. Поэтому мне очень трудно представить себе того человека, который решился бы нахамить ему, – хотя, конечно, и такие люди есть. И даже были на наших глазах, – далеко ли ходить: Вера Игнатьева. Но все-таки это трудно, и когда случается – поражает... Но ведь и наоборот: невозможно представить себе, чтобы Кирилл Алексеевич что-то «пробивал» так, как это умеют и могут другие...

У каждого свои слабости. И надо уметь их – не прощать, а стараться просто не видеть. По-чаще вспоминать, что каждый из нас, и ты сам, конечно же, вовсе не идеал человеков. И тогда становится отраднее на душе от того, что вот, есть рядом с тобой человек, о котором ты можешь долго говорить и думать – и на память твою приходит только хорошее.

...Может быть, когда-нибудь и про тебя кто-нибудь вспомнит и подумает – хорошо... Это ведь и значит, что не зря проживается жизнь среди людей.

Немножко воспоминаний о Томске

Приехала я в Томск в 1950 году, безуспешно закончив аспирантуру при кафедре русской литературы в Московском городском педагогическом институте. Мои внутренние счета с литературоведением были закончены ещё в тот день, где-то в середине второго курса, когда маститые профессора и доценты, авторы книг и учебников, под водительством Александра Ивановича Ревякина по методу поднятия рук присуждали столпам и опорам русской литературы звания народных, национальных и партийных. Сперва-то обходилось и без поднятия дланей: Пушкину единодушно дали народного, Лермонтову, надо быть за то, что попросил себя застрелить в пределах комсомольского возраста, тоже без споров ограничились национальным. За робость мыслей и длительное пребывание в загранке в том же ранге оставили грустить Ивана Сергеевича, а Николаю Иванычу как натуральному русаку отвалили опять народного. Но вот как дошло дело до Чернышевского, разыгрались страсти. Кто пошире душой, предлагали партийного. А которые на страже, понаторели по линии кадров, те зрели в корень: а где партийный билет? Нету!!! Какой может быть партийный без партбилета? Тут и дошло до поднятия рук.

А я тем временем уж совсем поняла, что это не моя компания и не моя стезя. И, видно, так углубилась в мысли о том, где же она, моя-то, что не запомнила самого главного: что же Гаврилычу-то присудили? Так и живу, не зная.

Ну, а параллельно с прохождением этой аспирантуры ездила я подрабатывать в Гомель-Гомель. Читала там множество любопытных курсов по кафедре русского языка. Делала это с удовольствием и охотой, – и тем самым упомянутая выше стезя сама собой и начала прокладываться.

Весной на последнем курсе я ездила в командировку в Ленинград, в рукописный отдел, разбирала там черновики очерков «За рубежом», которые должны были послужить – и таки послужили, хотя и не скоро, – базой первой моей диссертации. Там, в Ленинграде, познакомилась

со своим сперва будущим, а затем бывшим мужем. А через несколько месяцев с ним вместе и приехала в город Томск.

Как сейчас я смотрю, город Томск – вполне ничего себе город. Куда лучше нескладного Новосибирска, который вообще не имеет никакого лица. Но тогда Томск моего сердца не тронул. Был мне чужой, как, естественно, и я ему была столь же чужая. Особенно ёлки меня донимали: длинные, тощие, как спички. Ёлке положено быть широкой, разлапистой. А на эту как гляну – но просто впору забыть.

Приехали мы осенью, 7 сентября. Учебный год только раскачивался. 8-го пришла я в пединститут со своей путёвкой из министерства. Показали мне дверь, за которой снова две двери в разные стороны: к директору и к заместителю по научно-учебной. Между дверями комната, где полагается быть секретарше. Села я подождать в одиночестве. А директорская дверь самую чуточку приоткрылось, и льётся из этой щелки такая отборная, такая народная, национальная – и, надо думать, партийная речь! Ну, то есть – просто заслушаться можно... Это директор вел воспитательную работу среди завхоза.

Назначили меня, соответственно, ассистентом кафедры русского языка и поручили – во-первых, читать спецкурс про односоставные предложения, во-вторых, проводить педпрактику, в третьих, вести практические занятия за лекциями А. П. Дульзона, а в-четвертых и в-пятых что-то ещё, вроде диктантов. Бог его ведает, как я с этим справлялась. Скорее всего весьма и весьма посредственно. Из всех этих нагрузок, если делом, я могла выполнять сносно только одну: практикум по языкознанию. Этот курс я читала в Гомеле и знала его неплохо. Но в школе я не была с тех пор, как её окончила, а об односоставных предложениях имела ещё меньшее представление: курса русского языка я в МГУ не слушала, а читался ли синтаксис... Да, возможно, читался – только не мне. Что же касается диктантов, то если бы мне сейчас предложили это в нагрузку, я сказала бы «пасс!» и подалась на пенсию.

Но тогда, разумеется, до пенсии было далековато, да и пенсий ещё не было введено. Выбирать мне никто не предлагал, надо было выполнять и, обучая, учиться самой.

Весь первый год работы – это была «немножечко пытка». Ночей я не спала почти сплошь, разве что отсыпалась по воскресеньям. Каждый свободный час писала про односоставные предложения: сегодня выписывала их из Шахматова, ночью переваривала в голове, и завтра с утра, или придя с занятий, тщиалась придать переваренному и недопереваренному продукту некий мало-мальски товарный вид.

Что самое странное, подобие спецкурса таки получилось. Студенты сумели его подготовить и сдать, и по их ответам я тоже получила представление о том, какое сооруженице я нагромодила. Хорошо, что слова, отзвучав, перестают быть. Не хотела бы я сейчас услышать все то, что почти 30 лет назад слушали мои студенты. Но, может быть, – так, говорят, нередко бывает в истории, – они пострадали на благо следующих поколений, которые выпало мне учить. Во всяком случае я сама с тех пор знаю односоставные предложения. А какая-то тетрадь с записками тех времен сохранилась в моем архиве.

Андрей Петрович Дульзон, очень большой ученый, лекции читал скучновато и трудно. Я не умела их слушать, и практику вела по своему разумению. А Андрея Петровича лучше узнала, поняла и почувствовала его масштаб значительно позже, – пожалуй, только когда встретила с ним в 58 году на международном съезде славистов в Москве. Но все-таки и в те годы я, наверное, чему-то у него училась.

Бог знает, когда, как и чему учится человек. Мне даже кажется иной раз, что «учить», в том смысле, в каком учат студентов в институтах, ужасно неблагодарное дело. Я знаю, что это суждение и легкомысленное, и просто неверное. Знаю потому, что несколько раз в жизни сталкивалась с ситуациями перемены специальности. Это бесконечно трудное дело – стать профессионалом в той области, которой тебя не учили в школе. Даже очень талантливые люди на годы ставят этим себя в положение дилетантов, и если к тому же они критичны к самим себе, это может породить неизживаемый комплекс. Комплекс профессиональной неполноценности.

Сама я ведь тоже меняла специальность, хоть и в рамках факультета. Но про себя же я знала, что в университете вся моя специализация шла по профилю литературоведения. Лингвистические дисциплины прошли где-то в поле лишь бокового зрения. В этой сфере я не прошла никакой школы. В молодости, читая о разных учёных – «был учеником Фортунатова», «учился у Овсяннико-Куликовского» – удивлялась: мало было студентов и у того, и у другого? Не знала,

что это значит – иметь учителя, проходить школу, учиться. Не просто, а именно у своего наставника...

Это, вероятно, большая потеря. Ибо у медали всегда есть две стороны. Этой второй стороной, которая сейчас определяет меня как учёного, явилась моя свобода от традиции. И я не знаю, может ли это качество, ценимое мною в самой себе, быть унаследовано моими лучшими учениками. И если да, то в какой форме, – не в отрицании ли традиции? Я-то не отрицаю её, но стремлюсь уважать и знать. Просто я не научена видеть вещи такими, какими их видит традиция. Многие я увидела и восприняла через другую призму, которую сама же и строила, овладевая наследием без особой системы.

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
30.07.2024*

Сведения об авторе

Запорожченко Галина Михайловна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск, Россия)

E-mail: galinakoop@yandex.ru
ORCID 0000-0002-1237-0792

Information about the Author

Galina M. Zaporozhchenko – Doctor of History, Senior Researcher at the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: galinakoop@yandex.ru
ORCID 0000-0002-1237-0792

УДК 811.161.1
DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-49-56

Вопросы референции в научных исследованиях М. И. Черемисиной

И. Е. Ким

Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск, Россия

Аннотация

Настоящая статья посвящена вопросам теории референции, в той или иной мере разрабатываемым в работах М. И. Черемисиной, в том числе в сотрудничестве с Т. А. Колосовой. Эта область синтаксической семантики была далека от научных интересов ученого, но тем не менее в поле ее зрения попали по крайней мере три проблемы, связывающие референцию с синтаксисом простого и сложного предложения: это вопрос о референте элементарного простого предложения и его трансформов-номинализаций, проблема анафорических местоимений как аналитических показателей связи предикативных частей сложного предложения, понятие моносубъектности как тождества субъектов предикативных единиц в составе сложного предложения. Наиболее значимым результатом исследований М. И. Черемисиной в области референции можно считать описание моносубъектности, которое изменило представление о полипредикативном синтаксисе в русистике и лингвистической типологии.

Ключевые слова

Майя Ивановна Черемисина, синтаксис сложного предложения, моносубъектность, местоименные скрепы, референция, анафора, дубль-подлежащее, нулевое подлежащее

Для цитирования

Ким И. Е. Вопросы референции в научных исследованиях М. И. Черемисиной // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52). С. 49–56. DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-49-56

Problems of reference in the studies conducted by M. I. Cheremisina

I. E. Kim

Institute of Philology of the Siberian Branch RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

This paper focuses on the issues related to the theory of reference proposed by M. I. Cheremisina, with particular attention on her collaboration with T. A. Kolosova. The scholar was not involved in studying this particular area of syntactic semantics. Nevertheless, her attention was drawn to at least three problems linking reference to the syntax of simple and complex sentences. The first is the question of the referent of an elementary simple sentence and its transforms-nominalizations. The second is the problem of anaphoric pronouns as analytical means of the connection of predicative parts of a complex sentence. The third is the concept of monosubjectivity as the referential identity of the subjects of predicative units in a complex sentence. When considering the referent of an elementary simple sentence, M. I. Cheremisina and T. A. Kolosova ad-

© И. Е. Ким, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 2 (iss. 52)

here to the range of concepts used in syntactic semantics, the situation and the state of affairs, albeit excluding the event concept, attributing it to the level of a proposition. The mechanism of pronominal connection in complex sentences is attributed by the scholars to single-place pronominal connectors (k-pronouns) and specific subclasses of two-place connectors, namely k- and t-pronouns. A substantial contribution to the study of reference was the delineation of monosubjectivity. This discovery has significantly impacted the understanding of polypredicative syntax within Russian linguistics and comparative linguistic analysis. M. I. Cheremisina introduced the terms “double-subject” and “zero subject” to describe the means of expressing monosubjectivity within Russian syntax.

Keywords

Maya Ivanovna Cheremisina, syntax of complex sentence, monosubjectivity, pronominal bonds, reference, anaphora, double-subject, zero subject

For citation

Kim I. E. Voprosy referentsii v nauchnykh issledovaniyakh M. I. Cheremisinoi [Problems of reference in the studies conducted by M. I. Cheremisina]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2024, no. 4 (iss. 52), pp. 49–56. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-49-56

Введение

Настоящая статья посвящена вопросам теории референции, которые в той или иной мере решаются в научных исследованиях М. И. Черемисиной. Будучи специалистом в области теории сложного предложения в языках разных языковых семей и разных типологических общностей, бытующих на территории Сибири и в соседних регионах, М. И. Черемисина решала широкий круг вопросов, так или иначе встающих при описании полипредикативного синтаксиса. В этом кругу оказались некоторые вопросы, связанные с областью лингвистики, имеющей предметные пересечения с теорией сложного предложения и вообще синтаксиса предложения, – с теорией референции. При этом референция не входила в сферу непосредственных научных интересов М. И. Черемисиной. Отмечу также, что в некоторых случаях довольно сложно отделить семантико-синтаксические взгляды М. И. Черемисиной от идей и взглядов Т. А. Колосовой, много лет работавшей и писавшей с ней в соавторстве. Идеи, связанные с общими публикациями М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой, будем соотносить с ними обеими.

1. Полипредикативный синтаксис как основное направление исследований М. И. Черемисиной

Защитив блестящую диссертацию по сравнительным конструкциям современного русского языка [Черемисина 1976] и переключившись в основном на описание синтаксиса языков Сибири, М. И. Черемисина прежде всего стала разрабатывать проблематику сложного предложения. Понятие полипредикативной конструкции оказалось удобным для изучения конструктивного разнообразия синтаксиса сложного предложения в языках разных систем и разных языковых семей, представленных на лингвистической карте Сибири. В дальнейшем научные изыскания М. И. Черемисиной переместились в область моделирования простого предложения.

В центре семантики сложного предложения находится отношение между его частями, по В. А. Белошапковой, предикативными единицами (у отечественных синтаксистов принята аббревиатура ПЕ). М. И. Черемисина совместно с Т. А. Колосовой предложили детализацию этого понятия, оставив термин *предикативная единица* за собственно предикативной основой простого предложения с ее непредикативным и полупредикативным распространением, а предикативную единицу в сочетании с показателем синтаксической связи в составе сложного предложения определили как *предикативную часть* [Черемисина, Колосова 1987: 17]. Таким образом, показателю связи в сложном предложении в плане выражения соответствует синтаксическое отношение в плане содержания. Рассмотрим это соотношение на примере М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой: *Если завтра будет тепло, пойдем в лес*. Подчинительный союз *если* как аналитический показатель синтаксической связи в полипредикативной конструкции выражает синтаксическое отношение условия между событиями, обозначаемыми предикативными единицами *завтра будет тепло* и *пойдем в лес*.

Важный момент в понимании сложного предложения М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой заключается в том, что показатель связи или его компоненты присоединяются к контактно рас-

положенным к ним ПЕ и вместе с ними образуют предикативные части. Аналогия тут ясна: предикативная часть, образуемая ПЕ в сочетании с показателем связи, оказывается изоморфна сочетанию основы слова с формантом, образующим словоформу. Думаю, что здесь на понимание предикативной части в какой-то мере повлияла синтаксическая организация алтайских языков, в которых отношения между предикатами выражаются с помощью падежных агглютинативных суффиксов, что позволило ранее Е. И. Убрятовой описать феномен предикативного склонения [Убрятова 1976, 1981 и др.]. В русском языке основной состав показателей синтаксической связи в полипредикативной конструкции образуется отдельными служебными лексемами – союзами и анафорическими *k*-местоимениями (теми и другими часто в сочетании с *t*-местоимениями или частицами), которые, с точки зрения М. И. Черемисиной, входят в состав зависимой предикативной части. Поэтому в приведенном выше примере М. И. Черемисина и Т. А. Колосова видели зависимую предикативную часть в форме *если завтра будет тепло*. Включение показателя связи в состав зависимой предикативной части предполагает невозможность употребления последней в самостоятельном виде.

Таким образом, показатель связи в полипредикативной конструкции может быть аналитическим, что типично для русского языка (в простейшем случае – союз или анафорическое *k*-местоимение), а может быть синтетическим, что типично для алтайских языков – агглютинативный аффикс (падежный показатель, что позволяет уподобить словоизменение существительного и глагола), но при этом он всегда привязан к предикативной части сложного предложения, в составе которой находится как показатель синтаксической зависимости.

Такая сосредоточенность на синтаксическом отношении в течение многих лет, пока силами М. И. Черемисиной и ее учеников шло первичное описание полипредикативного синтаксиса алтайских и уральских языков, не должна была оставлять места для описания совершенно другого круга вопросов синтаксической семантики, связанных с семантико-прагматической сущностью и выражением референции, из широко известных на тот момент работ см. [Новое в зарубежной лингвистике 1982; Падучева 1985; и др.]. Тем не менее обойти вопросы референции в синтаксической семантике чрезвычайно сложно, что и показывают работы М. И. Черемисиной.

2. Круг вопросов теории референции, обсуждаемых в исследованиях М. И. Черемисиной

М. И. Черемисина решала вопросы, связанные с референцией, настолько, насколько они пересекались с проблемами синтаксических единиц, синтаксической связи и синтаксических отношений, прежде всего по отношению к полипредикативным конструкциям:

1) референция ПЕ – понятие и термины для типов реалий, с которыми соотносятся предикативные единицы и их трансформы – номинализации;

2) анафорические местоимения как показатель синтаксической связи – при помещении анафорического отношения в фокус внимания говорящего и в центр полипредикативной конструкции;

3) кореферентность подлежащих предикативных единиц в составе сложного предложения – моносубъектность (понятие введено М. И. Черемисиной); в русистике ключевым для М. И. Черемисиной вопросом являлась содержательная и конструктивная интерпретация роли нулевого подлежащего и дубль-подлежащего в выражении моносубъектности.

Этот круг проблем представляет собой некоторую часть, в известном смысле периферию вопросов теории референции. М. И. Черемисина, как специалист по полипредикативному синтаксису, в центр семантической стороны своих исследований ставила синтаксические отношения, поэтому многие важные проблемы теории референции, в том числе ключевые проблемы, к которым относится природа референции, типы референциального употребления именных групп, собственных имен и местоимений, не находили отражения в ее исследованиях.

Обсудим актуальный для М. И. Черемисиной круг проблем теории референции более подробно.

2.1. Референция предикативной единицы

Один из ключевых вопросов, который решали синтаксисты в 80-е гг. XX в., – вопрос о денотате и референте предикативной единицы.

В «Очерках по теории сложного предложения» М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой [1987] этому вопросу посвящен первый раздел «Пропозиция как класс семантических объектов» второго очерка «Понятия о семантике синтаксических единиц».

В качестве минимальной синтаксической единицы авторы предлагают элементарное предложение. Содержанием элементарного предложения является событие [Там же: 32].

60–70-е гг. XX в. характеризуются переходом в отечественной лингвистике от комбинаторного к субстанциальному пониманию синтаксиса. Специалисты по синтаксической семантике стремились выстроить семантическую модель предложения как единицы синтаксиса, опираясь на идею изоморфизма предложения и слова. Трехкомпонентная модель семантики слова, в которой его материальной оболочке соответствуют два типа семантики: денотат как круг реалий и сигнификат как понятийное содержание, восходит к идеям Г. Фреге [1977].

Изоморфную модель семантики простого предложения можно представить как «слоеный пирог» из трех уровней:

- материальная оболочка: предикативная единица как синтаксическая форма;
- десигнат: семантическая модель – пропозиция с предикатом в центре и выступающими в качестве его аргументов актантами и сирконстантами;
- референт (денотат): ситуация или положение дел.

Остается не вполне понятным место в этой модели события.

Рассмотрим типовой пример: *Яблоны цветет*. В качестве семантической модели можно говорить о событийной пропозиции физического состояния или гомогенного физического процесса. В круг денотативных объектов попадают статические или динамические ситуации, в которые вовлечен натурфакт.

М. И. Черемисина и Т. А. Колосова выделяют три аспекта семантики: референциальный, денотативный и десигнативный (сигнификативный) [Черемисина, Колосова 1987: 32], не объясняя различие первых двух аспектов, которые в референциальной семантике обычно отождествляются или противопоставляются как феномен речи (референт) и языка (денотат). В качестве десигната, понятийной интерпретации наличествующей денотативной ситуации, они видят пропозицию. При этом место события они видят на уровне пропозиции: «В простейшем случае отдельной пропозиции соответствует одно элементарное предложение. Пропозицию, выраженную таким способом, мы называем событием (подчеркнуто автором – И. К.)» [Там же: 40].

Для контраста приведем две другие точки зрения. Т. В. Шмелева видит место события на референтном уровне, выделяя один из типов пропозиций – событийные, наряду с логическими [Шмелева 1994: 10], а Н. Д. Арутюнова считает событие сложным прагмасемантическим конструктом, имея в виду, что событие выделяется говорящим как значимая ситуация в жизни человека, локализуемая также во времени и пространстве [Арутюнова 1988: 171 и далее]. Таким образом, событие оказывается в отечественной синтаксической семантике промежуточным элементом семантической модели, имеющим тяготение к уровню обозначаемой реальности и к уровню ее семантической и / или прагмасемантической интерпретации.

Такую двойственность в отношении места понятия *событие* в синтаксической семантике можно объяснить тем, что на этапе становления этой лингвистической дисциплины в качестве терминов использовались слова естественного языка, с учетом в той или иной мере их языковой семантики и нетерминологического употребления.

2.2. Анафора как способ синтаксической связи

Гораздо большее место в синтаксических исследованиях М. И. Черемисиной занимает другое понятие теории референции – кореферентность. Этому способствуют существенные различия между ней и референцией.

Референция представляет собой отношение актуализированного в речи языкового выражения к действительности, и это отношение между означающим и означаемым для одного языкового выражения. Кореферентность и кореференция – это отношение между двумя языковыми

выражениями. В высказывании *Меньше шума производят узбекские дыни, но ОНИ, конечно, не столь практичны как картофелина* [Форум: Горный двухподвесочный (2010). НКРЯ] референция имен (именных групп) *узбекская дыня, картофелина* и местоимения *он* оценивается как нереферентное, универсальное или родовое употребление, при котором эти языковые выражения соотносятся со всем классом потенциально обозначаемых реалий или эталонным представителем класса. Но, кроме того, выражения *узбекские дыни* и *они* вступают в отношении кореферентности, то есть обозначают одну и ту же реалию. Кореферентность как отношение единиц в составе текста или предложения похоже на синтаксическое отношение, поскольку связывает две языковые сущности в текстовой последовательности.

Кореферентность может оказаться в центре семантики сложного предложения, и тогда именно она становится синтаксическим отношением, организующим полипредикативную конструкцию. В отечественный синтаксис сложного предложения представление об анафорических местоимениях как средстве синтаксической связи ввела В. А. Белошапкова. В статье «Анафорические элементы в составе сложных предложений» [Белошапкова 1971] она показала, что участие анафорических местоимений в синтаксической связи достигается за счет их синсемантической и служебной по своей природе роли – функции переноса содержания из одной части сложного предложения в другую [Там же: 35]. Предложенная в работе классификация анафорических местоимений [Там же: 35–42] связана с их ролью и местом в организации синтаксической связи. В дальнейшем эта классификация была положена в основу классификации сложноподчиненных предложений в пособии В. А. Белошапковой по синтаксису современного русского языка и в написанном ею разделе вузовского учебника [Белошапкова 1977; 1981].

М. И. Черемисина и Т. А. Колосова в «Очерках по теории сложного предложения» выделяют большой класс одноместных скреп (аналитических показателей связи в русском языке) прономинального (местоименного) типа [Черемисина, Колосова 1987: 132, 159], например: *Этот генерал в разговоре на аэродроме высказал оригинальные, весьма толковые соображения, ЧЕМ сразу понравился Егорову*¹ (здесь и далее примеры М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой). Кроме того, они выделили подкласс двухместных скреп с прономинальным релятом [Там же: 163], например: *Ничто не нарушало ТОЙ отдаленно-глухой тишины, ЧТО наступила вдруг*; а также прономинально-союзные скрепы в составе подкласса двухместных скреп с союзным релятом [Там же: 171], например: *По-настоящему цирк для меня начался после ТОГО, как я закончил студию*.

3.3. Моносубъектность как осложняющий параметр полипредикативности

Кореферентность как двухместное отношение может не только формировать синтаксическую связь в сложном предложении, но и, что случается чаще, может вступать с ней в разнообразные отношения. Одно из таких отношений – кореферентность подлежащих ПЕ, входящих в полипредикативную конструкцию. М. И. Черемисина описала его на примере языков разных систем, показала его специфику по отношению к более частой разносубъектности и ввела два ключевых понятия в области выражения моносубъектности в русском языке: нулевое подлежащее и дубль-подлежащее [Черемисина 1980; см. также более раннюю работу: Черемисина 1973]. Так, в уже приводившемся высказывании *Меньше шума производят узбекские дыни, но ОНИ, конечно, не столь практичны как картофелина* средством выражения моносубъектности выступает дубль-подлежащее – анафорическое местоимение *ОН*. Ср. использование нулевого подлежащего в трансформированной фразе *Узбекские дыни производят меньше шума, но \emptyset не столь практичны, как картофелина*.

Механизм кореферентности в конструкциях с нулевым подлежащим М. И. Черемисина назвала «ориентацией второго предиката на первый предикативный узел» [Там же], которая в стандартном случае сводится к согласованию второго предиката с подлежащим первого предикативного узла и / или первым сказуемым, ср. в трансформированном примере согласование в числе второго сказуемого *практичны* с подлежащим *дыни* и первым сказуемым *производят меньше шума*. Отмечу важный момент, который в каком-то смысле остается за кадром иссле-

¹ Подчеркиванием выделен антецедент анафорического местоимения, полужирным – одноместная или части двухместной скрепы, прописными буквами – анафорические элементы.

дований моносубъектности: в отношении референтного тождества вступают не только подлежащие образующих сложное предложение предикативных единиц, но и субъекты выражаемых ими пропозиций (элементы уровня семантической модели – пропозиции), как это вытекает из исследования М. И. Черемисиной и выполненной под ее руководством кандидатской диссертации А. П. Леонтьева [1982]. Из этого направления интересов М. И. Черемисиной выросла в конечном итоге и кандидатская диссертация автора этой статьи [Ким 1995]. Понятие моносубъектности вошло в отечественную традицию изучения полипредикативного и полипропозитивного синтаксиса, а также дало новые подходы к изучению полипредикативных конструкций в типологическом аспекте.

Заключение

Таким образом, можно сказать, что, несмотря на эпизодичность и периферийность исследовательского интереса к референции, М. И. Черемисина как синтаксист не могла обойти эту проблематику и внесла существенный вклад в ее изучение. Каждый из трех референциальных сюжетов, разрабатываемый в ее трудах, в том числе в соавторстве с Т. А. Колосовой, связан с сущностными проблемами теории референции: природой референта предикативной единицы и ее трансформаций; с семантикой и синтаксическим поведением анафорических местоимений в качестве средств связи в сложном предложении; с особым типом полипредикативных конструкций, в которых референциально тождественны не только языковые выражения, но и элементы формально-синтаксической структуры – подлежащие и их незамещенные позиции, а также компоненты семантической структуры – субъекты вступающих в синтаксическое отношение пропозиций.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
- Белошапкина В. А.* Анафорические элементы в составе сложных предложений // Памяти академика В. В. Виноградова. М.: Изд-во МГУ, 1971. С. 34–43.
- Белошапкина В. А.* Современный русский язык: Синтаксис: Учеб. пособие. М.: Высш. школа, 1977. 248 с.
- Белошапкина В. А.* Синтаксис // Современный русский язык: Учебник. М.: Высш. школа, 1981. С. 363–552.
- Ким И. Е.* Модус-диктумная кореферентность и ее выражение в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1995. 208 с.
- Леонтьев А. П.* Моносубъектные полипредикатные конструкции современного русского языка: Сопоставительное описание структур с нулевым подлежащим и с дубль-подлежащим: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1982. 211 с.
- Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (Проблемы референции). М.: Радуга, 1982. 431 с.
- Падучева Е. В.* Высказывание и его соотношенность с действительностью: (Референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 271 с.
- Убрятова Е. И.* Исследования по синтаксису якутского языка. Новосибирск, 1976. 346 с.
- Убрятова Е. И.* Предикативное склонение в якутском языке // Падежи и их эквиваленты в трое сложного предложения в языках народов Сибири. Новосибирск, 1981. С. 3–11.
- Фреге Г.* Смысл и денотат // Семиотика и информатика. 1977. Вып. 8. С. 181–210.
- Черемисина М. И.* О сложных предложениях с бесподлежащим придаточным // Синтаксис и интонация. Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1973. Вып. 2. С. 69–74.
- Черемисина М. И.* Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1976. 270 с.
- Черемисина М. И.* Моносубъектная конструкция: понятие и типология // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск: Наука, 1980. С. 6–33.
- Черемисина М. И., Колосова Т. А.* Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 197 с.
- Шмелева Т. В.* Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск, 1994. 47 с.

References

- Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytiye. Fakt* [Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow, Nauka, 1988, 341 p. (In Russ.)
- Beloshapkova V. A. Anaforicheskiye elementy v sostave slozhnykh predlozheniy [Anaphoric elements in complex sentences]. In: *Pamyati akademika V. V. Vinogradova* [To the memory of academician V. V. Vinogradov]. Moscow, MSU Publ., 1971, pp. 34–43. (In Russ.)
- Beloshapkova V. A. Sintaksis [Syntax]. In: *Sovremennyy russkiy yazyk: Uchebnik* [Modern Russian language: Textbook]. Moscow, Vyssh. shk., 1981, pp. 363–552. (In Russ.)
- Beloshapkova V. A. *Sovremennyy russkiy yazyk: Sintaksis: Ucheb. posobie* [Modern Russian language: Syntax: Textbook]. Moscow, Vyssh. shk., 1977, 248 p. (In Russ.)
- Cheremisina M. I., Kolosova T. A. *Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniya* [Essays on the theory of a complex sentence]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 197 p. (In Russ.)
- Cheremisina M. I. Monosub'yektnaya konstruktziya: ponyatiye i tipologiya [Monosubjective construction: concept and typology]. In: *Polipredikativnyye konstruktzii i ikh morfologicheskaya baza* [Polypredicative constructions and their morphological base]. Novosibirsk, Nauka, 1980, pp. 6–33. (In Russ.)
- Cheremisina M. I. O slozhnykh predlozheniyakh s bespodlezhashchnym pridatochnym [On complex sentences with a subjectless subordinate clause]. In: *Sintaksis i intonatsiya* [Syntax and intonation]. Ufa, Bashkir Univ. Publ., 1973, iss. 2, pp. 69–74. (In Russ.)
- Cheremisina M. I. *Sravnitel'nyye konstruktzii russkogo yazyka* [Comparative constructions of the Russian language]. Novosibirsk, Nauka. Siberian Branch, 1976, 270 p. (In Russ.)
- Frege G. Smysl i denotat [Meaning and denotation]. *Semiotika i informatika*. 1977, iss. 8, pp. 181–210. (In Russ.)
- Kim I. Ye. *Modus-diktumnaya koreferentost' i yeye vyrazheniye v sovremennom russkom yazyke* [Modus-dictum coreference and its expression in the modern Russian language]. Cand. philol. sci. diss. Krasnoyarsk, 1995, 208 p. (In Russ.)
- Leont'yev A. P. *Monosub'yektnyye polipredikatnyye konstruktzii sovremennogo russkogo yazyka: Sopostavitel'noye opisaniye struktur s nulevym podlezhashchim i s dubl'-podlezhashchim* [Monosubject polypredicate constructions of the modern Russian language: Comparative description of structures with a zero subject and with a double subject]. Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 1982, 211 p. (In Russ.)
- Novoye v zarubezhnoy lingvistike: Problemy referentsii* [New in foreign linguistics: Problems of reference]. Moscow, Raduga, 1982, 432 p. (In Russ.)
- Paducheva Ye. V. *Vyskazyvaniye i yego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu: (Referentsial'nyye aspekty semantiki mestoimeniy)* [Utterance and its correlation with reality: (Referential aspects of the semantics of pronouns)]. Moscow, Nauka, 1985, 271 p. (In Russ.)
- Shmeleva T. V. *Semanticheskyy sintaksis: Tekst lektsiy iz kursa "Sovremennyy russkiy yazyk"* [Semantic syntax. Text of lectures from the course "Modern Russian Language"]. Krasnoyarsk, 1994, 47 p. (In Russ.)
- Ubryatova Ye. I. *Issledovaniya po sintaksisu yakutskogo yazyka* [Studies in the syntax of the Yakut language]. Novosibirsk, 1976, 346 p. (In Russ.)
- Ubryatova Ye. I. Predikativnoye skloneniye v yakutskom yazyke [Predicative declension in the Yakut language]. In: *Padezhi i ikh ekvivalenty v stroye slozhnogo predlozheniya v yazykakh narodov Sibiri* [Cases and their equivalents in the structure of a complex sentence in the languages of the peoples of Siberia]. Novosibirsk, 1981, pp. 3–11. (In Russ.)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
13.10.2024*

Сведения об авторе

Игорь Ефимович Ким – доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
E-mail: kim@philology.nsc.ru
ORCID 0000-0002-5571-4719

Information about the Author

Igor E. Kim – Doctor of Philology, Docent, Principal Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
E-mail: kim@philology.nsc.ru
ORCID 0000-0002-5571-4719

УДК: 811.51
DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-57-61

Профессор М. И. Черемисина и социолингвистическое исследование языков коренных народов Сибири

А. Д. Каксин

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия

Аннотация

Статья посвящена тому значимому и значительному вкладу, который внесла в традиционную социолингвистику Майя Ивановна Черемисина – выдающийся российский лингвист, доктор филологических наук, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, основатель Новосибирской синтаксической школы. Показано, какие идеи отстаивала М. И. Черемисина, когда обращалась к теме развития в социуме языков коренных народов Сибири. В статье указано и на организаторскую роль М. И. Черемисиной в процессе развертывания лингвистических работ в Новосибирском научном центре, связанных с социолингвистическим изучением коренных народов Сибири. Указано на вхождение трудов данной направленности в общий план работ М. И. Черемисиной, ее коллег и учеников в области общего и типологического языкознания.

Ключевые слова

научная деятельность, лингвистика, персоналии, Новосибирская лингвистическая сибиреведческая школа, языки народов Сибири, Майя Ивановна Черемисина

Для цитирования

Каксин А. Д. Профессор М. И. Черемисина и социолингвистическое исследование языков коренных народов Сибири // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52). С. 57–61. DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-57-61

Professor M. I. Cheremisina and sociolinguistic study of the languages of indigenous peoples of Siberia

A. D. Kaksin

Katanov Khakass State University, Abakan, Russian Federation

Abstract

Maya Ivanovna Cheremisina, a distinguished Russian linguist, Doctor of Philology, Honored Scientist of the Russian Federation, and founder of the Novosibirsk Syntactic School, is recognized for her significant contribution to the development of traditional sociolinguistics. This paper sheds light on her significant contributions. It elucidates the ideas that the scholar advocated regarding the societal development of indigenous Siberian languages. Emphasis is placed on the organizational role of Maya Ivanovna Cheremisina in the de-

© А. Д. Каксин, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 4 (iss. 52)

ployment of linguistic works at the Novosibirsk Scientific Center, particularly in relation to the sociolinguistic analysis of indigenous peoples of Siberia. These works are a part of the overall research agenda of Maya Ivanovna Cheremisina, her colleagues, and students in the field of general and typological linguistics.

Keywords

science activity, linguistics, personalities, Novosibirsk linguistic Siberian school, languages of the peoples of Siberia, M. I. Cheremisina

For citation

Kaksin A. D. Professor M. I. Cheremisina i sotsiolingvističeskoe issledovanie yazykov korennykh narodov Sibiri [Professor M. I. Cheremisina and sociolinguistic study of the languages of indigenous peoples of Siberia]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2024, no. 4, pp. 57–61. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-57-61

Майя Ивановна Черемисина (30 сентября 1924 г. – 6 декабря 2013 г.) – выдающийся российский лингвист, доктор филологических наук, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, основатель Новосибирской синтаксической школы – внесла неоценимый вклад в изучение языков коренных народов Сибири. Сфера научных интересов М. И. Черемисиной была очень объемной: еще до начала работы в Новосибирском научном центре стали широко известны ее труды по общей и русской лексикологии, грамматической семантике, стилистике. В период работы в новосибирском Академгородке эта работа была продолжена; также было начато ширококомасштабное изучение языков коренных народов Сибири. М. И. Черемисина, ее коллеги и ученики стали изучать эти языки комплексно, в том числе в аспекте их функционального состояния и перспектив развития. При разработке социолингвистической проблематики основой послужили труды выдающихся лингвистов, работавших в новосибирском Академгородке – В. А. Аврорина, Е. И. Убрятовой, К. А. Тимофеева. В этот ряд входят и работы М. И. Черемисиной «О социолингвистическом исследовании словарного состава», «Функции естественного и математического языка» (совместно с З. М. Зориным), «О программе построения словаря социологической терминологии» (совместно с Р. В. Рывкиной), «Лингвистика: Задачи – осознанные и неосознанные», «Социолингвистическая ситуация в Сибири» (совместно с Е. К. Скрибник), «О состоянии русского языка», «Заметки о русских и их отношении к другим народам, языкам и культурам нашей страны» и др. [Черемисина 2004: 880–890].

Новосибирский этап жизни и деятельности Майи Ивановны Черемисиной – это почти полвека преподавательской и исследовательской работы: сначала в области общего языкознания, математической лингвистики и чуть позже, с середины 70-х гг. XX в. – в сфере всестороннего, углубленного изучения языков коренных народов Сибири [Черемисина 2020: 422]. Именно в этот период Майя Ивановна искала и нашла новые возможности развития общих теорий лингвистики за счет осмысления большого нового материала, который давали втянутые в этот активный поисковый процесс языки коренных народов Сибири. Теперь, оглядываясь назад, с высоты нашего времени можно говорить как минимум о трех теориях (и концепциях) М. И. Черемисиной, являющихся выдающимся вкладом в развитие языкознания и разработанных на основе глубокого проникновения в материал языков народов Сибири. Эти три заслуги Майи Ивановны лежат в плоскости лексической (и лексико-грамматической) семантики, синтаксиса и социолингвистики. Важно то, что в каждой из этих теорий, кроме основной части, имеются дополнительные вкрапления (приложения) – в виде комплекса тезисов и положений, касающихся отдельных, специальных вопросов (или проблем).

Заслугой М. И. Черемисиной в области лексикологии и семантики является выдвижение концепции многофункциональности слова и типологии семантических отношений. Такое название мы даем достаточно условно: очень трудно объединить в единой формуле всю совокупность взглядов выдающегося лингвиста на понятия *слово*, *значение*, *семантические отношения* (и мн. др.). Но все без исключения работы Майи Ивановны объединяет одно – они все содержательны, аргументированы, насыщены точными и интересными фактами.

Особенно велика значимость трудов М. И. Черемисиной в сфере синтаксиса. Именно в этой области у сибирских ученых много выдающихся достижений, и самым первым из них, конечно, нужно назвать теорию полипредикативного синтаксиса (алтайского типа), разработанную под руководством М. И. Черемисиной. Вот как о начале работ в этом направлении писала сама Майя Ивановна: «Незаменимой опорой в построении стратегии и тактики научного поиска бы-

ло данное Е. И. Убрятовой четкое определение важнейших черт строя сложного предложения якутского языка. Это, во-первых, единые для простого и сложного предложения типы связи компонентов; во-вторых, это использование в качестве зависимых (неконечных) сказуемых инфинитивных глагольных форм; и в-третьих – это особая роль, особое место в этой системе причастий, способных принимать разные падежные формы, сохраняя при этом глагольность, то есть оставаться спрягаемыми сказуемыми» [Черемисина 2020: 423].

Эти и другие размышления М. И. Черемисиной позволяют по-новому взглянуть на грамматический строй тюркских языков. В частности, исходя из положений теории предикативного склонения, можно по-новому построить преподавание синтаксиса тюркских языков в высшей школе. Проработав основополагающие постулаты данной теории, много полезного для себя могут вынести не только исследователи и преподаватели, но и переводчики, а также практические работники, связанные с воспроизводством тюркской речи в средствах массовой информации, деловой, научной и художественной литературе.

Особенно много сделала Майя Ивановна для начала работ по широкомасштабному изучению языков коренных народов Сибири. Исчерпывающий каталог этих языков, их характеристика в генетическом и типологическом отношении содержится в кратком и ёмком учебном пособии [Черемисина 1992]. Эту небольшую книгу можно назвать своеобразной *малой энциклопедией*. Читая ее, можно составить яркое, зримое представление о сибирских языках – представителях шести языковых семей, а также изолированных языках Сибири (кетском, юкагирском, нивхском). Есть в этой книге содержательный материал и по социолингвистике. Прежде чем перейти к нему, укажем основные пункты (параметры) традиционного социолингвистического изучения языков. О них сама Майя Ивановна упомянула чуть раньше, в программе спецкурса «Алтайские языки Сибири»: «Состав алтайских языков Сибири. ... Краткие сведения о ранних исследователях алтайских языков. ... Общая характеристика тюркских языков Сибири, входящих в алтайскую общность. ... Территория их обитания, историческое прошлое, этнический состав, количество носителей языка; наличие или отсутствие письменности, при наличии – краткая ее история и характеристика корпуса текстов. ... Влияние русского языка на алтайские языки Советского Союза» [Черемисина 1988: 5–6].

Примерно по такому плану рассматриваются все языки коренных народов Сибири в названной выше работе. При этом М. И. Черемисина часто обращается и к таким характерным чертам языков, как этимология самоназвания народа, языковое окружение, функции языка в современный период. Вот, например, как подан материал (социолингвистического свойства), касающийся якутского языка: «Якутский язык – это язык коренного населения нынешней Республики Саха (Якутской). ... Сами якуты называют себя “саха”. Это слово родственно слову “якут”, которое русские могли воспринять от соседей-эвенков, сохранивших древнее звучание этого этнонима. ... Якуты – один из самых крупных народов Сибири: по численности они уступают только бурятам. По данным 1979 г., якуты насчитывали в своем составе 328 тыс. человек. ... Подавляющее большинство якутов живет в Якутии и считает якутский язык родным. Русско-якутский билингвизм, конечно, имеет место, но массового перехода якутов на русский язык как на язык повседневного общения не наблюдается» [Черемисина 1992: 13–14].

Особо необходимо выделить две монографические работы М. И. Черемисиной, в которых достаточно подробно освещены вопросы функций языка и речи, свойств письма, закономерностей развития и взаимодействия языков [Черемисина 1998: 12–25, 83–121; Черемисина 2002: 179–244].

В этих работах речь идет обо всех естественных языках, и, значит, выдвигаемые положения действительно и для языков народов Сибири тоже. В суждениях о когнитивной функции языка обычно подчеркивается, что язык служит для выражения деятельности сознания, моментальной организации возникающих у человека мыслей [Слюсарева 1990: 564; Кронгауз 2001: 313]. Эту инструментальную роль языка отмечает и Майя Ивановна, но она также выразительно подчеркивает и другую грань данного процесса: «Язык часто называют **орудием и средством познания**. Это верно, если смотреть вперед, в будущее. Но если оглянуться назад, язык предстанет перед нами как **итог познавательного процесса**, как спрессованное давлением тысячелетий **первичное**, самое фундаментальное **знание**, добытое, отвоёванное у тьмы ценою миллиардов жизней всех наших предков» [Черемисина 1998: 12].

Продолжая этот разговор о роли языка в процессе познания, М. И. Черемисина пишет еще об одном великом его свойстве – быть хранилищем человеческого опыта. Она вновь напоминает об устоявшемся взгляде на огромную роль языка как посредника в передаче и распространении накопленных знаний. А далее очень выразительно развивает эту мысль в том русле, что **«сам по себе язык есть особая форма существования знания. Может быть, на первый взгляд это покажется странным, но вся та информация, которую можно выразить, передать при помощи языка, написать в книгах и высказать устно, вся информация, заключенная в собраниях Ленинской библиотеки, которую новые открытия сулят свести к электронной записи объемом в стакан, несопоставимо мизернее той информации, которую каждый язык заключает в самом себе»** [Черемисина 1998: 13].

Именно это осознание объемности каждого языка и, значит, равенства языков лежит в основе выделения типов взаимодействия языков, проводимой в одной из значимых монографий М. И. Черемисиной по общей лингвистике. В этой классификации четко разграничиваются *скреживание* и *ассимиляция*, констатируются (или определяются) *языковые союзы*, и отдельно выделяется *культурное взаимодействие языков* [Черемисина 2002: 242–244].

Одновременно аналитическим обзором и программой действий (в отношении языков малочисленных народов) является замечательная статья М. И. Черемисиной «Состояние языка как показатель состояния духовной культуры народности», опубликованная уже после ее ухода из жизни. Эта работа наполнена размышлениями о сути социологического подхода к жизни естественных языков. А нижеследующие слова из этой статьи может принять в качестве манифеста каждый лингвист (и каждый специалист, связанный с таким великим явлением, как человеческий язык): «Мы должны исходить из того, что каждый язык имеет право на жизнь – но при этом каждый человек тоже имеет право на ту жизнь, которую он выбирает, включая право выбора родного языка для своих детей и основного языка для себя самого. Там, где ассимиляция уже произошла, назад пути нет. Помогать выжить надо тем языкам, носители которых хотят выжить как этническая отдельность. Но нужно помнить, что культурно-историческую ценность представляют абсолютно все языки» [Черемисина 2019: 10–11].

Работы М. И. Черемисиной нацеливают на исследование языков в традиционном социолингвистическом ключе: лингвисту должны быть интересны такие проблемы, как «язык и общественно-экономический уклад», «национальный язык и диалекты», «социальные диалекты, жаргоны», «появление понятий нормы и стиля», «межнациональное общение и современные языковые союзы» и под. Такое углубленное, широкомасштабное исследование проводится и сейчас в новосибирском Академгородке и других научных центрах, где работают ученики и единомышленники профессора М. И. Черемисиной.

Список литературы

Кронгауз М. А. Семантика. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. 399 с.

Слюсарева Н. А. Функции языка // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 564–565.

Черемисина М. И. Мои воспоминания. Новосибирск, 2020. 493 с.

Черемисина М. И. Программа специального курса «Алтайские языки Сибири». Вып. I. Новосибирск, 1988. 48 с.

Черемисина М. И. Состояние языка как показатель состояния духовной культуры народности // Предложение как единица языка и речи: Материалы Всероссийского научного симпозиума с международным участием, посвященного 95-летию со дня рождения М. И. Черемисиной. Новосибирск: Академиздат, 2019. С. 4–11.

Черемисина М. И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. 896 с.

Черемисина М. И. Язык и его отражение в науке о языке. Новосибирск, 2002. 254 с.

Черемисина М. И. Языки коренных народов Сибири: Учеб. пособие. Новосибирск, 1992. 92 с.

Черемисина М. И. Язык как явление действительности и объект лингвистики: Учеб. пособие. Новосибирск, 1998. 128 с.

References

- Cheremisina M. I. *Moi vospominaniya* [My memories]. Novosibirsk, 2020, 493 p.
- Cheremisina M. I. *Programma spetsial'nogo kursa "Altayskie yazyki Sibiri"* [Program of the special course "Altai languages of Siberia"]. Novosibirsk, 1988, iss. 1, 48 p.
- Cheremisina M. I. Sostoyanie yazyka kak pokazatel' sostoyaniya dukhovnoy ku'tury narodnosti [The state of language as an indicator of the state of spiritual culture of the nationality]. In: *Predlozhenie kak edinita yazyka i rechi: Materialy Vserossiyskogo nauchnogo simpoziuma s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennogo 95-letiyu so dnya rozhdeniya M. I. Cheremisinoy* [A sentence as a unit of language and speech: Proceedings of the All-Russian scientific symposium with international participation, dedicated to the 95th anniversary of M. I. Cheremisina]. Novosibirsk, Akademizdat, 2019, pp. 4–11.
- Cheremisina M. I. *Teoreticheskie problemy sintaksisa i leksikologii yazykov raz-nykh sistem* [Theoretical problems of syntax and lexicology of languages of different systems]. Novosibirsk, Nauka, 2004, 896 p.
- Cheremisina M. I. *Yazyk i ego otrazhenie v nauke o yazyke* [Language and its reflection in the science of language]. Novosibirsk, 2002, 254 p.
- Cheremisina M. I. *Yazyki korennykh narodov Sibiri: Ucheb. posobie* [Languages of Indigenous Peoples of Siberia: Study guide]. Novosibirsk, 1992, 92 p.
- Cheremisina M. I. *Yazyk kak yavlenie deystvitel'nosti i ob"ekt lingvistiki: Ucheb. posobie* [Guide Language as a phenomenon of reality and an object of linguistics: Study guide]. Novosibirsk, 1998, 128 p.
- Krongauz M. A. *Semantika* [Semantics]. Moscow, RSUH, 2001, 399 p.
- Slyusareva N. A. Funktsii yazyka [Functions of language]. In: *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. V. N. Yartseva (Ed.). Moscow, Sov. entsikl., 1990, pp. 564–565.

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
1.11.2024*

Сведения об авторе

Андрей Данилович Каксин – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия)

E-mail: adkaksin@yandex.ru

ORCID 0000-0001-9632-8286

Information about the Author

Andrey Danilovich Kaksin – Doctor of Philology, Leading Researcher, Research Institute of Humanitarian Research and Sayan-Altai Turkology, Katanov Khakass State University (Abakan, Russian Federation)

E-mail: adkaksin@yandex.ru

ORCID 0000-0001-9632-8286

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ СИСТЕМ

УДК 81.2.2

DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-62-73

Способы выражения сравнительных отношений неравенства в улчском и других тунгусо-маньчжурских языках

В. А. Горбунова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Применительно к улчскому языку рассматривается дискуссионный в тунгусо-маньчжуроведении вопрос о возможности выделения степеней сравнения прилагательных как грамматической категории и признания соответствующих форм ключевым компонентом компаративных и суперлативных конструкций. Обзор литературы по ряду тунгусо-маньчжурских языков показывает, что для выражения компаративной и суперлативной семантики по большей части применяется один и тот же набор средств (выделительные суффиксы и наречия меры и степени), однако соотносимость указанных средств с конкретными значениями в ряде языков, включая улчский, носит слишком нерегулярный характер, чтобы говорить о существовании сложившейся парадигмы. Представляется, что адъективная категория степени сравнения в улчской грамматической системе является недооформленной, вследствие чего компаративные и суперлативные отношения получают отражение на уровне синтаксической конструкции и, шире, текста.

Ключевые слова

тунгусо-маньчжурские языки, улчский язык, имя прилагательное, степени сравнения, сравнительная степень, превосходная степень, сравнение

Для цитирования

Горбунова В. А. Способы выражения сравнительных отношений неравенства в улчском и других тунгусо-маньчжурских языках // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52). С. 62–73. DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-62-73

Ways of expressing comparative inequality in the Ulch and other Tungusic languages

V. A. Gorbunova

Institute of Philology of the Siberian Branch RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

This paper offers a comprehensive analysis of comparison markers in the Ulch language. The purpose is to introduce novel data with which to create a more complete picture of means of expressing different comparative relations within the inequality group. These data are to be used and serve to establish a perspective on the controversial issue of degrees of comparison in Ulch adjectives and their status in the system. A detailed

© В. А. Горбунова, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 4 (iss. 52)

overview of scientific literature on degrees of comparison as a grammatical category in the Tungusic languages is provided, with the data from the Ulch texts placed into a wider context. It is revealed that although numerous languages use analogous elements for denoting comparative and superlative meanings, the degree of regularity in their application differs. Comparative and superlative relations are marked by separate sets of markers in languages such as Even and Evenki, with minimal convergence between the two sets. In other languages, including Ulch, a substantial convergence between the two is evident. The differentiation indicates that the grammatical category of grade of comparison is not uniformly developed across languages, with Ulch exhibiting a less complete formation. The Ulch language demonstrates a strong correlation between context and the differentiation of sentences with varying semantic classifications, even those possessing identical structures. Rather than being conveyed through grammatical forms, the degrees of comparison are expressed on the level of text.

Keywords

Tungusic languages, the Ulch language, adjective, degrees of comparison, comparative forms, superlative forms, comparison

For citation

Gorbunova V. A. Sposoby vyrazheniya sravnitel'nykh otnosheniy neravenstva v ul'chskom i drugikh tunguso-man'chzhurskikh yazykakh [Ways of expressing comparative inequality in the Ulch and other Tungusic languages]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2024, no. 4 (iss. 52), pp. 62–73. (in Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-62-73

Введение

В данной статье ставится цель уточнить и дополнить результаты произведенного ранее исследования способов выражения сравнения в ульчском языке [Горбунова 2023]. Расширенного комментария требует, прежде всего, вопрос о средствах выражения отношений неравенства (компаративных и суперлативных, согласно принятой в рамках исследования терминологии), тесно связанный с проблемой границ адъективного словоизменения. Вопрос о наличии у имен прилагательных особых сравнительных форм, а также, в случае выделения соответствующей грамматической категории, о составе связанной с ней парадигмы был и остается полемическим в тунгусоманьчжуроведении. Для того чтобы сделать окончательные выводы о статусе сравнения как явления морфолого-синтаксического или же синтаксического уровня в ульчском языке, в статье осуществляется литературный обзор трудов, посвященных морфологии языков тунгусо-маньчжурской семьи, проводится сравнительный анализ способов выражения сравнения, представленных в этих исследованиях, обобщенная картина сопоставляется с данными, полученными нами для ульчского языка. Кроме того, в целях углубленного описания отдельных морфологических и лексических элементов, регулярно фигурирующих в сравнительных конструкциях, привлекается дополнительная выборка из ульчских текстов, которая позволяет более точно установить их место в языковой системе.

В исследовании, дополнительно к ульчскому, используются материалы эвенского, эвенкийского, нанайского, орокского, ороцкого и удэгейского языков, представленные в существующих грамматиках и в работах последних лет, посвященных структуре и семантике сравнительных конструкций в некоторых из них. Материал из ульчских источников получен методом сплошной выборки из опубликованных текстов [Ангина 1993; Петрова 1936; Суник 1985; Kazama 2003]. При описании и оценке языковых фактов применяются методы компонентного и количественного анализа, а также сравнительно-сопоставительный метод.

В ходе анализа сравнительных конструкций используется терминологическая система, которая была введена в первой части исследования и в рамках которой выделяются следующие компоненты сравнительной ситуации: *предмет сравнения* – лицо, объект или явление, характеристика которого является коммуникативной целью; *стандарт сравнения* – лицо, объект или ситуация, относительно которого оценивается предмет сравнения; *показатель стандарта сравнения* – особый элемент, который указывает на то, что та или иная лексема выступает в конструкции в роли стандарта сравнения; *параметр сравнения* – признак или качество, которым предмет и стандарт обладают в равной или неравной мере и который служит основанием для сравнения; *показатель параметра* – особый элемент, который указывает на то, что та или иная лексема выступает в конструкции в роли параметра сравнения.

Вопрос о сравнительной и превосходной степенях прилагательных в тунгусоманьчжуроведении

В трудах по тунгусоманьчжуроведению можно отметить широкий диапазон различных, часто противоположных точек зрения относительно формообразования в сфере качественных прилагательных. Так, исследователи нанайского языка последовательно отвергают возможность выделения степеней сравнения у прилагательных; об этом пишет Т. И. Петрова [Петрова 1941: 43], развернутое обоснование приводит В. А. Аврорин [Аврорин 1959: 210–212]. Напротив, существование степеней сравнения как грамматической категории у имен прилагательных с определенностью утверждает Б. В. Болдыревым [Болдырев 2007: 393] для эвенкийского языка, В. Д. Лебедевым [Лебедев 1978: 55] и В. И. Цинциус [Цинциус 1947: 114] для эвенского, Л. В. Озолиной для орокского [Озолина 2007: 214]. В то же время в других работах мы находим не столь однозначные выводы о природе адъективных образований, появляющихся в сравнительных оборотах. Особую позицию относительно словоизменения прилагательного занимает И. В. Кормушин, который говорит о существовании категории «усиленности признака» в удэгейском языке, но при этом отделяет ее от компаративных и суперлативных значений, которые выражаются «без морфологического изменения прилагательного» [Кормушин 1998: 90]. Описывая грамматические свойства прилагательных в орокском языке, В. А. Аврорин и Б. В. Болдырев выделяют, среди прочих, две характеристики качественного разряда, связанные с их способностью «выражать различные степени проявления качественного признака», – предикативное использование в сравнительном обороте и осложнения суффиксальными показателями, однако не соотносят эти два процесса между собой напрямую [Аврорин, Болдырев 2001: 217].

Приведенные различия в выводах обусловлены в меньшей степени расхождениями в грамматических системах и в большей – разницей в подходах к интерпретации языковых фактов. На это указывает и то обстоятельство, что в некоторых случаях противоречивые мнения по обозначенной проблеме представлены в рамках корпуса исследований по одному языку¹. В общем же обзор источников показывает, что схемы построения сравнительных конструкций, применяемые в них синтетические и аналитические средства обнаруживают значительное сходство во всех рассмотренных языках. Мы можем выделить следующие закономерности оформления прилагательных в сравнительных структурах, актуальные для тунгусо-маньчжурской языковой семьи в целом.

1. Для компаративных конструкций характерно заполнение позиции параметра сравнения прилагательными с суффиксами, фонетический состав и значение которых позволяет определить их как аналоги ульчского *-дума / -думэ*: *-тмар / -дымар* в эвенкийском, *-дима / -димэ* в нанайском, *-дума / -думэ* в орокском, *-дима* в удэгейском. Данные суффиксы не являются специализированным средством выражения собственно сравнительных отношений – они активно употребляются в языках и вне сравнительных конструкций в сочетании с основами прилагательных и существительных, выражая семантику выборочности, выделительности.

2. Вне зависимости от того, рассматриваются ли описанные выше образования как формы сравнительной степени или же лексемы-дериваты, исследователи отмечают нерегулярность их появления в компаративных структурах: с лексемами, имеющими в составе суффикс – аналог *-дума / -думэ*, конкурируют простые основы прилагательных без аффиксального оформления. Данная особенность упоминается в работах по эвенскому [Цинциус 1947: 115], нанайскому [Аврорин 1959: 212], орокскому [Петрова 1967: 62], удэгейскому [Сагадайчина 2002: 93–94] языкам. По всей видимости, количественное соотношение первой и второй разновидностей адъективных образований в компаративных конструкциях варьируется от языка к языку; так, Т. И. Петрова выделяет в качестве доминирующего вариант с суффиксом *-дума / -думэ*, а В. А. Аврорин – безаффиксальный вариант.

3. В случае безаффиксального оформления прилагательного – параметра сравнения компаративная семантика передается на синтаксическом уровне особой конструкцией общего вида $N_{\text{Nom}}^{\text{CMPR}} N_{\text{Abi}}^{\text{STAN}} \text{Adj}^{\text{PRM}} V_f$ с некоторыми вариациями по языкам.

¹ О полемике такого рода на материале нанайского см. [Аврорин 1959: 212]. В. Д. Лебедев также проводит описание прилагательных в различных говорах эвенков с неодинаковых позиций в том, что касается статуса и состава грамматической категории степени сравнения [Лебедев 1978: 55, 1982: 51–52].

4. Значительно меньшее единообразие наблюдается в оформлении прилагательных в суперлативных конструкциях. Рассматриваемые языки распадаются на несколько групп, для каждой из которых свойственен свой способ выражения суперлативных отношений: 1) полное отсутствие морфологических и лексических показателей – семантика передается на уровне синтаксической конструкции (удэгейский [Кормушин 1998: 90], нанайский [Петрова 1941: 43]); 2) особые суффиксы превосходной степени в структуре прилагательного-признака (эвенский [Лебедев 1978: 56], эвенкийский [Болдырев 2007: 395]); 3) внедрение в конструкцию наречия, обозначающего высокую степень проявления признака (орокский [Озолия 2007: 251–252], ороцкий [Аврорин, Болдырев 2001: 215]). Также наблюдаются случаи сочетания двух способов внутри одного языка: так, для охотского диалекта эвенского языка В. Д. Лебедев выделяет синтаксический и морфологический способы [Лебедев 1982: 51–52].

5. Если для выражения суперлативных отношений в языке применяются наречия меры и степени, среди них, как правило, выделяется одно, которое появляется в соответствующих конструкциях наиболее регулярно: *зин* для орокского языка [Озолия 2007: 252], *чамай* для эвенского [Лебедев 1982: 52], *чӯ* для ороцкого [Аврорин, Болдырев 2001: 215]. Вместе с тем примеры контекстов, которые приводят исследователи, показывают, что наряду с основной лексемой в этой функции могут выступать и другие (например, *хулэ* для ороцкого).

6. В некоторых языках в суперлативных конструкциях возможно появление суффиксов, ассоциирующихся в первую очередь с компаративными отношениями [Озолия 2007: 215; Петрова 1967: 63], а в компаративных конструкциях – наречий меры и степени, ассоциирующихся прежде всего с суперлативными отношениями [Аврорин 1959: 207]. Ни то, ни другое явление, по всей видимости, не носит универсального характера, однако оказывается характерным для языков, имеющих близкое родство и значительное типологическое сходство с ульчским (орокский, нанайский).

7. Наиболее последовательно (то есть определенным, жестко ограниченным набором синтетических и аналитических средств, каждое из которых закреплено за одним значением, без частотных случаев смешения) степени сравнения выражаются в эвенском и эвенкийском языках – двух крупнейших представителях тунгусо-маньчжурской семьи, обладающих литературным статусом. Отметим, что в эвенском языке аналитическим способом выражения суперлативной семантики является лексема *чамай*, заимствованная из русского языка (< рус. *самый*) и, возможно, появившаяся под влиянием последнего после того, как установилось его доминирующее положение в регионе.

Выделенные для тунгусо-маньчжурской языковой семьи закономерности в выражении сравнительных отношений неравенства, с одной стороны, позволяют сделать вывод о корректности выстроенной нами для ульчского языка системы, несмотря на некоторые свойственные ей противоречивость и избыточность. Подобные языковые факты (наличие конкурирующих форм для передачи одного типа отношений, отсутствие однозначной закреплённости той или иной формы за конкретным значением, неспецифичность используемых средств) отмечаются и в родственных языках. С другой стороны, проведенный анализ ставит перед нами отдельные вопросы, не получившие должного освещения в предшествующем исследовании: можно ли выделить среди наречий меры и степени то, которое используется как основное средство передачи суперлативных отношений, а также насколько значительное место занимает суффикс *-дума / -думэ* как средство выражения сравнительной семантики.

Вопрос о степенях сравнения как грамматической категории в ульчском языке

В результате дополнительного исследования расширенной выборки мы должны сделать ряд уточнений, касающихся функционирования лексических и морфологических единиц в составе сравнительных конструкций.

Если говорить о наречиях меры и степени, следует заключить, что в выделенной нами ранее группе (*чӯ, тэс, бāди, зин-зин, маңга, кэм*) [Горбунова 2023: 292] нет доминирующей леммы, которая могла бы претендовать на роль грамматикализованного показателя той или иной степени сравнения. О. П. Суник приводит наречие *кэм* в качестве адвербиального маркера проявления качества [Суник 1985: 38], однако, по нашим наблюдениям, наречия *чӯ, тэс, бāди* встречаются в составе сравнительных конструкций с не меньшей регулярностью. При этом они мо-

гут применяться при построении как компаративных, так и суперлативных конструкций. Не отмечается также последовательного распределения перечисленных единиц по структурам с разным типом параметра (адъективным и адвербиальным). Кроме того, приведенный список может быть расширен за счет других, менее распространенных наречий, которые выражают сравнительное значение в узком круге контекстов; например, *амба(н)* (см. примеры (2), (3)). Особняком в этой группе стоит наречие *зин-зин*, в семантике которого присутствует элемент предельности ('совсем, до крайности'), что, по всей видимости, позволяет ему фигурировать также и в эквативных конструкциях, например: *Эмдэ хэрэкэ тулутин ум буйу эвхэн – зин-зин тақтау дайлан буйу* [Суник 1985: 144] 'Однажды во двор лягушки один лось пришел – величиной с большой амбар лось' [Там же: 89]. В целом, исходя из разнообразия представленных вариантов, можно предположить, что выбор лексемы для заполнения соответствующей позиции в сравнительной конструкции производится говорящим достаточно свободно – узус не предписывает употребления строго определенных единиц в структурах того или иного типа.

Что касается суффикса *-дума / -думэ*, новые данные показывают, что область его применения оказывается шире, чем предполагалось. В отдельных контекстах данный суффикс оформляет прилагательные, входящие в состав суперлативных конструкций; при этом в структуре также присутствует наречие меры и степени:

(1) *Ум чў нэудумэ эктэ очохани* [Суник 1985: 57].

ум	чў	нэудумэ	эктэ	очо=ха=ни
один	очень	младшая	женщина	остаться=PAST=3SG

'Одна самая младшая женщина осталась' [Там же: 108].

В контексте (1) суффикс *-дума / -думэ* играет ту же роль, что и в рассмотренных ранее компаративных конструкциях – дополнительного морфологического средства выражения сравнительной семантики при основном, реализующемся в виде особой синтаксической структуры. Зеркальность функционирования показателя в двух разных типах конструкций снижает его значимость как средства передачи собственно компаративной семантики.

Обобщим полученные данные о средствах выражения сравнительных отношений, чтобы сделать вывод о месте степени сравнения как языковой категории в ульчском языке. С учетом сказанного выше, если исходить из того, что в ульчской грамматической системе прилагательные обладают категорией степеней сравнения, распределение синтаксических и аналитических форм по категориальным значениям выглядит следующим образом (см. Табл. 1).

Прежде чем давать оценку наполнению данной парадигмы, необходимо сделать несколько предварительных замечаний. Во-первых, следует учитывать тот факт, что категория степени сравнения в целом обладает спецификой, которая в значительной мере отдаляет ее от большинства именных словоизменительных категорий и выводит соответствующую парадигму за рамки узкого определения как «множества словоформ с одинаковым лексическим значением (= с общей основой) и разными грамматическими значениями (= с разными флексиями)» [Плунгян 2000: 116]. Так, А. В. Бондарко причисляет степени сравнения прилагательных к небольшой группе морфологических категорий, которые называет непоследовательно коррелятивными; для них свойственно совмещение словообразования и формообразования [Бондарко 2005: 103]. И. А. Мельчук говорит о ключевой роли в парадигме степени сравнения аналитических форм, которые могут сосуществовать с синтетическими или полностью замещать их, как об особенностях, присущей многим языкам мира [Мельчук 1998: 121]. По мнению А. А. Зализняка, эти две черты – наличие синтетических и аналитических форм в парадигме и нечеткость границы между словообразовательными и словоизменительными значениями формантов – в принципе ставят под сомнение принадлежность степени сравнения к грамматическим категориям прилагательного [Зализняк 1967: 91]. Таким образом, рассматривая систему предполагаемых форм степеней сравнения ульчского языка, мы можем отнести неоднородность элементов в разных ячейках парадигмы и неопределенность функционального статуса суффикса *-дума / -думэ* к проявлениям общих тенденций образования сравнительных и превосходных форм, свойственных естественным языкам.

Таблица 1

Соотношение языковых средств, используемых для выражения степеней сравнения, и передаваемых значений

Table 1

The correspondence between the elements used for expressing various comparison grades and the meanings they can carry

Языковое средство	Положительная степень	Сравнительная степень	Превосходная степень	Прочие значения
∅	+	+	–	–
	<i>Ум зоби мапази, байа мапази бал-диха</i> [Суник 1985: 75] ‘Один бедный старик и богатый старик жили’ [Там же: 129].	<i>Titara bi tawanci hərə ɲənəhəmbi, guci ti tailani tizi-də dain uin bicini</i> [Петрова 1936: 79] ‘После этого я оттуда немного прошел, на той стороне еще больше этой протока была’ [Там же: 92].		
Суффикс -дума / -думэ	–	+	+	Выборочность, выделительность <i>Гэ, асдума зулэси баи зак запин бискэ ти пақа вэрүлзилэн</i> [Суник 1985: 75] ‘Вот жена (букв.: та, которая жена) первая запросто схватила тот шар при его движении’ [Там же: 129].
		<i>Тизи ɲэлэчи нэдумэ эктэ</i> [Суник 1985: 79] ‘Того [медведя] боится младшая женщина’ [Там же: 134].	В сочетании с наречием меры и степени <i>Ум чү нэдумэ эктэ очохани</i> [Суник 1985: 57] ‘Одна самая младшая женщина осталась’ [Там же: 108].	
Наречия меры и степени <i>бади, чү, маңга, зин-зин, тэс</i> и др.	–	+	+	Элатив <i>Тэс ларги хупити нан’и ансамбльни</i> ‘ Очень интересны выступления фольклорных ансамблей’ [Ангина 2005: 16].
		<i>Тамди ти бим-дэ, эси-лэ амба дби очини</i> [Суник 1985: 61] ‘Так жива да живая, теперь еще большим стал’ [Там же: 113].	<i>Би Булаванду балди-хамби, чу даи нан’и гасандуни</i> ‘Я родился в Булаве, самом большом ульском селе’ [Ангина 2005: 4].	

Во-вторых, нужно иметь в виду, что определенная степень произвольности в применении формантов проявляется и в других областях тунгусо-маньчжурского именного склонения. Эту особенность можно проследить на примере согласовательных адъективных категорий числа и падежа: в языках северной группы оформление прилагательного аффиксами, совпадающими с аффиксами главного существительного, возможно, но происходит нерегулярно [Болдырев 2007: 360; Лебедев 1982: 47]. Другим, еще более ярким примером является категория числа существительного в том виде, в каком она предстает в нанайском и орокском языках. Данная грамматическая категория складывается из оппозиции нулевой формы и формы с особым аффиксом множественности, однако реализуется она только в тех случаях, когда множественность предмета не оказывается «достаточно ясна и без специального оформления» [Аврорин 1959: 140]. В противном же случае значение единичности или множественности передается «преимущественно через контекст... может быть выражено или вообще не выражено языковыми средствами» [Озолина 2013: 104]. Исследователи видят в этой нерегулярности проявление развития соответствующих языковых систем, движения от «отчасти семантической» природы категории в сторону возрастающей грамматикализации. Соответственно, если провести параллель с ульчской категорией степени сравнения, тот факт, что «нулевые» формы прилагательного в компаративных конструкциях преобладают над аффиксальными, с одной стороны, вполне соотносится с описанной выше системой нерегулярного формообразования, с другой же – может служить косвенным указанием на то, что текущая система средств выражения имеет переходный характер.

Возвращаясь к предполагаемой парадигме степеней сравнения прилагательного, мы можем заключить, что даже с приведенными оговорками она едва ли может считаться полноценной. Согласно «Лингвистическому энциклопедическому словарю», определяющими чертами, которые отличают грамматическую категорию, являются «модифицирующий тип категоризирующего признака, его причастность к синтаксису, “обязательность” выбора одного из его значений для (слово)форм из категоризируемой совокупности и наличие регулярного способа его выражения» [ЛЭС 1990: 216]. Несмотря на то, что «каждое из них в отдельности не является ни необходимым, ни достаточным признаком грамматической категории» [Там же], последний представляется ключевым для формирования парадигмы. В ульчской грамматической системе ни один из элементов, дополняющих прилагательное в сравнительных конструкциях, не может быть жестко соотнесен с определенной граммемой, принадлежащей к категории степени сравнения: и наречия меры и степени, и суффикс *-дума / -думэ* могут выступать в качестве показателя как компаратива, так и суперлатива². Это исключает образование «противопоставленных друг другу рядов... форм с однородным содержанием», которые лежат в основе любой грамматической категории [Бондарко 2005: 20].

Таким образом, сравнение в ульчском языке предстает понятийной категорией, грамматикализованное ядро которой не является до конца сформированным; на данном этапе она реализуется в первую очередь посредством слов определенного лексического класса и синтаксических конструкций. Учитывая, что в других языках тунгусо-маньчжурской семьи мы наблюдаем тот же процесс образования грамматической категории степени сравнения на разных этапах, в том числе и завершенным, можно допустить, что в дальнейшем система средств выражения сравнительной семантики будет трансформироваться, обретая большую стройность и перемещаясь в область грамматики. Не исключено, что существенную роль в этом будет играть мощное влияние русского языка, который обладает морфологической категорией степени сравнения и, как отмечали исследователи, стимулирует в морфологии контактных языков ассимиляционные процессы [Озолиня 2013: 113].

Категоризирующий признак градуальности по своей природе оказывается тесно связан как со сравнительной, так и с элативной семантикой³. Эта органическая связь с одной стороны и недооформленность степени сравнения как грамматической категории с другой приводят к тому, что различные типы семантики (элативная, компаративная, суперлативная) получают выражение одним и тем же набором синтаксических и лексических средств. Если ранее, описывая компаративные структуры с позицией стандарта, заполненной существительным / местоимением в инструментальном падеже, мы отмечали, что соответствующая семантика проявляется только на уровне предложения, а не в изолированной грамматической форме, то здесь, чтобы провести дифференциацию между омонимичными конструкциями, необходимо выйти за рамки синтаксической единицы и обратиться к уровню текста.

Роль контекста в выражении суперлативных и компаративных отношений в ульчском языке

В данной части исследования мы рассмотрим несколько контекстов, которые хорошо иллюстрируют, как семантика сравнительных конструкций с амбивалентным оформлением конкретизируется за счет обращения к различным составляющим текста: композиционной структуре фрагмента, анафорическим отсылкам, жанровым ожиданиям.

В контексте (2) фигурирует типичное сочетание «наречие меры и степени + не осложненная суффиксами основа прилагательного»; примечательным, однако, является то, что используется

² Специфичным для суперлатива является сочетание этих двух средств, однако рассматривать комплекс «наречие меры и степени + основа прилагательного + суффикс *-дума / -думэ*» как единую форму не представляется возможным ввиду того, что использование упрощенной комбинации «наречие меры и степени + основа прилагательного» гораздо более частотно. Регулярная реализация грамматической формы в подобном усеченном виде не поддается объяснению.

³ По замечанию В. А. Аврорина, сравнение тесно смыкается с элативом и в некотором смысле представляет частный случай последнего. При установлении высокой степени признака какого-либо объекта говорящий имплицитно сопоставляет его с другими объектами соответствующего класса, обладающими тем же признаком, производя оценку относительно некоторого среднего уровня; при сравнении же – эксплицитно соотносит объект сравнения с конкретным представителем этого класса [Аврорин 1959: 207].

малоупотребительное в сравнительных конструкциях наречие *амба(н)* ‘довольно, весьма; очень, чрезвычайно’. Если рассматривать первое предложение изолированно, словосочетание *амба даи* может быть интерпретировано как ‘довольно большой’ или ‘очень большой’: ни в семантике лексемы, ни в синтаксической конструкции, не включающей позицию второго компарата (стандарта), не содержится однозначного указания на то, что производится мыслительная операция сравнения. Однако предложение (3), появляющееся в следующем абзаце и практически дословно повторяющее (2), привносит в восприятие представление о градации: двукратное утверждение того, что субъект обретает определенный признак в неизменной степени, явно избыточно. Соответственно, предложения (2) и (3) создают друг для друга контекст, который проясняет интенции говорящего и создает картину динамического развития ситуации, в которой признак величины, приписываемый субъекту, оценивается в сравнении с его предшествующим состоянием и обнаруживает постепенный рост.

(2) *Ти бим-дэ, эс амба даи очин* [Суник 1985: 61].

ти би=м-дэ эс амба даи о=чи=н
 так быть=PrP-PRТCL теперь довольно большой статья=PAST=3SG
 ‘Так живя да живя, теперь немного подрос (больше стал)’ [Там же: 113].

(3) *Тамди ти бим-дэ, эси-лэ амба даи очини* [Суник 1985: 61].

та=мди ти би=м-дэ эси-лэ амба даи
 делать=CV так быть=PrP-PRТCL теперь-PRТCL довольно большой
 о=чи=ни
 статья=PAST=3SG
 ‘Так живя да живя, теперь еще большим стал’ [Там же: 113].

В некоторых случаях уточнение семантики может осуществляться смешанным способом: одновременно в пределах синтаксической структуры и на уровне текста. Так, у компаративной конструкции (4) наблюдается особый, расширенный состав компонентов: в структуру со стандартным сочетанием прилагательного и наречия *бади* вводится дополнительный элемент – лексема *гучи* ‘еще’, позволяющий определить семантику конструкции как компаративную, а не элативную. Такое открытое указание свидетельствует в пользу того, что с точки зрения говорящего лексема *бади* не соотносится напрямую с выражением компаративного значения, обнаруживает функциональную амбивалентность и требует специального разъяснения. Вместе с тем отчасти компаративная семантика конструкции также может быть выведена и из широкого контекста – предшествующих реплик диалога, в ходе которого существующая школа выводится на позицию стандарта по основанию ‘величина’.

(4) *Даи школа?*

Школа большая?)

И, даи, тахандэ, гучи бади даи школава гэлипу.

гучи бади даи школа=ва гэли=пу
 еще очень большой школа=ACC желать=PRES.1PL
 ‘Да, большая, светлая, но нам нужна еще большая школа’ [Ангина 2005: 8].

Следующий пример показывает, что контекст и пресуппозиция могут играть ключевую роль и в специфичных конструкциях, если исходная структура предстает в редуцированном виде. Общая тенденция к редукации проявляется, в частности, в структурах вида $N_{Nom}^{CMPR} Adj^{PRM} N_{Instr}^{STAN} V_f$, где компаративная семантика выявляется через порядок и падежное оформление компонентов. В контексте (5), заключающем в себе две компаративные конструкции, редукации последовательно подвергаются стандарты сравнения – имена в инструментальном падеже. Состав этих двух предложений, таким образом, сводится к местоимению или существительному в именительном падеже и прилагательному в его базовом виде – ни один из членов не несет на себе показателей сравнения; не выполняет соответствующей функции и усеченная синтаксическая структура. Значение сравнения восстанавливается с опорой на поддерживаемое расширенным контекстом представление о ситуации противостояния, а также

на синтаксический параллелизм двух следующих друг за другом предложений, ставящий описываемые ими исходы в оппозицию друг к другу. Прилагательное при этом не осложняется суффиксом *-дума / -думэ*, который послужил бы дополнительным указанием на компаративную семантику конструкции.

(5) *Си маңга осини, мапава вāзилас-ма* [Суник 1985: 67].

си маңга осини мапава вāзи=ла=с-ма
ты сильный если старик=ACC убить=FUT=2.SG-PRТCL
'Если ты сильнее, старика убьешь' [Там же: 119].

(6) *Ти мапа маңга осини, симбэ вāзила-ма* [Суник 1985: 67].

ти мапа маңга осини симбэ вāзи=ла-ма
тот старик сильный если ты=ACC убить=FUT-PRТCL
'Если тот старик сильнее, тебя убьет' [Там же: 119].

Смешение носит особо выраженный характер на границе между элативом и суперлативом. Частотны случаи, когда даже с опорой на окружающий контекст представляется затруднительным однозначно определить семантику конструкции, включающей в себя сочетание «наречие меры и степени + прилагательное», как элативную или суперлативную. Так, в диалоге (7) интерпретация второй фразы зависит от истолкования намерений участника коммуникации, дающего ответ на вопрос о предпочтительных местах для сбора ягоды: если считать, что он приводит наиболее подходящий, по его мнению, вариант, следует расценивать конструкцию как суперлативную, если же исходить из предположения, что говорящий просто называет один из вариантов, подходящих под приведенный в первой реплике критерий, элатив представляется более органичным средством для передачи подобного сообщения. Можно предположить, что при устном общении значительную роль при разграничении одноструктурных конструкций такого рода играет интонационное оформление.

(7) *Када хэвэн тэс ларги ба седехувэ-дэ гаву, сугдатава-дэ бутаву.*

Када хэвэн тэс ларги ба седеху=вэ-дэ га=ву
Кади озеро очень хороший место ягоды=ACC-PRТCL собирать=INF
сугдата=ва-дэ бута=ву
рыба=ACC-PRТCL ловить=INF
'Озеро Кади считается у нас самым замечательным местом и для сбора ягод, и для ловли рыбы' [Ангина 1993: 12].

В контексте (8) представлен пример, для корректного толкования которого необходимо учитывать жанровую принадлежность текста – фольклорного произведения, ульчской сказки *ниңма*. Приведенный фрагмент относится к финалу повествования, где богатырь приходит к счастливому исходу после перенесенных испытаний и одержанной победы. Прочтение словосочетания *чү дәи заңги* как единицы с суперлативной семантикой в противоположность элативной соответствует представлению о высокой награде, почестях, которых достоин фольклорный герой в конце своего пути. В данном случае выбор интерпретации обусловлен характерными особенностями, присущими жанру произведения.

(8) *Мэргэ ти хотонду чү дәи заңги очин* [Суник 1985: 88].

мэргэ ти хотон=ду чү дәи заңги о=чи=н
молодец тот город=DAT очень большой начальник стать=PAST=3SG
'Молодец в том городе самым большим начальником стал' [Там же: 143].

Аналогичным образом в тексте другой сказки то, что в словосочетании *чү дәи эзэмбэни* утверждается наивысшая степень признака ('к самому большому хозяину'), следует из оценки замысла героя как смелого и масштабного, а также некоторых сюжетных элементов, косвенно указывающих на статус персонажа.

(9) *Чү дәи эзэмбэни вэңдэми, хагдунтини ири.* [Суник 1985: 94].

чү дәи эзэм=бэ=ни вэңдэ=ми хагдун=ти=ни и=ри

очень большой начальник=ACC=POSS.3 говорить=PrP дом=LAT=POSS.3 входить=PRES.3SG
'К самому большому хозяину (царю), чтобы сказать, в дом его входит' [Там же: 150].

Заключение

Исследование ульчской системы средств выражения сравнительных отношений неравенства в сопоставительном аспекте позволило нам не только точнее обрисовать структуру данного поля, но также дополнить сведения о грамматической системе. Выводы об отсутствии в ульчском языке сформировавшейся морфологической категории степени сравнения у прилагательных подтвердились, однако явное сходство между наборами единиц, более или менее регулярно применяющихся в качестве маркеров отношения в сравнительных конструкциях в различных тунгусо-маньчжурских языках, свидетельствует о существующей тенденции к формализации. Недостаток в ульчском языке специализированных показателей разных типов семантики (компаративной, суперлативной и элативной), их функционально-семантическая диффузность обуславливают важную роль расширенного контекста, выходящего за рамки конструкции, для уточнения типа передаваемого отношения.

Предполагаемый переходный характер системы адъективного словоизменения, зафиксированной в текстах, которые были собраны исследователями преимущественно в 30-х–90-х гг. XX в., указывает на перспективность дальнейшей разработки темы на современном языковом материале.

Список сокращений

1 – 1-е лицо деятеля ('я', 'мы'); **2** – 2-е лицо деятеля ('ты', 'вы'); **3** – 3-е лицо деятеля ('он', 'она', 'оно', 'они'); **ABL** – исходный падеж; **ACC** – винительный падеж; **CMPR** – предмет сравнения; **CV** – деепричастие; **DAT** – дательный падеж; **f** – финитная форма глагола; **FUT** – будущее время; **INF** – инфинитив; **INSTR** – инструментальный падеж; **LAT** – направительный падеж; **NOM** – именительный падеж; **PAST** – прошедшее время; **PL** – множественное число; **POSS** – принадлежность; **PRES** – настоящее время; **PRM** – параметр сравнения; **PRMM** – показатель параметра сравнения; **PrP** – причастие настоящего времени; **PRTCL** – частица; **SG** – единственное число; **STAND** – стандарт сравнения; **STM** – показатель стандарта сравнения.

Список литературы

- Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Том I. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 284 с.
Аврорин В. А., Болдырев Б. В. Грамматика орокского языка. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. 400 с.
Ангина С. В. Ульчско-русский тематический словарь. СПб., 2005. 38 с.
Болдырев Б. В. Морфология эвенкийского языка. Новосибирск: Наука, 2007. 932 с.
Бондарко А. В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М.: Языки славянских культур, 2005. 624 с.
Горбунова В. А. Способы выражения сравнения в ульчском языке // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 286–299.
Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. 370 с.
Кормушин И. В. Удыхейский язык. М.: Наука, 1998. 320 с.
Лебедев В. Д. Охотский диалект эвенского языка. Л.: Наука, 1982. 244 с.
Лебедев В. Д. Язык эвенов Якутии. Л.: Наука, 1978. 208 с.
ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 688 с.
Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Часть вторая: Морфологические значения. Москва – Вена: «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1998. 544 с.
Озолина Л. В. Грамматика орокского языка. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2013. 375 с.
Петрова Т. И. Очерк грамматики нанайского языка. Л.: Учпедгиз, 1941. 168 с.
Петрова Т. И. Ульчский диалект нанайского языка. М.; Л.: Учпедгиз, 1936. 154 с.

- Петрова Т. И. Язык ороков (ульта). Л.: Наука, 1967. 156 с.
- Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.
- Сагайдачная А. О. Способы выражения сравнительных отношений в удэгейском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2022. № 2 (39). С. 88–97.
- Суник О. П. Ульчский язык: исследования и материалы. Л.: Наука, 1985. 264 с.
- Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Часть 1. Л.: Учпедгиз, 1947. 270 с.
- Kazama S. *Ulcha Oral Literature 2. A collection of texts*. ELRP Publication Series, 2002, 128 p.

References

- Angina S. V. *Ul'chsko-russkiy tematicheskiy slovar'* [Ulch-Russian thematic dictionary]. St. Petersburg, 2005, 38 p. (In Russ.)
- Avrorin V. A., Boldyrev B. V. *Grammatika orochskogo yazyka* [Grammar of the Oroch language]. Novosibirsk, SB RAS, 2001, 400 p. (In Russ.)
- Avrorin V. A. *Grammatika nanayskogo yazyka* [Grammar of the Nanai language]. Leningrad, AN SSSR, 1959, vol. 1, 282 p. (In Russ.)
- Boldyrev B. V. *Morfologiya evenkiyskogo yazyka* [Morphology of the Evenki language]. Novosibirsk, Nauka, 2007, 932 p.
- Bondarko A. V. *Teoriya morfologicheskikh kategoriy i aspektologicheskie issledovaniya* [The theory of morphological categories and studies on aspect]. Moscow, LRC Publishing House, 2005, 624 p. (In Russ.)
- Gorbunova V. A. Sposoby vyrazheniya sravneniya v ul'chskom yazyke [Ways of expressing comparison in the Ulch language]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal (Siberian Journal of Philology)*. 2023, no. 2, pp. 286–299. (In Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/22
- Kazama S. *Ulcha Oral Literature 2. A collection of texts*. ELRP Publication Series, 2002, 128 p.
- Kormushin I. V. *Udykheyskiy yazyk* [The Udege language]. Moscow, Nauka, 1998, 320 p. (In Russ.)
- Lebedev V. D. *Okhotskiy dialekt evenskogo yazyka* [The Okhotsky dialect of the Even language]. Leningrad, Nauka, 1982, 244 p. (In Russ.)
- Lebedev V. D. *Yazyk evenov Yakutii* [Language of the Even people of Yakutia]. Leningrad, Nauka, 1978, 208 p. (In Russ.)
- Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic encyclopedic dictionary]. V. N. Yartseva (Ed.). Moscow, Sov. entsikl., 1990, 688 p. (In Russ.)
- Mel'chuk I. A. *Kurs obshchey morfologii. Chast' vtoraya: Morfologicheskie znacheniya* [General morphology course. Part two: morphological meanings]. Moscow – Vienn, LRC Publishing House, Venskiy slavisticheskiy al'manakh, 1998, 544 p. (In Russ.)
- Ozolinya L. V. *Grammatika orokskogo yazyka* [Grammar of the Orok language]. Novosibirsk, Geo, 2013, 375 p. (In Russ.)
- Petrova T. I. *Ocherk grammatiki nanayskogo yazyka* [Essay on the grammar of the Nanai language]. Leningrad, Uchpedgiz, 1941, 168 p. (In Russ.)
- Petrova T. I. *Ul'chskiy dialekt nanayskogo yazyka* [The Ulch dialect of the Nanai language]. Moscow, Leningrad, Uchpedgiz, 1936, 154 p. (In Russ.)
- Petrova T. I. *Yazyk orokov (ul'ta)* [Language of the Orok (Ulta) people]. Leningrad, Nauka, 1967, 156 p. (In Russ.)
- Plungyan V. A. *Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku* [General morphology. An introduction to the problem field]. Moscow, Editorial URSS, 2000, 384 p. (In Russ.)
- Sagaydachnaya A. O. Sposoby vyrazheniya sravnitel'nykh otnosheniy v udegeyskom yazyke [Ways of expressing comparative relations in the Udege language]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*. 2022, no. 2 (39), pp. 88–97. (In Russ.)
- Sunik O. P. *Ul'chskiy yazyk: issledovaniya i materialy* [The Ulch language: studies and materials]. Leningrad, Nauka, 1985, 264 p. (In Russ.)
- Tsintsius V. I. *Ocherk grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka* [A study on the grammar of the Evenki (Lamut) language]. Leningrad, Uchpedgiz, 1947, pt. 1, 270 p. (In Russ.)
- Zaliznyak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [Russian nominal declension]. Moscow, Nauka, 1967, 370 p. (In Russ.)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
10.11.2024*

Сведения об авторе

Виктория Александровна Горбунова – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, г. Новосибирск, Россия
E-mail: vicgor89@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2968-236X

Information about the author

Viktoriya A. Gorbunova – Candidate of Philology, Researcher, Department of Languages of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation
E-mail: vicgor89@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2968-236X

Сравнительные конструкции в кетском языке

Е. А. Крюкова

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Аннотация

Под сравнением в данной публикации понимаются отношения «тождества», «подобия» и «различия». Отношения сравнения в кетском языке могут выражаться имплицитно и эксплицитно. Имплицитно ситуация сравнения описывается через контекст, из самого происходящего становятся очевидными компараты, параметры и актуализаторы в рамках таких отношений. Кетские загадки в данном случае представляют собой интересные примеры, в которых сравнение актуализируется имплицитно. Эксплицитное выражение исследуемых отношений проявляется в кетском языке через использование союзов *eta / qoda / eta qoda* ‘как, как будто’, послелогов *as* ‘как’ и *dokot* ‘как’, наречия *bila* ‘как’ и показателя исходного падежа *-dajal / -diŋal*. В кетском языке представлено бинарное противопоставление сравнительных отношений «тождество» и «подобие» vs. «различие». Последнее актуализируется через сравнительные конструкции с исходным падежом, все остальные средства маркируют отношения «тождества» / «подобия».

Ключевые слова

отношения сравнения, сравнительные конструкции, кетский язык, исходный падеж, компарат

Благодарности

Благодарю Андрея В. Нефедова за помощь и советы по глоссированию кетских глаголов.

Для цитирования

Крюкова Е. А. Сравнительные конструкции в кетском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52). С. 74–81. DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-74-81

Comparative constructions in the Ket language

E. A. Kryukova

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

Abstract

Comparative constructions have not yet been the focus of a dedicated study. Separate grammars, dissertations, and articles by ketologists have explored the concept of degrees of comparison in relation to adjectives. This article describes comparative constructions in the Ket language by analysing a corpus comprising 8032 words of Ket folklore and daily prose texts, encompassing 1293 sentences across 38 texts. These are primarily texts in the Kureyka dialect (North Ket dialect), with an additional five texts representing the Yeloguy dialect (South Ket dialect). All materials were collected by A. P. Dulzon during expeditions conducted in 1956, 1959, and 1960. The corpus primarily includes texts published in a glossed form in the collection series “Annotated Folklore and Daily Prose Texts of the Ob-Yeniseic Linguistics Area.” Also covered in the corpus are Ket riddles published by E. A. Kreinovich in the “Studia Ketica”. The study has found only 9 sentences with

© Е. А. Крюкова, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 4 (iss. 52)

comparative constructions, with the relations under analysis expressed explicitly by means of the conjunctions *eta / qoda / eta qoda* (as, as if), the postpositions *as* (as), *dokot* (as), the adverb *bila* (as), and the ablative case affix *-daŋal / -diŋal*. This does not preclude the existence of widespread comparative relations in the Ket language. The nature of language permits the implicit expression of ideas, based on the context of the situation, a characteristic likely found in non-written languages. Nonetheless, locating such instances within the corpus using search managers has proved infeasible. Manual searches for these situations are consequently quite arduous.

Keywords

comparison, comparative constructions, Ket language, ablative case, comparant

Acknowledgements

Thanks to Andrei V. Nefedov for his help and advice on glossing Ket verbs.

For citation

Kryukova E. A. Sravnitel'nye konstruksii v ketskom yazyke [Comparative Constructions in the Ket Language]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2024, no. 4 (iss. 52), pp. 74–81. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-74-81

Введение

С точки зрения функций, которые выполняют языковые единицы, использование сравнения свойственно человеку с древних времен, именно благодаря развитию навыка производить сравнения объектов окружающего мира и классифицировать их наши далекие предки смогли выжить в саванне. Такой важный навык впоследствии находит свое отражение в языках мира, актуализируясь в виде грамматических категорий в одних языках, имплицитно или эксплицитно раскрываясь средствами языка различных уровней в других.

Исследования сравнительных конструкций на материале русского языка отражено в целом ряде работ отечественных ученых, интерес которых к данной тематике не угасает с течением времени [Черемисина 1976; Матханова 2021]. Коллектив ученых Института филологии СО РАН (г. Новосибирск) активно разрабатывает проблематику сравнительных конструкций в языках народов Сибири и сопредельных регионов, только за последние три года исследователи опубликовали более 20 работ на материале селькупского, ульчского, хантыйского, мансийского, шорского, алтайского, удэгейского, бурятского, тувинского и некоторых других языков [Сагайдачная 2022; Шамина 2022; Ильина 2023; Кошкарева, Плотников 2023; Кошкарева, Соловар 2024; Шенцова 2024; и др.].

Кетские сравнительные конструкции не являлись до настоящего времени предметом специального исследования. Степени сравнения рассматривались кетологами в разделе о прилагательных в составе отдельных грамматик [Дульзон 1968: 99–100; Werner 1997: 124; Vajda 2004: 38; Georg 2007: 140], диссертаций [Бибикова 1971] или статей [Буторин 2020: 38–39].

Материалом для данной публикации послужил небольшой корпус кетских фольклорных и бытовых текстов объемом 8032 слова (1293 предложения, 38 текстов). Основную часть корпуса составляют тексты на курейском говоре (северо-кетский диалект), пять текстов представляют елогуйский говор (южно-кетский диалект), все тексты были собраны А. П. Дульзоном во время экспедиций в 1956, 1959 и 1960 гг. [Дульзон 1962; Дульзон 1964]. Большинство текстов из корпуса были опубликованы в глоссированном виде в серии сборников «Аннотированные фольклорные и бытовые тексты обско-енисейского языкового ареала» [Крюкова 2012; Крюкова, Неведов 2017; Крюкова, Неведов 2020]. В корпус включены кетские загадки, опубликованные Е. А. Крейновичем в «Кетском сборнике» [Крейнович 1969].

Целью данной статьи является описание сравнительных конструкций в кетском языке на материале вышеописанного корпуса текстов.

Сравнительные конструкции в настоящем исследовании понимаются как конструкции, связанные отношениями сравнения в широком смысле, а именно как актуализация «сходства или несходства между двумя явлениями или событиями, обладающими пересекающимися признаками» [Кошкарева, Плотников 2023: 182].

1. Имплицитное выражение отношений сравнения в кетском языке

Для описания сравнительных конструкций в кетском языке воспользуемся сначала противопоставлением имплицитного и эксплицитного выражения исследуемых отношений в тексте.

Имплицитное выражение отношений сравнения находим в высказываниях, когда из самого контекста становится ясным, что производится сравнение состояния объекта на оси времени, например ¹:

(1) *Ол'га бо'қ қай де бйлэ, қай деббӯеннэ – наңа бән ус'эм. Бу де биснименнаңа бада: «қэ диб-бйтин!»* [Дульзон 1964: 178].

элка **bo'k** qaj **d=b=il=a** qaj d=bo'k=in=a
 снаружи **огонь** было **3F.S=INAN.O=PST=кушать** было 3M.S=огонь=PST=STEM

паңа **bән** **ūs=am** bӯ da
 3PL.DAT **не теплый=3INAN** 3SG 3SG.M.POSS

bisnimin=паңа бада **qа** di=b=bed=in
 брат.PL=DAT.PL 3M.говорить **большой** 3S=INAN.O=делать=PL.S

'На улице огонь хоть и горел (букв. ел), он костер развел, [но] им не тепло. Он братьям сказал: «Давайте сделаем побольше!»' [Там же, с. 179].

В примере (1) используется прилагательное *qа* 'большой', предыдущий контекст указывает на то, что костер уже был разведен, но он не греет, поэтому нужно сделать его больше, что и было отражено информантом в переводе.

Интерес представляет такой малый жанр фольклора, как загадки: средствами языка представляется целый образ, построенный на сравнении, например:

(2) *Хын' тийу 'хал'оксуТт. (кут')* [Крейнович 1969: 228, № 5].

hīb tik hal=o=k=s=qut (ku'd)
 сын змея изгиб=3M.O=TH=быть в состоянии пояс

'Сын змеей обвит (пояс)' [Там же].

В примере 2 пояс сравнивается по внешнему сходству с образом змеи: длинный и узкий, пояс может обвить предмет или тело, как змея.

2. Эксплицитное выражение отношений сравнения в кетском языке

К эксплицитным средствам выражения сравнения в кетском языке относятся лексические и морфологические: лексические – это союзы *eta / qoda / eta qoda* 'как, как будто', послелого *as* 'как' и *dokot* 'как', наречие *bila* 'как'; морфологические – показатель исходного падежа *-dajal / -dijal*.

Распределение вариантов *eta / qoda / eta qoda* 'как, как будто' необходимо исследовать отдельно. Эксплицитно выраженные отношения сравнения в кетских текстах имеют достаточно низкую частотность, в небольшом исследуемом корпусе встретилось всего 9 сравнительных конструкций, пять из которых маркируются союзами *eta / qoda / eta qoda* (см. примеры 3–7). Для установления их дистрибуции следует изучить языковой материал гораздо большего объема.

(3) *Ко'ре бангър о:к:с' би:н с'екотонок* [Крюкова, Нефедов 2020: 181, № 22].

qoda baņej oks bin si=ku=t=on=oq
как землистый дерево MIR существовать=2SG.S=TH=PST=стать

'Ты как черный уголь стал' [Там же].

Сравнительные конструкции с союзами *eta / qoda / eta qoda* встречаются в простых предложениях с одним сказуемым (пример 3) и простых предложениях, осложненных однородными сказуемыми (примеры 4–6).

¹ Строка на языке оригинала с поморфемным членением во всех примерах данной статьи представляет фонологическую транскрипцию.

- (4) *ʔИʔ бат у'уон, бу бат кăуоуон ко'рă с'ы: – ʔетă ке: бат с'е:уотонок* [Крюкова, Нефедов 2017: 182, № 5].

iʔ bat u=k=o=tn bũ bat qâ=y=o=qan qoda sñ
 день PART INAN.S=TH=PST=идти 3SG PART большой=EP=PST=INCEP как год
eta qâ bat si=y=o=t=on=oq
как большой PART существовать=EP=3M.S=TH=PST=стать
 'День пройдет, он значит вырастет, как в год такой большой стал' [Там же].

Отсутствие бытийных глаголов (глагол $a^4-b^3-[l^2]-da^0$ 'был / было' – заимствование из русского языка) компенсируется в кетском языке наличием в сравнительных конструкциях глагола $si^7-t^5-a^4-[n^2]-oq^0$ 'становиться' (см. примеры 3 и 4).

Пример 4 интересен еще и тем, что при последовательности элементов *qoda ... eta* данный союз можно рассматривать как двойной. Но на настоящий момент сложно сказать, является это закономерностью или же это стоит рассматривать как черты представленного идиолекта.

- (5) *Н'у:н'ам бат hogđк дь соомас', ко'рă токс'утас' до'нгонтэт* [Крюкова, Нефедов 2017: 198, № 59].

nunam bat d=h=o=b=n=daq da sóom qoda
 Нюням PART 3M.S=TH=PST=EP=PST=бросать 3M.POSS томар как
 toksud=as d=aŋ=on=tet
 обух=COM 3M.S=3PL.ANIM.O=PST=бить
 'Нюням же выстрелит своим томаром³, как обухом побьет, [и их убивает]' [Там же].

Сравнительная конструкция в примере 6 – это калька с русского языка, высказывание представляет собой перевод с русского языка на кетский. Для кетского предложения без интерферентного влияния ожидаема была бы конструкция с финитным глаголом 'как будто злится'.

- (6) *Бур бунгсоуо ʔетакорэ а'једди* [Дульзон 1962: 163].

bũ d=bu=ŋ=s=oqo **eta qoda** ajet=du
 3SG 3=3M.S=TH=NPST=смотреть как как злой=3SG.M
 'Он смотрит как будто злой' [Там же: 164].

Пример 7 по структуре можно назвать сложноподчиненным с двумя придаточными, которые вводятся с помощью союза *eta* 'как'. Но если предположить, что основа *dij* восходит к имени действия, то форму глагола $du=hal=d=a=j=a=dij$, которая в свободном переводе передается как 'вьется' и 'шатается', можно обозначить как нефинитную. Если это предположение верное, то тогда это предложение – простое, осложненное двумя оборотами с нефинитными формами глагола, более подходящим в этом случае будет буквальный перевод: 'Нюням идет, как червяк **сгибаясь**, как одинокий прут **сгибаясь**...'.²

- (7) *Н'у:н'ам о:уа'тин, е:та тол'н ды hal'дајари, е:та о:'лан ды hal'дајери, [ды:'тăй 'кол'тенг'ак дă о:от'бăс а:с'линг ʔата'ва]* [Крюкова, Нефедов 2017: 195, № 59].

nunam o=k=a=tn **eta** toln du=hal=d=a=j=a=dij
 Нюням 3M.S=TH=NPST=идти как червяк 3M.S=гнуться=ANIM=NPST=EP=3M.S=STEM
eta ulan du=hal=d=a=j=a=dij
как прут 3M.S=гнуться=ANIM=NPST=EP=3M.S=STEM
 'Нюням идет, как червяк вьется, как одинокий прут шатается, [высокий валежник перепрыгивает] [Там же].

² У кетских глаголов нет исходной инфинитивной формы, поэтому приводится глагольная формула так, как она стоит в «Большом словаре кетского языка (с переводами на русский, немецкий и английский языки) / под ред. Е. Г. Которовой, А. В. Нефедова. Том 1, 2. Мюнхен: LINCOM GmbH, 2015. 943 с.

³ *Томар* – наконечник стрелы для охоты на пушного зверя, имеет овальную форму со слегка заостренным окончанием и полый внутри.

Одно из средств выражения сравнительных конструкций в исследуемом языке – послелого (см. примеры 8–9), они занимают позицию после определяемого слова, часть послелогов, в том числе *as* ‘как’, присоединяется к предшествующему существительному при помощи посессивного аффикса *-da* (для сущ. м. р.) / *-d(i)* (для сущ. ж. и ср. р.).

(8) *Ком 'кане ре де:нг Бал' нер 'ас' бе:ре ким 'нен* [Крюкова 2012: 112, № 23].

kəm'qan da de'ŋ bal'na=da as
те (там) 3M.POSS люди Бальна=3M.POSS как
bed=q=b=in=a=in
делать=CAUS=INAN.O=PST=STEM=PL.S
'Остальные его люди как Бальна стали поступать' [Там же].

Пример 9 демонстрирует использование послелога *dokot* в сравнительной конструкции, когда он присоединяется непосредственно к существительному без использования посессивного аффикса, такое его употребление зафиксировано в грамматиках и словарях.

(9) *Аб обде бис'ен бендет ныбдоуот да ол'тус'* [Дульзон 1962: 165].

āb ōb=da bi'seb binda=t hīb dokot
2SG.POSS отец=SG.M.POSS сиблинг свой=3F.POSS сын как
da=o=l=tòs
3F.S=3M.O=PST=воспитывать
'Сестра моего отца его как своего воспитывает' [Там же: 166].

Использование наречия *bila* ‘как’ в качестве маркера отношений сравнения в словарях и грамматиках кетского языка не зафиксировано. Возможно, это случай окказионального употребления данного слова в сравнительной конструкции. В примере 10 *bila* функционирует как послелог и стоит после существительного, в то время как типичное положение *bila*, в зависимости от функции в предложении, перед существительным, перед глаголом или между двумя клаузами.

(10) *Ба'тáнгнангт 'и:с' доноксети:н, до' анг'гоуан 'а'нат кот буlä* [Крюкова, Нефедов 2017: 207, № 13].

báad=aŋ=naŋt īs d=on=o=kset=in
старик=PL=ADSS.PL.ANIM рыба 3.S=много=INCEP=PL.S
dəq=aŋ=g=o=qan a'nat qo'd bila
жить.ANOM=3PL.S=EP=PST=INCEP раньше путь как
'У стариков рыбы много стало, они жить стали по-прежнему' [Там же].

Морфологическое средство выражения сравнительных отношений в кетском языке – это аффикс исходного падежа *-daŋal* (для м. р.) / *-diŋal* (для ж. р. и ср. р.), он присоединяется к имени или к местоимению, которое является одним из компаратов (см. пример 11). Данный способ маркирования сравнительных конструкций распространен в языках народов Сибири, например, в селькупском [Ильина 2023: 64].

(11) *Остеуън ам а'бу:л ай 'ок т кō'т дāо 'нгол'тус'* [Крюкова 2012: 119, № 41].

ostíken ām āb=dīŋal aj e'k d kə'd
остяцкий мать 1SG.POSS=ABL PART только 3F.POSS дети
da=on=o=l=tòs
3F.S=3PL.ANIM.O=PST=PST=воспитывать
'Остяцкая мать лучше меня детей воспитывала [почище]' [Там же].

Подводя итог, хотелось бы отметить, что в кетском языке, как и в русском, при актуализации ситуации сравнения «тождество» и «подобие» противопоставляется «различию» [Кошкарева, Плотников 2023: 183]. «Тождество» и «подобие» в сравнительных конструкциях вербально выражается союзами *eta / qoda / eta qoda* ‘как, как будто’, послелогоми *as* ‘как’ и *dokot* ‘как’, наречием *bila* ‘как’, а «различие» – показателем исходного падежа *-daŋal / -diŋal* на одном из компаратов.

Заключение

Кетский язык можно назвать письменным только условно. Несмотря на то, что с 80-х гг. XX в. была разработана орфография, она используется только в обучающих целях. В настоящее время письменная форма языка существует только в так называемом «устно-письменном дискурсе» при общении в различных соцсетях и мессенджерах.

При исследовании небольшого устного корпуса кетского языка (объем 8032 слова) было обнаружено всего 9 сравнительных конструкций, в которых исследуемые отношения выражены эксплицитно при помощи союзов *eta / qoda / eta qoda* ‘как, как будто’, послелогов *as* ‘как’, *dokot* ‘как’, наречия *bila* ‘как’ и аффикса исходного падежа *-daŋal / -diŋal*. Это не значит, что отношения сравнения не распространены в кетском языке. Средства языка позволяют выразить их имплицитно, в контексте описываемой ситуации, что, возможно, характерно именно для бесписьменных или условно письменных языков. Однако обнаружить такие примеры в корпусе с помощью поисковых менеджеров не представляется возможным, а поиск таких ситуаций вручную достаточно трудоемкий.

В кетском языке посредством эксплицитных средств противопоставляются отношения «тождества» и «подобия», с одной стороны, и «различия» – с другой: в первом случае – это *eta / qoda / eta qoda* ‘как, как будто’, *as* ‘как’, *dokot* ‘как’, *bila* ‘как’; во втором – показатель *-daŋal / -diŋal*, который маркирует один из компаратов в сравнительной конструкции.

Список литературы

- Бибикова В. С. Образование и употребление имен прилагательных в кетском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1971. 190 с.
- Буторин С. С. Предикативная качественность в кетском языке: языковые средства выражения // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. № 3 (29). С. 32–43.
- Дульзон А. П. Кетский язык. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1968. 636 с.
- Ильина Л. А. Способы выражения сравнения в тазовском диалекте селькупского языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 3 (Вып. 47). С. 58–66.
- Кошкарева Н. Б., Плотников И. М. Метаязык описания семантики сравнения как языкового знака // Критика и семиотика. 2023. № 2. С. 180–216.
- Кошкарева Н. Б., Соловар В. Н. Компаративные конструкции с семантикой эквивалентности в мансийском языке // Сибирский филологический журнал. 2024. № 3. С. 80–94.
- Матханова И. П. Компаратив слов категории состояния: функционирование морфологической категории с переменной актуализированной значимостью // Проблемы функциональной грамматики. Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий / Отв. ред. В. В. Казаковская, М. Д. Воейкова. М.: Издательский Дом ЯКС, 2021. С. 322–356.
- Сагайдачная А. О. Способы выражения сравнительных отношений в удэгейском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2022. № 2 (39). С. 88–97.
- Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1976. 270 с.
- Шамина Л. А. Морфосинтаксические средства актуализации семантики сравнения в тувинском языке (в сопоставительном аспекте) // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2022. № 2. С. 41–46.
- Шенцова И. В. Семантика и функции шорских маркеров подобия в сфере компаративности // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 192–206.
- Georg St. A Descriptive Grammar of Ket. Padstow: Global Oriental, 2007. 328 p.
- Vajda E. Ket. Muenchen: LINCOM EUROPA, 2004. 99 p.
- Werner H. Die ketische Sprache. Wiesbaden: Harrassowitz, 1997. 418 S.

Список источников

- Дульзон А. П. Диалоги // Ученые записки. Т. XX. Вып. 2. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1962. С. 163–165.
- Дульзон А. П. Сказка про Дилтака // Очерки по грамматике кетского языка. Вып. I. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1964. С. 174–189.
- Крейнович Е. А. Кетские загадки // Кетский сборник. М.: Наука, 1969. С. 227–230.
- Крюкова Е. А. Бальна воевать стал с эвенками // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. Т. 2. Томск: Аграф-Пресс, 2012. С. 101–123.
- Крюкова Е. А., Нефедов А. В. Нюням. Головы рыб человеку прочь бросать не следует // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. Т. 5. Томск: Вайар, 2017. С. 177–209.
- Крюкова Е. А., Нефедов А. В. Человек оленя поймал // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. Т. 7. Томск: Вайар, 2020. С. 172–181.

Список условных обозначений

2 – 2-е лицо; 3 – 3-е лицо; **ABL** – исходный падеж; **ADSS** – местно-личный падеж; **ANIM** – одушевленный; **ANOM** – имя действия; **CAUS** – каузатив; **COM** – совместно-орудный падеж; **DAT** – дательный падеж; **EP** – соединительный гласный / согласный; **F** – женский род; **INAN** – неодушевленный; **INCEP** – инцептивная основа; **M** – мужской род; **MIR** – миративная частица; **NPST** – непрошедшее; **O** – объект; **PART** – частица; **PL** – множественное число; **POSS** – possessивный маркер; **PST** – прошедшее время; **S** – субъект; **SG** – единственное число; **STEM** – часть составной основы или основа с непрозрачным значением; **TH** – тематический согласный (детерминатив).

References

- Bibikova V. S. *Obrazovanie i upotreblenie imen prilagatel'nykh v ketskom yazyke* [Building and using adjectives in the Ket language]. Cand. philol. sci. diss. Tomsk, 1971, 190 p. (In Russ.)
- Butorin S. S. Predikativnaya kachestvennost' v ketskom yazyke: yazykovye sredstva vyrazheniya [Predicative qualitiveness category in Ket: language means of expressing it]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2020, no. 3 (29), pp. 32–43. (In Russ.)
- Cheremisina M. I. *Sravnitel'nye konstruksii russkogo yazyka* [Comparative constructions of the Russian language]. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd., 1976, 270 p. (In Russ.)
- Dul'zon A. P. *Ketskiy yazyk* [Ket language]. Tomsk, Tomsk Univ. Publ., 1968, 636 p. (In Russ.)
- Georg St. *A Descriptive Grammar of Ket*. Padstow, Global Oriental, 2007, 328 p.
- Pyina L. A. Sposoby vyrazheniya sravneniya v tazovskom dialekte sel'kupskogo [Ways of expressing comparison in the Taz dialect of the Selkup language]. *Yazyki i Fol'klor Korenykh Narodov Sibiri (Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia)*. 2023, no. 3 (iss. 47), pp. 58–66. (In Russ.)
- Koshkareva N. B., Plotnikov I. M. Metazyk opisaniya semantiki sravneniya kak yazykovogo znaka [Metalinguistic Representation of the Semantics of Comparison as a Linguistic Sign]. *Kritika i Semiotika (Critique and Semiotics)*. 2023, no. 2, pp. 180–216. (In Russ.)
- Koshkareva N. B., Solovar V. N. Komparativnye konstruksii s semantikoy ekvivalentnosti v mansiyskom yazyke [Comparative constructions with the semantics of equivalence in the Mansi language]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal (Siberian Journal of Philology)*. 2024, no. 3, pp. 80–94. (In Russ.)
- Matkhanova I. P. Komparativ slov kategorii sostoyaniya: funktsionirovanie morfologicheskoy kategorii s peremennoy aktualizirovannoy znachimost'yu [Comparative of state words: functioning of morphological category with variable actualized significance]. In: *Problemy funktsional'noy grammatiki. Otnoshenie k govoryashchemu v semantike grammaticheskikh kategoriy* [Problems of functional grammar. Relation to the speaker in the semantics of grammatical categories].

V. V. Kazakovskaya, M. D. Voeykova (Eds.). Moscow, LRC Publishing House, 2021, pp. 322–356. (In Russ.)

Sagaydachnaya A. O. Sposoby vyrazheniya sravnitel'nykh otnosheniy v udegeyskom yazyke [Ways of expressing comparative relations in the Udege language]. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2022, no. 2 (39), pp. 88–97. (In Russ.)

Shamina L. A. Morfosintaksicheskie sredstva aktualizatsii semantiki sravneniya v tuvinskom yazyke (v sopostavitel'nom aspekte) [Morphosyntactic Means of Actualization of Comparative Semantics in the Tuvan Language (a comparative aspect)]. *Bulletin of BSU. Philology*. 2022, no. 2, pp. 41–46. (In Russ.)

Shentsova I. V. Semantika i funktsii shorskikh markerov podobiya v sfere komparativnosti [Semantics and functions of Shor similarity markers in the field of comparativity]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal (Siberian Journal of Philology)*. 2024, no. 1, pp. 192–206. (In Russ.)

Vajda E. Ket. Muenchen, LINCOM EUROPA, 2004, 99 p.

Werner H. *Die ketische Sprache*. Wiesbaden, Harrassowitz, 1997, 418 p.

List of sources

Dul'zon A. P. Dialogi [Dialogues]. In: *Uchenye zapiski* [Research notes]. A. P. Dul'zon (Ed.). Tomsk, Tomsk Univ. Publ., 1962, vol. XX, iss. 2, pp. 163–165. (In Ket, In Russ.)

Dul'zon A. P. Skazka pro Diltaka [A fairy-tale about Diltak]. In: *Ocherki po grammatike ketskogo yazyka* [Sketches of Ket grammar]. Tomsk, Tomsk Univ. Publ., 1964, iss. 1, pp. 174–189. (In Ket, In Russ.)

Kreynovich E. A. Ketskie zagadki [Ket riddles]. In: *Ketskiy sbornik* [Studia Ketica]. Moscow, Nauka, 1969, pp. 227–230. (In Russ.)

Kryukova E. A. Bal'na voevat' stal s evenkami [Balna took to war with Evenks]. In: *Sbornik annotirovannykh fol'klornykh i bytovykh tekstov obsko-eniseyskogo yazykovogo areala* [Annotated Folklore and Daily Prose Texts of the Ob-Yenisseic Linguistics Area]. Tomsk, Agraf-Press, 2012, vol. 2, pp. 101–123. (In Ket, In Russ.)

Kryukova E. A., Nefedov A. V. Chelovek olenya poymal [A man caught a deer]. In: *Sbornik annotirovannykh fol'klornykh i bytovykh tekstov obsko-eniseyskogo yazykovogo areala* [Annotated Folklore and Daily Prose Texts of the Ob-Yenisseic Linguistics Area]. Tomsk, Vayar, 2020, vol. 7, pp. 172–181. (In Ket, In Russ.)

Kryukova E. A., Nefedov A. V. Golovy ryb cheloveku proch' brosat' ne sleduet [A man should not throw away fish heads]. In: *Sbornik annotirovannykh fol'klornykh i bytovykh tekstov obsko-eniseyskogo yazykovogo areala* [Annotated Folklore and Daily Prose Texts of the Ob-Yenisseic Linguistics Area]. Tomsk, Vayar, 2017, vol. 5, pp. 177–209. (In Ket, In Russ.)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
2.11.2024*

Сведения об авторе

Елена Александровна Крюкова – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия)

E-mail: elenakryukova@tspu.edu.ru

ORCID 0009-0008-5488-3386

Information about the Author

Elena A. Kryukova – Candidate of Philology, Head of the Department of Siberian Indigenous Languages, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: elenakryukova@tspu.edu.ru

ORCID 0009-0008-5488-3386

УДК 811.512.151.81'367
DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-82-97

**Семантика именных компаративных конструкций
с лексемой *ошкош* ‘как, такой же, подобный’ в алтайском языке**

А. Р. Тазранова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Рассматриваются именные компаративные конструкции аналитического типа с полифункциональной лексемой *ошкош* на материале алтайского языка: в качестве компарата 1 (предмета сравнения) и компарата 2 (эталоны сравнения) выступают предметные имена (существительные, личные местоимения, прилагательные, которые могут иметь при себе зависимые слова). Показатель *ошкош* оформляет, как правило, простые компаративные конструкции. Лексические средства часто являются комплексным способом выражения параметра – они обозначают одновременно и основание, и аспект параметра. Материалом исследования послужила опубликованная художественная литература алтайских писателей, традиционная для исследования в области письменных языков, из которой была сделана сплошная выборка примеров; объём картотеки составила 703 единицы.

Ключевые слова

алтайский язык, синтаксис, компаратив, компаративные конструкции, полифункциональная лексема *ошкош*, алтайский язык

Для цитирования

Тазранова А. Р. Семантика именных компаративных конструкций с лексемой *ошкош* ‘как, подобно, похоже’ в алтайском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52). С. 82–97. DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-82-97

**Semantics of nominal comparative constructions
with the lexeme *oshkosh* (like, same, similar) in the Altai language**

A. R. Tazranova

Institute of Philology of the Siberian Branch RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

This article delves into a comprehensive analysis of comparative constructions in the Altai language, specifically focusing on the multifunctional lexeme *oshkosh* (like, the same, similar). The primary objective of this study was to discern the specific usage patterns and characteristics associated with comparative constructions featuring the lexeme *oshkosh*. The corpus for this article consists of 703 continuously sampled fictional examples demonstrating the implementation of comparative constructions featuring the lexeme *oshkosh*. Through the application of a modeling method during material processing, this study successfully reconstructed missing elements within statements, leading to a deeper understanding of the linguistic phenomenon at hand. Additionally, linguistic statistical calculation methods were employed to conduct a frequency analy-

© А. Р. Тазранова, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 4 (iss. 52)

sis of *oshkosh*, further enhancing our comprehension of its usage patterns. The analysis of the corpus has resulted in the identification of several distinct types of comparative constructions. Firstly, there are comparative constructions with nominal predicates, where *oshkosh* functions as a postposition. Moreover, within this category, comparative determinative constructions were identified, where *oshkosh* acts as a determinant. Secondly, simple sentences featuring *oshkosh* as a nominal predicate with semantics of equivalence have been identified. In terms of semantics, the analysis has demonstrated that the primary function of *oshkosh* is to highlight analogous features among objects, emphasizing their similarities and shared attributes. By elucidating the underlying structural and semantic features of *oshkosh*, this study contributes to a deeper understanding of the Altai language and its unique comparative constructions.

Keywords

comparative, comparative constructions, comparative particle, Altai language

For citation

Tazranova A. R. Semantika imennykh komparativnykh konstrukttsii s leksemoi *oshkosh* ‘kak, takoi zhe, podobnyi’ v altaiskom yazyke [Semantics of nominal comparative constructions with the lexeme *oshkosh* (like, same, similar) in the Altai language]. *Yazyki i Fol’klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2024, no. 4 (iss. 52), pp. 82–97. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-82-97

Введение

В лингвистических словарях сравнение определяется как «фигура речи, состоящая в уподоблении одного предмета другому, у которого предполагается наличие признака, общего с первым» [Ахманова 1966: 450]. Для описания сравнительных конструкций используются также, хотя и крайне непоследовательно, термины «тождество» (полное совпадение признаков по выбранному основанию), «подобие» (результат «сравнения», направленного на установление сходства, близости) и «различие» (результат «сопоставления», цель которого – выявление несходства) [Кошкарева, Плотников 2023: 187].

Сравнительная конструкция имеет сравнительный смысл и состоит из четырех компонентов:

- 1) то, что сравнивается, или «предмет сравнения»;
- 2) то, с чем сравнивается «предмет», т. е. «эталон сравнения»;
- 3) показатель сравнительных отношений;
- 4) модуль сравнения, обозначающий общее свойство или признак, на основании которого проводится сравнение [Тыбыкова и др. 2013: 138].

М. И. Черемисина отмечает, что «именно показатель сравнения, его вхождение в конструкцию, делает содержащий его компонент “компаративным компонентом”, а всю конструкцию – сравнительной конструкцией» [Черемисина 1971: 57].

В данной статье основное внимание делается семантике сравнительных конструкций и применяются термины и понятия, выработанные в рамках проекта Института филологии СО РАН по сопоставительному описанию сравнительных конструкций в урало-алтайских языках Сибири, относящиеся к плану содержания: СМРР1 – первый компарат (предмет сравнения); СМРР2 – второй компарат (стандарт, эталон сравнения); REL – отношение (суждение о сходстве или различии компаратов); PRM – параметр сравнения (свойства компаратов, являющиеся основанием для их сопоставления), который складывается из совокупности двух признаков: PRM.FUND – основание параметра (свойство компарата, на которое направлено внимание, например, «рост», «цвет», «форма» и т. п.), PRM.ASP – аспект параметра (конкретное качество, проявление которого оценивается, например, «высокий» / «низкий», «красный» / «синий» / «зеленый», «круглый» / «овальный» / «квадратный» и др.); EXP – экспонента (дополнительная характеристика отношения с точки зрения степени сходства или различия – «точь-в-точь», «примерно», «значительно», «на 5 см» и т. п.) [Кошкарева, Плотников 2023]. «Отличием данной терминологической системы от предшествующих является ее семантический характер: в ней исчисляются смысловые компоненты, формирующие отношение сравнения, каждый из которых может быть выражен различными способами – лексическим, морфологическим, синтаксическим – или оставаться невербализованным. Таким образом последовательно разграничивается план выражения и план содержания сравнительных конструкций» [Федина, Кошкарева 2023: 55].

В тюркологии сравнительные конструкции изучались на материале разных языков – якутского [Васильев 1986], хакасского [Султрекова 2017], тувинского [Черемисина, Шамина 1996;

Шамина 1990, 2008, 2014, 2022; Шамина, Байыр-оол 2024], шорского [Невская 2016, 2019, 2022; Шенцова 2022, 2024], чалканского [Федина, Кошкарева 2023; Федина, Кошкарева, Плотников 2023], казахского [Ескельдиева 2016; Тажибаева и др. 2024] и др.

В алтайском языке сравнительным конструкциям посвящено диссертационное исследование Л. Н. Тыбыковой, в котором проанализированы именные сравнительные конструкции синтетического и аналитического типов, а также глагольные конструкции, входящие в систему сравнения: зафиксированы морфологические и синтаксические средства выражения сравнения (показатели падежного типа, словообразовательные формы, частицы, служебные слова); выявлены конструкции, в которых формы с указанными показателями выражают сравнительные отношения; они охарактеризованы с точки зрения их структуры и семантики; сравнительные конструкции разделены на собственно-сравнительные, модально-сравнительные и сравнительно-сопоставительные [Тыбыкова 1988, 1989]. Семантике алтайских сравнительных конструкций и особенностям их функционирования в фольклорных произведениях посвящены работы А. А. Озоновой [Озонова 2023 а, 2023 б].

В алтайском языке имеется множество способов выражения сравнения: морфологические (падежные формы и специальные сравнительные показатели), лексические (служебные слова, полнзначные слова) и синтаксические (именные и глагольные обороты), при этом многие из них еще не отражены в имеющихся грамматических описаниях.

Компаративные конструкции именного типа в алтайском языке в зависимости от типа показателя делятся на синтетические и аналитические. В синтетических компаративных конструкциях в качестве показателя сравнения выступают аффиксы =ДЫЙ, =чА и показатель исходного падежа =ДАН, а в аналитических используются различные служебные слова. В русле последних исследований А. А. Озоновой и Л. Н. Тыбыковой на материале алтайского языка подробно рассмотрена семантика и функционирование сравнительного аффикса =ДЫЙ и модально-сравнительных показателей, образованных на его основе [Озонова, Тыбыкова 2024].

Одним из средств выражения сравнения в алтайском языке является многофункциональная лексема *ошкош* ‘как, подобно, похоже’, которая используется в роли именного предиката и послелога с семантикой эквивалентности. Под эквивалентностью мы понимаем, вслед за Н. Б. Кошкаревой и В. Н. Соловар, «такой тип отношений, при помощи которого устанавливается тождество, сходство или подобие сравниваемых предметов по тому или иному признаку (‘такой же как’, ‘похожий’)» [Кошкарева, Соловар 2024: 81]. Целью данной работы является выявление специфики употребления компаративных конструкций с лексемой *ошкош*.

Общетюркская лексема *оқша* образована от *оқ* + *ша*, где *оқ* ‘подобный, похожий’ + глаголообразующий аффикс =*ша*. Наиболее распространенным от *оқша* следует считать древнее по своему структурному типу имя действия на =*ш*, а не (=й) =*ыш*, по образцу которого сложилось в азерб. *оқшайыш*, турк. *оқшаиш*, тур. *оқшаиш*, кирг. *оқшаиш*, хак. *уқшаиш* (*осхас*), баш. *уқсас* [ЭСТЯ 1974: 419].

Н. П. Дырленкова называет показатель *ошкош* / *ушкун* в алтайском языке частицей сравнения [ГОЯ 1940: 224], однако приведенные ею примеры выражают не сравнение, а модальность: *уйде жок ошкош* ‘кажется, что нет его дома’. В ойротско-русском словаре *ошкош* определяется как послелог со значением ‘похожий, подобный; подобно; кажется’ [ОРС 1947: 118]. В современной грамматике алтайского языка его также относят к разряду сравнительных послелогов [СГАЯ 2018: 487]. В функции сказуемого *ошкош* может принимать показатели лица: *ошкож*=ым (подобен=1SG), *ошкож*=ынг (подобен=2SG), поэтому однозначно называть его послелогом не совсем верно.

Как и многие показатели сравнения в разных языках [Шамина, Байыр-оол 2024; Озонова, Тыбыкова 2024], *ошкош* втягивается в сферу модальности. Если *ошкош* располагается после глагола, то он является модальным словом со значением ‘кажется, может быть’ (примеры 1 и 2).

(1) *Je сурекей ле јакшы јүрүм болбоды ошкош.* [Төлөсөв 1985: 235]

je сурекей ле јакшы јүрүм бол=бо=ды ошкош
но очень PTCL хороший жизнь быть=NEG=PAST MOD
‘Но кажется, что такой уж хорошей жизни не было.’

(2) *Айдар Адучинович чыдашпады ошкош.* [Манитов 1989: 68]

Айдар Адучинович чыдаш=па=ды ошкош
 Айдар Адучинович выдержать=NEG=PAST MOD
 ‘Кажется, что Айдар Адучинович не выдержал.’

В рамках данной статьи рассматриваются именные компаративные конструкции аналитического типа с лексемой *ошкош*: в качестве компарата 1 (предмета сравнения) и компарата 2 (эталона сравнения) выступают предметные имена (существительные, личные местоимения, прилагательные, которые могут иметь при себе зависимые слова). Показатель *ошкош* оформляет, как правило, простые компаративные конструкции и, в отличие от других служебных компаративных слов типа *чылап*, может употребляться как показатель сравнительных отношений в полипредикативных конструкциях, хотя и не так часто.

Материалом для исследования послужили тексты художественных произведений на алтайском языке. В романе К. Төлөсөва «Кадын жаскыда» ‘Катунь весной’ (284 с.) встретилось 203 примера с *ошкош*. По частотности употребления примеры с *ошкош* можно разделить на три группы в зависимости от функции данной лексемы:

- 1) модальная частица, которая ставится после глагола (172 примера);
- 2) послелог, который сочетается с именем существительным в составе сравнительной конструкции, является показателем сравнительного отношения (25 примеров);
- 3) «прилагательное» (или «предикатив»), которое выступает в роли сказуемого и принимает лично-числовые показатели (6 примеров).

Таким образом, лексема *ошкош* чаще всего используется для выражения модального значения кажимости. Если в чалканском языке наиболее частотным для выражения сравнительных отношений является показатель *уш* (фонетический вариант алтайского *ошкош*), который постепенно вытесняет показатель *чылап* [Федина, Кошкарева, Плотников 2023: 73], то в алтайском языке, наоборот, в текстах более частотен показатель *чылап*, который используется как в глагольных, так и в именных конструкциях при сравнении предметов и событий.

В именных конструкциях алтайского языка лексема *ошкош* может входить в состав любого члена предложения, подобно тому как это происходит в хакасском [Султрекова 2017: 126] и чалканском [Федина, Кошкарева, Плотников и др. 2023: 65] языках.

1. Сравнительная конструкция с послелогом *ошкош*

Сравнительная конструкция с послелогом *ошкош* является разновидностью предложений характеристики «кто каков». Сравнение встраивается в эту структуру, осложняя план содержания: [компарат 1 каков], [компарат 2 каков], [компараты одинаковые]. Такая конструкция – это средство компрессии трех пропозиций: одно простое предложение выражает три элементарных смысла.

Одним из самых распространенных способов выражения сравнения предметных компаратов в алтайском языке является простое именование предложение, в котором эксплицитно представлены четыре основных компонента сравнения: первый компарат (предмет сравнения) выражается именем в Им. п.; существительное, называющее второй компарат (эталон сравнения), сочетается с послелогом *ошкош*, указывающим на тип сравнительного отношения – эквативность, т. е. совпадение характеристик компаратов; параметр, на основе которого устанавливается сходство, обозначается именем прилагательным:

$$N_{\text{NOM}}^{\text{CMPR1}} N_{\text{NOM}}^{\text{CMPR2}} \text{ошкош}^{\text{REL.EQU}} \text{ADJ}^{\text{PRM.ASP}} (\text{cop})$$

(3) *Алтынай энези ошкош жараш.*

Алтынай эне=зи ошкош жараш
 Алтынай мать=POSS.3 как красивый
 ‘Алтынай красивая, как ее мама.’

В плане содержания данная конструкция является полипропозитивной: эквативные отношения устанавливаются между двумя пропозициями качественной характеристики – «кто каков / что каково», которые могут выражаться именованными конструкциями типа $N_{\text{NOM}} \text{ADJ} (\text{cop})$. По-

сколько признаки, на основе которых устанавливается сходство двух предметов, совпадают, одна из пропозиций в плане выражения предстает в редуцированном виде – параметр называется только один раз. В развернутом обобщенном виде модель включает два релянта (REL 1 и REL 2), каждый из которых потенциально может иметь собственный субъект и предикат, а также показатель эквивалентности (REL.EQU), выраженный послелогом *ошкош*:

$$[N_{\text{NOM}}^{\text{CMPR1}} \text{ADJ}^{\text{PRM}}(\text{cop})]^{\text{REL1}} \text{ошкош}^{\text{REL.EQU}} [N_{\text{NOM}}^{\text{CMPR2}} \text{ADJ}^{\text{PRM}}(\text{cop})]^{\text{REL2}}$$

Данная модель соответствует чалканским компаративным предложениям с лексемой *уш* [Федина, Кошкарева, Плотников 2023: 65] и в речи реализуется в неполном виде.

(4) *Мишектин ... байагы кӧӧгӧ уймалган чырай-бажы, эмди јилик ошкош ап-ару.* [Тӧлӧсӧв 1987: 268]

Мишек=тин	байагы	кӧӧ=гӧ	уймал=ган	чырай	баж=ы	эмди
Миша=GEN	тогдашний	сажа=DAT	мазаться=PP	лицо	голова=POSS.3	сейчас
јилик	ошкош	ап-ару				
костный мозг	как	чистый				

‘Лицо Миши, тогда запачканное сажей, сейчас чистое, как костный мозг.’

В предложении (4) в позиции компарата 1 выступает парное слово *чырай-бажы* ‘лицо’, в роли компарата 2 – лексема *јилик* ‘костный мозг’. В языковой картине мира алтайцев костный мозг всегда определяется как ‘чистый’, ‘блестящий’, поскольку находится внутри кости. Поэтому в качестве аспекта параметра указано конкретное качество *ап-ару* ‘очень чистый’. Надо отметить своеобразие выражения высокой степени сходства между компаратами при помощи качественных прилагательных, образованных путем частичной редупликации (Примеры 4–6).

Если к компаратам относятся распространенные определения или определительные причастные обороты, в позицию параметра сравнения, кроме прилагательного, может входить и существительное типа ‘мужчина / женщина’, ‘человек’, ‘предмет’, обозначающее родовую принадлежность компаратов. Соответственно, способом выражения характеристики является вариант с предикатом, представленным сочетанием прилагательного и существительного – ADJ N (cop):

(5) *Эки башка эне-аданын уулдары да болзо, торт ло јангыс калыпка урган октор ошкош, тӱп-тӱнгей эрлер.* [Манитов 1989: 19]

эки	башка	эне-ада=нын	уул=дар=ы	да	бол=зо	торт	ло
два	разный	родитель=GEN	мальчик=PL=POSS.3	PTCL	быть=COND	совсем	PTCL
јангыс	калып=ка	ур=ган	ок=тор	ошкош	тӱп-тӱнгей	эр=лер	
один	форма для литья пуль	лить=PP	пуля=PL	как	одинаковый	мужчина=PL	

Букв.: два мальчика от разных родителей как в одну форму залитые пули одинаковые мужчины.

‘Хотя мальчики от разных родителей, но они такие одинаковые, как пули, залитые в одну форму.’

$$[\text{мальчики от разных родителей}]^{\text{CMPR1}} [\text{одинаковые мужчины}]^{\text{PRM}} \\ [\text{как}]^{\text{REL.EQU}} \\ [\text{в одну форму залитые пули}]^{\text{CMPR2}} [(\text{одинаковые})]^{\text{PRM1}}$$

В данной фразе параметр выражен прилагательным *тӱп-тӱнгей* ‘одинаковые’ и характеризует степень внешнего сходства предметов. В состав эталона входит определительный оборот *јангыс калыпка урган* ‘в одну форму залитые’, подчеркивающий высокий уровень сходства, предполагаемый эталоном.

¹ Здесь и далее подобные записи отражают смысловое устройство сравнительных конструкций и семантические роли компонентов. Квадратные скобки обозначают границы компонентов сравнительной конструкции, круглые скобки символизируют регулярное отсутствие того или иного компонента в плане выражения и его реконструкцию на основе контекста или устойчивых ассоциаций.

В примере (6) сравнение указывает на особенности положения в обществе человека, названного компаратом 1:

(6) ...*үстине бойың көбөлөк ошкош жеңилчен болзон – ол керегинде түжөнбе де, сананба да, көөркий.* [Төлөсөв 1985: 255]

үстине	бой-ың	көбөлөк	ошкош	жеңилчен	бол=зо=н	ол
к тому же	сам=POSS.2SG	бабочка	как	легковатый	быть=COND=2SG	он
керегинде	түжөн=бе	де	санан=ба	да	көөркий	
POSTP	видеть сон=NEG	PTCL	думать=NEG	PTCL	милый	

‘К тому же, если сам легонький, как бабочка, тогда об этом и не думай, дорогой.’

$$[\text{сам}]^{\text{CMPR1}} [\text{легонький}]^{\text{PRM}}$$

$$[\text{как}]^{\text{REL.EQU}}$$

$$[\text{бабочка}]^{\text{CMPR2}} [(\text{легонья})]^{\text{PRM}}$$

Параметр выражен прилагательным *жеңилчен* ‘легонький’, при этом по контексту общественное положение компарата 1 сравнивается с физической легкостью компарата 2 – бабочки: в тексте речь идет о неустойчивом положении компарата 1 на рабочем месте – в любой момент он может остаться без работы. Происходит метафорический перенос из физической в социальную сферу: небольшой вес, хрупкость бабочки оказывается эталоном для обозначения нестабильной ситуации. Вне контекста такое сравнение можно было бы интерпретировать иначе: в физической сфере – как оценка легкого веса, сопоставимого с весом бабочки, в эмотивной сфере – как оценка «легкого» характера одушевленного предмета.

1.1. Сравнительные определительные конструкции с *ошкош*

Сравнительные конструкции с *ошкош* могут употребляться в функции определения. В этом случае они являются разновидностью конструкций предыдущего типа и встраиваются в структуру предложения как бы вторым ярусом. Такие примеры строятся по следующей модели:

$$N^{\text{CMPR2}} \text{ ошкош }^{\text{REL.EQU}} \text{ ADJ }^{\text{PRM.ASP}} N^{\text{CMPR1}}$$

(7) *Эмди Чытылдай ол кичинек ижемјизин таш ошкош соок, кату сөстөриле бойы да билбес јанынан чек былча согуп салды.* [Палкин 2006: 224]

эмди	Чытылдай	ол кичинек	ижемјизин	таш	ошкош	соок
сейчас	Чытылдай	он маленький	надежда=POSS.3=ACC	камень	как	холодный
кату	сөстөр=и=ле	бойы да	бил=бес	јанынан	чек	былча
твердый	слова=POSS.3=INSTR	сам	PTCL	знать=NEG.PrP	POSTP	прямо раздавлено
сог=уп	сал=ды					
AUX: бить=CV	AUX: класть=PAST					

‘Сейчас Чытылдай, сам того не зная, раздавил эту маленькую надежду холодными и твердыми, как камень, словами.’

$$[\text{слова}]^{\text{CMPR1}} \text{ холодные, твердые }^{\text{PRM.ASP}}]^{\text{REL1}}$$

$$[\text{как}]^{\text{REL.EQU}}$$

$$[\text{камень}]^{\text{CMPR2}} \text{ (холодный, твердый) }^{\text{PRM.ASP}}]^{\text{REL2}}$$

В данном предложении параметр сравнения выражен прилагательными *соок* ‘холодный’ и *кату* ‘твердый’, которые называют качества, присущие камню.

(8) *Быштак ошкош бир быжал-сары Михалыч деп өгөөн айдат...* [Төлөсөв 1985: 274]

быштак	ошкош	бир	быжал	сары	Михалыч	деп
брынза	как	один	спелый	желтый	Михалыч	CONJ
өгөөн	айд=ат					
мужчина	говорить=PRES					

‘Говорит мужчина, светло-желтый Михалыч, похожий на брынзу.’

[Михалыч^{CMPR1} светлый, желтый^{PRM.ASP}]^{REL1}
 [как]^{REL.EQU}
 [брынза^{CMPR2} (светлая, желтая)^{PRM.ASP}]^{REL2}

Основанием сравнения является внешний вид компаратов. Алтайская брынза имеет желтоватый оттенок из-за жирности молока. Характеристика Михалыча основывается на внешнем сходстве с цветом брынзы.

Прилагательное, обозначающее параметр, может быть опущено. Так, в примере (9) параметр сравнения не имеет вербального выражения, но может быть восстановлен на основе ассоциаций: дорогие металлы устойчиво рассматриваются как эталон параметров «значимость», «ценность», которые в данном случае переносятся на отношения между друзьями.

(9) *Тен алтын-мөнүн ошкош нөкөр-најыларымнын колдорынан тудуп, куучын эмес куучын бу ине.* [Төлөсөв 1985: 272]

тен алтын мөнүн ошкош нөкөр најы=лар=ым=нын
 прямо золото серебро как друзья товарищ=PL=POSS.1SG=GEN
 кол=дор=ы=нан туд=уп куучын эмес куучын бу ине
 рука=PL=POSS.3=ABL держать=CV разговор нет разговор это ведь
 'Поздоровавшись за руки моих [дорогих], как золото-серебро, друзей, много разговариваем.'

[мои друзья^{CMPR1} (дорогие)^{PRM}]^{REL1}
 [как]^{REL.EQU}
 [золото-серебро^{CMPR2} (дорогое)^{PRM}]^{REL2}

В некоторых примерах компарат 1 употребляется с определением, что приводит к неоднозначной интерпретации сравнительной конструкции. Так, в примере (10) прилагательное *jaan* 'большой' характеризует компарат 1, но в сравнении задействовано только косвенно, т. е. параметром является не размер, а всё телосложение.

(10) *Эмеш ондоньп келзем, јерде ак ич кийимдү, укту бука ошкош јаан немец јатты.* [Эл-Алтай 2020: 49]

эмеш ондон=ып кел=зе=м јер=де ак
 чуть прийти в себя=CV AUX: приходиться=COND=1SG земля=LOC белый
 ич кийимдү укту бука ошкош јаан немец лежать=PAST
 нижнее белье породистый бык как большой немец јат=ты
 'Когда чуть очнулся, не земле лежал большой немец в белом нижнем белье, похожий на породистого быка.'

[немец^{CMPR1} большой (по телосложению)^{PRM}]^{REL1}
 [как]^{REL.EQU}
 [породистый бык^{CMPR2} (большой)^{PRM}]^{REL2}

В позиции параметра может употребляться предикативная единица, характеризующая приобретение признака. В примере (11) это *эскизи једип калган* (букв.: старость достигшая).

(11) *Бир ууш болуп чырчыйып калган јүзүн уужай согуп, база ла бойы ошкош эскизи једип калган бөрүгүн јазап ијеле, айдатан эди...* [Төлөсөв 1985: 11]

бир ууш бол=уп чырчый=ып кал=ган јүз=и=н
 один кулак быть=CV сморщиться=CV AUX: оставаться=PP лицо=POSS.3=ACC
 уужа=й сог=уп база ла бойы ошкош эски=зи
 мять=CV AUX: бить=CV опять PTCL сам как старость=POSS.3
 јед=ип кал=ган бөрүг=и=н јаза=п
 достигать=CV AUX: оставаться=PP шапка=POSS.3=ACC поправить=CV
 ий=еле айд=атан эди
 AUX: посылать=CV говорить=PP MOD

‘Проведя по своему лицу, которое сморщилось и превратилось размером с кулак, поправив свою изношенную, как и он сам, шапку, говорил...’

[шапка^{CMPR1} изношенная^{PRM}]^{REL1}
 [как]^{REL.EQU}
 [он сам^{CMPR2} (сморщенный)^{PRM}]^{REL2}

- (12) *Түнде койдонуп алып бажын жытагамда, чек ле сенинг жыдын ошкош.* [Эл-Алтай 2020: 69]
 түн=де койдон=ып ал=ып баж=ы=н
 ночь=LOC вместе спать=CV AUX: брать=CV голова=POSS.3=ACC
 жыта=гам=да чек ле сенинг жыд=ынг ошкош
 нюхать=PP.1SG=LOC совсем PTCL ты.GEN запах=POSS.2SG как
 ‘Когда ночью ложимся вместе и нюхаю его голову, [то я чувствую, что запах его головы] точно как твой запах.’

[запах его головы^{CMPR1} (какой-то)]
 [как]^{REL.EQU}
 [твой запах^{CMPR2} (какой-то)]

- (13) *Эриктин чачы адазындыйы ошкош – кап-кара.* [Укачин 1985: 19]
 Эрик=тин чач=ы ада=зы=н=дыйы ошкош кап-кара
 Эрик=GEN волос=POSS.3 отец=POSS.3=INFX=ADJR как черный-черный
 ‘Волосы у Эрика, как у его отца, черные-пречерные.’

В предложении (13) в роли первого компарата выступает сочетание *Эриктин чачы* ‘волосы Эрика’, второй компарат выражен притяжательным прилагательным с аффиксом =*ДЫЙЫ*: *адазындыйы* ‘принадлежащий его отцу’, образованным от существительного *ада* ‘отец’, которые указывают на отношения между субъектами. В роли дополнительного для сравнения отношения, т. е. в качестве показателя экспоненты, выступает притяжательный аффикс =*ДЫЙЫ*, подчеркивающий высокую степень сходства компаратов. Основание параметра выражено качественным прилагательным *кап-кара* ‘черный’. Семантика этого предложения может быть репрезентирована следующим образом:

[волосы Эрика]^{CMPR1} [черные]^{PRM}
 [как]^{REL.EQU}
 [отцовские (волосы)]^{CMPR2} [черные]^{PRM}

Значение этого предложения может быть реконструировано следующим образом: [Волосы Эрика КАК отцовские волосы] + [волосы Эрика черные-пречерные КАК отцовские волосы черные-пречерные]. На первом уровне сравнения устанавливается общее сходство волос Эрика и отца, на втором уровне сравнения вводится аспект параметра – черный цвет волос (при помощи послелого *ошкош*).

Таким образом, в конструкциях с послелогом *ошкош* ‘как, такой же, подобный’ выражается сравнение двух предметов на основе общего признака. В таких конструкциях *ошкош* является показателем эквативности, а прилагательное в позиции сказуемого называет аспект параметра, ср. в примере (4) невербализованное основание параметра «(не)чистота» – вербализованный аспект параметра «чистый»; в примере (5) невербализованное основание параметра «(не)сходство» – вербализованный аспект параметра «одинаковый»; в примере (6) невербализованное основание параметра «вес» – вербализованный аспект параметра «легкий» и др. Лексические средства часто являются комплексным способом выражения параметра – они обозначают одновременно и основание, и аспект параметра.

2. Сравнительная конструкция с именным предикатом *ошкош*

Лексема *ошкош* в составе сравнительной конструкции может выполнять роль именного сказуемого и принимать лично-числовые аффиксы, если подлежащее выражено личным местоимением, его наличие или отсутствие не влияет на семантику, см. пример (13):

(13) *Сен јаш бала ошкожынг.*

сен јаш бала ошкож=ынг
ты новорожденный ребенок как=2SG
'Ты как маленький ребенок.'

Структура подобных предложений имеет вид:

$$N^{CMPR1} N^{CMPR2} \text{ошкош}^{REL.EQU} = PERS \text{ (cop)}$$

Аналогичные явления наблюдаются и в других тюркских языках, например чалканском [Федина, Кошкарева, Плотников 2023: 67] и хакасском [Султрекова 2017: 127]. В предложениях этого типа параметр сравнения имплицитно не представлен, но чаще всего подразумевается сходство по внешнему виду (см. пример 14). Аналогичные явления описаны применительно к чалканскому [Федина, Кошкарева, Плотников 2023: 66] и бурятскому [Скрибник, Даржаева 2023: 67] языкам, хотя бурятскому прилагательному *адли* в алтайском полностью соответствует прилагательное *түнэй*.

(14) *Көр! Ол кыс шак ла Айсулу ошкош!* [Эл-Алтай 2020: 156]

көр ол кыс шак ла Айсулу ошкош
смотри та девушка прямо PTCL Айсулу как
'Посмотри! Та девушка вылитая Айсулу!'

$$\begin{aligned} & [\text{та девушка}^{CMPR1} \text{ (внешний вид)}^{PRM}]^{REL1} \\ & \quad [\text{как}]^{REL.EQU} \\ & [\text{Айсулу}^{CMPR2} \text{ (внешний вид)}^{PRM}]^{REL2} \end{aligned}$$

В примере (14) интерпретация сходства по внешнему виду поддерживается предикатом зрительного восприятия *көр* = 'смотреть'. Для указания на высокую степень сходства двух компаратов используется двойная усилительная частица *шак ла* 'прямо, точь-в-точь', которая выступает в качестве экспоненты.

(15) *Танкыны-коронды тартпа деп айдып јадым, а сен дезе от камыскан чирик тӱнӱш ошкожынг.* [Тӱлӱсӱв 1987: 272]

танкы=ны корон=ды тарт=па деп айд=ып јад=ым
сигарета=ACC яд=ACC курить=NEG CONJ говорить=CV AUX: лежать=1SG
а сен дезе от камыс=кан чирик тӱнӱш ошкож=ынг
CONJ ты говорить=COND огонь тлеть=PP сгнивший бревно как=2SG
'Говорю, чтобы ты не курил, а ты похож на сгнивший пень, который заставляет тлеть огонь.'

В примере (15) подразумевается, что внешний вид компарата 1 (высохший, худой, с морщинами) напоминает дерево, которое сгнило изнутри. Параметр сравнения извлекается из устойчивого образа прогнившего дерева. Если компараты выражены посессивной конструкцией, то редукции может подвергаться определяемое имя.

В других случаях параметр сравнения может реконструироваться на основе контекста. В примере (16) речь идет о «физической силе», «выносливости», «поведении». Одинокая мать следит, как ее сын-ученик чинит дверь.

(16) *Торт ло јаан кижи ошкош.* [Манитов 1989: 85]

торт ло јаан кижи ошкош
прямо PTCL взрослый человек как
'Прямо как взрослый человек.'

$$[(\text{он})^{\text{CMPR1}} (\text{ведет себя как-то})^{\text{PRM}}]_{\text{REL1}} \\ [\text{как}]_{\text{RELEQU}} \\ [\text{взрослый человек}]^{\text{CMPR2}} (\text{ведет себя как-то})^{\text{PRM}}]_{\text{REL2}}$$

Этот пример показывает также, что компарат 1 может быть опущен, если он подразумевается в контексте.

Пример (17) может быть интерпретирован с опорой на контекст как описывающий сходство компаратов по их состоянию. На это указывают также определения к лексеме *ан* ‘зверь’ – ‘израненный’, ‘с живым сердцем’:

(17) *Сананзам, бастыра эди шыркалу, жангыс ла жүреги тирү ан ошкожым.* [Маскина 2020: 31]

санан=за=м бастыра эд=и шыркалу жангыс ла жүрег=и
думать=COND=1SG весь мясо=POSS.3 раненый только PTCL сердце=POSS.3
тирү ан ошкож=ым
живой зверь как=1SG

‘Мне кажется, я как зверь, у которого все тело изранено, только сердце живое.’

$$[(\text{я})^{\text{CMPR1}} (\text{чувствую себя как-то})^{\text{PRM}}]_{\text{REL1}} \\ [\text{как}]_{\text{RELEQU}} \\ [\text{раненый зверь с живым сердцем}]^{\text{CMPR2}} (\text{чувствует себя как-то})^{\text{PRM}}]_{\text{REL2}}$$

У израненного, беспомощного зверя бьется только сердце, эмоциональное и физическое состояние субъекта такое же: ему все безразлично, ничего не интересно, только сердце колотится. Эта интерпретация поддерживается предикатом умственной деятельности ‘думать’.

(18) *Јаш баланын эрмеги кандый да јаан кижинин эрмеги ошкош.* [Тёлёсов 1987: 236]

јаш бала=нын эрмег=и кандый да јаан кизи=нин
молодой ребенок=GEN речь=POSS.3какой PTCL взрослый человек=GEN
эрмег=и ошкош
речь=POSS.3 как

‘У маленького ребенка речь как у какого-то взрослого человека.’

$$[\text{речь маленького ребенка}]^{\text{CMPR1}} (\text{какая-то})^{\text{PRM}}]_{\text{REL1}} \\ [\text{как}]_{\text{RELEQU}} \\ [\text{речь взрослого человека}]^{\text{CMPR2}} (\text{какая-то})^{\text{PRM}}]_{\text{REL2}}$$

В примере (18) при помощи контекста или ассоциаций можно предположить, что в данном случае параметром является «рассудительность», «серьезность».

(19) *Мен эмди сырангай ла ат ошкожым...* [Палкин 1989: 67]

мен эмди сырангай ла ат ошкож=ым
я сейчас совершенно PTCL лошадь как=1SG

‘Я сейчас совершенно как лошадь...’

$$[\text{я}]^{\text{CMPR1}} (\text{свободен})^{\text{PRM}}]_{\text{REL1}} \\ [\text{как}]_{\text{RELEQU}} \\ [\text{лошадь}]^{\text{CMPR2}} (\text{свободна})^{\text{PRM}}]_{\text{REL2}}$$

В примере (19) говорящий сравнивает себя с конем, который пасется сам по себе в поле, основанием для сопоставления компаратов является «воля», «независимость».

Для алтайских компаративных предложений, построенных по данной модели, характерно употребление дополнительных экспоненциальных показателей, усиливающих значение сходства или различия, в этой роли выступают сложные частицы: *сырангай ла* ‘совершенно как’ (примеры 19, 20), *шак ла* ‘точно как’ (пример 14, 21), *чек ле* ‘прямо как’ (пример 12), *жангыс ла* ‘прямо как’ (пример 17) и др., а также качественные прилагательные, образованные путем ча-

стичной редупликации (типа *сан-сары* ‘желтый-прежелтый’, *теп-тегерик* ‘круглый-прекруглый’ и др.), обозначающие высокую степень проявления признака.

(20) *Je бастыра энелерден башказы – онын жангыс кабактары кандый да теп-тегерик, сырангай ла ай ошкош.* [Укачин 1985: 302]

je бастыра эне=лер=ден башка=зы онын жангыс кабак=тар=ы
но все мать=PL=ABL отличие=POSS.3 он.GEN только бровь=PL=POSS.3
кандый да теп-тегерик сырангай ла ай ошкош
какой PTCL круглый-круглый совершенно PTCL луна как
‘Но ее отличие от всех матерей – только ее брови, какие-то круглые, прямо как луна.’

[ее брови^{CMPR1} круглые^{PRM1}]^{REL1}
[как]^{REL.EQU}
[луна^{CMPR2} (круглая)^{PRM1}]^{REL2}

(21) *Онын жүрүми шак ла бу чала жантыйа берген чакы ошкоштый билдирди.* [Төлөсөв 1987: 95]

онин жүрүм=и шак ла бу чала жантый=а бер=ген
он.GEN жизнь=POSS.3 точно PTCL это чуть-чуть коситься=CV AUX: дать=PP
чакы ошкош=тый билдир=ди
коновязь как=COMP показаться=PAST
‘Показалось, что его жизнь точно как (будто) эта покосившаяся юрта.’

В предложении (21) употреблено два экспоненциальных показателя: кроме двойной усиленной частицы *шак ла*, *ошкош* принимает морфологический падежный показатель сравнения =ДБЙ, который считается показателем уподобительного падежа [ГСАЯ 2017: 42]. Вариант модели с двумя показателями сравнения имеет вид:

$N^{CMPR1} N^{CMPR2} \text{ошкош} = \text{COMP}^{REL.EQU} = \text{PERS} (\text{cop})$

В следующем примере параметром сравнения является «дырявость», «дырчатость», т. е. внешний вид, сближающий дырявую юрту и сито:

(22) *Jaаш болзо, оlorдо (чадырларда) отурарга болбос. Элгек ошкош. Суу көндүрө агар.* [Манитов 1989: 25]

jaаш бол=зо оlor=до чадыр=лар=да отур=арга бол=бос
дождь быть=COND они=LOC юрта=PL=LOC сидеть=INF быть=NEG.PrP
элгек ошкош суу көндүрө агар
сито как вода насквозь течь=PrP
‘Если будет дождь, то невозможно там [в юртах] сидеть, так как юрты как сито, вода будет течь насквозь.’

[юрта^{CMPR1} (дырявая)^{PRM1}]^{REL1}
[как]^{REL}
[сито^{CMPR2} (дырявое)]^{REL2}

В некоторых высказываниях аналитический показатель *ошкош* может быть заменен на морфологический показатель =ДБЙ, ср. примеры (23) и (24):

(23) *Торт игистердий болгон жогыс па.* [Ередеев 2009: 215]

торт игис=тер=дий бол=гон жог=ыс па
совсем двойня=PL=COMP быть=PP нет=1PL Q
‘Мы были ведь как два близнеца.’

(24) *Торт игистер ошкош болгон жогыс па.*

торт игис=тер ошкош бол=гон жог=ыс па
совсем двойня=PL как быть=PP нет=1PL Q
‘Мы были ведь как два близнеца.’

Главное различие между ними состоит в том, что показатель =ДЫй передает как предметное, так и событийное сравнение, тогда как *ошкош* участвует только в предметных сравнениях.

Таким образом, лексема *ошкош* ‘как, такой же, подобный’, выступая в роли именного предиката, может согласовываться с подлежащим в лице и числе. Для предложений этого типа характерны симилятивные конструкции, где параметр сравнения имплицитно не представлен, устанавливается на основе ассоциативных связей или контекста. Для компаративных высказываний, построенных по данной модели, свойственно употребление дополнительных экспоненциальных показателей, усиливающих значение сходства, в этой роли выступают сложные частицы, качественные прилагательные, образованные путем частичной редупликации, обозначающие высокую степень проявления признака, а также морфологический падежный показатель сравнения =ДЫй, который присоединяется к лексеме *ошкош*.

Заключение

Именные сравнительные конструкции с лексемой *ошкош* ‘как, подобный, похожий’ в большинстве случаев являются средством выражения сходства предметов по их характеристикам. Для именных (предметных) сравнений с *ошкош* характерна специфическая обобщенная реальная модальность. Функции *ошкош* в качестве сравнительного показателя в алтайском языке шире, он употребляется в сравнительных конструкциях с именными сказуемыми, где *ошкош* выступает в роли послелога, внутри этого типа *ошкош* участвует в сравнительных определительных конструкциях, где он выступает в функции определения; *ошкош* в качестве предиката активно используется в простых предложениях, в которых он выполняет роль именного предиката с семантикой эквивалентности. В одинаковых долях встречаются предложения с *ошкош*, где параметр сравнения выражен как эксплицитно, так и имплицитно. В имплицитных сравнительных предложениях с *ошкош* параметр сравнения восстанавливается на ассоциативном уровне или на основе контекста носителями языка.

Синонимичными являются предложения с морфологическим показателем сравнения =ДЫй, они взаимозаменяемы только тех предложениях, в которых =ДЫй выражает эквивалентные отношения между предметами, обладающими сходством.

Список литературы

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. 608 с.
- Васильев Ю. И. Способы выражения сравнения в якутском языке. Новосибирск, 1986. 111 с.
- ГСАЯ – Грамматика современного алтайского языка. Морфология. Горно-Алтайск, 2017. 576 с.
- ГОЯ – Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. Л., 1940. 304 с.
- Ескельдиева Б. Е. Сравнительные конструкции в казахском и в тюркских языках Сибири: Дис. ... д-ра философии (PhD). Астана, 2016.
- Ескельдиева Б. Е. Эквативные и симилятивные типы – отношения равенства в языках разных систем // Вестник ЕНУ им. Л. Н. Гумилева. 2016. № 1 (110). С. 220–225.
- Кошкарева Н. Б., Плотников И. М. Метаязык описания семантики сравнения как языкового знака // Критика и семиотика. 2023. № 2. С. 180–216.
- Кошкарева Н. Б., Соловар В. Н. Компаративные конструкции с семантикой эквивалентности в мансийском языке // Сибирский филологический журнал. 2024. № 3. С. 80–94.
- Невская И. А. Спорные вопросы алтайской грамматики: о статусе формы на -ДЫй в алтайском литературном языке // Российская тюркология. 2016. № 1 (14). С. 3–15.
- Невская И. А., Тажибаева С. Ж. Исследование сравнительных конструкций в тюркских языках (сравнительно-сопоставительный аспект) // Предложение как единица языка и речи: Материалы Всерос. науч. симпозиума с международным участием / Отв. ред. Е. В. Тюттешева. Новосибирск: Академиздат, 2019. С. 183–187.
- Невская И. А. Типологические особенности шорских эквативных и симилятивных конструкций // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 286–299.
- Озонова А. А. Способы выражения сравнения в алтайском эпосе (на материале эпоса «Очы-Бала») // Эпосоведение. 2023 а. № 3. С. 42–55.

Озонова А. А. Сравнительная полипредикативная конструкция с послелогом *чылап / чилеп* 'как, как будто' в алтайском языке // Сибирский филологический журнал. 2023 б. № 4. С. 260–271.

ОРС – Ойротско-русский словарь. М., 1947. 312 с.

Скрибник Е. К., Даржаева Н. Б. Бурятские эквативно-симильятивные конструкции со сказуемым адли 'похожий; такой же' // Сибирский филологический журнал. 2024. № 3. С. 63–79.

Султрекова (Кыржинакова) Э. В. Сравнительные конструкции хакасского языка. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2017. 324 с.

Тажипбаева С. Ж., Невская И. А., Дыбо А. В. Грамматический статус синтетического показателя сравнения *-Дай* в казахском языке // Сибирский филологический журнал. 2024. № 3. С. 12–28.

Тыбыкова А. Т., Черемисина М. И., Тыбыкова Л. Н. Синтаксис осложненного предложения в алтайском языке. 2-е изд. Горно-Алтайск, 2013. 268 с.

Тыбыкова Л. Н. Способы выражения сравнения в алтайском языке // Вопросы алтайского языкознания. Горно-Алтайск, 1988. С. 111–127.

Тыбыкова Л. Н. Сравнительные конструкции алтайского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1989. 17 с.

Федина Н. Н., Кошкарева Н. Б. Редукция как механизм варьирования сравнительных аналитико-синтетических полипредикативных конструкций с послелогом *шылап // шылап // шынап* 'как, как будто' в чалканском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 2 (Вып. 46). С. 53–64.

Федина Н. Н., Кошкарева Н. Б., Плотников И. М. Сравнительные конструкции с полифункциональной лексемой *уш* 'как; такой же' как средство формирования образности в чалканском фольклоре // Эпосоведение. 2023. № 4. С. 62–75.

Черемисина М. И. Некоторые вопросы синтаксиса. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск: НГУ, 1971. 181 с.

Черемисина М. И., Шамина Л. А. Выражение сравнения в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. Вып. 3. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1996. С. 65–84.

Шамина Л. А. Тувинское служебное слово *дег*: статус и функции // Системность на разных уровнях языка. Новосибирск, 1990. С. 126–141.

Шамина Л. А. Способы выражения сравнительно-сопоставительных отношений в тюркских языках Южной Сибири // Материалы Международной научной конференции 25–27 сентября 2008 г. «Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России». Абакан, 2008. С. 184–187.

Шамина Л. А. Модус-диктумные сравнительные бипредикативные конструкции в тувинском языке // Сибирский филологический журнал. 2014. № 2. С. 189–200.

Шамина Л. А. Стратегия маркирования компаративной лексики в тувинских текстах // Вестник Тувинского государственного университета. Вып. 1. Социальные и гуманитарные науки. 2022. № 1 (88). С. 35–46.

Шамина Л. А., Байыр-оол А. В. Модально-компаративные конструкции с семантикой кажимости в тувинском языке // Сибирский филологический журнал. 2024. № 3. С. 47–62.

Шенцова И. В. Семантика и функции шорских маркеров подобия в сфере компаративности // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 192–207.

Шенцова И. В. Прагматика компаративных конструкций в эпических текстах тюрков Саяно-Алтая // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 151–173.

ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.

Список источников

Ередеев А. Сургулжын. Горно-Алтайск, 2009. 106 с.

Манитов С. Аш кылгада. Горно-Алтайск, 1989. 240 с.

Маскина Ж. Элес жүрүмнин чалузы. Горно-Алтайск, 2020. 396 с.

Палкин Э. Алан. Горно-Алтайск, 2006. 203 с.

Төлөсов К. Кадын жаскыда. Горно-Алтайск, 1985. 284 с.

Укачин Б. Туулар ла туулар ла бойы артар. Горно-Алтайск, 1985. 265 с.

Эл-Алтай. Горно-Алтайск, 2020. 176 с.

Список условных обозначений

1 – 1-е лицо деятеля ('я', 'мы'); **2** – 2-е лицо деятеля ('ты', 'вы'); **3** – 3-е лицо деятеля ('он', 'она', 'оно', 'они'); **ABL** – аблатив; **ACC** – аккузатив; **ADJ** – прилагательное; **ADJR** – притяжательное прилагательное; **AUX** – вспомогательный глагол; **CMPR1** – первый компарат (предмет сравнения); **CMPR2** – второй компарат (эталон, или стандарт, сравнения); **COMP** – компаративный показатель; **COND** – условное наклонение; **CONJ** – союз; (**cop**) – факультативная позиция вспомогательного глагола; **CV** – деепричастие; **DAT** – датив; **GEN** – генитив; **INSTR** – инструменталис; **INF** – инфинитив; **INFX** – инфикс; **LOC** – локатив; **MOD** – модальное слово; **N** – имя существительное; **NEG** – аффикс отрицания; **NOM** – номинатив; **PAST** – форма прошедшего времени; **PL** – множественное число; **POSS** – посессивный (лично-притяжательный) аффикс; **POSTP** – послелог; **PP** – причастная форма; **PRES** – форма настоящего времени; **PRM** – параметр сравнения; **PRM.ASP** – аспект параметра; **PrP** – причастие настояще-будущего времени на =*ap*; **PTCL** – частица; **Q** – вопросительная частица; **REL** – показатель сравнительных отношений; **RELEQU** – эквативное отношение; **SG** – единственное число.

References

Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, 1966, 608 p. (In Russ.)

Cheremisina M. I. *Nekotorye voprosy sintaksisa. Sravnitel'nye konstruksii russkogo yazyka* [Some questions of syntax. Comparative constructions of the Russian language]. Novosibirsk, NSU Publ., 1971. (In Russ.)

Cheremisina M. I., Shamina L. A. *Vyrazhenie sravneniya v tuvinskom yazyke* [Comparative constructions of the Russian language]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 1996, iss. 3, pp. 65–84. (In Russ.)

Dyrenkova N. P. *Grammatika oirotskogo yazyka* [Grammar of the Oirot language]. Leningrad, 1940, 304 p. (In Russ.)

Eskel'dieva B. E. *Ekvativnye i similyativnye tipy – otnosheniya ravenstva v yazykakh raznykh sistem* [Equative and similitive types - equality relations in languages of different systems]. *Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University*. 2016, no. 1 (110), pp. 220–225. (In Russ.)

Eskel'dieva B. E. *Sravnitel'nye konstruksii v kazakhskom i v tyurkskikh yazykakh Sibiri* [Comparative constructions in Kazakh and in Turkic languages of Siberia]. Dr. philol. sci. diss. Astana, 2016. (In Russ.)

Fedina N. N., Koshkareva N. B., Plotnikov I. M. *Sravnitel'nye konstruksii s polifunktional'noy leksemoy ush 'kak; takoy zhe' kak sredstvo formirovaniya obraznosti v chalkanskom fol'klore* [Comparative constructions with the multifunctional lexeme ush 'as; the same as' as a means of forming figurativeness in Chalkan folklore]. *Epic studies*. 2023, no. 4, pp. 62–75. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-4-62-75. (In Russ.)

Fedina N. N., Koshkareva N. B. *Reduktsiya kak mekhanizm var'irovaniya sravnitel'nykh analitiko-sinteticheskikh polipredikativnykh konstruksiy s poslelogom shylap//shchylap//shchynap 'kak, kak budto' v chalkanskom yazyke* [Reduction as a mechanism of variation of comparative analytical-synthetic polypredicative constructions with the postposition shylap//shchylap//shchynap (as if) in the Chalkan language]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri (Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia)*. Novosibirsk, 2023, iss. 46, pp. 53–64. (In Russ.)

Grammatika sovremennogo altaiskogo yazyka. Morfologiya [Grammar of the Modern Altaic Language. Morphology]. Gorno-Altai, 2017, 576 p. (In Russ.)

Koshkareva N. B., Plotnikov I. M. *Metazyk opisaniya semantiki sravneniya kak yazykovogo znaka* [Metalinguistic representation of the semantics of comparison as a linguistic sign]. *Kritika i Semiotika (Critique and Semiotics)*. 2023, no. 2, pp. 180–216. DOI: 10.25205/2307-1753-2023-2-180-216. (In Russ.)

Koshkareva N. B., Solovar V. N. *Komparativnye konstruksii s semantikoi ekvivalentnosti v mansiiskom yazyke* [Comparative constructions with the semantics of equivalence in the Mansi language]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal (Siberian Journal of Philology)*. 2024, no. 3, pp. 80–94. (In Russ.)

Nevskaya I. A. Spornye voprosy altaiskoi grammatiki: o statusе formy na -DYi v altaiskom literaturnom yazyke [Disputable issues of Altaic grammar: on the status of the -DYY form in the Altaic literary language]. *Russian Turkology*. 2016, no. 1 (14), pp. 3–15. (In Russ.)

Nevskaya I. A., Tazhibaeva S. Zh. Issledovanie sravnitel'nykh konstrukttsii v tyurkskikh yazykakh (sravnitel'no-sopostavitel'nyi aspekt) [Study of comparative constructions in Turkic languages (comparative aspect)]. In: *Predlozhenie kak edinit'sya yazyka i rechi: Materialy Vseros. nauch. simpoziuma s mezhdunarodnym uchastiem* [Proposition as a unit of language and speech: Proceedings of the All-Russian scientific symposium with international participation]. E. V. Tyuntesheva (Ed). Novosibirsk, Akademizdat, 2019, pp. 183–187. (In Russ.)

Nevskaya I. A. Tipologicheskie osobennosti shorskikh ekvativnykh i similyativnykh konstrukttsiy [Typological features of Shor equative and simulative constructions]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal (Siberian Journal of Philology)*. 2022, no. 4, pp. 286–299. (In Russ.)

Oirotsko-russkii slovar' [Oirot-Russian dictionary]. Moscow, 1947, 312 p.

Ozonova A. A. Sposoby vyrazheniya sravneniya v altayskom epose (na materiale eposa "Ochy-Bala") [Ways of expressing comparison in the Altai epic (based on the material of the epic "Ochy-Bala")]. *Epic studies*. 2023, no. 3, pp. 42–55. (In Russ.)

Ozonova A. A. Sravnitel'naya polipredikativnaya konstrukttsiya s poslelogom chylap/chilep 'kak kak budto' v altayskom yazyke [Comparative polypredicative construction with the postposition chylap/chilep (as if) in the Altai language]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal (Siberian Journal of Philology)*. 2023, no. 4, pp. 260–271. (In Russ.)

Shamina L. A., Baiyr-ool A. V. Modal'no-komparativnye konstrukttsii s semantikoi kazhi-mosti v tuvinskom yazyke [Modal-comparative constructions with the semantics of fate in the Tuvan language]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal (Siberian Journal of Philology)*. 2024, no. 3, pp. 47–62.

Shamina L. A. Modus-diktumnye sravnitel'nye bipredikativnye konstrukttsii v tuvinskom yazyke [Modus dictum comparative bipredicative constructions in the Tuvan language]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal (Siberian Journal of Philology)*. 2014, no. 2, pp. 189–200. (In Russ.)

Shamina L. A. Sposoby vyrazheniya sravnitel'no-sopostavitel'nykh otnosheniy v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri [Ways of expressing comparative relations in the Turkic languages of Southern Siberia]. In: *Razvitie yazykov i kul'tur korennykh narodov Sibiri v usloviyakh izmenyayushchey Rossii: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 25–27 sentyabrya 2008 goda* [The development of the languages and cultures of the indigenous peoples of Siberia in a changing Russia: Proceedings of the International Scientific Conference on September 25–27, 2008]. Abakan, 2008, pp. 184–187. (In Russ.)

Shamina L. A. Strategiya markirovaniya komparativnoy leksiki v tuvinskikh tekstakh [The strategy of marking comparative vocabulary in Tuvan texts]. *Vestnik of Tuvan State University. Issue 1. Social sciences and humanities*. 2022, iss. 2, no. 1, pp. 35–46. (In Russ.)

Shamina L. A. Tuvinskoe sluzhebnoe slovo deg: status i funktsii [Tuvan service word deg: status and functions]. In: *Sistemnost' na raznykh urovnyakh yazyka* [Consistency at different levels of the language]. Novosibirsk, 1990, pp. 126–141. (In Russ.)

Shentsova I. V. Pragmatika komparativnykh konstrukttsiy v epicheskikh tekstakh tyurkov Sayano-Altaya [Pragmatics of comparative constructions in the Epic texts of the Sayano-Altai Turks]. *Kritika i Semiotika (Critique and Semiotics)*. 2022, no. 2, pp. 151–173. (In Russ.)

Shentsova I. V. Semantika i funktsii shorskikh markerov podobiya v sfere komparativnosti [Semantics and functions of Shore similarity markers in the field of comparativity]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal (Siberian Journal of Philology)*. 2024, no. 1, pp. 192–207. (In Russ.)

Skribnik E. K., Darzhaeva N. B. Buryatskie ekvativno-similyativnye konstrukttsii so skazuemym adli 'pokhozhii; takoi zhe' [Buryat equative-simulative constructions with the predicate adli (similar; the same as)]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal (Siberian Journal of Philology)*. 2024, no. 3, pp. 63–79. (In Russ.)

Sultrekova (Kyrzhinakova) E. V. *Sravnitel'nye konstrukttsii khakasskogo yazyka* [Comparative constructions of the Khakass language]. Abakan, Khakas. kn. izd., 2017, 324 p. (In Russ.)

Tazhibaeva S. Zh., Nevskaya I. A., Dybo A. V. Grammaticheskii status sinteticheskogo pokazatelya sravneniya -DAi v kazakhskom yazyke [Grammatical status of the synthetic comparative indicator -Dai in the Kazakh language]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal (Siberian Journal of Philology)*. 2024, no. 3, pp. 12–28. (In Russ.)

Tybykova A. T., Cheremisina M. I., Tybykova L. N. *Sintaksis oslozhnennogo predlozheniya v altayskom yazyke* [The syntax of a complicated sentence in the Altai language]. 2nd ed., Gorno-Altaysk, 2013, 268 p. (In Russ.)

Tybykova L. N. *Sposoby vyrazheniya sravneniya v altayskom yazyke* [Ways of expressing comparison in the Altai language]. In: *Voprosy altayskogo yazykoznanija* [Questions of Altai linguistics]. Gorno-Altaysk, 1988, pp. 111–127. (In Russ.)

Tybykova L. N. *Sravnitel'nye konstruksii altayskogo yazyka* [Comparative constructions of the Altai language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Alma-Ata, 1989, 17 p. (In Russ.)

Vasil'ev Yu. I. *Sposoby vyrazheniya sravneniya v yakutskom yazyke* [Ways of expressing comparison in the Yakut language]. Novosibirsk, 1986, 111 p. (In Russ.)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
25.11.2024*

Сведения об авторе

Алена Робертовна Тазранова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

E-mail: atazranova@mail.ru

ORCID 0000-0001-8149-9971

Information about the Author

Alena R. Tazranova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of the Languages of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: atazranova@mail.ru

ORCID 0000-0001-8149-9971

ФОНЕТИКА

УДК 811.512.1:81`342.9

DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-98-113

Интонационные и прагматические характеристики диалогической речи барабинцев и чатов

Т. Р. Рыжикова¹, К. В. Шиндрова¹, И. М. Плотников¹, Н. В. Якимец²

¹ Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

² Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Аннотация

Интонационное оформление диалогических высказываний в барабинском и чатском идиомах исследуется на материале, полученном с применением метода *map tasks*. В полученных образцах полуструктурированной спонтанной речи зафиксирован широкий набор речевых явлений, включающий автокоррекцию, хезитацию, перебивания, переспросы, незаконченные высказывания и употребление маркеров обратной связи. В результате анализа вопросных и ответных реплик диалога выявлены общие черты барабинских и чатских интонационных систем.

Ключевые слова

диалогическая речь, интонация, вопросно-ответные реплики, язык барабинских татар, язык чатских татар

Благодарности

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда и Правительства Новосибирской области; проект № 24-28-20231 «Диалог в полиэтничном обществе как отражение языковой картины мира миноритарных этносов Новосибирской области» (2024–2025 гг., руководитель – А. А. Добрынина; <https://rscf.ru/project/24-28-20231/>).

Для цитирования

Рыжикова Т. Р., Шиндрова К. В., Плотников И. М., Якимец Н. В. Интонационные и прагматические характеристики диалогической речи барабинцев и чатов // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52). С. 98–113. DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-98-113

© Т. Р. Рыжикова, К. В. Шиндрова, И. М. Плотников, Н. В. Якимец, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 4 (iss. 52)

Intonational and pragmatic characteristics of the dialogic speech of Barabians and Chats

T. R. Ryzhikova¹, K. V. Shindrova¹, I. M. Plotnikov¹, N. V. Yakimets²

¹ Institute of Philology of the Siberian Branch RAS, Novosibirsk, Russian Federation

² Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The article deals with the intonation of dialogic speech in two Turkic idioms of Southern Siberia: Barabian and Chat. The research material consists of field recordings obtained by the authors from native Barabian and Chat speakers (more than 350 utterances in total). As recording high-quality authentic dialogic speech presents certain difficulties, the authors opted to use the *map tasks* method, a variant of information lag tasks. In our implementation of the method, the subjects were instructed to find out the missing information on pictures modified by covering some part of the image with multicolored ovals, which resulted in semi-structured spontaneous speech. Although the dialogues were limited to certain types of utterances, they were found to contain all the features characteristic of dialogical spontaneous speech, with presence of autocorrection, hesitation, interruptions, re-questionings, unfinished utterances and feedback markers indicating natural pragmatically oriented use of speech strategies to progress the dialogue.

As a result of the analysis of the question and answer lines of the dialogue, common features of the Baraba and Chat intonation systems were described. While the narrative utterances can be characterized by final pitch declination, they often end with level or rising pitch signaling that the intonation phrase has not been completed and the idea expressed is expected to be developed further. The intonation of special questions, which were the most frequent type of questions, was found to be dependent on the position of the interrogative word in a phrase, which is marked by high pitch value, thus adhering to the general strategy of marking focal components in these idioms.

Keywords

dialogic speech, intonation, question-and-answer remarks, the language of the Baraba Tatars, the language of the Chat Tatars

Acknowledgements

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation and the Government of the Novosibirsk Region; project No. 24-28-20231 “Dialogue in a multiethnic society as a representation of the linguistic picture of the world of minority ethnoses of the Novosibirsk Region” (2024–2025, lead by A. A. Dobrynina; <https://rscf.ru/project/24-28-20231/>).

For citation

Ryzhikova T. R., Shindrova K. V., Plotnikov I. M., Yakimets N. V. Intonatsionnye i pragmaticheskie kharakteristiki dialogicheskoy rechi barabintsev i chatov [Intonational and pragmatic characteristics of the dialogic speech of Barabians and Chats]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2024, no. 4 (iss. 52), pp. 98–113. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-98-113

Введение

В последние годы в филологии и смежных гуманитарных науках активно развивается методология анализа диалога с точки зрения прагматики конверсационного дискурса. Такой анализ сводится к описанию схем действия (фреймов диалога), максимум действия и организационных принципов (структур мены речевых ходов) [Григорьева 2007]. Продукент и реципиент коммуникации вопросно-ответного типа выбирают некоторую последовательность действий – схему и форму диалогической интеракции. Вопросительные реплики обуславливают фреймовый сценарий типового акта общения «Вопрос» и определяют интерактивную сторону диалога. Иницирующие реплики интеррогативной направленности должны быть закрыты ответными шагами партнера, образуя, таким образом, диалогические каузальные цепочки – интерактивные ходы [Рыжов 2003: 11]. Изучение процессов диалогической коммуникации свидетельствует о том, что она строится по типовому образцу с набором определенных матричных формул вопросительных реплик, которые динамически выстраиваются при продвижении от этапа к этапу согласно выбранному фреймовому сценарию [Там же: 15].

Как отмечает Л. П. Якубинский, «всякое взаимодействие людей есть именно взаимодействие; оно по существу стремится избежать односторонности, хочет быть двусторонним, диа-

логичным и бежит монолога» [Якубинский 1923: 96]. Для диалога характерно реплицирование: говорение одного собеседника чередуется с говорением другого (или других), это чередование происходит либо в порядке смены (один «кончил», другой «начинает» и т. д.), либо в порядке прерывания, что типично для эмоционального диалога [Там же].

Диалог можно отнести к информационному типу дискурса, поскольку адресант хочет получить, а адресат должен сообщить определенную информацию. Классификации диалогической речи строятся на разных основаниях. Так, Н. Д. Арутюнова опирается на категории коммуникативной целеориентированности и, в соответствии с целями общения, выделяет следующие типы диалогических дискурсов: 1) информативный диалог; 2) прескриптивный диалог; 3) обмен мнениями с целью принятия решения или выяснения истины; 4) диалог, имеющий целью установление или регулирование межличностных отношений; 5) празднично-речевые жанры: а) эмоциональный, б) артистический, в) интеллектуальный [Арутюнова 1992: 52–53].

С. А. Сухих предлагает коммуникативно-прагматическую классификацию диалогических дискурсов в зависимости от макроинтенций коммуникантов и выделяет четыре основных типа диалогов: 1) аффилиативный (экспрессивная макроинтенция); 2) диалог-интервью (эвристическая макроинтенция); 3) интерпретационный (координативная макроинтенция); 4) инструментальный (регулятивная макроинтенция) [Сухих 1998: 14–15].

Выбор речевых стратегий построения диалогического общения обусловлен коммуникативной ситуацией, на которую влияют культурные и социальные факторы (возраст, место жительства, степень образованности, профессия, пол, этническая принадлежность и др.) [Марианашвили 2008]. Данный тип дискурса формируется, главным образом, интеррогативными репликами и репрезентативными высказываниями, которые предполагают ответственность говорящего за сделанное сообщение, за его истинность [Григорьева 2007]. Хотя в ходе общения коммуниканты используют конвенциональные языковые структуры, диалогические речевые акты не являются готовыми структурами, а создаются партнерами в ходе коммуникации как результат интеллектуальных процессов участников диалога, таких как рассуждение, целеполагание, принятие решений [Казакова 2005: 39].

Интеррогативные реплики могут использоваться на всех этапах диалогического общения. В зачине диалога они выступают как отсылка к предшествующему контексту (фоновым знаниям) и как динамический стимул для последующего ответа. В основной фазе диалога метакоммуникативное назначение вопросительных реплик заключается в переключении темы диалога, «они корректируют вклад собеседника в успешную реализацию коммуникативных задач и целей, играют роль сигналов поддержки и одобрения коммуникативного действий собеседника, интеррогативные реплики призваны уточнить содержательные аспекты тематического пространства диалога» [Рыжов 2003: 19]. В финале диалогической коммуникации вопросы маркируют размыкание речевого контакта или свидетельствуют о готовности коммуниканта завершить общение в перспективе.

Успешный диалогический речевой акт характеризуется правильной техникой постановки вопросов и полнотой / неполнотой содержания ответов. По мнению В. С. Григорьевой, «техника вопросов дает партнеру ощущение того, что вы его внимательно слушаете, позволяет изменить направление разговора, помогает объяснить мотивы поступков, дает возможность быстрее узнать контраргументы противника, способствует дипломатической корректировке партнера по собеседованию, создает необходимый базис доверия у партнера, помогает легче оценить собеседника, устраняет агрессии, упрощает парирование несправедливых нападок, дает время сформулировать последующие мысли, активизировать собеседника, не выпуская из рук инициативу беседы» [Григорьева 2007: 176]. Анализ диалогов, записанных от барабинцев и чатов, свидетельствует о том, что не всегда акт коммуникации реализован успешно. В ряде случаев отмечается прерывание одного коммуниканта другим, игнорирование заданного вопроса, ответная реплика совершенного другого содержания, не связанная с интеррогативной интенцией адресанта. Вслед за Л. П. Якубинским, можно сказать, что именно взаимное прерывание характерно для диалога вообще [Якубинский 1923].

Поскольку диалог относится к устно-разговорному жанру, для него характерны относительно простые предложения, эллипсы, пропуски членов предложения, употребление нечленимых высказываний, междометий, дейктических компонентов (местоимений, частиц), номинативных цепочек: повторов лексем и словоформ, а также соотносительных на уровне парадигматики

лексических единиц (синонимов, антонимов, гиперонимов и гипонимов), ЛСВ многозначных слов, лексем, объединяемых общими семами или словообразовательными связями и т. д. в сочетании с невербальными средствами общения (интонация, мелодика, жесты, мимика и пр.).

Многие исследователи единицей диалога считают *диалогическое единство* – коммуникативную единицу диалога, состоящую из сочетания реплик, взаимообусловленных семантически и структурно [Шведова 1967; Мартыненко 2005; Григорьева 2007; Марианашвили 2008; и др.]. В данном исследовании используется понятие *интонационная фраза* (ИФ), по которой понимается связная интонационная структура без существенных просодических разрывов. ИФ может состоять как из одного слога, так и ряда синтаксических фраз, придаточных предложений, и, таким образом, более объемное высказывание может быть произнесено с помощью одной или нескольких интонационных фраз, которые могут не иметь какого-либо однозначной корреляции с синтаксическими или семантическими единицами. Соотношение интонационных границ фразы и синтаксических границ является скорее случайным, чем причинно-следственным. ИФ могут реализовываться как утверждения, вопросы, команды и т. д. [Botinis et al. 2001].

Целью данного исследования является изучение интонационных и прагматических характеристик диалогической речи барабинцев и чатов. Барабинцы (барабинские татары) – коренное тюркоязычное население Новосибирской области, в настоящее время локализуются преимущественно в Барабинском, Куйбышевском, Чановском, Кыштовском районах. Чаты (чатские татары) – коренное тюркоязычное население Новосибирской и Томской областей, в Новосибирской области проживают в населенных пунктах Колыванского района.

В качестве объекта исследования выбрана диалогическая речь барабинцев и чатов, что обусловлено возможностью наблюдения в диалогической речи наиболее широкого круга языковых явлений, поскольку, по мнению Л. В. Щербы, подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге [Щерба 1915]. Подобное исследование на материале рассматриваемых идиомов проводится впервые. Сегментный уровень фонетической системы барабинцев экспериментальными методами изучен Т. Р. Рыжиковой, суперсегментный уровень затронут в статье Т. Р. Рыжиковой в сопоставлении с сургутским диалектом хантыйского языка [Рыжикова 2022]. Консонантная система языка чатов описана фрагментарно [Уртегешев, Рыжикова 2021: 209–225], вокализм и просодия не изучены.

Материалы и методы

В качестве материала данного исследования используются диалоги, записанные от носителей барабинского и чатского идиомов. В эксперименте приняли участие 4 носителя барабинского идиома (3 женщины и 1 мужчина, возраст от 46 до 69 лет) и 2 носителя чатского идиома (женщины, возраст 44 и 60 лет). Все участники владеют родным и русским языками с детства.

Как справедливо отмечают Л. М. Захаров и О. А. Казакевич, запись спонтанной диалогической речи получить достаточно сложно по ряду причин. Если попросить информантов поговорить между собой, то из-за определенной «показательности» такого общения, лингвистический, в том числе и интонационный, материал будет сомнительного качества. Если запись спонтанных диалогов является побочным продуктом, например, при работе над лексическими анкетами, то качество таких аудиоматериалов получается плохим из-за того, что микрофон ориентирован на одного информанта, а гость может создавать дополнительный шум и помехи [Захаров, Казакевич 2007]. Возможность использования скрытого микрофона и диктофона должна оговариваться с дикторами отдельно и требует соблюдения определенных этических норм.

Для решения вышеуказанных проблем в нашем исследовании использовался метод *tap tasks*. Этот метод, исходно разработанный для использования при обучении иностранным языкам, был позднее адаптирован лингвистами как способ стимулирования полуструктурированной спонтанной речи [Berríos, Swain, Fricke 2023].

В ходе эксперимента двум информантам были выданы парные рисунки¹, предварительно модифицированные таким образом, что на картинках каждого участника были скрыты разные

¹ Картинки взяты из разных виммельбухов (нем. *Wimmelbuch* – «иллюстрированная книжка-головоломка») и подобраны таким образом, чтобы, с одной стороны, вызвать интерес у коммуникантов, с другой – отражать знакомые им ситуации.

фрагменты (рис. 1). Перед информантами была поставлена задача в ходе диалога выяснить, что или кто скрыт за геометрической фигурой и что, зачем и почему он делает. Таким образом, условия эксперимента заведомо обуславливали коммуникативные цели, стоящие перед его участниками, оставляя за ними выбор конкретных стратегий достижения этих целей, что обеспечивает отражение в диалоге естественных речевых практик данного языкового сообщества.

Выясните, что происходит на картинке, кто нарисован, что он делает, и предположите почему?

Рис. 1. Пример иллюстративного материала, использованного при работе с информантами
Fig. 1. An example picture used while working with the subjects

В ходе проведения эксперимента оказалось, что стимулы данного типа подходят для более молодых информантов, поскольку у представителей старшей возрастной группы они вызвали затруднения, обусловленные как отсутствием интереса к заданию, так и недостаточным пониманием поставленной перед ними задачи.

Диалогическая речь фиксировалась при помощи диктофона Zoom H4n. Полученные таким образом аудиофайлы были разделены на отдельные высказывания при помощи программы Audacity и проаннотированы в программе Praat. Расшифровка и перевод аудиоматериалов были выполнены носителем барабинского идиома с последующей верификацией чатских диалогов носителями чатского идиома. Итоговый материал составляет более 350 высказываний, которые были классифицированы с точки зрения функций в диалоге и коммуникативного устройства.

1. Явления, характерные для диалогической речи

Несмотря на то, что полученные образцы диалогической речи имеют полуструктурированный характер, в них широко представлены речевые явления, выходящие за рамки основных типов высказываний. В связи с этим мы рассмотрим основные примеры, отражающие специфику диалогической речи, а затем охарактеризуем интонацию наиболее частотных типов высказываний.

Встречаются случаи автокоррекции², которые свидетельствуют, с одной стороны, об ослаблении контроля над речепроизводством [Норман 1994], а с другой, наоборот, о попытке сознательного контроля за качеством речи [Акишина, Краевская 1994]:

бараб. *Малай... Малайлар... Малайлар йатып қойғаннар* ‘Мальчик... Мальчики... Мальчики легли’; *Бақчада нима анда өсеп отыры? ... өсеп отынну* ‘Что там в огороде растет? ... выросло’; *Ээ, мені мында... кем йа... кем мында мені?..* ‘Эээ, вот здесь... кто... кто здесь вот?’;

чат. *Мна мында огро... огротто... огротто...* ‘Вот здесь в огоро... в огород... в огороде...’; *А-а-а, анда майған кет.... Ну, майған йезеп йер* ‘А-а-а, там утка уходит... Ну, утка плывет’; *А мна бу... как... икэнче этажта это... икэнче этажта йабық* ‘А вот это... как... на втором этаже это... на втором этаже закрыто’.

Особо следует отметить случаи *диалогической цитации* – использования реплик собеседника в коммуникативных целях, отличных от замысла адресанта. Одна и та же реплика-повтор может в зависимости от ее модификаций входить в разные разряды. При повторе словесного состава первой реплики ответная реплика приобретает иной смысловой оттенок. Он ставит говорящего в оппозицию к собеседнику [Мартыненко 2005: 21]. В рассмотренных барабинских и чатских текстах диалогическая цитация относится как к инициирующим интеррогативным репликам, так и к ответным высказываниям:

бараб. *Чердақта ма? Крышада, крышада.– А, крышада, крышада, да. А чердақта...* ‘На чердаке? На крыше, на крыше. – А, на крыше, на крыше, да. А на чердаке...’; *Кийим ташлаған – Кийим ташлаған?* ‘Одежду бросили. – Одежду бросили?’; *Үй тәбәзәндә анда чердақта нима ешләп едылар? – Чердақта?* ‘На крыше дома там на чердаке что делают? – На чердаке?’;

чат. *Тәрезедә мыжық отыры. – Мыжық отыры? А-а-а.* ‘На окне кот сидит. – Кот сидит? А-а-а.’; *Оқып отыр.– А-а-а... оқып отыр... а* ‘Читает. – А... читает... а.’

Кроме того, интерес представляют маркеры-сигналы обратной связи (дискурсивные маркеры, эмоциональные междометия, прагматические частицы) – языковые единицы, которые помогают участникам коммуникации достигать определенных целей дискурса [Шевченко 2021]. Они позволяют коммуникантам осуществлять обратную связь и тем самым лаконично и эффективно управлять ходом диалога [Герасименко 2008]. В речи они могут выполнять различные функции: сигнализировать передачу слова другому собеседнику, выражать согласие с собеседником или заявлять о своем понимании и принятии сказанной информации. Функция маркеров состоит в том, чтобы успокоить говорящего, создать для него комфортную обстановку, показать, что ему уделяется внимание

В наших материалах встретилось несколько дискурсивных маркеров: *так, ааа, угу*, из которых последний встречается чаще всего и сигнализирует о принятии и о подтверждении информации:

бараб. *Печәнне сарайға ташлап едылар. – Угу* ‘Сено в сарай кидают – Угу’; *Көгәль баласы мына йөзеп отыры.– Угу.* ‘Утка плавает со своим птенцом. – Угу’; *А-а-а. Анда бабай балық тотып отыры. – Угу* ‘А-а-а. Там дедушка ловит рыбу. – Угу’.

С точки зрения интонации такие реплики характеризуются небольшими нисходяще-восходяще-нисходящими колебаниями частоты основного тона (ЧОТ) (рис. 2–3)³.

Отмечено также заполнение пауз маркерами хезитации. Чаще всего это междометия *э-э-э, м-м-м, так*. Э. Б. Яковлева считает, что хезитационные паузы, которые могут характеризоваться значительной протяженностью, способствуют формированию плана «кодирования следующего речевого шага или исправления его неудавшейся реализации, что связано с решением определенной синтаксической задачи» [Яковлева 2016: 23]. Хезитации отражают процесс принятия решений семантического или содержательного характера и реализуют когнитивную функцию. Они маркируют переход к новому тематическому фрагменту дискурса: почти все «порождающие зоны» или «точки», которые являются ключевыми моментами для возникновения новой темы, подтемы, микротемы, содержат элемент колебания [Там же: 38–39].

² Подробнее об этом явлении можно посмотреть, например, в [Щесарская 2015].

³ На интонограммах черный цвет обозначает частоту основного тона, зеленый – интенсивность.

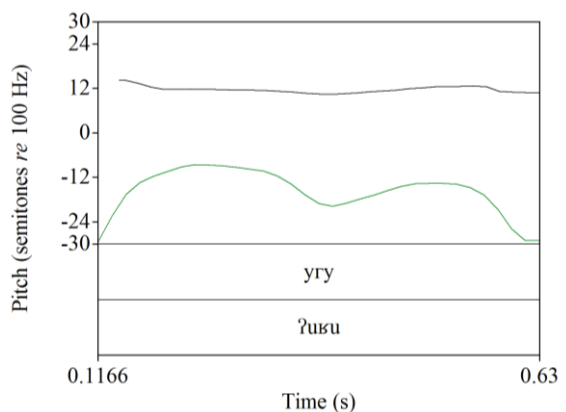

Рис. 2. Интонограмма высказывания *Ugu* 'Угу' в барабинском
 Fig. 2. Intonogram of *Ugu* 'Ugu' in Barabian

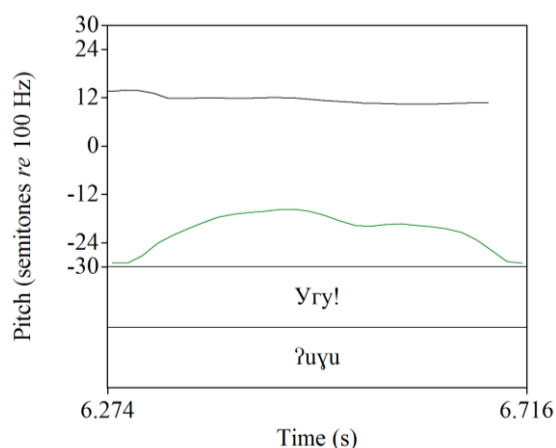

Рис. 3. Интонограмма высказывания *Ugu* 'Угу' в чатском
 Fig. 3. Intonogram of *Ugu* 'Ugu' in Chat

Равномерное чередование долгих и кратких пауз создает ритм речи. Для поддержания такого ритма и планирования следующего диалогического шага часто используется так называемое хезитационное удлинение гласных (затяжки, нефонемное удлинение), которое выражается в особой подстройке параметров ЧОТ и интенсивности. Обычно происходит пролонгация финальных (реже начальных) гласных или согласных элементов [Яковлева 2016: 36].

В наших материалах в качестве хезитационного маркера использовалось междометие *так*, заимствованное из русского языка, которое маркирует смену ролей адресанта и адресата и стимулирует новый виток диалога:

бараб. *Так... Бақчада ниме анда өсеп отыры?* 'Так... В огороде что там растет?'; *Так... Берегта мында кем?* 'Так... Кто тут на берегу?'; *Так... Кем анда йалаңнан китеп отыры фермаба?* 'Так... Кто там из лесу идет на ферму?';

чат. *Так, менем* 'Так, мое'; *Так... анан соң менекэ... судэ неме?* 'Так... потом мое... на воде что?'; *Так... а мна мында мна сол йақта анда кэмдэ айбер йаты ба?* 'Так... а вот здесь, вот на той стороне... там у кого что-то лежит?'

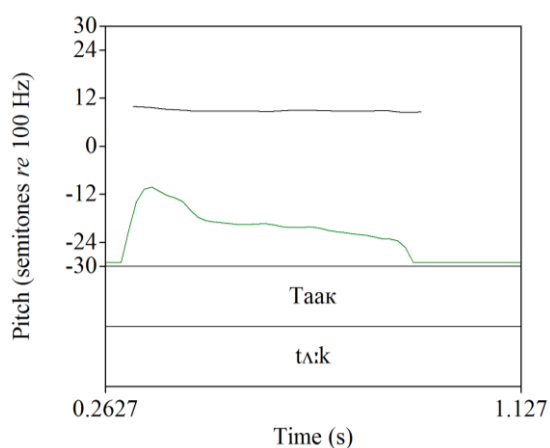

Рис. 4. Интонограмма высказывания *Tak*... 'Так...' в барабинском
 Fig. 4. Intonogram of *Tak*... 'So...' in Barabian

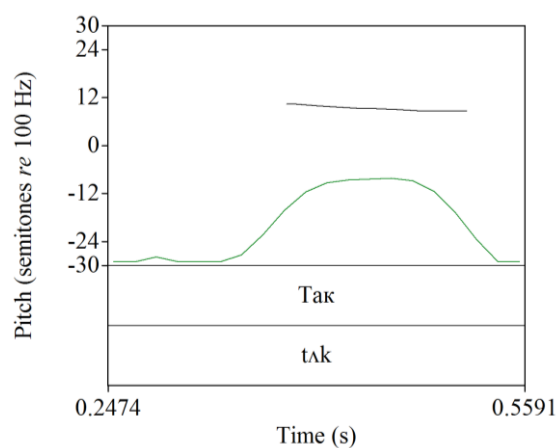

Рис. 5. Интонограмма высказывания *Tak* 'Так' в барабинском
 Fig. 5. Intonogram of *Tak* 'So' in Barabian

На рис. 4 отмечается затянутое произнесение маркера хезитации *так*: его длительность составляет почти 40 % от длительности второй части высказывания. Интонационный рисунок напоминает интонограмму маркера обратной связи *угу*: небольшой диапазон перепада ЧОТ в 1 пт с нисходяще-восходящим движением тона. На рис. 5, наоборот, междометие *так* произносится кратко, без затягивания и без паузы между ним и следующей синтагмой.

2. Интонация основных типов высказываний

Зафиксированные в диалоге реплики чрезвычайно разнообразны с точки зрения структуры, коммуникативных функций и интонации, поэтому определенную сложность представляет выделение в нем однотипных единиц, на основе которых могут быть сделаны выводы о типовых интонационных контурах барабинских и чатских высказываний. По этой причине для анализа интонации отобраны образцы двух основных типов высказываний, чаще всего встречающихся в диалоге, – повествовательных и вопросительных.

2.1. Повествовательные высказывания

Повествовательные высказывания встречаются преимущественно в ответных репликах. Как и в любом устном тексте, ответные реплики диалога часто являются структурно неполными. Так, в зависимости от контекста, в высказывании может быть опущено формальное сказуемое (бараб. *Анда балачақ великта* ‘Там ребяенок на велике’; *Көгәль анда, суда көгәль* ‘Там утка, в воде утка’; чат. *Сылы, наверное* ‘Овес, наверное’; *Кеме қаршызында* ‘Напротив лодки’) или, наоборот, все другие члены предложения (бараб. *Бар, бар* ‘Есть, есть’).

Синтаксическое оформление типовых ответных реплик проанализировано с точки зрения их соответствия задаваемому вопросу, которое предопределяет их коммуникативное расчленение на тематическую и рематическую части. Тематическая часть пересекается с содержанием вопроса и, таким образом, содержит информацию, относящуюся к общим знаниям собеседников, а рематическая часть содержит информацию, которая не известна задающему вопрос. Так как верификативные высказывания встречаются в выборке редко, а рематическим компонентом большей части высказываний является предмет, задействованный в обозначенной вопросом ситуации, то наиболее частотным типом высказываний являются частноинформативные, которые могут быть разделены на два типа.

1. Частноинформативные высказывания, включающие только рематический компонент. Минимальные ответные реплики состоят из одной синтагмы (одного слова или группы слов), содержащей информацию, необходимую для ответа на поставленный вопрос (рис. 6–7).

(1) бараб. [Посреди водоема что плавает?] *Ешмә* ‘Лодка’.

(2) чат. [Домик стоит рядом с деревом. Что там?] *Вагончикта*. ‘В вагончике.’

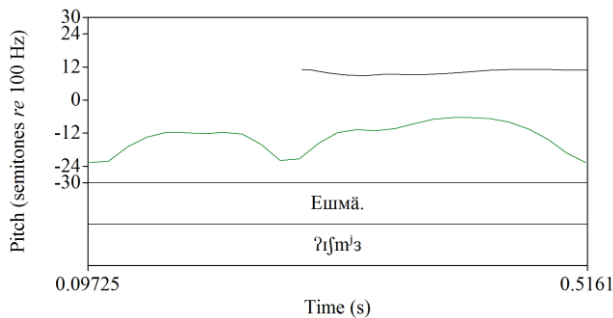

Рис. 6. Интонограмма высказывания *Ешмә* ‘Лодка’ в барабинском

Fig. 6. Intonogram of *Eshmya* ‘A boat’ in Barabian

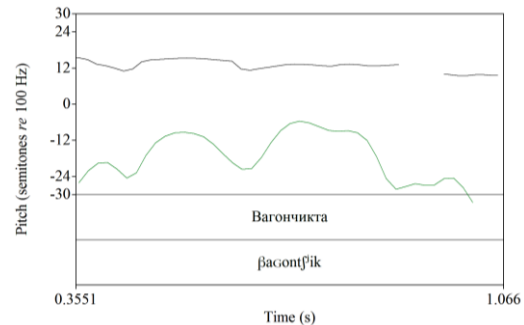

Рис. 7. Интонограмма высказывания *Вагончикта* ‘В вагончике’ в чатском

Fig. 7. Intonogram of *Vagonchikta* ‘In the trailer’ in Chat

Несмотря на то, что для законченных повествовательных высказываний типологически характерно падение тона в финальной синтагме, в рассматриваемых высказываниях наблюдается, как правило, ровное или восходящее движение тона. В некоторых случаях это может быть связано с тем, что высказывание не является законченным, так как говорящий планирует его продолжить, но не делает этого из-за того, что его перебивает собеседник. Восходящее движение тона может также использоваться в качестве маркера неуверенности говорящего в правильной интерпретации иллюстрации или подборе языковых средств, которая часто выражена одновременно при помощи лексических и синтаксических средств.

2. Частноинформативные высказывания, включающие тематический и рематический компоненты. Тематические компоненты обеспечивают связь ответа с контекстом, формируемым вопросом. Наиболее частотным компонентом такого типа в рассматриваемых диалогах является пространственный локализатор, например, *анда* ‘там’.

В начале высказывания тематические компоненты могут представлять отдельную синтагму, которая характеризуется высоким ровным или восходящим движением тона, что особенно заметно, когда она отделена паузой от остальной части высказывания (ср. рис. 8 и 9). На рематической части наблюдается непоследовательное движение тона, которое, вероятно, обусловлено позицией ударного слога (см., например, *табыр абый* ‘столяр’ на рис. 8). В конечной части высказывания может наблюдаться как нисходящее, так и восходящее движение тона.

(3) бараб. [Кто там возле лестницы?] *Анда... табыр абый* ‘Там... столяр’.

(4) бараб. [Человека, который держит веревку видишь? Что он держит?] *Ээ, анда эт* ‘Ээ, там собака’.

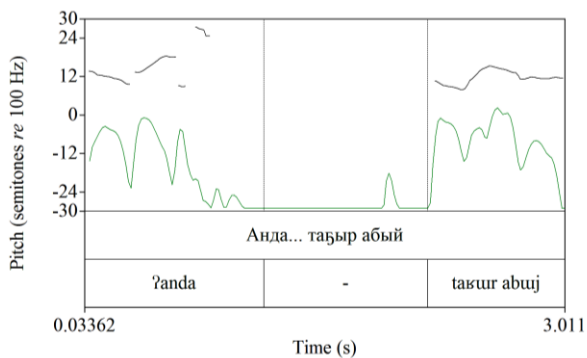

Рис. 8. Интонограмма высказывания *Анда... табыр абый* ‘Там... столяр’ в барабинском
Fig. 8. Intonogram of *Анда... tagyr abyj* ‘There is... a carpenter’ in Barabian

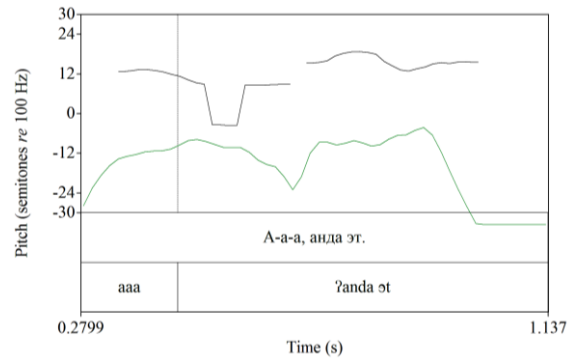

Рис. 9. Интонограмма высказывания *А-а-а, анда эт* ‘Ээ, там собака’ в барабинском
Fig. 9. Intonogram of *А-а-а, анда эт* ‘Ah, there is a dog’ in Barabian

(5) чат. [На окне что-то есть?] *Тэрезедэ мыжық отыры.*

тэрезе=дэ мыжық отыр=ы
окно=LOC кот сидеть=PRES.3SG
‘На окне кот сидит.’

В примере (6) восходящее движение тона может рассматриваться как маркер незаконченности высказывания, так как та же мысль развивается в следующем высказывании, сообщаемом информацию, дополнительную по отношению к вопросу.

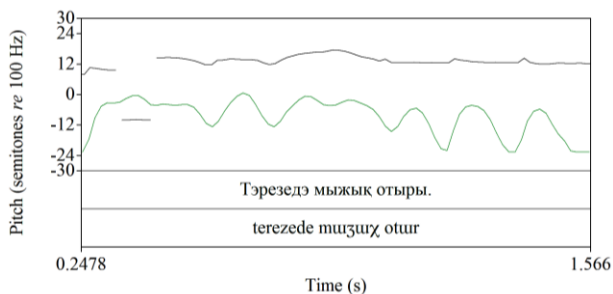

Рис. 10. Интонограмма высказывания *Тэрезедэ мыжық отыры* ‘На окне кот сидит’ в чатском
Fig. 10. Intonogram of *Terezede myzhyq otʏry* ‘There is a cat sitting on the window’ in Chat

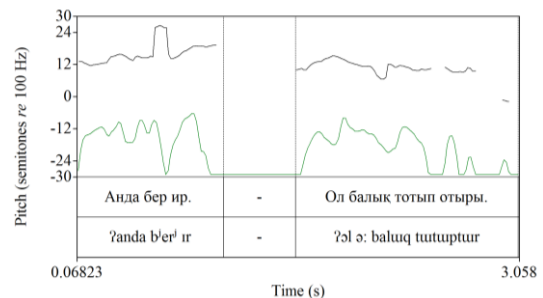

Рис. 11. Интонограмма высказывания *Анда бер ир. Ол балық тотып отыры* ‘Там один мужчина. Он рыбу ловит’ в чатском
Fig. 11. Intonogram of *Анда бер ир. Ол бaлық тотып отыры* ‘There is one man. He is fishing’ in Chat

- (6) чат. [Рядом мальчик, а за мальчиком кто, что?] *Анда бер ир. Ол балық тотып отыры.*
 анда бер ир ол балық тот=ып отыр=ы
 там один мужчина он рыба ловить=CV AUX:сидеть=PRES.3SG
 ‘Там один мужчина. Он рыбу ловит.’

В единичных примерах, когда тематические компоненты помещаются в позицию после ре-мы, они, как правило, не обособливаются интонационно и продолжают общий контур высказывания.

3. Высказывания с комплексной коммуникативной организацией. В то время как общеинформативные высказывания в нашей выборке встречаются крайне редко, специфика организации спонтанного диалога проявляется в том, что в качестве реакции на вопросы, ответ на которые предполагает частноинформативные высказывания, могут употребляться высказывания с комплексной коммуникативной организацией, в которой комбинируются признаки разных типов высказываний. В таких высказываниях сохраняются те же тенденции, что и в частноинформативных, но присутствие в них большего количества смысловых компонентов и, следовательно, синтагм, ведет к образованию более сложных интонационных структур.

Так, в примере (7), где вопрос предполагает ответ частноинформативного характера (*Там овцы*), говорящий развивает эту мысль за счет уточнения характера связи между изображенными объектами, в связи с чем в нём представлено три компонента интонационного рисунка (рис. 12): а) известное из контекста тематическое подлежащее *қыс* ‘девушка’, которое оформлено высоким тоном и отделено паузой; б) дополнение *қойларны* ‘овец’, которое называет не упоминавшегося ранее участника ситуации, служит эксплицитным ответом на поставленный вопрос и на котором сохраняется ровный тон; в) сказуемое *тойқызып еды* ‘кормила’ и примыкающее к нему тематическое *анда* ‘там’, на которых наблюдается нисходящее движение тона, маркирующее завершенность высказывания.

- (7) бараб. [Возле девушки в загоне кто там?] *Қыс қойларны тойқызып еды анда.*
 қыс қой=лар=ны тойқыз=ып е=ды анда
 девушка овца=PL=ACC накормить=CV AUX:быть=PAST.3SG там
 ‘Там девушка кормила овец.’

В примере (8) говорящий даёт ответ на вопрос о деятеле и одновременно исправляет содержащуюся в вопросе собеседника ошибочную пресуппозицию о типе совершаемого им действия, что приводит к формированию отдельной синтагмы с контрастным содержанием, маркированной отдельным тональным пиком (рис. 13).

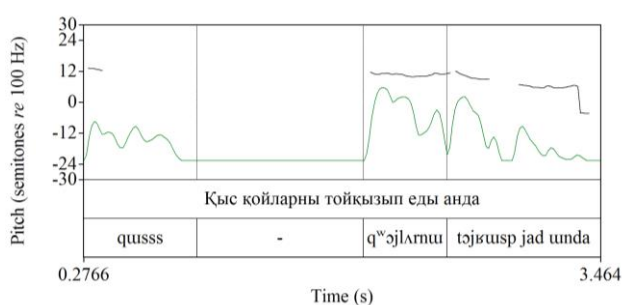

Рис. 12. Интонограмма высказывания *Қыс қойларны тойқызып еды анда* ‘Там девушка кормила овец’ в барабинском

Fig. 12. Intonogram of *Qys qojlarny tojqyzyp jedy anda* ‘There was a girl feeding sheep’ in Barabian

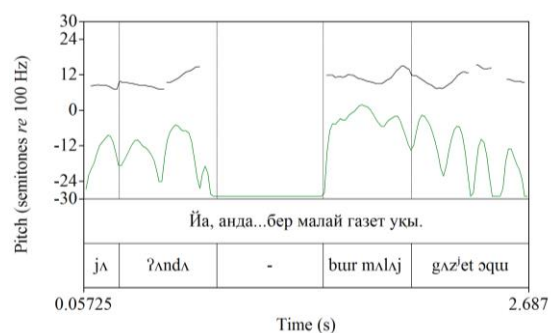

Рис. 13. Интонограмма высказывания *Йа, анда... бер малай газет уқы* ‘Да, там... один парень газету читает’ в барабинском

Fig. 13. Intonogram of *Ja, anda... ber malaj gazet uqu* ‘Yeh, there's a guy reading a newspaper there’ in Barabian

(8) бараб. [Кто там окно ставит?] *Йа, анда... бер малай газет уқы.*

йа анда бер малай газет уқ=ы
 INTERJ там один парень газета читать=PRES.3SG
 ‘Да, там... один парень газету читает.’

Таким образом, в повествовательных высказываниях наблюдается маркирование как рематических, так и тематических компонентов пиком ЧОТ, обычно совпадающим с ударным слогом одного из фонетических слов синтагмы. При этом финальная часть высказывания может оформляться как нисходящим, так и ровными или восходящим движением тона.

2.2. Вопросительные высказывания

При анализе вопросов мы используем классификацию, предложенную Ш. Балли [1955: 47–48], в соответствии с которой вопросы делятся на диктальные (специальные), направленные на получение информации о неизвестной ранее ситуации или ее компонентах, и модальные, ориентированные на определение истинности или ложности определенного утверждения или его частей. Коммуникативная ситуация, заданная условиями эксперимента, обуславливает то, что большинство вопросов в рассматриваемых диалогах содержат запрос на получение информации о присутствующих на иллюстративных материалах изображениях предметов и потому имеют диктальный характер («Что находится / что происходит в такой-то части иллюстрации?»). По этой причине мы ограничим анализ интонации диктальными вопросами.

Диктальные вопросы в рассматриваемых диалогах образуются при помощи вопросительных слов: бараб. *кем*, чат. *кэм* ‘кто’, бараб. *нине*, чат. *неме* ‘что’, бараб. *қайда* ‘где, куда’ и вопросительных оборотов, состоящих из сочетания местоимений бараб. *нине* и чат. *неме* ‘что’ с глаголами, например бараб. *еш*= ‘делать’ (*Нине ешлӓп едылар?* ‘Что они делают?’).

Вопросительное слово занимает разные позиции в высказывании, что оказывает влияние на его общий интонационный контур. Рассмотрим отдельно каждый тип таких вопросов.

1. Вопросительное слово в начале высказывания. На вопросительное слово, как правило, приходится тональный пик, после чего движение тона имеет нисходящий характер (рис. 14–15).

(9) бараб. *Кем анда тӓрӓзӓ отысып еды?*

кем анда тӓрӓзӓ отыс=ып е=ды
 кто там окно садить=CV AUX:быть=PAST.3SG
 ‘Кто там окно ставил?’

(10) чат. *А неме отыры ол анда?*

а неме отыр=ы ол анда
 INTERJ что сидеть=PRES.3SG он там
 ‘А что он там сидит?’

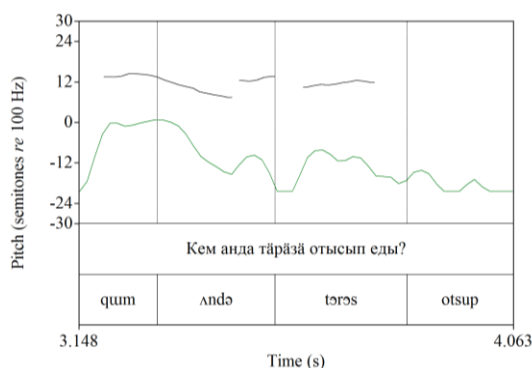

Рис. 14. Интонограмма высказывания *Кем анда тӓрӓзӓ отысып еды?*

‘Кто там окно ставил?’ в барабинском
 Fig. 14. Intonogram of *Kem anda täräzä otysyp jedy?*
 ‘Who was putting up the window there?’ in Barabian

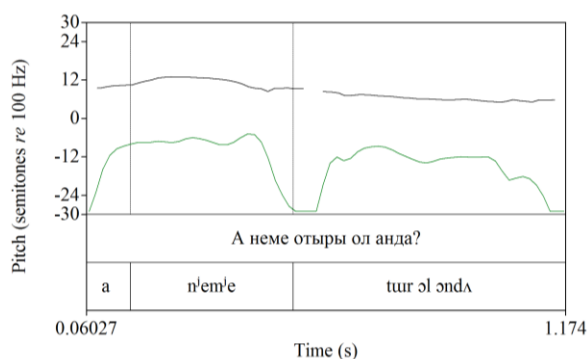

Рис. 15. Интонограмма высказывания *А неме отыры ол анда?* ‘А что он там сидит?’ в чатском
 Fig. 15. Intonogram of *A neme otury ol anda?* ‘Why is he sitting there?’ in Chat

Исключение составляют два примера. В одном высказывание разбито на несколько синтагм, границы которых обозначены повышением тона. Во втором наблюдается восходящее движение тона в конце высказывания.

2. Вопросительное слово в середине высказывания. На вопросительное слово приходится начало новой синтагмы, поэтому происходит разрыв интонационного контура, а новая синтагма начинается выше, чем предыдущая, с последующим падением тона (рис. 16). Описанный разрыв синтагмы может быть выражен слабо в примерах с высоким темпом речи и небольшим значением перепада тона в высказывании.

(11) бараб. *Берегта кем анда?*

берег=та кем анда
берег=LOC кто там
'Кто там на берегу?'

3. Вопросительное слово в конце высказывания. Вопросительное слово в позиции конца высказывания встречается в барабинских диалогах только в единичных примерах, так как в финали часто помещается обстоятельство *анда* 'там'. В проанализированных репликах из чатского диалога тон на вопросительном слове чаще всего маркируется инклинацией (рис. 17), но может реализовываться и в виде деклинации.

(12) чат. *А мна мында трактор алнында неме?*

а мна мында трактор алн=ы=н=да неме
INTRJ вот здесь трактор передняя часть=POSS.3=INFIX=LOC что
'А вот здесь перед трактором что?'

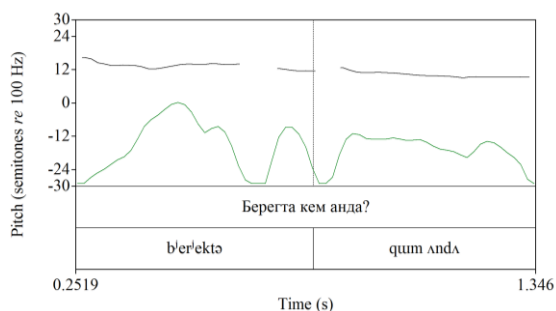

Рис. 16. Интонограмма высказывания *Берегта кем анда?* 'Кто там на берегу?' в барабинском
Fig. 16. Intonogram of *Beregta kem anda?* 'Who's there on the shore?' in Barabian

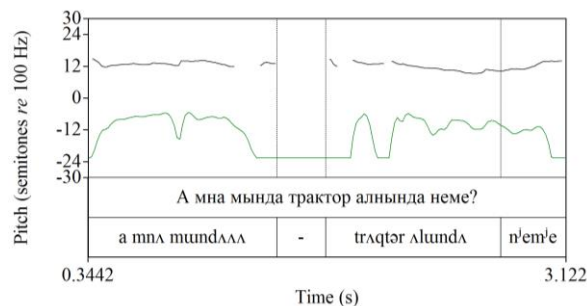

Рис. 17. Интонограмма высказывания *А мна мында трактор алнында неме?*
'А вот здесь перед трактором что?' в чатском
Fig. 17. Intonogram of *A mna mynda traktor alnynda neme?* 'And here in front of the tractor what is there?' in Chat

Таким образом, в рассматриваемых идиомах наблюдается тенденция к выделению вопросительного слова тональным пиком, однако конкретный интонационный паттерн зависит от позиции вопросительного слова в высказывании. Так как вопросительное слово составляет рему рассматриваемых высказываний, то этот факт указывает на наличие общей стратегии выделения рематического компонента повествовательных и вопросительных высказываний.

Заключение

Проведенный анализ показал, что использованная методика сбора данных, направленная на формирование полуструктурированного вопросно-ответного диалога, позволила получить образцы, отражающие широкий спектр явлений, характерных для естественной диалогической речи (автокоррекция, диалогическая цитация, использование маркеров обратной связи и hesitation).

Сопоставление образцов основных типов высказываний, как повествовательных, так и вопросительных, свидетельствует о сходстве интонационных систем барабинского и чатского

идиомов. Так, в обоих идиомах наблюдается непоследовательное употребление нисходящего или восходящего интонационного контура в финальной синтагме повествовательных высказываний, в то время как неконечные синтагмы оформляются ровным или восходящим движением тона. В вопросах отмечается тенденция к выделению вопросительного слова тональным пиком, в соответствии с чем их интонационный контур зависит от позиции вопросительного слова в высказывании. Выявленная непоследовательность в оформлении этих типов высказываний демонстрирует широкую вариативность интонационных характеристик диалогической речи, поэтому для построения интонационной системы рассматриваемых идиомов необходима верификация этих явлений на материале текстов других речевых жанров. К перспективным направлениям исследования может также быть отнесено сопоставление полученных данных с результатами других исследований интонации тех же типов высказываний на материале тюркских и уральских языков сопредельных регионов.

Список литературы

- Акишина Т. Е., Краевская Н. М.* Явления устно-речевого синтаксиса в устной научной речи // Современная устная научная речь. Т. II: Синтаксические особенности / Под ред. О. А. Лаптевой. М.: НТЦ «Консерватория», 1994. С. 273–324.
- Артунова Н. Д.* Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992. С. 52–56.
- Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Иностран. лит., 1955. 416 с.
- Герасименко О. А.* Два значения – две языковые единицы? *Ага* в спонтанном диалоге // Труды международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог 2008». 2008. С. 103–108.
- Григорьева В. С.* Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. 288 с.
- Захаров Л. М., Казакевич О. А.* Интонация диалога (на материале аудиозаписей кетской, селькупской и эвенкийской речи) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2007» (Беласово, 30 мая – 3 июня 2007 г.). М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 207–212.
- Казакова О. П.* Функционально-прагматический подход к анализу диалогической речи // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е, Педагогические науки. 2005. № 11. С. 37–42.
- Марианашвили М.* Лингвопрагматика диалогической коммуникации: Дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 2008. 169 с.
- Мартыненко Т. И.* Диалогическое единство: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 24 с.
- Норман Б. Ю.* Грамматика говорящего. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1994. 228 с.
- Рыжикова Т. Р.* Интонационное оформление побудительных высказываний (на материале обско-угорских и тюркских языков Сибири) // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, № 3. С. 514–525. DOI 10.30624/2220-4156-2022-12-3-514-525
- Рыжов С. А.* Функционально-семантические свойства интеррогативных реплик в динамической модели диалога: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2003. 23 с.
- Сухих С. А.* Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1998. 30 с.
- Уртегешев Н. С., Рыжикова Т. Р.* Губно-губные согласные языка чатов и барабинских татар: сопоставление // Милли-мәдәни мирасыбыз: Новосибирск өлкәсе татарлары. 2нче басма. Казан, 2021. 572 б., рәс.
- Цесарская А. Е.* Авторкоррекция как стратегия реализации программы взаимодействия говорящего и слушающего // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 398. С. 21–29. DOI 10.17223/15617793/398/3
- Шведова Н. Ю.* О понятии синтаксического ряда // Историко-филологические исследования. Сборник статей к семидесятипятилетию академика Н. И. Конрада. М.: ГРВЛ, 1967. С. 209–214.

Шевченко Е. Дискурсивные маркеры *ага* и *узу* (корпусное исследование) [электронный ресурс]. URL: http://skil-rggu.ru/wp-content/uploads/2021/10/Skil2021_Shevchenko_tezisy.pdf (дата обращения 12.08.2024)

Щерба Л. В. Восточно-лужицкое наречие. Т. 1. Петроград, 1915. 194 с.

Яковлева Э. Б. Речевые хезитации: Формальный и функциональный аспекты: Аналит. обзор. М., 2016. 74 с.

Якубинский Л. П. О диалогической речи // Русская речь. 1923. № 1. С. 96–194.

Berrios J., Swain A., Fricke M. Implementing the map task in applied linguistics research: What, how, and why // *Research Methods in Applied Linguistics*. 2023. Vol. 2, iss. 3. DOI 10.1016/j.rmal.2023.100081

Botinis A., Granström B., Möbius B. Developments and paradigms in intonation research // *Speech Communication*. 2001. № 33. P. 263–296.

Список сокращений и условных обозначений

Исследуемые идиомы: **бараб.** – барабинский идиом; **чат.** – чатский идиом.

Список сокращений: **ИФ** – интонационная фраза; **ЧОТ** – частота основного тона.

Условные обозначения, используемые при глоссировании: **3** – третье лицо; **ACC** – винительный падеж; **AUX** – вспомогательный глагол; **CV** – деепричастие; **INTERJ** – междометие; **LOC** – местный падеж; **PL** – множественное число; **PRES** – настоящее время; **SG** – единственное число.

References

Akishina T. E., Kraevskaya N. M. Yavleniya ustno-rechevogo sintaksisa v ustnoy nauchnoy rechi [The phenomena of oral speech syntax in oral scientific speech]. In O. A. Lapteva (Ed.). *Sovremennaya ustnaya nauchnaya rech. T. II. Sintaksicheskie osobennosti* [Modern oral scientific speech. Vol. 2. The syntactic features]. Moscow, Konservatoriya Publ., 1994, pp. 273–324. (In Russ.)

Arutyunova N. D. Zhanry obshcheniya [Genres of communication]. In *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Kommunikatsiya, modal'nost', deysis* [Human factor in language. Communication, modality, deixis]. Moscow, Nauka, 1992, pp. 52–56. (In Russ.)

Bally Ch. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and issues of the French language]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 1955, 416 p. (In Russ.)

Berrios J., Swain A., Fricke M. Implementing the map task in applied linguistics research: What, how, and why. *Research Methods in Applied Linguistics*. 2023, vol. 2, iss. 3. DOI 10.1016/j.rmal.2023.100081

Botinis A., Granström B., Möbius B. Developments and paradigms in intonation research. *Speech Communication*. 2001, no. 33, pp. 263–296.

Gerasimenko O. A. Dva znacheniya – dve yazykovyye yedinity? *Aga* v spontannom dialoge. [Two meanings – two linguistic units? *Aha* in spontaneous dialogue]. In *Trudy mezhdunarodnoy konferentsii po komp'yuternoy lingvistike i intellektual'nykh tekhnologiyam Dialog 2008* [Proceedings of the international conference on computer linguistics and intellectual technologies Dialog 2008]. 2008, pp. 103–108. (In Russ.)

Grigor'eva V. S. *Diskurs kak element kommunikativnogo protsessa: pragmalingvisticheskiy i kognitivnyy aspekty* [Discourse as an element of the communicative process: pragmalinguistic and cognitive aspects]. Tambov, Tambov State Technical University, 2007, 288 p. (In Russ.)

Kazakova O. P. Funktsional'no-pragmaticheskiy podkhod k analizu dialogicheskoy rechi [Functional-pragmatic approach to the analysis of dialogical speech]. *Vestnik of Polotsk State University*. Part E. Pedagogic Sciences. 2005, no 11, pp. 37–42. (In Russ.)

Marianashvili M. *Lingvopragmatika dialogicheskoy kommunikatsii*. [Lingvopragmatics of dialogical communication]. Cand. of philol. sci. diss. Tbilisi, 2008, 169 p. (In Russ.)

Martynenko T. I. *Dialogicheskoye yedinstvo: strukturno-semanticheskiy i kommunikativno-pragmaticheskiy aspekty* [Dialogical unity: structural-semantic and communicative-pragmatic aspects]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Rostov-on-Don, 2005, 24 p. (In Russ.)

Norman B. Yu. *Grammatika govoryashchego* [Speaker's grammar]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University, 1994, 228 p. (In Russ.)

Ryzhikova T. R. Intonatsionnoye oforneniye pobuditel'nykh vyskazyvaniy (na materiale obso-gorskikh i tyurkskikh yazykov Sibiri) [Intonation of the imperative statements (based on the material of the Ob-Ugric and Turkic languages of Siberia)]. *Bulletin of Ugric Studies*. 2022, vol. 12, no. 3, pp. 514–525. (In Russ.) DOI 10.30624/2220-4156-2022-12-3-514-525

Ryzhov S. A. *Funktsional'no-semanticheskiye svoystva interrogativnykh replik v dinamicheskoy modeli dialoga* [Functional and semantic properties of interrogative remarks in a dynamic model of dialogue]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Ul'yanovsk, 2003, 23 p. (In Russ.)

Urtegeshev N. S., Ryzhikova T. R. Gubno-gubnyye soglasnyye yazyki chatovskikh i barabinskikh tatar: sravneniye [Labial consonants of the Chat language and the Barabinsk Tatars: a comparison]. In *Nashe natsional'no-kul'turnoye naslediyе: Tatory Novosibirskoy oblasti* [Our national and cultural heritage: Tatars of the Novosibirsk region]. 2nd ed. Kazan', 2021, 572 p. (In Russ.)

Shevchenko Ye. Diskursivnyye markery *aga* i *ugu* (korpusnoye issledovaniye) (elektronnyy resurs) [Discursive markers *aha* and *uh-huh* (corpus research) (electronic resource)]. URL: http://skilrggu.ru/wp-content/uploads/2021/10/Skil2021_Shevchenko_tezisy.pdf (accessed 12.08.2024) (In Russ.)

Shcherba L. V. *Vostochno-luzhitskoye narech'ye* [Eastern Sorbian dialect]. Vol. 1. Petrograd, 1915, 194 p. (In Russ.)

Shvedova N. Yu. O ponyatii sintaksicheskogo ryada [On the concept of syntactic sequence]. In *Istoriko-filologicheskie issledovaniya: sb. st. k 75-letiyu akad. N. I. Konrada* [Historical and philological research: collection of articles on the 75th anniversary of the Academician N. I. Konrad]. Moscow, Nauka, 1967, pp. 209–213. (In Russ.)

Sukhikh S. A. *Pragmalingvisticheskoye izmereniye kommunikativnogo protsessa* [Pragmalinguistic dimension of the communicative process]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Krasnodar, 1998, 30 p. (In Russ.)

Tsesarskaya A. Ye. Avtokorreksiya kak strategiya realizatsii programmy vzaimodeystviya govoryashchego i slushayushchego [Autocorrection as a strategy of interaction between the speaker and the listener]. *Tomsk State University Journal*. 2015, no. 398, pp. 21–29. (In Russ.) DOI 10.17223/15617793/398/3

Yakovleva E. B. *Rechevye khezitatsii: Formal'nyy i funktsional'nyy aspekty: Analit. obzor* [Speech hesitations: Form and function: Analytic review]. Moscow, 2016, 74 p. (In Russ.)

Yakubinskiy L. P. O dialogicheskoy rechi [On dialogic speech]. *Russkaya rech'* [Russian speech], 1923, no. 1, pp. 96–194. (In Russ.)

Zakharov L. M., Kazakevich O. A. Intonatsiya dialoga (na materiale audiozapisey ketskoy, sel'kupsКОЙ i evenkiyskoy rechi) [Intonation of dialog (on the material of audiorecordings of Ket, Selkup and Evenki speech)]. In *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog 2007" (Bekasovo, 30 maya – 3 iyunya 2007 g.)* [Computational linguistics and intellectual technologies: Proceedings of the International Conference "Dialog 2007" (Bekasovo, May 30 – June 3, 2007)]. Moscow, RSUH, 2007, pp. 207–212. (In Russ.)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
13.08.2024*

Сведения об авторах

Татьяна Раисовна Рыжикова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири, Институт филологии Сибирского отделения РАН (ИФЛ СО РАН), г. Новосибирск, Россия

E-mail: tanya12@mail.ru

ORCID 0000-0001-6337-725X

Ксения Вячеславовна Шиндрова – младший научный сотрудник сектора языков народов Сибири, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

E-mail: ksenia.shindrova@yandex.ru

ORCID 0000-0002-4468-5107

Илья Михайлович Плотников – младший научный сотрудник сектора языков народов Сибири, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

E-mail: iliaplotnikov@gmail.com

ORCID 0000-0002-6416-689X

Наталья Васильевна Якимец – старший преподаватель кафедры межкультурной коммуникации Гуманитарного института, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия)

E-mail: sib_diam@mail.ru

ORCID 0009-0006-9215-5211

Information about the Authors

Tatiana R. Ryzhikova – Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of the Languages of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

E-mail: tanya12@mail.ru

ORCID 0000-0001-6337-725X

Ksenia V. Shindrova – Junior Researcher, Department of the Languages of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

E-mail: ksenia.shindrova@yandex.ru

ORCID 0000-0002-4468-5107

Ilya M. Plotnikov – Junior Researcher, Department of the Languages of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

E-mail: iliaplotnikov@gmail.com

ORCID 0000-0002-6416-689X

Natalya V. Yakimets – Senior Lecturer, Department of Intercultural Communication, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

E-mail: sib_diam@mail.ru

ORCID 0009-0006-9215-5211

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 256-5:398.8(=512.157)

DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-114-123

Шаманский обряд якутов *Ытык дабаты* С. А. Зверева в аудиозаписи 1969 г.: текст, интерпретация, семантика

В. С. Никифорова¹, Е. Н. Романова²

¹ Арктический государственный институт культуры и искусств, Якутск, Россия

² Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Якутск, Россия

Аннотация

Анализируется аудиозапись фрагмента шаманского лечебного обряда якутов *Ытык дабаты* 'Вознесение священной лошади'. На основе этнографического, фольклорного и мифологического материалов реконструируется многослойная ткань музыкального нарратива. Раскрывается сакральная биография певца, в обрядовой культуре якутов выделяется особое, характерное только для виллойской шаманской традиции камлание к небесным божествам, имеющим отрицательную валентность. Статья построена на методологии звучащего ландшафта и семиотического анализа. Раскрывается формирующая роль мелоритмической и тембровой структуры в музыкальной композиции, создающей пространство и сюжетную канву шаманского «путешествия» в верхний мир и обратно.

Ключевые слова

якуты, шаманский обряд, виллойская традиция, звучащий ландшафт, интонирование, музыкальный нарратив, креативная личность

Благодарности

Исследование выполнено по Программе развития Арктического государственного института культуры и искусств на 2022–2030 гг. в рамках Программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030. Дальний Восток».

Для цитирования

Никифорова В. С., Романова Е. Н. Шаманский обряд якутов *Ытык дабаты* С. А. Зверева в аудиозаписи 1969 г.: текст, интерпретация, семантика // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52). С. 114–123. DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-114-123

© В. С. Никифорова, Е. Н. Романова, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 4 (iss. 52)

Yakut shamanic rite *Ytyk dabaty* by S. A. Zverev in audiorecording of 1969: text, interpretation, semantics

V. S. Nikiforova¹, E. N. Romanova²

¹Arctic State Institute of Culture and Arts, Yakutsk, Russian Federation

²Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, SB RAS, Yakutsk, Russian Federation

Abstract

Sergei Zverev, known as Kyyl Uola (1900–1973), was a famous Yakut singer of the *olonkho* epic, fairy tales and performer of shamanic rituals. As a child he participated in the rituals of his relative, a mighty shaman named Lappaakhi. In 1969 the ethnomusicologist Eduard Alexeev recorded from S. Zverev the shamanic ritual *Ytyk dabaty* ‘Ascension of the sacred horse’ in studio at Moscow. This recording is contained on a vinyl record by Melodiya (1971, D 030639-40). This article, written by an ethnomusicologist and ethnographer, is devoted to a complex analysis of this audio recording. The methodological basis of the article is the concept of the sounding landscape and semiotic analysis. The authors reconstruct the multi-layered musical part of the shamanic ritual on the basis of ethnographic, folklore and mythological materials, including archival sources, and also uncover the sacred biography of the singer. One of the important conclusions of the article is the allocation in the Yakut ritual culture of a special, characteristic only for the Vilyui region, tradition of shamanic rites addressed to heavenly deities with negative valence. In addition, the work describes the form-generating role of melodic-rhythmic and timbre structure in a musical performance. It creates space and draws the plot outline of the shaman's “journey” to the upper world and his return back. The musical narrative of the rite has seven sections, differing in melodic, rhythmic and timbre composition. The text is supported by musical transcriptions made by one of the authors of the article.

Keywords

Yakuts, shamanic rite, Vilui tradition, sounding landscape, intonation, musical narrative, creative personality

Acknowledgements

The study was carried out with the support of the Development Program of the Arctic State Institute of Culture and Arts for 2022-2030 within the framework of the Strategic Academic Leadership Program «Priority 2030. Far East».

For citation

Nikiforova V. S., Romanova E. N. Shamanskiy obryad yakutov *Ytyk dabaty* S. A. Zvereva v audiozapisi 1969 g.: tekst, interpretatsiya, semantika [Yakut shamanic rite *Ytyk dabaty* by S. A. Zverev in audiorecording of 1969: text, interpretation, semantics]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 4 (iss. 52), pp. 114–123. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-114-123

Введение

В 1969 г. в студии звукозаписи Московской консерватории этномузыковед Э. Е. Алексеев записал в исполнении Сергея Афанасьевича Зверева¹ шаманский обряд *Ытык дабаты* ‘Вознесение священной лошади’. Позже фрагмент записи обряда был включен в содержание грампластинки «Из якутского фольклора», изданной фирмой «Мелодия» в 1971 г.² Этот смелый проект Э. Е. Алексеева по записи знатоков фольклора, живых носителей традиции в студийных условиях ознаменовал собой новый этап возвращения культурной памяти в масштабах всей страны и ретрансляции обрядового наследия северных народов как уникального опыта взаимодействия архаики с советской реальностью.

Деликатное и уважительное отношение к исполнителю, соблюдение ритуального поведения во время записи и понимание особого места Сергея Зверева в якутской культуре создавало неповторимую атмосферу духовного единения ученого со своим «героем». Позднее Эдуард Ефимович вспоминал, что Сергей Афанасьевич согласился на запись шаманского камлания

¹ Зверев Сергей Афанасьевич (Кыыл Уола) – известный якутский народный певец, сказитель эпоса *олонхо*, знаток шаманской традиции. Родился в 1900 г. в Түбүяйском наслеге Сунтарского улуса Вилюйского округа Якутской области, умер в 1973 г. в с. Арылах Сунтарского района Якутской АССР.

² Из якутского музыкального фольклора. Мелодия, 1971. Д 030639-40, 1 грп. (45 мин), 33 об / мин, моно.

только в уединенной ночной студии, т. е. носителю традиции необходимы были условия, максимально приближенные к аутентичной среде [Алексеев 1988: 129]. Этот пример глубокого проникновения в мир знатока табуированной в то время традиции отражает всю сложность полевой работы и является примером исследовательской стратегии, основанной на эмпатии.

Обращение к этому музыкальному тексту в XXI в. актуализирует новые практики в изучении и сохранении аудиовизуального наследия народа саха. Создание этнокультурного музыкального фонда и трансляция фольклорных образов является одной из актуальных задач научного сообщества в век глобализации. Осознавая важность традиционной музыкальной культуры и ее сохранения в современном цифровом пространстве, в Республике Саха (Якутия) реализуются инновационные проекты, среди которых – портал «Культурный код Якутии»³, проект «Виртуальный музей музыкальных инструментов народов Северной Азии»⁴ и др.

Обряд *Ытык дабаты* в континууме времени

В инструкции для собирателей фольклора «Спутник фольклориста», составленной Г. У. Эргисом еще во времена существования живых фольклорных традиций, дается определение рассматриваемого обряда: «*Ытык дабаты* (*ытык туруоруу*, *ытык кэтбүү*) – поднимание, *ытык* – священное животное, посвященное духам и божествам верхнего мира. Злого духа, спустившегося с верхнего мира, вселяют в лошадь и направляют в сопровождении шамана в места его обитания. Мистерия посвящена культу духов девяти родов верхнего мира, которые являются владельцами и почитателями определенной масти лошадей. Названия этих духов в Сунтарском и др. районах следующие: 1) *Бар дьабыл сылгылаах* (с пятнистой лошастью); 2) *Туой күрэн сылгылаах* (с лошастью гнедо-бурой масти); 3) *Кыыс кэрэ сылгылаах* (с лошастью девичьей красоты); 4) *Хара сылгылаах* (с черной лошастью); 5) *Муна сылдыар мунаа мабан сылгылаах* (с заплутавшей белой лошастью); 6) *Кугас мангаас сылгылаах* (с рыжей белоголовой лошастью) и т. д. Наиболее сохранился этот культ в Сунтарском районе» [Эргис 1945: 54–55]⁵.

По рукописной записи полного текста *Ытык дабаты*, осуществленной А. А. Саввиным от С. А. Зверева во время вилюйской экспедиции 1938 г., можно выделить основную цель обряда – жертвоприношение злым духам Верхнего мира *абаасы*, посылающим людям болезни (сумасшествие, ревматизм, глазные болезни и др.), для устранения причины заболевания и исцеления больного. В качестве дара / жертвы выступала лошадь определенной масти, которую требовали злые духи в соответствии с «корнем» болезней. Запись 1938 г. отличается архаичностью как в вербальной, так и в ритуальной части, написана староякутским шрифтом и требует более глубокого изучения. Этнограф А. А. Саввин в комментариях оставил запись, что многие слова шаманского текста так и остались нераскрытыми ввиду архаичной ритуальной лексики [Саввин 1938]⁶. При этом очевидно, что текст А. А. Саввина сохранил схему и описание еще бытовавшего в 1930-е гг. обряда, сюжет которого С. А. Зверев усвоил с раннего детства. В комментариях исследователь отмечает, что исполнитель рос в живой фольклорной среде, где по наследству передавались сакральные знания и шаманские практики. В детстве он, вырезав из бересты голову лошади, уже с 12 лет совершал среди своих сверстников обряд *Ытык дабаты* [Саввин 1938], транслируя его в игровом пространстве, где игра, согласно концепции Й. Хёйзинги [2019], составляла саму суть культуры. «Язык» камланий С. А. Зверев перенял от известного шамана, своего родственника по имени Лаппаахы, который практиковал исполнение обрядов с 9 лет и, прожив долгую жизнь, умер в возрасте 97 лет. Именно этот, естественный, тип шаманской коммуникации (по теории К. В. Чистова [2005]) закреплён в обряде *Ытык дабаты*.

³ Совместный проект Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия) и Арктического государственного института культуры и искусств (г. Якутск) (<https://nasledie.nlrs.ru>).

⁴ Проект реализуется в рамках деятельности Научно-образовательного центра «Север: территория устойчивого развития» (<https://nocsever.com>; <https://museum.agiki.ru>).

⁵ Перевод якутских терминов на русский язык – авторов данной статьи.

⁶ Исследование выполнено с использованием научного оборудования ЦКП Федерального исследовательского центра «Якутский научный центр СО РАН».

Устойчивость традиции обрядовой системы у виллойских якутов на примере *Ытык дабаты* отражают полевые материалы, собранные Е. Н. Романовой в Сунтарском районе в 1980-х гг. Культурная память виллойских якутов сохранила шаманские рассказы об этом обряде. Так, по полевым материалам этнографа можно воссоздать основную структуру и функциональную направленность обряда. Данный обряд устраивался семьей больного и состоял в посвящении жертвенной скотины верхним духам и божествам, вызывающим болезнь.

Пространственно-временная характеристика обряда: обряд совершался в доме и за его пределами летом в ночное время. На широкой поляне устанавливали ритуальное *ытык сэргэ* (священную коновязь), на котором делали глубокие зарубки. Количество зарубок соответствовало числу *сэргэ*, используемых в данном году в обряде. Таким образом, зарубок могло быть три, пять, семь или девять. К каждой из них привязывалась лошадь определенной масти. Цветовая символика лошади соответствовала числовой: пять лет – *сэргэ* с пятью зарубками – черная лошадь с пятнами; семь лет – *сэргэ* с семью зарубками – кобылица бело-голубой масти; девять лет – *сэргэ* с девятью зарубками – лошадь чисто белой масти. К *сэргэ* привязывались лошади определенной масти, которые были соотнесены с духами девяти родов верхнего мира. Шаман, совершивший первый обряд, должен был провести и все последующие в течение девяти лет.

Ход совершения обряда был следующим: находившиеся на поляне люди отвязывали привязанную к коновязи *ытык* (посвященную лошадь). В это время шаман подзывал *ытык* через окно дома, в котором сам находился. И этот путь лошади от *сэргэ* к окну олицетворял своего рода «путь шамана на небо». Окно в данном случае маркировало переход в иномирие. Одним из ритуальных действий шамана было угощение священной лошади кумысом из кубка *чорон*. Шаман также три раза обрызгивал бока жертвенной лошади кумысом из специального ковша. Считалось, что лошадь прошла длинный путь от *сэргэ* до неба, и ее нужно было напоить божественным напитком. Затем лошадь шла обратно к *сэргэ*, где ее опять привязывали. Вся церемония должна была завершиться до восхода солнца. На следующий день проводили церемонию кумысопития и различные игры по сценарию праздника *Ысыах*.

Во время проведения камлания существовали определенные ритуальные запреты. Никто не входил в помещение, шаман должен был быть один, никому не разрешалось подходить и дотрагиваться до *ытык*'а. Если кто-нибудь пересекал «небесный путь» (от *сэргэ* до окна), то он падал без чувств [Романова 1994: 126–128].

Адресат обряда: по мифологическим представлениям, в верхнем мире обитали злые духи, насылающие болезнь. «Наряду с *айыы* в верхнем мире, по верованиям якутов, жили духи *абаасы*⁷. Их главой считалось божество Улуу тойон. <...> К нему постоянно обращались шаманы как причинителю болезней» [Алексеев 1984: 26].

Анализ мифологических текстов о первопредках Элляе и Омоего, собранных этнографом Г. В. Ксенофонтовым, раскрывает миф о происхождении болезней в якутской картине мира. Согласно сюжету мифа, после того как Элляй выбирает в жены некрасивую дочь Омоего, его любимая старшая дочь проклинает их, по некоторым источникам кончает жизнь самоубийством, а по другим – исчезает, вознесясь на небо. Там она становится «корнем девяти злых, так называемых небесных дев, причиняющих людям разные болезни и несчастья» [Ксенофонтов 1978: 52]. Когда она причиняет людям болезни, шаманы посвящают ей живых животных, а также устраивают угощение из жертвенной пищи [Ксенофонтов 1978: 39].

Существенной особенностью обряда являются развитые представления о верхних *абаасы*, в полной мере сохранившиеся у виллойских якутов. Е. Н. Романова в мифорелигиозной картине мира виллойских якутов выделяет окказиональные обряды, связанные с обращением к «корню болезней и смерти» верхнего мира (*өлүү төрдө*) как один из глубинных слоев шаманской культуры, сохранившихся до конца XX в. Зафиксированная культура «воспоминаний» о шаманском обряде *Ытык дабаты* в устных рассказах сунтарских знатоков старины проецируется в студийной записи *Ытык дабаты* в исполнении С. А. Зверева, выполненной через 30 лет после встречи с А. А. Саввиным во время его виллойской экспедиции. Именно «корням» болезней посвящались лошади определенной масти. Главой злых духов верхнего

⁷ *Айыы* – божества верхнего мира, прародители и покровители людей; *абаасы* – злые духи.

мира выступало грозное божество *Улуу Тойон*. В студийной записи *Ытык дабатыы* шаман, достигнув верхнего мира, вступает в диалог с духом *Килэки Хотун*, которая, согласно Э. К. Пекарскому, насылает проказу [Пекарский 2008: 1082]. Функционально данный обряд относится к окказиональным и носит, как правило, пограничный характер между миром людей и миром природы, миром живых и миром мертвых. Сюжетный рисунок обряда демонстрирует разные компоненты такой пограничности.

Музыкальный текст С. А. Зверева представляет собой другой тип коммуникации, где пространство и аудитория перекодируются из «чужого» в «свое», а словесно-музыкальная структура подвергается изменениям. Процесс развертывания шаманского текста в новых условиях диктует «спрессованность» времени исполнения и вынужденные трансформации единиц обряда, вызванные объективными обстоятельствами (другая среда).

Музыкальная структура обряда

Для интерпретации музыкального языка обряда как наиболее архаичной, корневой системы интонационно-акустической культуры этноса используется методология звучащего ландшафта [Шейкин, Добжанская, Никифорова 2016], раскрывающая взаимодействие человека с культурно-осмысленной, говорящей с ним на одном языке звуковой средой. Музыкальная «партитура» обряда насыщена интонационными «лейтмотивами» духов-помощников шамана, основанных на звукоподражаниях их «голосам», и мелодике духа *Килэки Хотун*, наславшей болезнь.

Перейдем к описанию представленного на пластинке фрагмента обряда с точки зрения музыкально-интонационного содержания. По композиции рассматриваемый фрагмент обряда состоит из вступления и семи разделов:

Вступление. Призывание духов

- I. Обращение к духам с просьбой не препятствовать обряду
- II. Путешествие
- III. Преодоление препятствий
- IV. Достижение Верхнего мира
- V. Гадание
- VI. Диалог с *Килэки Хотун*
- VII. Обратный путь

Вступительный раздел представляет собой призывание духов-помощников. Семикратно повторяющаяся мелодическая формула имеет замкнутую структуру *aba*, где крайние разделы построены на малотерцовом распевании начального ритуального возгласа *Чуо* (литера *a*) и гласного звука в конце строки, а средний раздел (литера *b*) является быстрой речитацией текста на одной высоте⁸:

The image shows a musical staff with a treble clef and a key signature of one flat (B-flat). The melody is written on a single line. It consists of three parts labeled 'a)', 'b)', and 'a)'. Part 'a)' starts with a quarter note 'Чуо' (Chuo) on a G4 note. Part 'b)' is a fast sequence of eighth notes on a single pitch (G4), with the lyrics 'духи моих желто-пегих лошадей' (spirits of my yellow-speckled horses) underneath. Part 'a)' ends with a quarter note on G4. A 'V' symbol is placed above the end of the staff, and a '7' is written below the final note.

Нотный пример 1. Обращение к духам-помощникам шамана
Example 1. Addressing the shaman's assistant spirits

В начале раздела I в действие вводится главный инструмент – бубен: шаман трижды ударяет в бубен, трижды громко зевает и под непрерывный аккомпанемент бубна начинает петь заклинания, обращенные к духам. Этот раздел основан на постепенном динамическом и эмоциональном нарастании, по содержанию является обращением к семи духам (духу огня *Тойон Эһэ*, покровительнице рода *Иэйиэхсит Эбэ Хотун*, локальным духам местности – *Дөндүө Баай Тойон Эһэ*, *Күдулу Бэргэн*, *Дьөңкүүдэ Эбэ Хотун*, *Тойбохой Эбэ Хотун*, *Кыл Күөмэй Куоснай Хотун*) с просьбой быть благосклонными при проведении обряда. Обращение

⁸ Нотные записи выполнены В. С. Никифоровой. Нотные примеры транспонированы на октаву вверх и даны в скрипичном ключе.

к каждому из духов представляет собой поэтическую тираду, которая обязательно начинается вибрированными распевами слогов «ээ», «аа», «оо»:

Нотный пример 2. Начальные распевы обращения к духам местности
Example 2. The initial chants of the appeal to the spirits of the local area

Смысловая часть текста – поэтическая тирада – речитируется в основном в пределах установившегося терцового диапазона (*ре – фа*). Повторяющиеся строки завершаются нисходящим квартовым оборотом:

(Сестра моя, дух-хозяйка госпожи-озера Джэнькюдя, прошу не развевай свои слизистые волосы)

Нотный пример 3. Обращение к духу-хозяйке озера Дьёнкүүдэ-Джэнькюдя
Example 3. An appeal to the spirit-mistress of Lake Jengkyudya

В разделе II напряжение постепенно нарастает, ровные удары бубна усиливаются, становятся все громче, голос шамана повышается: при распеве гласного «э» происходит скачок вверх на квинту. Все эти средства выразительности передают эффект постепенного восхождения, путешествия в верхний мир. В этот момент – момент эмоционального напряжения – шаман излагает цель камлания как отправление священной лошади в верхний мир и просит местных духов не мешать, отойти от дороги. Большой раздел путешествия прерывается тремя сильными ударами в бубен, после которых звучит длительное соло бубна, основанное на чередовании двух ритмических фигур –

а затем следует четырехкратное повторение слогов *yo-huy* на фоне триолей бубна (нотный пример 4). Этот эпизод воспринимается как небольшая «передышка» перед сложнейшим участком пути.

Нотный пример 4. Эпизод «передышки» перед обратной «дорогой» шамана
Example 4. Episode of “respite” before the shaman’s return “journey”

Дальнейший текст свидетельствует о прохождении шаманом различных преград и препятствий (раздел III), в котором ему помогают духи-помощники – гагара и ворон. Участие духов-помощников, их появление шаман показывает путем звукоподражания этим птицам, что приносит в обряд эффект активного действия с несколькими персонажами.

Прибытие в Верхний мир (раздел IV) передается путем «внезапного отключения» – в речевой форме без сопровождения бубна (*Тобус хонон дьэ бу тиийэн кэлээхтээтим эбээт* ‘Вот я прибыл наконец-то через девять ночей’).

Раздел V – небольшой эпизод гадания колотушкой – призван дать ответ на вопрос: вернется ли шаман благополучно на родную землю? В этом разделе на первый план выходит действенное начало, которое передается речевым интонированием без пения и игры на бубне. Такой вопросительный монолог в шаманском камлании в «чужом» пространстве (в здании консерватории) отражает мироощущение человека традиционной культуры, который, понимая отступление от «грамматики» обряда, осознает всю ответственность за совершенное «нарушение». В обряде *Ытык дабаты* 1938 г. вопросительной формулой в эпизоде гадания было обращение шамана к участникам обряда: «Дошел ли его *алгыс*? Приняли ли *ытык* как жертву злые духи верхнего мира?» Исполнение шаманского обряда в урезанном виде, любые отступления от канона считались большим грехом и карались духами. Есть сведения, что впоследствии свою болезнь он связывал с ритуальным нарушением на *ысыах*^е – празднике светлых божеств *айыы*, где совершил камлание в шаманском костюме [Зверев 1995: 154]. Согласно традиционным представлениям, «черным» шаманам, взаимодействовавшим со злыми духами нижнего и верхнего миров, запрещалось появляться в ритуальном облачении в сакральном пространстве праздника *ысыах* и тем более камлать на нем. Поэтому фрагмент гадания на благополучное возвращение в средний мир в записи Э. Е. Алексева, где шаман опасается за свою судьбу, является яркой иллюстрацией переживания шаманского опыта как закрытого, сокровенного текста культуры.

Диалог шамана с *Килэки Хотун* (раздел VI), который происходит в Верхнем мире, основан на чередовании речитационного интонирования шамана и песенных разделов, передающих речь духа болезни *Килэки Хотун*. Подчеркнутая песенность, «мелодичность», ритмическая ровность, совпадение долей голоса и бубна резко отличают стилистику интонационного материала *Килэки Хотун* от всей музыкальной ткани обряда, в которой партия бубна достаточно автономна. По средствам выразительности и общему характеру пения эпизоды *Килэки Хотун* приближаются к песенности известной героини якутского эпоса *Айыы Умсуур Удабан* – небесной белой шаманки, которая обычно совершает обряд очищения от скверны, покровительствует людям и гармонизирует мир. Подобный прием своего рода интонационного «парадокса», по-видимому, сознательно используется С. А. Зверевым для передачи согласия духа *Килэки Хотун*, наславшей болезнь, принять жертвенную лошадь и дать благословение на благополучное возвращение в средний мир:

(Э-гэ, друг, ты вернешься назад)

Нотный пример 5. Благословение духа *Килэки Хотун* на благополучное возвращение шамана в средний мир

Example 5. The blessing of a spirit named *Kileki Hotun* for the shaman's safe return to the middle world

Рассматриваемый фрагмент обряда завершает раздел VII, передающий обратный путь шамана в Средний мир. По музыкальному материалу данный раздел перекликается с эпизодом путешествия (раздел II), что связано с общностью сюжетной основы. Но в заключительном разделе шаманом максимально используется вся звуковая атрибутика (голос, бубен, подвески-погремушки на одежде). К сожалению, кроме магнитофонной записи, мы не располагаем никакими другими материалами. Было бы весьма интересно проследить не только акустические эффекты и речевые характеристики, но и чисто актерские приемы выразительности: особые жесты, пантомимы и т. п., которыми обычно пользовались шаманы.

Заключение

Анализ *Ытык дабатыы* в исполнении С. А. Зверева, всего комплекса музыкально-выразительных средств обряда в контексте традиционных представлений показал удивительную композиционную стройность и регламентированность вилейского регионального варианта якутской шаманской традиции. На основе нотной расшифровки этой записи можно констатировать, что обряд исполнялся на особом музыкальном языке, который создавал целый мир звучащего ландшафта с «голосами» самого шамана, его духов-помощников, духов природы, духов верхнего мира и др. Уникальность и универсальность личности С. А. Зверева, глубокие знания народной культуры, исполнительский опыт сформировали в рамках традиции индивидуальный стиль, отличающийся богатым эмоциональным содержанием, ярким исполнительским колоритом, разнообразием музыкального материала. В изучении творческого наследия С. А. Зверева необходимо активное участие специалистов-филологов, так как тексты, насыщенные архаичными ритуальными словесными формулами, с трудом поддаются расшифровке и нуждаются в адекватной интерпретации на основе детального анализа.

Ценность этой аудиозаписи состоит в раскрытии сакральной биографии С. А. Зверева, где память исполнителя как механизм передачи информации закрепляет культурную традицию, при этом вводя в текст индивидуальную рефлексию.

Список литературы

- Алексеев Н. А.* Шаманизм тюркоязычных народов Сибири (опыт ареального сравнительного исследования). Новосибирск: Наука, 1984. 233 с.
- Алексеев Э. Е.* Фольклор в контексте современной культуры. Рассуждения о судьбах народной песни. М.: Сов. композитор, 1988. 237 с.
- Зверев Д. С.* Аҕам тугунан аман өс (= Слово об отце). Якутск, 1995. 176 с.
- Ксенофонтов Г. В.* Эллэйада: материалы по мифологии и легендарной истории якутов. Новосибирск: Наука, 1978. 248 с.
- Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка в трех томах. Т. 1. Вып. 1–4: А–Күдүөлэт. СПб., 2008. 1282 с.
- Романова Е. Н.* Якутский праздник Ысыах: Истоки и представления. Новосибирск: Наука, 1994. 160 с.
- Хейзинга Й.* Homo Ludens. Человек играющий. Пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; коммент. Д. Э. Харитоновича. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 400 с.
- Чистов К. В.* Фольклор. Текст. Традиция: Сб. ст. М.: О.Г.И., 2005. 272 с.
- Шейкин Ю. И., Добжанская О. Э., Никифорова В. С.* Звучащий ландшафт Арктики // Этнографическое обозрение. 2016. № 4. С. 30–44.
- Эргис Г. У.* Спутник якутского фольклориста. Якутск: Госиздат ЯАССР, 1945. 96 с.

Список источников

Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Фонд № 5, оп. 3, д. 113. Зверев С. А. Ытык дабатыыта (ойуун кыырыта). Запись Саввина А. А., 1938 г. (на 48 л.).

References

Alekseev N. A. Shamanizm tyurkoyazychnykh narodov Sibiri (opyt areal'nogo sravnitel'nogo issledovaniya) [Shamanism of Turkic-speaking peoples of Siberia (experience of areal comparative study)]. Novosibirsk, Nauka, 1984, 233 p. (in Russ.)

Alekseev E. E. Fol'klor v kontekste sovremennoy kul'tury. Rassuzhdeniya o sud'bakh narodnoy pesni [Folklore in the context of contemporary culture. Discussions on the future of folk song]. Moscow, Sovetskiy kompozitor Publ., 1988, 237 p. (in Russ.)

Zverev D. S. Аҕам tugunan aman өс [A Tale about my Father]. Yakutsk, Union of Writers of the Sakha Republic, 1995, 176 p. (in Yakut)

Ksenofontov G. V. Elleyada: materialy po mifologii i legendarnoy istorii yakutov [Elleyada: materials on mythology and legendary history of Yakuts]. Novosibirsk, Nauka, 1978, 248 p. (in Russ.)

Pekarskiy E. K. Slovar' yakutskogo yazyka v trekh tomakh [Dictionary of the Yakut language in 3 volumes]. T. 1, vyp. 1–4 [vol. 1, iss. 1–4]: A–Kydyolet. St. Petersburg, 2008, 1282 p. (in Yakut, in Russ.)

Romanova E. N. Yakutskiy prazdnik Ysyakh: Istoki i predstavleniya [Yakut holiday Ysyakh: Origins and representations]. Novosibirsk, Nauka, 1994, 160 p. (in Russ.)

Huizinga J. Homo Ludens. Chelovek igrayushchiy. Perevod s niderlandskogo D. V. Sil'vestrova [Transl. from the Dutch by D. V. Silvestrov]. St. Petersburg, Azbuka, 2019, 400 p. (in Russ.)

Chistov K. V. Fol'klor. Tekst. Traditsiya. Sbornik statey [Folklore. Text. Tradition. Collection of articles]. Moscow, OGI Publ., 2005, 272 p. (in Russ.)

Ergis G. U. Sputnik yakutskogo fol'klorista [Handbook of a Yakut folklorist]. Yakutsk, Gosizdat YaASSR Publ., 1945, 96 p. (in Russ.)

Sheykin Yu. I., Dobzhanskaya O. E., Nikiforova V. S. Zvuchashchiy landshaft Arktiki [The sounding landscape of the Arctic]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], no. 4, pp. 30–44. (in Russ.)

List of sources

Savvin 1938 – Manuscript Collection of the Archive of the Yakutsk Scientific Center of SB RAS. Fund no. 5, inventory 3, folder 113. Zverev S. A. Ytyk dabatyta (oyuun kyyryyta). Record by Savvin A. A., 1938 (48 sheets).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
7.12.2024*

Сведения об авторах

Вера Семеновна Никифорова – кандидат искусствоведения, доцент кафедры искусствоведения, Арктический государственный институт культуры и искусств (Якутск, Россия)

E-mail: vera_nikiforova@mail.ru
ORCID ID 0000-0001-7572-3383

Екатерина Назаровна Романова – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий Центра интеллектуальной истории и культуры, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия)

E-mail: e_romanova@mail.ru
ORCID ID 0000-0001-6973-0608

Information about the Authors

Vera S. Nikiforova – Cand. of Art history, Associate Professor of the Department of History of Arts, Arctic State Institute of Culture and Arts (Yakutsk, Russian Federation)

E-mail: vera_nikiforova@mail.ru

ORCID 0000-0001-7572-3383

Ekaterina N. Romanova – Doctor of Historical Sciences, Head of Center of Intellectual History and Culture, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, SB RAS (Yakutsk, Russian Federation)

E-mail: e_romanova@mail.ru

ORCID 0000-0001-6973-0608

ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 398 (=511.131)

DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-124-133

Семантика фитонима *сугон* ‘лук’ в удмуртском песенном фольклоре (на материале коренных и переселенческих локальных традиций)

Н. В. Анисимов¹, И. В. Пчеловодова²

^{1,2} Удмуртский институт истории, языка и литературы

Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН, Ижевск, Россия

¹ Эстонский литературный музей, Тарту, Эстония

Аннотация

Рассматривается семантика фитонима *сугон* ‘лук’ в текстах удмуртских песен в переселенческих (сибирской, периферийно-южной) и коренной (автохтонной) традициях. Фокус внимания сосредоточен на раскрытии символики образа, в частности его использования в контексте жанровой направленности песен и особых нюансов локальных традиций. Огород в пространственной модели удмуртской традиционной культуры занимает важное место и становится ярким художественным образом, отражающим быт человека и его связь с природой. Как показал анализ, фитоним *сугон* ‘лук’ является самым распространенным образом, зафиксированным как в обрядовых, так и в необрядовых песнях. В зависимости от жанра, символическая значимость рассматриваемого образа акцентирует разные свойства растения для яркого отображения эмоционального состояния человека. По частотности распространения образ лука более всего распространен в автохтонной южноудмуртской и близкой к ней территориально периферийно-южной традиции, в меньшей степени он представлен в северноудмуртской традиции, как и в ее периферийно-пространственной сибирской номинации. Исследование удмуртского песенного фольклора подчеркивает символическую значимость образа лука в культуре этноса.

Ключевые слова

удмурты, переселенческая традиция, автохтонная традиция, песенный фольклор, обрядовые напевы, необрядовые песни, образы, семантика, лук

Для цитирования

Анисимов Н. В., Пчеловодова И. В. Семантика фитонима *сугон* ‘лук’ в удмуртском песенном фольклоре (на материале коренных и переселенческих локальных традиций) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (вып. 52). С. 124–133. DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-124-133

© Н. В. Анисимов, И. В. Пчеловодова, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52)

Yazyki i Fol'klor Korenykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 4 (iss. 52)

Semantics of the phytonym *sugon* (onion) in Udmurt song folklore: a case study of indigenous and migrant local traditions

N. V. Anisimov¹, I. V. Pchelovodova²

^{1,2} Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center of the UrB RAS,
Izhevsk, Russian Federation

¹ Estonian Literary Museum, Tartu, Estonia

Abstract

A vegetable garden has been an indispensable feature of the traditional Udmurt household. The cultivation of crops and fruits in this area forms an integral part of the daily existence of a community, symbolizing established social structures. Garden produce is entirely allocated to household consumption. In addition to their nutritional value, garden plants are essential in observance of calendar and family traditions. These elements are manifest in Udmurt folklore, serving as expressions of individual emotional states. The phytonym *sugon* (onion) is most frequently used in ritual or non-ritual songs. This paper aims to explore the symbolic meaning of the image of this phytonym in the context of song genre and local traditions: Siberian, peripheral-southern, and autochthonous. The symbolism of *sugon* in Udmurt culture varies depending on the song genre. In recruitment songs, *sugon* embodies youthful vigor and physical prowess, representing a slender physique and boundless energy while simultaneously conveying the sorrow of parting. In calendar and non-ritual lyrics, *sugon* emphasizes the transience of life and youth. Its flavor is vividly portrayed in guest tunes. *Sugon* is most commonly found in autochthonous and geographically similar southern Udmurt traditions. However, it is rarely found in Siberian and indigenous northern Udmurt cultures. A detailed exploration of Udmurt folklore exposes the profound importance of the onion as a fundamental aspect of the Udmurt belief system. Its symbolic importance within this culture underscores the depth and richness of Udmurt ethnographic heritage.

Keywords

Udmurts, migration tradition, autochthonous tradition, song folklore, ritual tunes, non-ritual songs, images, semantics, onion

For citation

Anisimov N. V., Pchelovodova I. V. Semantika fitonima *sugon* 'luk' v udmurtskom pesennom fol'klore (na materiale korennykh i pereselencheskikh lokal'nykh traditsiy) [Semantics of the phytonym *sugon* (onion) in Udmurt song folklore: a case study of indigenous and migrant local traditions]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2024, no. 4 (iss. 52), pp. 124–133. DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-124-133 (In Russ.)

Введение

В удмуртской традиции огород является неотъемлемой частью домашнего хозяйства. Одной из главных черт, характеризующих огород как освоенное пространство, является его огороженность и близость к дому¹. Выращенные здесь культуры полностью используются для домашнего потребления. Помимо своего непосредственного назначения (употребления в пищу), огородные культуры составляют непеременные атрибуты календарных и семейных обрядов. Одним из таких в удмуртской традиции можно назвать обряд осеннего ряжения *Пёртмаськон* / *Пукро*, детально описанный этномузыковедом Р. А. Чураковой. Этот обряд зафиксирован в локальной традиции удмуртов-калмезов, проживающих на западе (Увинский, Селтинский, Сюмсинский, отчасти Якшур-Бодьинский районы) и юго-западе (Кизнерский район) Удмуртской Республики (далее УР). По словам Р. А. Чураковой, юго-западная традиция осеннего ряжения отличается от западной более явственной идеей «обеспечения плодородия земли и продолжения человеческого рода, настойчиво повторяясь и в деталях обряда, и в содержании песен» [Чуракова 1999: 13].

В поэтических текстах напевов осеннего ряжения *пёртмаськон* / *пукро гур* упоминается большое количество огородных культур: картофель, капуста, огурец, брюква, репа, свекла, морковь, семена подсолнуха. В контексте обряда эти образы-символы несут в себе эротическую окраску, олицетворяя интимные женские и мужские органы. Сами овощи в том

¹ Огород в пространственной модели традиционной культуры [электронный ресурс; URL: https://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/sna_2.htm; дата обращения – 05.09.2024].

же значении являлись обязательными атрибутами костюмного комплекса: картошку, морковь, брюкву, свеклу, репу навешивали на себя. Такую же символику огородные культуры отражают в рамках свадебного обряда, проводимого на второй день в доме жениха – *бóрысь / ярашон*. Участники свадебной процессии меняются нарядами (мужчины надевают женское платье, фартук, платок, женщины – мужские штаны, рубаху, на голову картуз или шляпу), дополняя его подвешенными овощами. Все эти действия в рамках календарного и свадебного ритуалов имеют в основе одно назначение – «магически воздействовать на плодоносящие силы природы последующего года» [Там же: 13–14] и на людей.

Однако в песенном фольклоре удмуртов овощи имеют и другие символические значения, связанные с передачей эмоционального состояния человека, его внутренних переживаний. Как показал анализ, самым распространенным по частотности использования является фитоним *сугон* ‘лук’. Одним из ключевых аспектов настоящей статьи стало раскрытие символики данного образа в контексте жанровой направленности песен и особых нюансов локальных традиций. География исследования, согласно поставленной проблематике, охватывает автохтонную традицию (южноудмуртскую – Алнашский, Малопургинский, Киясовский районы, северноудмуртскую – Шарканский, Ярский районы УР), территории периферийно-южных групп удмуртов (завятских – Кукморский, Балтасинский районы Республики Татарстан, закамских – Янаульский, Калтасинский районы Республики Башкортостан), а также сибирские переселенческие ареалы, относящиеся к северным удмуртским традициям (Чаинский район Томской области, Ленинск-Кузнецкий район Кемеровской области).

Материалом для исследования послужили опубликованные нотные сборники по локальным традициям удмуртов, а также экспедиционные записи 2006, 2019 и 2023 гг., хранящиеся в Научном архиве Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН (далее – НА УИИЯЛ)².

Основная часть

Огородные культуры, включая огород как пространство традиционной культуры, символизируют «свое» родное окружение, тесно связанное с миром человека. Огород становится не просто местом выращивания растений, но и ярким художественным образом, отражающим связь человека с природой и его бытом. Окультуренное пространство огорода организовано таким образом, что природа здесь существует не просто как данность, а преобразована человеком в виде аккуратных грядок. В этом отношении фитоним *сугон* ‘лук’ соответствует характеристике «своего» пространства, что отражено в песенных поэтических текстах.

В рекрутских напевах автохтонной традиции и в традиции завятских удмуртов лук часто упоминается с эпитетом *вож* ‘зеленый’. В этом контексте зеленый лук символизирует молодое, стройное тело, наполненное физической силой, красотой и энергией:

*Убоен-убоен вож сугонэд, вож сугон шашы
кадь мыгоры.
Вож сугон шашы кадь мыгоръёсы, Горд
армилы кенер майыг нуозы.*

Грядками-грядками зеленый лук, словно
перья зеленого лука, мое тело.
Словно перья зеленого лука, мое тело, для
Красной армии кольями для изгороди увезут.
Салдатти гур – напев проводов в солдаты
д. Пуро-Можга Малопургинского района УР
[Вершинина, Владыкина 2014: 293]

² Некоторые песенные образцы из Научного архива Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН, используемые в работе, размещены в электронном атласе звучащих фольклорных текстов (URL: <https://folkmap.philology.nsc.ru>), созданном в рамках проекта Российского научного фонда № 19-78-10113.

Лук, как элемент природы, символизирует не только физические качества, но и идею естественности и цикличности жизни. Молодость и стройность, как характеристики и природы, и людей, объединяются через этот образ, усиливая идею о том, что человек является частью естественного мира, его ритмов и циклов. В данном контексте образ зеленого лука подчеркивает актуальность момента, символизируя идеальный период для активного проявления жизни. Это время, когда зеленый лук, как и молодость, находится на пике своей зрелости, свежести и готовности к использованию. Как зеленый лук готов к употреблению в конкретный момент времени, так и молодое тело готово к веселью и наслаждению жизнью – акцентируется радость и легкость жизни в период молодости и физического расцвета:

*Убоен-убоен вож ик сугонэд,
Вожысен сиён но даурыз.
Вож сугон кадь ик но вож ик мугоры,
Шудон-серекъян но дауры.*

Грядками-грядками зеленый лук да,
[Самое] время есть [его] зеленым.
Как зеленый лук да, стройны наши тела да,
[Самое] время для игр и веселий.

Солдат келян зоут – напев проводов солдата
д. Гондырево Балтасинского района Республики Татарстан
[Нуриева 2004: 197]

Через образ зеленого лука передается мотив разлуки, который связан с традиционными проводными обрядами. Повторяющаяся фраза *Кызы чыдыса(й), кызы чыдыса, тон люкиськод ук сьемдлэсь?* ‘Как же выдержав, как же выдержав, ты расстанешься да с семьей?’ подчеркивает эмоциональную напряженность момента расставания. Риторический вопрос выражает сомнения и боль, связанные с вынужденным уходом из родного дома, разлукой с семьей, акцентируя внимание на глубине переживаний. Создается контраст между беззаботной юностью и тяжелой по внутреннему накалу разлукой, что отражает естественный, но трудный процесс взросления и расставания с близкими:

*Убоен, убоен вож сугонэд, вож сугон кадь
вож мугорыд.
Кызы чыдыса(й), кызы чыдыса, тон
люкиськод ук сьемдлэсь?
Кызы чыдыса(й), кызы чыдыса, тон
люкиськод, ой, сьемдлэсь?*

Грядками, грядками зеленый лук, словно лук
зеленый молодое тело твое.
Как же выдержав, как же выдержав, ты
расстанешься да с семьей?
Как же выдержав, как же выдержав, ты
расстанешься да с семьей?

Лекрут гур – рекрутский напев
д. Калашур Киясовского района УР
[Анисимов, Вершинина, Пчеловодова 2011: 53]

*Убоен-убоен, ай, вож сугон,
Вожысен кызы сиёме?
Вож сугон кадь ик вож мугормы,
Люкиськыса кызы уломе?*

Рядами-рядами, ай, зеленый лук,
Как будем есть /его/ зеленым?
Как зеленый лук, наши неокрепшие тела,
Как будем жить, расставшись?

Акашка куй – песня обряда Акашка
д. Средний Кумор Кукморского района Республики Татарстан
[Нуриева 1995: 32]

Самое разнообразное прочтение фитоним *вож сугон* ‘зеленый лук’ получает в напевах обряда гостевания и в необрядовых лирических песнях. Эти жанры сегодня являются преобладающими в традициях всех групп удмуртов, в том числе и в переселенческих. Их популярность можно объяснить жанровой природой песен, направленных на открытое выражение чувств и эмоций, как правило, замкнутых в обычной жизни удмуртов. Центральной темой становится тема молодости, ее быстротечности и противопоставления старости.

Молодость, когда человек еще неопытен и зависит от советов и поддержки родителей, символизируется мотивом раздумий о том, стоит ли есть зеленый лук или нет. Через образ зеленого лука и наставлений матери раскрываются темы упущенных возможностей,

сожаления и утраты. Образ нетронутого зеленого лука символизирует неиспользованные шансы, моменты, которые прошли мимо, пока были доступны. Текст передает глубокую рефлекссию о пропущенных возможностях, связях с близкими и осознании ценности тех моментов, которые уже нельзя вернуть:

*Убоен-убоен вож сугонэз,
Вож дыръяз си(й)ыны мар луэм?
Убоен-убоен вож сугонэз,
Вож дыръяз си(й)ыны мар луэм?*

Грядками-грядками зеленый лук,
Пока он зелен, почему не поели?
Грядками-грядками зеленый лук,
Пока он зелен, почему не поели?

*Мынам анае мар вераз вал,
Пелям поныны мар луэм?
Мынам анае мар вераз вал,
Пелям поныны мар луэм?*

Матушка моя много советовала,
Как же я не прислушалась?
Матушка моя много советовала,
Как же я не прислушалась?

д. Старая Салья Киясовского района УР
[Пчеловодова, Анисимов 2020: 87]

В следующем примере посредством образа *вож сугон* 'зеленый лук' передается чувство быстротечности жизни и неизбежности старения. В отличие от предыдущих примеров, здесь появляется мотив утраты и увядания. Лук, который пожелтел прежде, чем его успели съесть, становится метафорой жизни, которая уходит слишком быстро, прежде чем человек успеет ее полноценно и осознанно прожить. В данном примере текст наполнен чувством горечи и утраты, когда жизнь представляется хрупкой и скоротечной, а молодость – лишь кратким моментом, быстро сменяющийся старением:

*Убоен-убоен вож сугонэн чик ышкытэк
чужектійз,
Вож сугон кадь вож мугоры чик улытэк
пересьмиз.*

Грядками-грядками зеленый лук, даже поесть
не успели, пожелтел,
Словно зеленый лук, молодое мое тело, не
успев пожить, состарилось.

Куно гур – гостевой напев
с. Бураново Малопургинского района УР
[Вершинина, Владыкина 2014: 329]

Молодость, ассоциируемая с созревaniem / ростом этого растения, не несет радости и надежды, а предопределена к страданиям:

*Төдьыё басма дэремме
Вирнуналэ вандытй.
Вож сугон кадь вож мугоры –
Кайгу понна будэтй.*

Мою белую рубашку
Выкроили в среду.
Я молода, как зеленый лук,
Расту только для горя.

Юон дыръя кырзан – праздничные песни,
Алнашский район УР
[Борисов 2015: 68]

В других напевах / песнях обряда гостевания на первое место выходят вкусовые характеристики лука, а именно его горечь, сравниваемая со вкусом горького вина. Эти образцы характерны для коренной северноудмуртской традиции и переселенческой традиции сибирских удмуртов:

*Юод, юод та винаез!
Малы уд ю винаез?
Эмезь кадь ик туж ческыт но,
Сугон кадь ик туж курыт.*

Выпьешь, выпьешь это вино!
Почему не выпьешь вина?
Словно малина очень вкусное да,
Словно лук очень горькое.
Жёк съёрын – [песня, исполняемая] за столом

д. Сильво Шарканского района УР
[НА УИИЯЛ, 2019: коллекция 216; Атлас звучащих фольклорных текстов, ID 68: URL:
https://folkmap.philology.nsc.ru/song/vipesh_vipesh_eto_vino]

*Юом, юом та винаез,
Марлы уд ю винаез?
Эмез кадь ик туж ческыт но,
Сугон кадь ик туж курыт.*

Выпьем, выпьем это вино,
Почему не выпьешь вина?
Словно малина очень вкусное да,
Словно лук очень горькое.

Застольная песня

д. Нижняя Тига Чаинского района Томской области
[НА УИИЯЛ, 2006: МК 198-1(2); Атлас звучащих фольклорных текстов, ID 53: URL:
https://folkmap.philology.nsc.ru/song/vipem_vipem_eto_vino]

Необходимо отметить, что в других вариантах при стабильности текста первой половины строфы, вторая сравнительная конструкция подвергается вариативности (например, *эмезь* 'малина' заменяется на *йӧлвыл* 'сметана'), при этом вкусовые качества (*ческыт* 'вкусное') сохраняются:

*Юом, юом та винаез,
Малы уд ю винаез?
Сугон кадь ик туж курыт но,
Йӧлвыл кадь ик туж ческыт.*

Выпьем, выпьем этого вина,
Почему же его не выпить?
Словно лук очень горькое да,
Сметана словно очень вкусное.

Застольная песня

д. Лековой Ярского района УР
[НА УИИЯЛ, 2023: коллекция 223; Атлас звучащих фольклорных текстов, ID 228: URL:
https://folkmap.philology.nsc.ru/song/vipem_vipem_etogo_vina2]

*Юом, юом та винаез,
Малы уд ю винаез?
Йӧлвыл кадь ик туж ческыт но,
Сугон кадь ик туж курыт.*

Выпьем, выпьем этого вина,
Почему же его не выпить?
Сметана словно очень вкусное да,
Словно лук очень горькое.

Застольная песня

пос. Свердловский Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области
[НА УИИЯЛ, 2023: коллекция 222; Атлас звучащих фольклорных текстов, ID 227: URL:
https://folkmap.philology.nsc.ru/song/vipem_vipem_etogo_vina]

В следующих текстах, связанных с переселенческой традицией закамских удмуртов, тема горя и печали переплетается с образом вина и лука, создавая символическое противопоставление между страданием и попыткой найти утешение. Сравнение горечи спиртного с луком создает яркую метафору. Лук, вкус которого обычно ассоциируется с резкостью и жжением, здесь символизирует те чувства, которые вызывают боль и страдание в жизни. Горечь – это не только вкус, но и эмоциональное состояние, которое, как луковая горечь, пронизывает человека. Поэтому в песенных текстах звучит призыв к облегчению душевных страданий через употребление вина. Вино здесь символизирует радость, уход от боли и временное облегчение в моменты горя. Одновременно данный пример, на наш взгляд, представляет двойственную природу утешения и страдания: горечь жизни, представленная через образ лука, можно попытаться смягчить горьким вином, но корни печали остаются как неотъемлемая часть человеческого опыта:

Җуом, җуом винаез,
 Малы уд җу винаез?
 Җуом, җуом винаез,
 Малы уд җу винаез?
 Сугон кадь ик курытэз но,
 Сугон кадь ик курытэз но,
 Со таратэ кайгуэз,
 Сугон кадь ик курытэз но,
 Сугон кадь ик курытэз но,
 Со таратэ кайгуэз.

Выпьем, выпьем вина,
 Почему не станешь пить вино?
 Выпьем, выпьем вина,
 Почему не станешь пить вино?
 Горечь словно у лука да,
 Горечь словно у лука да,
 Оно разгоняет горе-печаль,
 Горечь словно у лука да,
 Горечь словно у лука да,
 Оно разгоняет горе-печаль.

Вина сектан гүй – напев потчевания вином
 с. Каймашабаш Янаульского района Республики Башкортостан
 [Анисимов, Пчеловодова 2024: 413]

В другом варианте текста вино противопоставляется луку. Лук, как символ горечи и печали, олицетворяет боль и трудности, которые человек испытывает в жизни. Вино же, напротив, мягче и приятнее, символизирует временное облегчение и радость, даже если эта радость эфемерна:

Җуом, җуом винаез,
 Малы уд җу винаез?
 Сугон(ы) кадь ик курыт өвёл,
 Со таратэ кайгуэз.

Выпьем, выпьем вина,
 Почему бы не выпить вина?
 Не такое горькое, как лук,
 Оно разгоняет печаль.

Вина сектан күй – напев потчевания вином
 с. Большекачаково Калтасинского района Республики Башкортостан
 [Анисимов, Пчеловодова 2024: 127]

В свадебных напевах завятских удмуртов горечь лука / хрена становится метафорой эмоциональной боли, олицетворением невероятной трудности выдержать не только физические, но и душевные испытания. Лук и хрен, традиционно острые и горькие на вкус, становятся символом невыносимых переживаний. В тексте создается контраст между близким (родной матерью) и чужим человеком (свекровью). Если слова матери наполнены заботой, то слова свекрови могут ранить, причинить боль, вызывая внутреннюю борьбу, они могут быть так же невыносимы, как горечь лука. Образы лука и хрена в данном случае тесно переплетаются с человеческими переживаниями, подчеркивая единство телесной и душевной боли:

Ой, сугон курыт, сугон курыт,
 Ой чида сугон / кирен курытлы, ай.
 Ой, анай вера, ят вера, ай кай,
 Оз чида ятлэн кылызлы, ай.

Ой, лук горький, лук да горький,
 Не вытерплю горечи лука / хрена, ай.
 Ой, мать говорит, чужой говорит, ай,
 Не вытерпишь слов, [сказанных] чужим, ай.

Сюан зоут – свадебная песня
 д. Старая Турья Балтасинского района Республики Татарстан
 [Нуриева 2004: 155]

Заключение

Детальный анализ фитонима *сугон* ‘лук’ в удмуртском песенном фольклоре показал, что это не просто элементарный символ природы, а важный культурный маркер, отражающий отношения удмуртского народа с природой посредством приуроченных и неприуроченных жанров песенного фольклора.

Огород в традиционной культуре удмуртов выступает как «свое» пространство, которое противопоставляется «чужой» природе благодаря стремлению удмуртов к освоению окружающего мира трудом и созиданием. Окультуренные растения становятся частью человеческой жизни и олицетворяют упорядоченность и структурированность, что подчеркивает важность труда в жизни человека и его гармонию с природой.

Одним из ключевых результатов исследования является установление частотности использования конкретных образов огородных культур в удмуртских песнях. Так, фитоним *сугон* 'лук' наиболее часто встречаемый образ в разных песенных жанрах (обрядовых и необрядовых). В зависимости от жанровой направленности в содержании поэтических текстов напевов / песен акцентируются разные свойства растения (сочность, рост, цвет, вкусовые качества и т. д.). В рекрутских напевах он ассоциируется с молодостью и физической силой, символизирует стройное тело и энергию, он же передает горечь расставания. В других песенных жанрах (гостевых, необрядовых лирических песнях) через образ лука акцентируется скоротечность жизни / молодости, которая проходит так же быстро, как увядает лук. Вкусовые качества лука ярко представлены в гостевых и свадебных напевах в самых разнообразных контекстах.

В песенном фольклоре фитоним *сугон* 'лук' большую популярность получил в автохтонной южноудмуртской традиции в различных символических прочтениях. Не менее значительное место этот образ занимает и в переселенческой традиции периферийно-южных групп удмуртов (завятских и закамских), находящихся близко к территории проживания южных удмуртов. Меньше образцов с включением лука в песенные тексты зафиксировано в традиции сибирских удмуртов. Однако и в коренной, североудмуртской, традиции этот образ не имеет большого распространения и встречается лишь в жанре застольной песни.

Таким образом, исследование удмуртского песенного фольклора демонстрирует, что фитоним *сугон* 'лук' играет важную роль в мировоззрении удмуртов. Он олицетворяет не только природные процессы, но и тесную связь между природой и культурой, трудом и жизнью, человеком и обществом. Этот образ является центральным и в ритуалах жизненного цикла, что подчеркивает его символическую значимость в удмуртской культуре.

Список литературы

Анисимов Н. В., Вершинина Е. Б., Пчеловодова И. В. Тигырменские мелодии: песни тигырменских удмуртов Киясовского района Удмуртской Республики. Ижевск: Респ. Дом нар. творчества – Дом молодежи, 2011. 96 с.

Анисимов Н. В., Пчеловодова И. В. Песни закамских удмуртов. Вып. 1. Ижевск: типография «Алмаз-Принт», 2024. 544 с. (Удмуртский фольклор).

Борисов Т. К. Сюлмы бõрдэ, сюлмы кырза: Кырзанъёс, выжыкылъёс, статьяос, тодэ ваёнъёс, эссэос, сценарийёс, кылбуръёс = Душа плачет, душа поет: Песни, сказки, статьи, воспоминания, эссе, сценарии, стихи / Сост. Л. С. Нянькина, М. С. Петрова. Ижевск: Удмуртия, 2015. 224 с.

Вершинина Е. Б., Владыкина Т. Г. Песни южных удмуртов. Вып. 3. Ижевск: ИПЦ «Малотиражка», 2014. 384 с. (Удмуртский фольклор)

Нуриева И. М. Песни завятских удмуртов. Вып. 1. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. 232 с. (Удмуртский фольклор).

Нуриева И. М. Песни завятских удмуртов. Вып. 2. Ижевск: УИИЛЯ УрО РАН, 2004. 332 с. (Удмуртский фольклор).

Огород в пространственной модели традиционной культуры [электронный ресурс; URL: https://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/sna_2.htm; дата обращения – 05.09.2024].

Пчеловодова И. В., Анисимов Н. В. Песни южных удмуртов. Вып. 4. 2-е изд., перераб. и доп. Ижевск-Тарту: Научное изд-во ЭЛМ, 2020. 376 с. (Удмуртский фольклор).

Чуракова Р. А. Песни южных удмуртов. Вып. 2. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1999. 159 с. (Удмуртский фольклор)

Список источников

Атлас звучащих фольклорных текстов [электронный ресурс; URL: <https://www.folkmap.philology.nsc.ru/>; дата обращения – 08.10.2024].

НА УИИЯЛ, 2006: МК 198-1(2) – фольклорно-этнографическая экспедиция в д. Нижняя Тига Чайнского района Томской области. Записано в 2006 г. Пчеловодовой И. В. от Стрелковой Е. Ф. 1934 г.р.

НА УИИЯЛ, 2019: коллекция 216 – фольклорно-этнографическая экспедиция в д. Сильво Шарканского района УР. Записано в 2019 г. Нуриевой И. М., Пчеловодовой И. В. от Пирожковой Г. Б. 1951 г.р., Добряковой М. А. 1939 г.р., Аникиной Г. Ф. 1935 г.р., Булдаковой Э. М. 1943 г.р., Князевой Р. И. 1947 г.р., Корепановой А. Ю. 1963 г.р., Стрелковой (имя неизвестно) В. 1955 г.р., Добряковой Т. В. 1972 г.р.

НА УИИЯЛ, 2023: коллекция 222 – фольклорно-этнографическая экспедиция в пос. Свердловский Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области. Записано в 2023 г. Анисимовым Н. В., Софроновой Е. А. от Баженовой М. П. 1939 г.р.

НА УИИЯЛ, 2023: коллекция 223 – фольклорно-этнографическая экспедиция в д. Лековой Ярского района УР. Записано в 2023 г. Поздеевым И. Л., Корниловым Д. Л., Пчеловодовой И. В., Софроновой Е. А., Байковой Е. В., Перевозчиковой О. В. от Осиповой В. С. 1938 г.р., Семакиной В. К. 1955 г.р.

References

Anisimov N. V., Pchelovodova I. V. *Pesni zakamskikh udmurtov* [Songs of the Trans-Kama Udmurts]. Izhevsk, 2024, iss. 1, 544 p. (Udmurtskiy fol'klor [Udmurt folklore]). (In Russ., In Udm.)

Anisimov N. V., Vershinina E. B., Pchelovodova I. V. *Tigymenskie melodii: pesni tigymenskikh udmurtov Kiyasovskogo rayona Udmurtskoy Respubliki* [Tigyrmen melodies: songs of the Tigyrmen Udmurts of the Kiyasovsky district of the Udmurt Republic]. Izhevsk, Resp. Dom nar. tvorchestva – Dom molodezhi, 2011, 96 p. (In Russ., In Udm.)

Borisov T. K. *Syulmy börde, syulmy kyrža: Kyržan'es, vyzhykyl'es, stat'yaos, tode vaen'es, esseos, stsenariyes, kylbur'es* [The soul cries, the soul sings: Songs, fairy tales, articles, memories, essays, scripts, poems]. L. S. Nyan'kina, M. S. Petrova (Comps.). Izhevsk, Udmurtiya, 2015, 224 p. (In Russ., In Udm.)

Churakova R. A. *Pesni yuzhnykh udmurtov* [Songs of the Southern Udmurts]. Izhevsk, Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN, 1999, iss. 2, 159 p. (Udmurtskiy fol'klor [Udmurt folklore]). (In Russ., In Udm.)

Nurieva I. M. *Pesni zavyatskikh udmurtov* [Songs of the Zavyat Udmurts]. Izhevsk, Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN, 1995, iss. 1, 232 p. (Udmurtskiy fol'klor [Udmurt folklore]). (In Russ., In Udm.)

Nurieva I. M. *Pesni zavyatskikh udmurtov* [Songs of the Zavyat Udmurts]. Izhevsk, Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN, 2004, iss. 2, 332 p. (Udmurtskiy fol'klor [Udmurt folklore]). (In Russ., In Udm.)

Ogorod v prostranstvennoi modeli traditsionnoi kul'tury [Vegetable garden in the spatial model of traditional culture]. Electronic resource. URL: https://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/sna_2.htm (accessed 05.09.2024). (In Russ.)

Pchelovodova I. V., Anisimov N. V. *Pesni yuzhnykh udmurtov* [Songs of the Southern Udmurts]. 2nd ed., rev. and enl. Izhevsk-Tartu, Nauchnoe izd. ELM, 2020, iss. 4, 376 p. (Udmurtskiy fol'klor [Udmurt folklore]). (In Russ., In Udm.)

Vershinina E. B., Vladykina T. G. *Pesni yuzhnykh udmurtov* [Songs of the southern Udmurts]. Izhevsk, IPTs “Malotirazhka”, 2014, iss. 3, 384 p. (Udmurtskiy fol'klor [Udmurt folklore]). (In Russ., In Udm.)

List of sources

Atlas zvuchashchikh fol'klornykh tekstov (elektronnyy resurs) [Atlas of sounding folklore texts]. Electronic resource. URL: <https://www.folkmap.philology.nsc.ru/> (accessed 08.10.2024). (In Russ.)

NA UIIYaL, MK 198-1(2) – fol'klorno-etnograficheskaya ekspeditsiya v d. Nizhnyaya Tiga Chainskogo raiona Tomskoi oblasti [MK 198-1(2) – folklore-ethnographic expedition to the v. Nizhnyaya Tiga, Chainsky district, Tomsk region]. Recorded in 2006 by I. V. Pchelovodova from E. F. Strelkova, born in 1934.

NA UIIYaL, 2019: kolleksiya 216 – fol'klorno-etnograficheskaya ekspeditsiya v d. Sil'vo Sharkanskogo raiona UR [NA UIYAL, 2019: collection 216 – folklore and ethnographic expedition to the v. Silvo, Sharkanskiy district, UR]. Recorded in 2019 by Nurieva I. M., Pchelovodova I. V.

from Pirozhkova G. B. born in 1951, Dobryakova M. A. born in 1939, Anikina G. F. born in 1935, Buldakova E. M. born in 1943, Knyazeva R. I. born in 1947, Korepanova A. Yu. born in 1963, Strelkova (name unknown) V. born in 1955, Dobryakova T. V. born in 1972.

NA UIYAL, 2023: kolleksiya 222 – fol'klorno-etnograficheskaya ekspeditsiya v pos. Sverdlovskii Leninsk-Kuznetskogo raiona Kemerovskoi oblasti [NA UIYAL, 2023: collection 222 – folklore and ethnographic expedition to the village of Sverdlovsky, Leninsk-Kuznetsk district, Kemerovo region]. Recorded in 2023 by Anisimov N. V., Sofronova E. A. from Bazhenova M. P. born in 1939.

NA UIYAL, 2023: kolleksiya 223 – fol'klorno-etnograficheskaya ekspeditsiya v d. Lekovai Yarskogo raiona UR [NA UIYAL, 2023: collection 223 – folklore and ethnographic expedition to the village of Lekovai, Yarsky district, UR]. Recorded in 2023 by I. L. Pozdeev, D. L. Kornilov, I. V. Pchelovodova, E. A. Sofronova, E. V. Baikova, O. V. Perevozchikova from V. S. Osipova born in 1938, and V. K. Semakina born in 1955.

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
11.10.2024*

Сведения об авторах

Николай Владимирович Анисимов – кандидат филологических наук, научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН (Ижевск, Россия); старший научный сотрудник отдела фольклористики Эстонского литературного музея (Тарту, Эстония)

E-mail: kyldysin@yandex.ru
ORCID 0000-0002-6060-3562

Ирина Вячеславовна Пчеловодова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН (Ижевск, Россия)

E-mail: orimush@mail.ru
ORCID 0000-0002-5553-0100

Information about the Author

Nikolai V. Anisimov – Candidate of Philology, Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russian Federation); Researcher, Estonian Literary Museum (Tartu, Estonia)

E-mail: kyldysin@yandex.ru
ORCID 0000-0002-6060-3562

Irina V. Pchelovodova – Candidate of Philology, Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russian Federation)

E-mail: orimush@mail.ru
ORCID 0000-0002-5553-0100

УДК 398.8 + 784.4 + 811.551.3
DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-134-148

Поэтика личных песен коряков-нымыланов на примере творчества Лидии Иннокентьевны Чечулиной

Е. Л. Тирон

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Описана поэтика текстов четырнадцати личных песен *булибул* коряков-нымыланов на материале разновременных записей репертуара Лидии Иннокентьевны Чечулиной (корякское имя *Ѓывнютауав*). Для подтверждения соответствия песни ее оригиналу исполнительницей называются имена предков, используется глагол *иви* 'говорил' и конструкции с прямой речью. Определена семантика наиболее частотных лексем и словосочетаний: *мынг'эуавын* 'призовем его (ее)', *гырап мынталивын* 'мелодию мы скатим (по наклонной)', *панинальу* 'предки', *зайтумгув'в'э* 'родственники', наименования жителей различных поселений, имена предков во мн. ч. и др. Характерным является использование междометий, возгласов, оленеводческих сигналов, распевных слов и слогов, а также звукоподражаний голосам животных и птиц.

Ключевые слова

северо-восточные палеоазиаты, коряки, нимыланы, алюторский язык, коренные народы Камчатки, корякский фольклор, музыкальная традиция коряков, личные песни, этномузыкология

Благодарности

Автор благодарит Т. А. Голованеву за помощь в расшифровке и переводе текстов песен, П. Сиирала и М. Е. Беляеву – за возможность работы с архивными материалами, выражает признательность и восхищение знатоку алюторского языка, нимыланского фольклора и традиционной культуры Л. И. Чечулиной.

Для цитирования

Тирон Е. Л. Поэтика личных песен коряков-нымыланов на примере творчества Лидии Иннокентьевны Чечулиной // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52). С. 134–148. DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-134-148

© Т. Л. Тирон, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 4 (iss. 52)

Poetics of Koryak-Nymylan personal songs: a case study of the works by Lydia Innokentievna Chechulina

E. L. Tiron

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russia

Abstract

The paper details the poetic content of the Koryak-Nymylan personal songs known as *ʒuliʒul*. The data for this study are the recordings of the musical works performed by Lidia Innokentievna Chechulina (Koryak name *ʒywnyutaʒav*) taken at different times. These are fourteen songs, with one being *sininkin ʒuliʒul* (own personal song) and the others *paninatyn ʒuliʒul* (ancestral songs). The repertoire of Lidia Innokentievna includes songs from three generations of her family (grandfathers, parents, and siblings). The analysis explores the vocabulary of personal songs, indicating a sacred view of this musical phenomenon within Koryak-Nymylan culture and validating the accuracy of the song performance. The authenticity of the performed song is confirmed by the verbs *ivi* (spoke) and direct speech constructions. Invocation of ancestors during song performance is conveyed by the verb *myng'eʒavyn* (to call). The frequent use of the phrase *gyrap myntalivyn* (we will roll the melody downhill) is attributable to the transmission of ancestral songs from hilltop burial sites. Ancestors are portrayed as a defined group, denoted by *paninalu* (ancestors) and *ʒaytumgub'v'e* (relatives), residents of Koryak settlements (for example, *Alutalu* (residents of Olyutorka), and as the environment of a particular ancestor, with his name used in plural). Furthermore, the texts reveal the song performance context (tambourine playing, dancing, exquisite traditional women's attire, and exuberant spirits) alongside vivid auditory and visual representations of the surrounding world of Kamchatka. Typical characteristics include the usage of interjections, exclamations, reindeer herding vocalizations, chanted syllables and words, and onomatopoeia imitating animal and bird sounds.

Keywords

North-Eastern Paleoasiates, Koryaks, Nymylans, Alutorian language, indigenous peoples of Kamchatka, Koryak folklore, the musical tradition of the Koryaks, personal songs, ethnomusicology

Acknowledgements

The author thanks colleagues T. A. Golovaneva for her help in deciphering and translating the lyrics, P. Siirala and M. E. Belyaev for the opportunity to work with archival materials, expresses appreciation and admiration for the expert on the Imperial language, Nimyl folklore and traditional culture L. I. Chechulina.

For citation

Tiron E. L. Poetika lichnykh pesen koryakov-nymylanov na primere tvorchestva Lidii Innokent'evny Chechulinoj [Poetics of Koryak-Nymylan personal songs: a case study of the works by Lydia Innokentievna Chechulina]. *Yazyki i Fol'klor Korenykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 4 (iss. 52), pp. 134–148. DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-134-148 (In Russ.)

Введение

ʒywnyutaʒav – такое нымыланское имя имеет Лидия Иннокентьевна Чечулина, одна из современных носительниц алюторского языка, знаток народных традиций и фольклора коряков-нымыланов, талантливая исполнительница личных и родовых песен. Она родилась в 1957 г. в с. Анапка (*Купарасив*) Карагинского района Корякского национального округа. Сюда семьи ее дедов переехали еще до 1930-х гг. Предки по линии отца прибыли из селения Олюторка Олюторского района, предки матери – из селения Подкагерное Карагинского района. Раннее детство Кывнютанав проходило в традиционной среде. Родилась она в землянке, росла в корякской одежде, ела национальные блюда, воспитывалась столетней бабушкой Матреной Алексеевной Чечулиной (*Нырули*¹; 1873 г. р.). Когда Лидии был годик, родное село закрыли и всех переселили в Новую Анапку. В 1974 г. закрывают и Новую Анапку, и все население переезжает в с. Тымлат, п. Оссора или п. Ильпырский. Так Лидия Иннокентьевна в 17 лет оказалась в Ильпырском, где, по ее словам, было очень много приезжих, так как в селе работал рыбзавод и колхоз. В 1970-е гг. в Ильпырском проживало более тысячи человек, нымыланов же, по словам Кывнютанав, было всего несколько десятков. Остро ощущался вопрос сохранения родного языка и национальных традиций в условиях иноязычного населения.

¹ Здесь и далее написание алюторских слов дается в соответствии с принципами, изложенными в работе [Голованева 2024].

Закончив школу в 1975 г., Лидия Иннокентьевна поступает на отделение культурно-просветительной работы Камчатского музыкального училища, окончив которое в 1978 г., заочно поступает в Хабаровский государственный институт культуры. Тогда же начинает и свою трудовую деятельность – становится директором сельского Дома культуры в Ильпырском. Именно здесь в 1978 г. у нее появилась идея создания фольклорного ансамбля, деятельность которого была бы направлена на сохранение народных традиций анапкинских коряков (Рис. 1).

Рис. 1. Участницы ансамбля «Лаутэн» ‘Осока’: Л. И. Чечулина (рук.), М. И. Притчина, Д. П. Уварова. Фото В. Т. Кравченко, 1990 г.

Fig. 1. Members of the ensemble «Lauten» ‘Sedge’: L. I. Chechulina (head), M. I. Pritchina, D. P. Uvarova. Photo by V. T. Kravchenko, 1990

Лидии Иннокентьевне удалось собрать в ансамбль «Лаутэн» настоящих знатоков корякского фольклора и искусных мастериц: старейшину ансамбля – Марию Иннокентьевну Притчину (*Рыойи*; 1926–2008), Дарью Павловну Уварову (*Амма*; 1930–2024), Савелия Васильевича Голикова (*Санва*; 1932–2019), Марию Никифоровну Чечулину (*Каляна*; 1935–2010), Веру Васильевну Волкову (*В’асаваув’ыт*; 1936–1998), Татьяну Николаевну Голикову (*Лил’живуав’ыт*; 1937–2009), Наталью Иннокентьевну Воронову (*Амнутауав*; 1948–2021) и Варвару Ивановну Чечулину (*Ив’тыляуав*; 1960–1997).

Несмотря на молодость руководителя, Лидия Иннокентьевна пользовалась большим уважением и любовью в коллективе старших женщин: «Хотя я была самая молодая среди артистов (ансамбля), но во время репетиции никто на меня не обижался. Во-первых, мы все были родственники. *Рыойи* – «ынти»². *В’асаваув’ыт* тоже моя «ынти». По-старинному, даже если я младшая, они должны ко мне относиться с уважением. А еще они считали, если я руководитель, значит, я небольшой *арым* ‘начальник’, и они должны слушаться», – рассказывает Лидия Иннокентьевна [Нагаяма 2022: 22].

Основу репертуара ансамбля составлял аутентичный фольклор: народные сказки, обрядовые танцы, горловое пение, старинные игры, праздники и, конечно же, личные и родовые песни. Ансамбль из небольшого села быстро получил мировую известность, объехав с концертами весь мир. Просуществовал он до 2003 г. С 2004 г. Лидия Иннокентьевна живет в Петропавловске-Камчатском. Здесь она также связана с культурной и педагогической работой, направленной на сохранение и развитие народных традиций. Она организовала детский фольклорный ансамбль «Уйкав», сегодня ставший уже молодежным по составу (Рис. 2). Вела Лидия Иннокентьевна и преподавательскую работу в Камчатском колледже искусств. В настоящее время она работает в туристической отрасли, проводит этнографические экскурсии в некоммерческом обществе «Кайныран», где ей помогают уже повзрослевшие участницы ее ансамбля. Кроме того, она великолепная мастерица декоративно-прикладного творчества, ее работы (наиболее ценные из них – ковер «Хололо», зимние торбаза) имеются в фондах Камчатского краевого объединенного музея. В 2001 г. награждена медалью «За заслуги перед Отечеством» II степени.

² Тетя.

Рис. 2. Участницы ансамбля «Уйкав» 'Ивушки': В. Шичкина, О. Шашко, О. Плетнева, У. Артюшкина с рук Л. И. Чечулиной. Фото Т. А. Голованевой, 2020 г.

Fig. 2. The participants of the ensemble «Uykav» 'Willow': V. Shichkina, O. Shashko, O. Pletneva, U. Artyushkina from the hands of L. I. Chechulina. Photo by T. A. Golovaneva, 2020

Хорошее знание алюторского языка Лидии Иннокентьевны востребовано среди ученых. Она является постоянным консультантом у японской лингвистки Юкари Нагаяма, подготовившей серию изданий с текстами на алюторском языке, некоторые из которых записаны от Л. И. Чечулиной: сказка «Нвильнаут» [Нагаяма 2020], 16 автобиографических рассказов (на русском языке) [Нагаяма 2022]. Значимым является нымьланско-русский словарь в двух томах, в составители которых включена и Лидия Иннокентьевна [Нагаяма и др. 2017; Нагаяма и др. 2019]. В свое время Лидия Иннокентьевна сотрудничала и с А. А. Мальцевой, лингвистом Института филологии СО РАН. Вместе они работали над расшифровкой текстов сказок на алюторском языке для публикации в томе серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». В последние годы мы с Т. А. Голованевой продолжаем эту работу – уточняем переводы текстов, получаем ценные комментарии к ним (Рис. 3).

Рис. 3. Слева направо: Е. Л. Тирон, Л. И. Чечулина, Т. А. Голованева. Фото 2021 г.

Fig. 3. From left to right: E. L. Tiron, L. I. Chechulina, T. A. Golovaneva. Photo 2021

Личные песни из репертуара Л. И. Чечулиной и их «авторы»

В статье представлены личные и родовые песни Лидии Иннокентьевны Чечулиной, а именно составлен репертуарный список исполнительницы по аудио- и видеопубликациям и полевым материалам, а также уточнены родственные связи исполнительницы и людей, чьи песни она поет. Цель настоящего исследования – раскрыть феномен личной песни *булибул* у коряков-нымьланов на примере репертуара Л. И. Чечулиной, который тесно связан с родственными отношениями носителя традиции. Отметим, что данная статья продолжает серию статей автора, посвященных корякской песенной традиции, в некоторых из которых уже упоминалось имя исполнительницы как одного из основных информантов по данной теме [Тирон 2020].

Наиболее ранним источником по *булибул* Кывнютанав является видеозапись участников ансамбля «Лаутэн», организованная в 1989 г. в п. Палана Камчатским центром народного творче-

ства (объявление номеров Р. П. Ефремовой). Л. И. Чечулиной были исполнены песни И. И. Манихита, Н. Н. Волкова и М. Н. Волковой. В 2001 г. студия «Дар» (Александр и Ирина Безугловы) выпустила восьмиминутный фильм «Поет Лидия Иннокентьевна Чечулина», в котором размещены четыре исполненные под бубен родовые песни И. И. Манихита, Н. Н. Волкова, В. Н. Волкова и С. П. Волкова.

Собрание из двадцати песен Лидии Иннокентьевны содержится на компакт-диске «Лидия Чечулина. Лаутэн» из серии «Этническая музыка Камчатки» (проект Павла Лазовских). Девять песен относятся к личным песням: Н. Н. Волкова, В. Н. Волкова, С. Н. Волкова, М. Н. Волковой, И. И. Манихита, *Ипын*, Х. Г. Танвилина, М. Н. Чечулиной, Д. Яганова. Диск выполнен очень качественно, иллюстрирован прекрасными портретными и пейзажными фотографиями. В буклете приводится краткая биография исполнительницы, составленная Валерием Кравченко, и содержательные комментарии к каждой из восьми песен, данные самой Лидией Иннокентьевной. Записи были сделаны в конце 2004 г., а сам диск вышел в 2005 г. В 2009 г. этот диск был переиздан Камчатским центром народного творчества в качестве 12 выпуска серии «Земля моих предков».

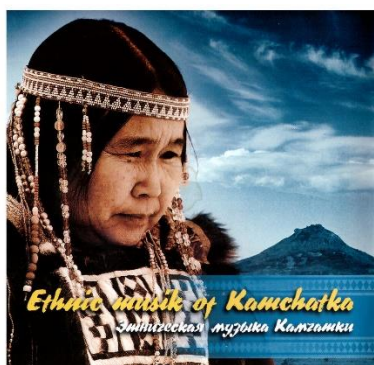

Рис. 4. Обложка диска «Лидия Чечулина. Лаутэн» из серии «Этническая музыка Камчатки»
Fig. 4. The cover of the CD “Lidia Chechulina. Lauten” from the series “Ethnic music of Kamchatka”

В том же 2005 г. французским издательством Buda Musique подготовлен диск «Korjak. Kamchatka: dance drums from the Siberian Far East» из серии «Music from the world». По-видимому, это первая аудиопубликация корякского музыкального фольклора, вышедшая за пределы России. На диск помещены 32 трека, два из которых – это песни И. И. Манихита и В. Н. Волкова в исполнении Лидии Иннокентьевны Чечулиной.

В нашем распоряжении оказались также экспедиционные записи семи личных песен Л. И. Чечулиной финской исследовательницы Пии Сиирала, которая в 2008 г. посещала Камчатку: В. Н. Волкова, Н. Н. Волкова, М. Н. Волковой, С. П. Волкова, З. П. Чечулина, И. И. Манихита, Ф. Ягановой.

Некоторые песни Л. И. Чечулиной имеются также в записях мероприятий Камчатского центра народного творчества (например, мастер-класса, проходившего в рамках фестиваля «Наследники традиций» в 2021 г.). Кроме того, с 2019 до 2021 гг. в Петропавловске-Камчатском автором данной статьи совместно с Т. А. Голованевой велась целенаправленная запись песен (и других жанров фольклора) в исполнении Лидии Иннокентьевны. В 2021 г. мы осуществили повторную запись всего выявленного репертуара исполнительницы. Сведения о записях личных песен Л. И. Чечулиной представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Источники по аудио- и видеозаписям личных песен из репертуара Л. И. Чечулиной

Table 1

Sources on audio and video recordings of personal songs from L. I. Chechulina's repertoire

«Автор» личной песни	Год записи	Источник	Продолжительность
1. <i>Иппуу</i>	2004	Этническая музыка Камчатки. Вып. 5. Лидия Чечулина. Лаутен. № 9	3,08
	2021	Материалы Т. А. Голованевой, Е. Л. Тирон. № 3	1,03
2. Манихит Иван Иванович (<i>Мауызыт</i>)	1989	Материалы Р. П. Ефремовой. Архив КамЦНТ	1,00
	2001	Видеофильм «Поэт Лидия Иннокентьевна Чечулина»	0,56
	2004	Этническая музыка Камчатки. Вып. 5. Лидия Чечулина. Лаутен. № 3.	3,27
	2005	Koŋjak. Kamchatka: dance drums from the Siberian Far East. № 2.	1,03
	2008	Материалы П. Сиирала. № 9	0,48
3. Чечулина Мария Николаевна (<i>Г'ив'нав'ыт</i>)	2004	Этническая музыка Камчатки. 2005. Вып. 5. Лидия Чечулина. Лаутен. № 18	2,37
	2021	Материалы Т. А. Голованевой, Е. Л. Тирон. № 22.5	1,56 1,17
4. Волков Николай Николаевич (<i>В'аям</i>)	1989	Материалы Р. П. Ефремовой. Архив КамЦНТ	1,35
	2001	Видеофильм «Поэт Лидия Иннокентьевна Чечулина»	1,23
	2004	Этническая музыка Камчатки. Вып. 5. Лидия Чечулина. Лаутен. № 2 ³	3,46
	2008	Материалы П. Сиирала. № 4	1,56
	2019	Материалы Т. А. Голованевой, Е. Л. Тирон. № 4.1-6 (2 песни и 4 фрагмента) ⁴ , № 6 (песня и фрагмент)	0,38; 0,31; 0,19; 0,12; 0,05; 0,05; 0,51; 0,05
	2021	Мастер-класс Л. И. Чечулиной в рамках фестиваля «Наследники традиций» КамЦНТ	1,21
5. Яганова Мария	2021	Материалы Т. А. Голованевой, Е. Л. Тирон. № 9	2,32
	2021	Материалы Т. А. Голованевой, Е. Л. Тирон. № 9	1,16
6. Тынатвил Захар Петрович (<i>Тынатвил</i>)	2008	Материалы П. Сиирала. № 6–8 (песня с продолжением)	1,16; 0,23; 0,06
	2019	Материалы Т. А. Голованевой, Е. Л. Тирон. № 3 (песня и ее фрагмент) ⁵	1,00; 0,15
	2021	Материалы Т. А. Голованевой, Е. Л. Тирон. № 21.2	1,19
7. Яганова Фёкла (<i>Пекка</i>)	2004	Этническая музыка Камчатки. 2005. Вып. 5. Лидия Чечулина. Лаутен. № 1 ⁶	2,32
	2008	Материалы П. Сиирала. № 20	0,35
	2021	Материалы Т. А. Голованевой, Е. Л. Тирон. № 22.2	1,25
8. Волков Спиридон Николаевич (<i>Юргынил</i>)	2001	Видеофильм «Поэт Лидия Иннокентьевна Чечулина»	0,52
	2008	Материалы П. Сиирала. № 23	0,31
	2019	Материалы Т. А. Голованевой, Е. Л. Тирон. № 8	0,14
	2021	Мастер-класс Л. И. Чечулиной в рамках фестиваля «Наследники традиций» / КамЦНТ	0,18
	2021	Материалы Т. А. Голованевой, Е. Л. Тирон. № 5	0,43
9. Яганов Гаврил	2019	Материалы Т. А. Голованевой, Е. Л. Тирон. № 10.1	0,47
	2021	Материалы Т. А. Голованевой, Е. Л. Тирон. № 22.6	2,05
10. Волкова Мария Николаевна (Марья)	1989	Материалы Р. П. Ефремовой. Архив КамЦНТ	0,44
	2004	Этническая музыка Камчатки. Вып. 5. Лидия Чечулина. Лаутен. № 7 Земля моих предков. 2009-2010. Вып. 12. № 7	3,42
	2008	Материалы П. Сиирала. № 17	0,56
	2019	Материалы Т. А. Голованевой, Е. Л. Тирон. № 5	0,23
	2021	Мастер-класс Л. И. Чечулиной в рамках фестиваля «Наследники традиций» / КамЦНТ	0,37
	2021	Материалы Т. А. Голованевой, Е. Л. Тирон. № 22.1	1,56
11. Танвили	2004	Этническая музыка Камчатки. 2005. Вып. 5. Лидия Чечулина. Лаутен. № 10	2,51

³ При издании песня ошибочно приписана Николаю Николаевичу Волкову.

⁴ См. пример 1.

⁵ См. пример 2.

⁶ При издании песня ошибочно приписана Данилу Яганову.

Христофор Григорьевич (Амыньгыки)	2019	Материалы Т. А. Голованевой, Е. Л. Тирон. № 2 (песня и ее фрагмент)	0,43; 0,10
	2021	Материалы Т. А. Голованевой, Е. Л. Тирон. № 22.4	1,24
12. Волков Василий Николаевич (Нуэвит)	2001	Видеофильм «Поет Лидия Иннокентьевна Чечулина»	1,12
	2004	Этническая музыка Камчатки. Вып. 5. Лидия Чечулина. Лаутен. № 4, 14 ⁷	3,53; 3,43
	2005	Korjak. Kamchatka: dance drums from the Siberian Far East. № 3	1,25
	2008	Материалы П. Сиирала. № 5, 21	0,58; 1,01
	2019	Материалы Т. А. Голованевой, Е. Л. Тирон. № 7	0,24
	2021	Мастер-класс Л. И. Чечулиной в рамках фестиваля «Наследники традиций» / КамЦНТ	0,37; 0,10
	2021	Материалы Т. А. Голованевой, Е. Л. Тирон. № 4	1,25
13. Волкова Татьяна (Бывва)	2021	Материалы Т. А. Голованевой, Е. Л. Тирон. № 26.1	0,46; 0,27
14. Чечулина Лидия Иннокентьевна (Бывнютанав)	2008	Материалы П. Сиирала. № 11	2,04
	2020	Материалы Т. А. Голованевой, Е. Л. Тирон	1,46
	2021	Материалы Т. А. Голованевой, Е. Л. Тирон. № 23.5	3,14

Репертуар Кывнютанав включает четырнадцать песен *булизул*, одна из которых – *сининкин булизул* ‘собственная личная песня’, остальные относятся к *паниналъин булизул* ‘прежних [людей] песня’, которые могут также обозначаться как *янутсъинав* ‘булизул ‘песня предков’ или *ынпысъина булизул* ‘песня стариков’:

- 1) *Булизул* ‘личная песня’ Иппын;
- 2) *Булизул* ‘личная песня’ Манихита;
- 3) *Булизул* ‘личная песня’ Ивнаут;
- 4) *Булизул* ‘личная песня’ Ваяма;
- 5) *Булизул* ‘личная песня’ Ягановой Марии;
- 6) *Булизул* ‘личная песня’ Тынатвила;
- 7) *Булизул* ‘личная песня’ Пекки;
- 8) *Булизул* ‘личная песня’ Юргынвила;
- 9) *Булизул* ‘личная песня’ Яганова Гаврила;
- 10) *Булизул* ‘личная песня’ Марьи;
- 11) *Булизул* ‘личная песня’ Амыньгыки;
- 12) *Булизул* ‘личная песня’ Нинвита;
- 13) *Булизул* ‘личная песня’ Кыввы;
- 14) *Сининкин булизул* ‘собственная (личная) песня’ Кывнютанав.

Со слов исполнительницы, нами собраны сведения о тех людях, чьи песни она исполняет (Таблица 2). Кроме того, мы построили ее родовое дерево и выделили на нем эти фигуры. Получилось, что все родственники, чьи песни имеются в репертуаре Лидии Иннокентьевны Чечулиной, относятся к трем поколениям: дедов (6 человек), родителей (6 человек) и ее поколению (1 человек). Важно, что все они являются старшими родственниками, годы рождения которых относятся к концу XIX в. – 1930-м гг. В традиции существовал запрет на исполнение личных песен младших родственников, который соблюдается в творчестве Кывнютанав.

Песен родственников по материнской – десять, по отцовской линии – гораздо меньше, только три; мужских песен – семь, женских – шесть. Отметим также, что в репертуаре исполнительницы содержатся как песни близких родственников, так и песни довольно далеких, по нашим представлениям, родственников. Какие-то песни Кывнютанав слышала из уст самих «авторов», какие-то – только от других родственников. Так, например, по ее словам, личную песню дедушки Ваяма хорошо исполняла Вера Васильевна Волкова (*В’асавуав’ыт*) – участница ансамбля «Лаутэн» и жена дяди по материнской линии.

⁷ Песня ошибочно приписана Николаю Николаевичу Волкову.

Таблица 2

Информация об «авторах» личных песен из репертуара Л. И. Чечулиной

Table 2

Information about the «authors» of personal songs from L. I. Chechulina's repertoire

№	Нымылланское имя	Русское имя	Пол	Год рождения	Место рождения / жительства	Родственная линия	Кем приходится исполнительнице
1	<i>Иппыу</i>	не имела	ж	конец XIX в.	поселение Илир (Култушино) Олюторского района	отцовская	жена двоюродного деда (родного брата деда)
2	<i>Маңыбыт</i>	Манихит Иван Иванович	м	1921	поселение Старая Олюторка Олюторского района	отцовская	двоюродный дядя
3	<i>Гив'уав'ыт</i>	Чечулина Мария Николаевна	ж	1928	поселение Старая Олюторка Олюторского района	отцовская	сестра отца
4	<i>В'аям</i>	Волков Николай Николаевич	м	конец XIX в. – начало XX в.	поселение Подкагерное Карагинского района	материнская	дед; отец матери
5	неизв.	Яганова Мария	ж	неизв.	неизвестно	материнская	родственница по деду Ваяму
6	<i>Тынатвил</i>	Тынатвил Захар Петрович	м	≈ 1905	Карагинский район	материнская	муж дальней тети Ыв-нутаңав, у которой воспитывалась мама Увва, двоюродный дед
7	<i>Пекка</i>	Яганова Фёкла	ж	≈ 1920-е	западное побережье Камчатки (из Паланы или Лесной); жила в с. Карага	материнская	жена дяди, родственница по деду Ваяму, мать Даниила и Кондрата Ягановых
8	<i>Юргынвил</i>	Волков Спиридон Николаевич	м	≈ 1920-1930-е	Карагинский район, западное побережье	материнская	дядя, брат матери
9	неизв.	Яганов Гаврил (слепой)	м	≈ 1920-1930-е	возможно, родом из Лесного; жил в с. Анапка, Тымлат, Карага Карагинского района	материнская	родственник по деду Ваяму
10	<i>Марья</i>	Волкова Мария Николаевна	ж	1928	поселение Подкагерное Карагинского района (по документам – с. Анапка)	материнская	сестра матери
11	<i>Амыньгыки</i>	Танвиллин Христофор Григорьевич	м	1930	поселение Кичина, Подкагерное Карагинского района; жил в с. Карага, Тымлат Карагинского райо-	материнская	троюродный брат, родственник по линии отца матери

					на		
12	<i>Ниувит</i>	Волков Василий Николаевич	м	1932	поселение Подкагерное Карагинского района	материнская	дядя, брат матери
13	<i>Бывва</i>	Волкова Татьяна	ж	≈ 1930-е	поселение Кичига Карагинского района, жила в с. Анапка Карагинского района	материнская	жена дяди

Семантика лексики личных песен

Исполнение песен предков в традиции не было развлечением, оно имело сакральный статус, являлось своеобразным способом общения с предками. По-видимому, с этим связано то, что в репертуаре исполнительницы практически нет чужих родовых песен. Лилия Иннокентьевна рассказывала: «Когда меня записывали, я поясняла, чью мелодию исполняю. Или *Маңықыт*, или *В'аям*, или *Марья*. Я еще Ягановскую песню исполняла. В тот момент мне бы подумать: «Зачем я пою чужую мелодию?» Надо было исполнить песню нашей невестки. У моего дяди Вани была жена Татьяна, ее мелодию никто не исполняет (на сцене)» [Нагаяма 2022: 25].

В традиции исполнения чужих личных песен обязательным является указание на имя человека, чья песня исполняется. В проанализированных нами ранее текстах родовых песен нымыланка Екатерина Ивановна Чечулина обычно пропевала имена в первых песенных строках в сочетании с глаголами *мынныңвалон* ‘исполню’ или *иви* ‘пел, говорил’ [Тирон 2021].

В песнях Л. И. Чечулиной пропевание имени встретилось только в трех песнях. В тексте личной песни *Иптын* несколько раз появляется строчка *Ана, Г'иптың мыңг'эуавын!* ‘Ана, *Иптын* призовем!’. В личной песне Манихита его имя используется во множественном числе – это довольно распространенный в нымыланском фольклоре поэтический прием, когда имеется в виду не один человек, а все его окружение: *Ана, Маңықыту / Мыңг'эйуавын!* ‘Ана, Манихитов / Призову!’ (Песня Манихита). В личной песне Тынатвила в первой же строке пропевается его имя и привязка к определенной местности, а также имя его матери: *Ильгартатыңатвил!* ‘Тынатвил из Ильгарты’ <...> *Уллыәна кымыңын* ‘Уллынин сын’ (Песня Тынатвила).

Лидия Иннокентьевна при исполнении чужих личных песен еще до начала пения указывает имя исполнителя и родственные отношения с ним. В беседе с исполнительницей выяснилось, что традиционной она считает форму, когда имя «автора» песни появляется именно в самой песне, а объявление его до начала пения она считает появившимся позже, возможно, под влиянием сценического бытования песенного фольклора. В прежние времена, по ее словам, все присутствующие (в основном, родственники) узнавали песню по ее мелодии, имя пропевалось не столько для объявления «автора» песни, а чтобы вспомнить предка.

Глагол *иви* ‘говорил’ употребляется Л. И. Чечулиной со словами, подтверждающими соответствие исполняемой песни ее оригиналу, но без имени «автора» песни. Наличие имени «автора» в таких словосочетаниях было частотным в текстах Е. И. Чечулиной [Тирон 2021]. В обоих случаях используется структура предложений с прямой речью. Глаголом *иви* маркируются слова автора (в нашем случае, исполнителя песни), во второй части предложения появляется прямая речь, передающая текст личной песни предка. Например: *Иви уән(а): «Байбай байбаюв'эна!»* ‘Говорил, нэн: «Вот маленькие, маленькие оленята!»’ (Песня Юргынвила); *Бэйуон иви уон: / «Тыг'ыльыв'аяму, / Ыооо, байв'алву!»* ‘Он так говорил: / «Текущие реки, / Кокок, воронятки!»’ (Песня Ваяма).

В тексте песен Л. И. Чечулиной часто указывается не имя одного человека, а обобщенные наименования *паниналту* ‘предки’, *паниналыңуаву* ‘женщины-предки’, *зайтумгув'в'э* ‘родственники’, которые используются с глаголом *мыңг'эуавын* ‘призову его’⁸: *А, паниналту, / А, мыңг'эуавын!* ‘А, предков, / А, призовем! (Песня Кывнютанав); *Амынъяң мыңг'эуавын, / Ана,*

⁸ *Г'эуавык* ‘звать, назвать, приглашать’ [Нагаяма 2017: 82], ср. однокоренное слово *г'эуак* ‘издавать звуки или голос, пищать, чирикать’.

паниналыыуаву! ‘Тоже призову, / Ана, женщин-предков! (Песня Ивнаут); *Буа зайтумгув’в’э мынг’энавон(а)* ‘Родственников призовем’ (Песня Амыньгыки); *Ана амыньяҕ мынг’энавон / Байтумгинав’в’и гырапув’в’и* ‘Ана, я тоже призову / Родственников мелодии’ (Песня Амыньгыки). Использование глагола *мынг’энавын* в текстах песен имеет значение призывания предков в момент пения их личных песен. Это обстоятельство, а также строгий комплекс представлений и запретов, связанных с личными песнями, проявление культа предков, свидетельствуют о сакральном отношении коряков к данному жанру [Тирон 2020].

Имеются в песенных текстах Л. И. Чечулиной обобщенные обращения также к предкам по их месту жительства, т. е. как к жителям определенной местности: *Ана, алуталгу, / А, мынг’энавын!* ‘Ана, алюторцев, / А, призову!’ (Песня Манихита); *Алуталгу мынг’энавинав’, / Бё алуталгу* ‘Алюторцев призовем, / Давних алюторцев!’ (Песня Манихита); *Ана, паланалгына / Гырап уон* ‘Ана, паланских / Мелодию ту’ (Песня Пекки); *Пытҕагыуульгу* ‘Жителей Падкагерной’ (Песня Амыньгыки); *В’аямлагынав’ин, / А, мынг’энавнав’в’и уон / Анонольын* ‘По-лесновски, / А, позову / Тех самых’ (Песня Гаврила Яганова). Географические названия могут появляться и в тексте, который принадлежит предку. В прямой речи подбадриваются окружающие исполнителя-предка люди: *Ана, алуталгу!* ‘Ана, алюторцы!’ (Песня Манихита); *Ана, алютауаву!* ‘Ана, алюторские женщины!’ (Песня Ивнаут); *Ана, бэрыкыннуаву!* ‘Ана, молоденькие рекинниковские девушки!’ (Песня Манихита). Иногда трудно понять, к кому обращается Лидия Иннокентьевна в этих песнях: к предкам или к окружающим людям в момент исполнения. Интересно, что в текстах песен упоминаются населенные пункты западного побережья Камчатки: Рекинники, Подкагерная, Лесная, Палана, а также восточного побережья: Алюторка и Ильпырь. В тексте песни *Иппын* упоминаются местность Атвал⁹, коса Чучевина¹⁰. Во всех этих местах действительно жили предки и родственники исполнительницы, т. е. тексты песен имеют реальный автобиографический характер.

Еще одним частотным элементом текстов личных песен предков является словосочетание *гырап мынталивын* ‘мелодию мы скатим (сверху вниз по наклонной)’, что также можно трактовать как спуск из мира, где живут умершие, голоса предка или его самого в мир живых. Так, в личной песне *Марьи* есть такой текст, подтверждающий наши предположения: *Тынуык гамляв’ляуэн / А, панинылыыуаву!* ‘На сопках танцевали, / А, женщины-предки!’. Места сжигания покойников обычно располагались именно на сопках. Возможно, что по представлениям коряков именно с мест захоронения и приходили вместе с личными песнями души умерших людей, что и отразилось на использовании глагола *мынталивын* в песнях.

О перевоплощении исполнителя родовой песни в предка красочно рассказывает Г. Ю. Уркачан, вспоминая Т. И. Уркачан: «звук и ритмы сами вживались в маму, и уже не она их исполняла, а они использовали ее для своего озвучания, словно рупор. В эти минуты она становилась кем-то другим: менялись лицо, голос, интонация, и если даже глаза ее были открыты, они – глубоки, как будто их и нет» [Уркачан 2006: 103–104]. Рассматриваемое словосочетание встречается и при исполнении личной песни Л. И. Чечулиной, в которой в основной части текста звучит призыв предков и призыв петь их песни: *Галуыл тыуарилыу / Гырап мынталивын* ‘Для всех поколений / Мелодию скатим’. Себя же исполнительница называет в тексте женщиной, танцующей под подбадривающие возгласы *оча (очауав’ыт* ‘оча-женщина’).

Для текстов родовых песен Л. И. Чечулиной характерно также упоминание контекста исполнения песен: игры в бубен, танца, красивых кухлянок женщин, приподнятого настроения: *Ана иняс яҕ мыньаяйв’анэламок* ‘Ну-ка, красиво (как в вышивке) поиграем на бубне’ (Песня Ваяма); *мыньаяйв’анэламок* ‘красиво (как в вышивке) поиграем на бубне’ (Песня Нинвита); *Ой! Бымлавлаток!* ‘Ой! Станцуйте!’ (Песня Нинвита); *Ана, калитгулуона, эй, тамлавланэн* ‘Ана, в кухлянках с расшитыми подолами, эй, станцуют’ (Песня Нинвита); *Ана, амкырвиу аммисъау!* ‘Ана, только весело, красиво!’ (Песня Нинвита); *Г’опта тымлавлг’айуана* ‘Там тоже я танцевала-пела’ (Песня Иппын). В песнях проявляется традиционно ценное качество женщин – умение шить: *Ау, ав’анниуаву!* ‘Ан, женщины-мастерицы!’ (Песня Нинвита).

⁹ Местность Атвал расположена вблизи бухты Натальи, севернее с. Средние Пахачи.

¹⁰ Коса Чучевина находится возле с. Анапка.

Иняс яꞗ мынꞗяйв'анꞗламык!
 Айгывэсꞗатык
 Паниналꞗыꞗав'эна
 Гырап мынталывын:
 «Эяꞗон!
 Аꞗоꞗоꞗ, ꞗайв'алув'в'и!
 Боꞗо, ꞗайв'алув'в'и!»

Пора уже нам поиграть в бубен красиво!
 Вечером
 Предков
 Мелодию скатим:
 «Эх!
 А-ко-ко-к, воронятки!
 Ко-ко, воронятки!»

Пример 1. Песня Ваяма. Материалы Т. А. Голованевой, Е. Л. Тирон (2019, № 4.3)
 Example 1. The song of Vayam. Materials by T. A. Golovaneva, E. L. Tiron (2019, no. 4.3)

Единственной песней, где передаются драматические переживания, является личная песня *Амынꞗыки* (Христофора Танвилаина), отца шестерых детей, который влюбился в молодую девушку и не знает, как поступить: *ꞗымлавылꞗꞗꞗ атгивыко* 'Как танцевать, не знаешь'. Тонкая современная обработка этой песни в исполнении Л. И. Чечулиной в сочетании с использованием звучания бубна, варгана и электронной музыки осуществлена композитором, звукорежиссером и аранжировщиком Д. Кравченко в его альбоме «По ту сторону бубна» (2017).

В личных песнях Марꞗи и Ваяма возникают живописные и наполненные звуками картины окружающего мира Камчатки: тундра с сопками, реками, впадающими в море, ветром, рассвет. Например, *Амынꞗяꞗ мынꞗумꞗавын, эꞗ!* 'Тоже звуки [тундры] зазвучат через меня, эꞗ! (Песня Марꞗи); *Аꞗа, гамꞗатынꞗуꞗык / Амынꞗяꞗ гамꞗавꞗлаꞗꞗэн* 'Ана, на каждой сопке / Тоже танцевали' (Песня Марꞗи); *Тынꞗуꞗык гамꞗяꞗв'ляꞗꞗэн / А, панинꞗыльꞗуꞗаву!* 'На сопках танцевали, / А, женщины-предки!' (Песня Марꞗи); *Г'опта яꞗꞗ таꞗу в'аяꞗапꞗэꞗꞗа / Аꞗꞗанаꞗ-ылꞗланаꞗ* 'Все малые речки впадают в море-маму' (Песня Ваяма); *Аꞗа, татꞗив'ꞗꞗꞗ ꞗыꞗив'ꞗꞗꞗ* 'Ана, дует теплый южный полуденный ветерок' (Песня Иппын); *Гарꞗыꞗина илꞗатоꞗа, / Илꞗатоꞗу в'аꞗꞗтꞗон!* 'Природа рассветая, / Рассветая, открывается!' (Песня Ваяма). В этих песнях появляются также образы

ворон, птенцов ворон и чаек: *Ауа!* «Ко-ко-ко-ко-ко!» – / *В’алвуэу!* *Оу!* ‘Ана! «Ко-ко-ко!» – / Вороны! Он!’ (Песня Марьи); *Ѓоҗок, җай’алву!* ‘Кокок, воронятки!’ (Песня Ваяма); *Г’опта яҗ таҗьяҗлюпэлыу / Г’опта яҗ таҗв’алвыпэлыу / Уттык татҗаҗиҗуки кынҗырв’иллолаткыт!* ‘Самых разных [птенцов], и птенцов чаек, / Самых разных [птенцов], и воронят / Под корнями деревьев баюкают!’ (Песня Ваяма). Красочными являются звукоподражания воронам *җо-җоҗ, ко-ко*, появляющиеся в текстах песен Ваяма и Марьи, вой волка в песне *Марьи*. Образ танцующих оленят появляется в песне *Юргынвила*: *Ауэ, җай-җай, җайҗаюю!* / *җай-җай, җайҗаюю!* / *Ауэ, җив’иниги, / Ия, ия, җымлавлыҗи, җай-җай, җайҗаюю!* ‘Анэ, кай-кай, маленький олененок! / Кай-кай, маленький олененок! / Анэ, выходи, / Ия, ия, станцуй, / Кай-кай, маленький олененок!’. Отметим, что Ваям – отец Марьи и Юргынвила, а их песни имеют похожую образно-поэтическую организацию, выделяющую их из других родовых песен Л. И. Чечулиной.

Нельзя не отметить большое количество междометий, возгласов, оленеводческих сигналов, а также распевных слов и слогов, которые пронизывают все тексты рассматриваемых личных песен и играют существенную роль в мелодико-ритмическом строении их напевов.

Особую роль имеет междометие *тог’ок* ‘давайте начнем’, которое появляется в самом начале песни: *Тог’ок явыу-явыу!* ‘Ну, начнем исполнять!’ (Песня Пекки), а также может появиться непосредственно перед цитированием текста предка: *А, паниналыуаву!* / *Ау!* / *Амынҗяҗ мынг’энавын!* / *Ауа, тог’ок:* / *Ауа, гамгатынупык / Амынҗяҗ гамлавланэн!* ‘А, женщин-предков! / Ан! / Тоже исполню [песню]! / Ана, ну, начнем: «Ана, на каждой сопке / Тоже танцевали!» (Песня Амынҗыки). Отметим, что междометие *тог’ок* очень часто звучит в обычной речи из уст Л. И. Чечулиной (и других носителей традиции) перед началом какого-либо дела.

Распространенным в песенно-танцевальной сфере коряков является подбадривающий возглас *оча* от зрителей и участников-исполнителей. Его роль в личных песнях – создать радостную атмосферу для окружающих и для выкрикивающего данный возглас. В таком качестве *оча* появляется в песнях Ивнаут, Манихита и Нинвита. Кроме того, он используется для обозначения женщин, танцующих под этот возглас, с помощью слова *очауав’ыт* в песнях Кывнютанав и Ивнаут. Близким *оча* по семантике возгласом является возглас радости *г’ик*, часто употребляющийся в речи коряков, однако из родовых песен Л. И. Чечулиной он появился только в песне Нинвита. Гораздо чаще встречается междометие *г’ия* с аналогичной семантикой в песнях Ивнаут, Марьи, Пекки, Манихита, Юргынвила, Нинвита, Амынҗыки, Ваяма. Кроме того, в песнях встречаются междометия, основанные на слогах из гласных *а, о, э*, сочетающихся с начальным [ʔ] и конечным [н] либо с [й] в любой позиции¹¹: *а, ау, ауа, эу, эуа, он, оҗа, ой, ая, эя* и др. По-видимому, это специфические песенные междометия, семантика которых в данном контексте связана с общим характером песен и играет роль в ритмико-мелодическом строении напевов.

$\text{♩} = 178$
 У - лля - нэн,
 У - лля - нэ - (ʔэ - ʔэ - ʔэ - а - ʔэ - ʔэ - ʔу - ʔэ - ʔэ - ʔу - ʔэ)н V 9,5
 А - җа, У - лля - нэн кы - ми - җын
 А - җа, У - лля - нин кы - ми - җо - (о - ʔо - у - ʔо - у - ʔо - у - ʔо)н V 13,4
 И - ль - гар - та - ты - җа - т(а) - вил
 И - ль - гар - та - ты - җа - та - (ʔа) - ве - (а - ʔе - а - ʔе - ʔу - ʔэ - ʔил)л V 10,5
 Гал - ла - ль - а - лин!
 Гал - ла - ла - а - ли - (ʔу - ʔэ - у - ʔи... ...ʔе - а - ʔе - ʔу - ʔе - а - ʔе - ʔе)н! V 9,5
 Ты - җа - т(а) - вил,
 Ты - җа - та - вэ - (ʔэ - ви - а - ʔе)л, V 7,0
 А - ʔа - ʔа - ʔа, мы - н - г’эй - җа - вын!
 А - ʔа - ʔа - ʔа, мы - н(а) - г’эй - җа - во... (...ʔо - у - ʔо - ʔо - у - ʔо - у - ʔо)н! V 9,7

¹¹ Эти же звуки имеют большое значение в распевках.

Улляэнэ,	Уллянин,
Аҕа, Улляэнэ кымыҕын	Ана, Уллянин сын
Ильгартатыҕатвил	Из Ильгарты Тынатвил
Галлалһалин!	Намухоморился!
Тыҕатвил,	Тынатвила,
А, мынг'эйҕавын!	А, призовем!

Пример 2. Песня Тынатвила. Материалы Т. А. Голованевой, Е. Л. Тирон (2019, № 3.1)
Example 2. The song of Tynatvil. Materials by T. A. Golovaneva, E. L. Tiron (2019, no. 3.1)

Характерным для песенных текстов является употребление сигналов *г'эк*, *г'ок*, применяемых оленеводами для понукания оленей. Эти сигналы в песнях также имеют подбадривающее значение для танцующих и используются в личных песнях мужчин и женщин: Манихита, Нин-вита, Амыньгыки, Юргынвила, Пекки, Ивнаут и Марьи. Отметим, что для междометий-возгласов *оча*, *г'ик*, *г'эк*, *г'ок* характерно речевое интонирование, а песенные междометия интонируются в вокальной манере пения, так же, как и основной текст песни.

Заключение

Итак, в настоящей статье впервые собрана и структурирована представительная база архивных и опубликованных источников по разновременным записям личных песен нымьланской исполнительницы Л. И. Чечулиной. Этот материал включает 14 песен: одну личную песню исполнительницы и 13 песен предков, являющихся ее близкими и дальними родственниками. Песни предков, часто называемые в традиции родовыми песнями, имеют персонифицированную характеристику, т. е. принадлежат конкретным людям, что подтверждается данными их биографии и родственными связями с исполнительницей.

В личных песнях отражается сакральное отношение к ним, что проявляется, например, в следовании запрету исполнять песни младших родственников. Л. И. Чечулина исполняет песни трех поколений ее старших родственников (дедов, родителей, братьев-сестер). Лексическое наполнение песенных текстов демонстрирует соблюдение таких правил, как указание имени предка и подтверждение точности исполнения его песни. В текстах выражается также мифологическое представление о мире мертвых и живых людей, которые имеют тесные связи и переплетения, а также культ предков. Кроме того, в текстах отражается функция призывания предков, что подтверждается также свидетельствами об особой роли родовых песен в обрядах коряков. Помимо этого, личная песня имеет также ярко биографический характер, ведь в ее текстах появляются имена, названия и характерные особенности мест проживания предков, некоторые события их жизни.

В заключении подчеркнут вклад Лидии Иннокентьевны Чечулиной в сохранение и возрождение нематериального культурного наследия коряков-нымьланов. Благодаря ее активной творческой деятельности и сотрудничеству с учеными, мы имеем возможность услышать личные песни людей, родившихся в конце XIX – начале XX вв. и прикоснуться к этому архаическому культурному феномену.

Список литературы

- Голованева Т. А. Проект письменности для исчезающего бесписьменного алюторского языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (Вып. 51). С. 76–92.
- Нагаяма Ю. Материалы по языку нымьланов-алюторцев. Т. 2. Саппоро, 2020. 112 с. (Materials of Siberian Languages 5).
- Нагаяма Ю., Голованева Т. А., Пронина Е. П. Язык и жизнь народов Камчатки: Личные истории и воспоминания. Т. 2. Саппоро, 2022. 99 с. (Center for Northeast Asian studies report, 30).
- Нагаяма Ю., Нутаюлгин В. М., Чечулина Л. И. Нымьланско-русский словарь: алюторский диалект. Ч. 1 (А–Җ). Саппоро, 2017. 144 с. (Materials of Siberian Languages 3).
- Нагаяма Ю., Нутаюлгин В. М., Чечулина Л. И. Нымьланско-русский словарь: алюторский диалект. Ч. 2 (Л–Я). Саппоро, 2019. 139 с. (Materials of Siberian Languages 5).

Тирон Е. Л. Личные песни коряков: представления современных носителей традиции // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 36–48.

Тирон Е. Л. Песни нымьланки В'алят (по материалам Комплексной экспедиции 1991 года) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3. С. 22–37.

Уркачан Т. И. Танец Ворона. Неоконченная повесть / Соавт. Г. Ю. Уркачан. М., 2006. 122 с.

Список источников

Архивные материалы Камчатского центра народного творчества. Видеозапись ансамбля «Лаутэн» в п. Палана Р. П. Ефремовой, 1989.

Лидия Чечулина. Лаутэн: аудиодиск / Камчатский центр народного творчества. Вып. 12. Петропавловск-Камчатский, 2009. (Серия «Земля моих предков»).

Лидия Чечулина. Лаутэн: аудиодиск / проект Павла Лазовских. Петропавловск-Камчатский, 2005 (Серия «Этническая музыка Камчатки»).

Мастер-класс Л. И. Чечулиной в рамках фестиваля «Наследники традиций»: видеозапись. Камчатский центр народного творчества. Петропавловск-Камчатский, 2021.

Поэт Лидия Иннокентьевна Чечулина: видеофильм / А. Безуглов, И. Безуглова. Петропавловск-Камчатский: Студия «Дар», 2001.

Полевые материалы Пии Сиирала: аудиозаписи. Петропавловск-Камчатский, 2008.

Полевые материалы Т. А. Голованевой, Е. Л. Тирон. Петропавловск-Камчатский, 2019–2021; Новосибирск, 2024.

Korjak. Kamchatka: dance drums from the Siberian Far East / Buda Musique, 2005.

References

Golovaneva T. A. Proekt pis'mennosti dlya ischezayushchego bespis'mennogo alyutorskogo yazyka [The Writing System Project for the Threatened Unwritten Alutor Language]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 3 (iss. 51), pp. 76–92. (In Russ.)

Nagayama Yu., Golovaneva T. A., Pronina E. P. Yazyk i zhizn' narodov Kamchatki: Lichnye istorii i vospominaniya [The language and life of the peoples of Kamchatka: Personal stories and memories]. Sapporo, 2022, vol. 2, 99 p. (Center for Northeast Asian studies report, 30) (In Alutor, in Korjak, in Russ.)

Nagayama Yu. *Materialy po yazyku nymylanov-alyutortsev* [Materials on the language of the Nymylan-Alutors]. Sapporo, 2020, 112 p. (Materials of Siberian Languages 5) (In Alutor, in Russ.)

Nagayama Yu., Nutayulgin V. M., Chechulina L. I. *Nymylansko-russkiy slovar': alyutorskiy dialect* [Nymylan-Russian dictionary: Alutor dialect]. Sapporo, 2017, pt. 1 (A–J), 144 p. (Materials of Siberian Languages 3) (In Alutor, in Russ.)

Nagayama Yu., Nutayulgin V. M., Chechulina L. I. *Nymylansko-russkiy slovar': alyutorskiy dialect* [Nymylan-Russian Dictionary: Alutor dialect]. Sapporo, 2019, pt. 2 (L–Ya), 140 p. (Materials of Siberian Languages 5) (In Alutor, in Russ.)

Tiron E. L. Lichnye pesni koryakov: predstavleniya sovremennykh nositeley traditsii [Personal songs of Koryaks: representations of modern bearers of tradition]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* (Siberian Journal of Philology). 2020, no. 1, pp. 36–48. (In Russ.)

Tiron E. L. Pesni nymylanki V'alyat (po materialam Kompleksnoy ekspeditsii 1991 goda) [Songs of the Nymylan woman V'alyat (based on the materials of the Complex Expedition to Kamchatka in 1991)]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* (Siberian Journal of Philology). 2021, no. 3, pp. 22–37. (In Russ.)

Urkachan T. I. *Tanets Vorona. Neokonchennaya povest'* [Dance of the Crow. Unfinished story]. G. Yu. Urkachan (Coauth.). Moscow, 2006, 122 p.

List of sources

- Kamchatka: dance drums from the Siberian Far East*. Audio CD, Buda Musique, 2005.
- Lidiya Chechulina. Lauten: audiodisk* [Lydia Chechulina. Lauten: audio disc]. Kamchatka Folk Art Center. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2009, iss. 12. (Seriya “Zemlya moikh predkov” [The series “The Land of my ancestors”]).
- Lidiya Chechulina. Lauten: audiodisk* [Lydia Chechulina. Lauten: audio disc]. Pavel Lazovsky’s project. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2005. (Seriya “Etnicheskaya muzyka Kamchatki” [Series “Ethnic music of Kamchatka”]).
- Master-klass L. I. Chechulinoy v ramkakh festivalya “Nasledniki traditsiy”* [Master class by L. I. Chechulina within the framework of the festival “Heirs of traditions”]. Kamchatka Folk Art Center. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2021.
- Poet Lidiya Innokentievna Chechulina: videofil’m* [Lydia Innokentievna Chechulina sings: video]. A. Bezuglov, I. Bezuglova. Petropavlovsk-Kamchatsky, Studiya “Dar”, 2001. https://youtu.be/_XTbY29mwoY
- Polevye materialy P. Siirala* [Field materials by P. Siirala]. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2008.
- Polevye materialy T. A. Golovanevoy, E. L. Tiron* [Field materials by T. A. Golovaneva, E. L. Tiron]. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2019–2021; Novosibirsk, 2024.

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
23.11.2024

Сведения об авторе

Екатерина Леонидовна Тирон – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

E-mail: krupich_katja@mail.ru

ORCID 0000-0001-9012-0476

Information about the Author

Ekaterina L. Tiron – Candidate of Arts, Researcher, Senior Researcher, Department of Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: krupich_katja@mail.ru

ORCID 0000-0001-9012-0476

УДК 398.8(=512.111)(47+57)
DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-149-161

Определение понятия «родина» в чувашских рекрутских песнях Сибири и Поволжья

Е. В. Федотова

*АУ «Республиканский центр народного творчества «Дворец культуры тракторостроителей» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела
Чувашской Республики, Чебоксары, Россия*

Аннотация

Рассмотрены чувашские песенные тексты, звучащие во время проводов рекрутов / призывников в армию, зафиксированные на протяжении XX и в начале XXI вв. в Иркутской, Новосибирской областях и в Поволжье. Главная тема этих песен – прощание с родными, односельчанами и родиной. Проанализированы варианты обозначения границ понятия «родина» в вариантах рекрутской песни «*Хуркайăксем вĕсĕç картине*» («Дикие гуси летят клином»). Этими границами служат хлебное поле, пашня, ворота в поле, межа (граница земельного участка), поскотина (забор, огораживающий поселение), аргамак (территория, обьезженная конем). Обозначение границ родины зависит от ареала распространения того или иного образца: чем дальше место его фиксации от материковой территории традиции – Поволжья, тем просторнее семантическое поле понятия «родина». Например, в тексте, зафиксированном в Иркутской области, дается территориально наиболее широкое определение «родины» – это *аргамак* (пространство, обьезженное конем).

Ключевые слова

чувашские рекрутские песни Сибири и Поволжья, тема родины в чувашских рекрутских песнях, фольклор чувашей Сибири

Для цитирования

Федотова Е. В. Определение понятия «родина» в чувашских рекрутских песнях Сибири и Поволжья // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52). С. 149–161. DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-149-161

© Е. В. Федотова, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 4 (iss. 52)

Defining the concept of “homeland” in Chuvash recruitment songs from Siberia and the Volga region

E. V. Fedotova

Autonomous Institution “Republican Center of Folk Art “The Palace of Culture of Tractor Builders” of the Ministry of Culture, Nationalities and Archives of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Abstract

Recruitment songs, sung at the departure of conscripts for military service or war, are classified within the realm of family and everyday music. The compilation of Chuvash recruitment songs commenced in the 19th century, initiated by Chuvash educators. Data collection focused on the Volga region, the ancestral territory. Also, recordings were made in Siberia, where the Chuvash migrant ethnic group preserved its traditions into the 1980s. Some traditions, such as seeing off recruits to the army, are still in use today. However, the topic of defining the boundaries of the homeland in recruitment songs has not been specifically studied. In a recent recording of a recruitment song in the village of Dzhogino, Taishetsky District, Irkutsk Region, the concept of homeland is defined by the word “argamak,” which refers to a horse or the territory ridden by a horse. In comparison, recruitment songs recorded in the Volga region use boundaries of land, arable land, and a field to represent the homeland. In Siberian examples, the boundaries of the homeland are shown through concepts such as a fence, enclosed areas for grazing cattle, or spaces designated by the word “argamak.” It is believed that these different designations of territorial boundaries depend on the geographical location and the abundance or shortage of land. Siberian examples tend to identify the homeland with larger spaces compared to the Volga region. The Chuvash settlers in Siberia expanded their understanding of the homeland, possibly influenced by the vast Siberian expanses.

Keywords

Chuvash recruitment songs of Siberia and the Volga region, the theme of the homeland in Chuvash recruitment songs, folklore of the Chuvash of Siberia.

For citation

Fedotova E. V. Opredelenie ponyatiya “rodina” v chuvashskikh rekrutskikh pesnyakh Sibiri i Povolzh'ya [Defining the concept of “homeland” in Chuvash recruitment songs from Siberia and the Volga region]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2024, no. 4 (iss. 52), pp. 149–161. (In Russ.) DOI10.25205/2312-6337-2024-4-149-161

Введение

Рекрутские (солдатские) песни – это песни, исполняемые во время проводов призывников на армейскую службу или на войну. Они относятся к сфере семейно-бытовых песен. Сбор чувашских рекрутских песен начался в XIX в. Рекрутские песни записывали известный чувашский просветитель и педагог И. Я. Яковлев и его сподвижники – В. Белилин, Т. Петров, А. Рекеев, а также ученики Симбирской чувашской школы. На рубеже XIX–XX вв. к фиксации фольклорных текстов подключился будущий известный этнограф и историк Н. В. Никольский, а также выдающийся тюрколог Н. И. Ашмарин. Им помогали их ученики, студенты, священники и корреспонденты из разных мест компактного проживания чувашей. Так, множество текстов рекрутских песен (около 200 образцов) прислал Н. И. Ашмарину И. Н. Юркин, записав их в своей родной деревне Большие Бюрганы (Буинский уезд Симбирской губернии) и в других селениях, входивших в округу под названием Тăхăръял (Девятиселье). В сбор образцов рекрутских песен большой вклад внесли также В. С. Разумов, К. В. Элле, П. В. Пазухин, Н. В. Васильев и др. Большая часть рукописей с текстами рекрутских песен хранится в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (фонды Н. В. Никольского и Н. И. Ашмарина).

Тексты чувашских рекрутских песен публиковались вместе с другими песенными жанрами Н. И. Ашмариным [Ашмарин 1900], И. И. Одюковым и Г. Ф. Трофимовым [Чувашское устное народное творчество 1978], М. Г. Кондратьевым [Песни низовых чувашей 1981; 1982]. Отдельное издание рекрутских песен впервые состоялось в 2021 г. и в 2022 г.; тексты опубликованы на чувашском языке и в русском переводе [Анат енчипе... 2021; Анатри тата... 2022].

В Сибири наиболее ранние записи рекрутских песен были выполнены в 1951 г. чувашским композитором и фольклористом С. М. Максимовым [Исмагилова, Федотова 2022]. Дальнейшая

фиксация образцов этого жанра в различных областях сибирского региона относится уже к началу XXI в. [Исмагилова 2012].

Основоположником научного изучения чувашских рекрутских песен является Н. В. Никольский. В опубликованной в 1905 г. работе он осветил церемонию проводов в армию верховых чувашей в деревнях Актай, Сесмеры, Юрмекейкино Ядринского уезда (ныне Моргаушского муниципального округа Чувашской Республики), привел некоторые образцы текстов песен, связанных с солдатской жизнью [Никольский 1905]. М. Я. Сироткин в общих чертах описал поэтику песен солдат, привел примеры нескольких текстов [Сироткин 1965]. И. И. Одюков обзорно проиллюстрировал тематику чувашских рекрутских песен, поднял проблемы их классификации. По мнению И. И. Одюкова, песни делятся на три группы в зависимости от того, кто их исполняет: сами рекруты, солдаты, жены и дети солдат [Одюков 1978]. Но в книге тексты публикуются без классификации.

В предисловии к тому «Ёспе йӓла юррисем» («Трудовые и обрядовые песни») Г. Ф. Юмарт, описывая специфику сбора и изучения чувашских народных песен, упоминает и солдатские [Юмарт 2013: 15]. В. Г. Родионовым изучены поэтика рекрутских песен и сам обряд проводов в армию [Родионов 1990]. Работы М. Г. Кондратьева посвящены исследованию чувашской народной песни, в том числе солдатских песен и их поэтики [Кондратьев 1977; 1990; 1993; 1993; 2007: 117–119]. Е. С. Сидорова, отмечая своеобразие чувашских народных песен Чебоксарского района, указывала на параллели между рекрутскими песнями и причитаниями невесты, а также поминальными и сиротскими песнями [Сидорова 1975]. Г. Б. Матвеев подробно описал обряд проводов в солдаты [Матвеев 2009]. А. К. Салмин, наряду с обрядами и верованиями чувашского народа, коснулся и вопросов, связанных с проводами рекрутов в армию [Салмин 1997: 26; 1998: 31]. О каждом этапе проводов в солдаты подробно написал И. Г. Петров [Петров 2015]. Он же изучил мотив преодоления пространственных границ в рекрутских песнях чувашей [Петров 2021]. Проанализированы рекрутские песни, записанные от самих исполнителей – участников Первой мировой войны [Федотова 2015, 2016, 2021]. В предисловии к книге «Рекрутские песни средненизовых и верховых чувашей» Т. И. Семенова описала структуру, обрядность и своеобразие рекрутских песен средненизовых и верховых чувашей [Рекрутские песни средненизовых и верховых чувашей 2021: 28–51]. Н. Г. Ильина отметила своеобразие рекрутских песен низовых чувашей и этнотерриториальных групп [Рекрутские песни низовых и этнотерриториальных групп чувашей 2022: 26–47]. Можно заметить, что рекрутские песни и обряд проводов в армию не обделены научным вниманием, но почти все они касаются традиций чувашей Поволжья и отчасти Приуралья. Однако чуваша представляют собой и переселенческий этнос Сибири.

Чувашия – густонаселенная территория. Чуваши переселялись в Сибирь в основном по причине малоземелья. Земельные участки у чувашей всегда были ограниченной площади. Массовая миграция чувашей в Сибирь началась в конце XIX в. На данный процесс оказали влияние переселенческое движение в 1892–1904 гг., отходничество, столыпинская аграрная реформа. Переселенцам предоставлялись наделы в Тобольской, Томской и Иркутской губерниях. Они расселились по Тоболу, Вагаю, Иртышу, рекам Дальнего Востока, преимущественно в Тобольской, Томской и Енисейской губерниях. В 1885–1998 гг. из Казанской и Симбирской губерний в Сибирь ежегодно в среднем переселялись почти по 800 человек. По данным переписи 1897 г., в сибирских регионах было зафиксировано более 4 тыс. чувашей, в том числе в Тобольской губернии 640, Томской 2807, Енисейской 639 чел. [Матвеев 2011: 515].

Второй массовый поток миграций чувашей в Сибирь пришелся на 1921–1929 гг. В частности, в голодном 1921 г. из Чувашии выехали 18 тыс. человек. Со второй половины 1920-х гг. переселения из Чувашии в Сибирь связаны с освоением новых земель (в частности, в 1927 г. переселилось 6 тыс. человек). Проживали они совместно с русскими, украинцами, образовывали и чисто чувашские поселения [Матвеев 2011: 515].

Переселившись в Сибирь, чуваша продолжали жить, сохраняя свою традиционную культуру. Вплоть до 1980-х гг. сохранялись элементы обряда проводов в армию, сопровождаемые исполнением рекрутских песен.

Соблюдению традиций проводов в армию и исполнению рекрутских песен сибирских чувашей посвящена работа Е. И. Исмагиловой [Исмагилова 2012]. Е. И. Исмагиловой

и Е. В. Федотовой рассмотрена также тема разлуки в разных песенных жанрах, в том числе и в рекрутских песнях [Исмагилова, Федотова 2022].

Одна из главных тем в рекрутских песнях – это тема прощания с самыми близкими людьми, с родными, сверстниками, односельчанами, родиной. При этом само определение понятия «родина» и ее условных границ в представлении чувашского рекрута отдельно не рассматривалось. Целью настоящей статьи является восполнение этой лакуны. С помощью сравнительного анализа сибирских образцов чувашских рекрутских песен с текстами, зафиксированными в Поволжье, можно проследить, как изменяется смысловое наполнение понятия «родина».

Анализ понятия «родина» в песенных текстах

Импульсом для исследовательского интереса к этой теме явилась запись текста рекрутской песни от Евгении Павловны Исхаковой¹, старшей жительницы села Джогино Тайшетского района Иркутской области, носительницы чувашского языка и традиционной культуры. В августе 2023 г. во время фольклорной экспедиции Е. П. Исхакова по нашей просьбе исполнила рекрутскую песню «Хуркайӓксем вёсёс картине» («Дикие гуси летят клином»), которую пели призывники. Хотя в чувашской традиционной культуре не приветствуется исполнение девушек и женщинами рекрутских песен, тем не менее они их пели, приобщаясь ко всеобщему горю, к уходу на войну парней, мужчин, словно предчувствуя, что они не вернуться; девушки тоже вникали в смысл этих песен. Эти песни они запомнили на всю жизнь, сохранили в своей памяти до настоящего времени.

Как правило, рекрутские песни исполнялись парнями и мужчинами, которые собирались идти на войну. Их провожали женщины, девушки, дети и старики до изгороди на окраине села – поскотины. Территории для выпаса домашнего скота были огорожены на высоком берегу реки Бирюса, где расположено село Джогино. В числе провожающих призванных на Великую Отечественную войну была и сама Евгения Павловна, которая, будучи подростком, активно участвовала в жизни села. Вместе с односельчанами она тоже пела рекрутские песни: *Нумай пёлеттём. Халь манса пётнё. Йёретчёс шапла юрласа. Салтака, вёрсана ӓсататтӓмӓр. Вёрсӓ вӓхӓтёнче. Сёре хурлӓхлӓ... Лашапа ӓсататтӓмӓрччӓ юрласа. Вёсене урӓх кураймарӓмӓр. Кайрӓс те вёрса нурте вилсе пётрӓс. Кайсанах вёсене вёлернӓ. Сёрле самолетсем вёсетчӓс. Сёрле тухса пӓхаттӓмӓр та шап сӓтӓ сӓтатса вёсетчӓс самолетсем, запада вёсетчӓс* 'Много знала [рекрутских песен]. Сейчас многое забылось. [Призванные и провожающие] пели и плакали. В армию, на войну провожали мы. Во время войны. Очень печально [было]... На лошадях провожали, [рекрутские] песни пели. Их [призванных на войну] мы больше не увидели. Ушли на войну и все погибли. Как ушли, их сразу убили. [Во время войны] ночью самолеты летали. Когда ночью мы выходили смотреть – самолеты светили, пролетали, на запад летели', – вспоминает Е. П. Исхакова с болью невозполнимой утраты о погибших на войне.

Далее приведем текст песни, записанный от Е. П. Исхаковой:

*Хуркайӓксем вёсёс картине –
«Кайри – мала!», – тесе ан калӓр.
Эпир кунтан тухса кайсассӓн
Усал карӓ тесе ан калӓр.*

Дикие гуси летят клином –
Не говорите: «Последний – вперед!»
Когда мы отсюда уйдем,
Не говорите, что ушли, несчастные².

¹ Полевые материалы автора (далее – ПМА). Исхакова (Коновалова) Евгения Павловна, 01.01.1930 г. р., уроженка с. Джогино Тайшетского района Иркутской области. Ее мать в 1920-е гг. приехала из Чувашской АССР в Иркутскую область. Текст записан 17.08.2023 г. во время фольклорно-этнографической экспедиции (руководитель экспедиции Е. И. Исмагилова, участники – Н. В. Леонова, Е. В. Федотова, А. С. Яковлева).

² По представлениям чувашей, если сказать им вслед, что они несчастные, несчастливые, то они могут не вернуться – возвращаются домой счастливые. Об этом поется в другой рекрутской песне чувашей: *Кайӓк хурсем каять – калле килет, / кил хурӓсем кайсан, ай, сӓхалать, / кил хурӓсем кайсан, ай, сӓхалать; / ӓрӓскалли каять – калле килет, / ӓрӓскалӓр кайсан, ай, килеймес, / ӓрӓскалӓр кайсан, ай, килеймес* 'Дикие гуси улетают – назад возвращаются, / домашние гуси улетят, ай, пропадут, / домашние гуси улетят, ай, пропадут, / счастливые уезжают – назад возвращаются, / несчастливый уедет, ай, может

<Вот ҫапла юрланă ăна, вăт>.

*Хапхаран тухрăм, тайăлтăм –
Аттепе аннерен уйрăлтăм.
Ялтан тухрăм, эп тайăлтăм –
Ял-йышсенчен уйрăлтăм.*

*Поскотинтан тухрăм, эп тайăлтăм –
Пётём тăвансенчен уйрăлтăм.
Урхамахран тухрăм, эп тайăлтăм –
Пётём хам ҫуралнă ҫершиывран уйрăлтăм.*

*Хуркайăксем каяҫ картине –
«Кайри – мала!», – тесе ан калăр.
Эпир кунтан тухса кайсассăн
Усал карё тесе ан калăр.*

<Вот так ее [рекрутскую] пели, вот>.

За ворота я вышел, поклонился –
От отца и матери отделился.
Из деревни вышел, я поклонился –
От односельчан отделился.

С поскотин вышел, я поклонился –
От всех родственников отделился.
Вышел с *аргамака*³, я поклонился –
От всей своей родины отделился.

Дикие гуси уходят клином –
Не говорите: «Последний – вперед!»
Когда мы отсюда уйдем,
Не говорите, что ушли, несчастные.

Согласно комментарию исполнительницы, в этом тексте понятие *урхамах* ‘аргамак, конь’ обозначает просторы, по которым юноша скакал на коне с детства. В песне поется: вышел с урхамаха, то есть с просторов, с тех мест – с полей, лугов, полян, где скакал на коне; с тех мест, которые окультурены, обжиты конем, где он пасся и работал на земле. *Урхамах* – это территории, отработанные, обеганные конем, это территория родины. В чувашской культуре считается, что лошадь, конь, особенно гнедой масти, наделены разумом наравне с человеком. Так, например, в чувашских народных сказках конь, лошадь может читать человеческие мысли. В некоторых снотолкованиях конь гнедой масти символизирует самого бога *Турă*. Кроме того, увидеть во сне *лаша* коня или лошадь, означало увидеть мужчину / парня / жениха / мужа / сына / рекрута [Чувашское народное творчество 2009: 301–304].

Приведем также образец рекрутской песни, записанной в 2003 г. в д. Чуваши Северного района Новосибирской области от Татьяны Акимовны Слепченко⁴. В этом тексте граница родины обозначена огороженной территорией, за которой начинается чужая для призывника земля.

*Сётел хушинчен тухрăм, эп тайăлтăм,
Аттепелен аннерен уйрăлтăм,
Аттепелен аннерен уйрăлтăм.*

*Алăкран тухрăм, эп тайăлтăм,
Хамăн килём-йышсенчен уйрăлтăм,
Хамăн килём-йышсенчен уйрăлтăм.*

*Хапхаран тухрăм, эп тайăлтăм,
Хамър ял ҫыннисенчен уйрăлтăм,
Хамър ял ҫыннисенчен уйрăлтăм.*

Из-за стола я вышел, я поклонился,
От отца и матери отделился,
От отца и матери отделился.

Из двери я вышел, я поклонился,
От своей семьи (домочадцев) отделился,
От своей семьи (домочадцев) отделился.

За ворота вышел, я поклонился,
От своих односельчан отделился,
От своих односельчан отделился.

не вернуться, / несчастливый уедет, ай, может не вернуться’ [Песни низовых чувашей 1981: 65]. Возвращение означает также память родных об ушедших.

³ *Урхамах* – аргамак, конь. Для чувашей дороги даже следы от копыт коня, которые остаются на его родной земле: «Добрые кони бегут, дороги остаются, / Жаль следов, остающихся от их копыт. / Хоть куда отправляйся, ай, одно солнце, / Жаль родимой сторонки, что остается» [Анатри тата... 2022: 58–59].

⁴ Записано Н. В. Леоновой, Е. И. Жимулевой, М. М. Андреевой 11.07.2003 г. в д. Чуваши Северного района Новосибирской области от Т. А. Слепченко, 1925 г. р. Архив традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки, коллекция № А0190.

*Поскотинтан тухрăм, эп тайăлтăм,
Хам суралнă сĕр-шывран уйрăлтăм,
Хам суралнă сĕр-шывран уйрăлтăм.*

С поскотин вышел, я поклонился,
От своей родины⁵ отделился,
От своей родины отделился.

Для более рельефного показа сибирской специфики понятия родины рассмотрим далее тексты рекрутских песен, записанные в разное время в Поволжье.

В песне, записанной в конце XIX в. в д. Мусирмы⁶ и опубликованной Н. И. Ашмариным [Ашмарин 1900: 48–49] отражено прощание рекрута с матерью и отцом, родными братьями и сестрами, с семьей, родственниками, со сверстниками, с односельчанами и с родиной. Приведем заключительный фрагмент рекрутской песни:

*Ах аттеçĕм, аннеçĕм!
Нумай тăмастпăр, халь каятпăр.
Алăкран тухрăм, тайăлтăм –
Аттепе аннерен уйрăлтăм.
Сенĕкрен тухрăм, тайăлтăм –
Пиччепе инкерен уйрăлтăм.
Кĕтесрен пăрăнтăм, тайăлтăм –
Тантăшсенчен уйрăлтăм.
Пус хапхинчен тухрăм, тайăлтăм –
Ял-йышсенчен уйрăлтăм.
Пусса тухрăм, тайăлтăм –
Сĕрпе шывран уйрăлтăм.
Улăхрăмах сÿлĕ ту сине
Хĕвелпе пиçнĕ сÿрлашăн.
Сăлтăр витĕр сÿл курăнать;
Эпĕр каяс сÿл мар-ши?
Хĕвел витĕр хĕр курăнать;
Эпĕр илес хĕр мар-ши?
Уйăх витĕр уй курăнать;
Епĕр вăрçас уй мар-ши?*

Ах, батюшка и матушка!
Недолго мы здесь пробудем, скоро уйдем.
Вышел я из дверей, поклонился –
Расстался с отцом и матерью.
Вышел я из сеней, поклонился –
Расстался со старшим братом и его женой.
Завернул я за угол и поклонился –
Расстался я со своими друзьями.
Вышел я за околицу, поклонился –
Расстался со всею деревнею.
*Вышел я в поле, поклонился –
Разлучился с землею и с водою.*
Поднялся я на высокую гору
За ягодами, созревшими на солнце.
При звездах виднеется дорога,
Не по этой ли дороге нам идти?
При свете солнца виднеется девушка,
Не та ли это девушка, которая была бы нашею
невестой?
При луне виднеется поле,
Не то ли поле, где мы будем биться?

В этой песне территория родины для рекрута заканчивается там, где закачивается *пусă* – хлебное поле, нива, пашня: *Пусса тухрăм, тайăлтăм – сĕрпе шывран уйрăлтăм* ‘Вышел я в поле, поклонился, – разлучился с землею и водою’⁷.

Приведем еще один текст, записанный в Поволжье⁸:

*Якаел урамĕ – тумхах урам –
Тикĕсленĕ шур юр сусассăн.
Якаел урамĕ – тăвăр урам –
Ирĕк юлĕ эпир кайсассăн.*

Улица деревни Якушкино – неровная улица –
Выровнится, когда выпадет снег.
Улица деревни Якушкино – узкая улица –
Останется свободной, когда мы уйдем.

*Хурама та пĕкĕ, йĕс ункă
Шăнкăртатать тытса кÿлнĕ чух
Атте-анне килĕ – аслă сурт
Чун хурланать тухса кайнă чух.*

Вязовая да дуга, медное кольцо
Звенит, когда ловим, запрягаем.
Дом отца и матери – большой дом,
Душа печалится, когда уходим [из него].

⁵ ...суралнă сĕр-шывран ‘своей родины’ (букв: родной земли-воды).

⁶ В настоящее время это территория Урмарского района Чувашской Республики.

⁷ ...разлучился с землею и водою – т. е. разлучился с родиной.

⁸ Записано Л. Н. Ермиловой в январе 2023 г. в д. Якушкино Нурлатского района Республики Татарстан от Зинаиды (по паспорту Ксени) Степановны Николаевой, 1937 г. р., уроженки д. Якушкино Октябрьского (ныне Нурлатского) района Татарской АССР. Место хранения: личный архив автора статьи.

*Ирхине те тӓтӓм, тула тухрӓм –
Ирхи хӗвел укрӗ пит сине.
Вун саккӓра ситсе пынӓ чухне –
Салтак хуйхи укрӗ пуç сине.*

*Кайӓк-хурсем иртеç карталанса –
«Кайри – мала!» – тесе ан калӓр.*

*Эпирех те ялтан тухса кайсан
«Кайни лайӓх», – тесе ан калӓр.*

*Ӑсатса яр, тӓван, ӓсатса яр,
Хирти укӓлчаран тухиччен,
Хирти укӓлчаран тухсассӓн
Курӓнми пуличчен пӓхса юл,
Ик алӓна сӗлтсе йӗрсе юл.*

*Кӗркунне те акнӓ, ай, уçӓма
Ӕнтӗ курсан курӓр ӓна суркунне,
Кунтан эпир тухса, ай, кайсассӓн
Курсан курӓр пире тӗлӗкре.*

Утром да встал, вышел во двор –
Утреннее солнце осветило лицо.
Когда доходил до восемнадцатилетия –
Печаль новобранца упала на голову.

Дикие гуси пролетают вереницей –
Не говорите им: «Пусть последний окажется впереди!»
Мы, когда уйдем да из деревни,
Не говорите: «Хорошо, что ушли».

Проводи, родственник, проводи,
До выхода из полевых ворот,
Когда выйду за полевые ворота,
Смотри вслед, пока станет меня не видно,
Оставаясь, обеими руками маши, плачь.

Осенью да посеянную, ай, озимую
Если уж увидите, то увидите ее весной,
Когда мы отсюда, ай, уйдем
Если уж увидите, то увидите нас во сне.

В этом тексте не подчеркивается, что полевые ворота – это граница малой родины, но подразумевается: провожающие дальше не идут, а остаются на границе обжитого мира. При этом новобранец просит их махать ему вслед, пока он не пропадет из виду⁹.

В тексте, записанном в начале XX в. в с. Новые Шимкусы (*Курнавӓш*) Новошимкусской волости Тетюшского уезда Казанской губернии (ныне Яльчикский район Чувашской Республики) М. Андреевым¹⁰, для рекрута его родная земля ограничена межей – *чикӗ* [Рекрутские песни 2022: 379–380]:

*Сӗтел умне тӓтӓм, тайӓлтӓм,
Мӗнпур сӓкӓр-тӓвартан уйӓрӓлтӓм.*

*Урай варрине тӓтӓм, тайӓлтӓм,
Аттепе аннерен уйӓрӓлтӓм.
Алӓк умне тухрӓм, тайӓлтӓм,
Пиччепе инкерен уйӓрӓлтӓм.*

*Алӓк умӗнчен тухрӓм, тайӓлтӓм,
Шӓллӓмна йӓмӓкран уйӓрӓлтӓм.
Картиш варрине тӓтӓм, тайӓлтӓм,
Мӗнпур выльӓх-чӗрлӗхрен уйӓрӓлтӓм.*

*Хапхаран тухрӓм, тайӓлтӓм,
Мӗнпур сурт-йӗртен уйӓрӓлтӓм.*

Перед столом встал я, поклонился,
Со всем хлебом-солью разлучился.

На середину пола встал я, поклонился,
От отца и матери разлучился.
Вышел, перед дверью встал я, поклонился,
Со старшим братом и *инге*¹¹ разлучился.

Из сеней вышел я, поклонился,
С братишкой и сестренкой разлучился.
Посреди двора встал я, поклонился,
Со всеми домашними животными разлучился.

За ворота вышел я, поклонился,
Со всем подворьем разлучился.

⁹ Деревня Якушкино Нурлатского района Республики Татарстан, где записана песня, относится к степной местности. Скорее всего, поэтому и поется в песне, чтобы махали провожающие новобранцу до того, пока его не станет видно. Территорий пашенных участков здесь тоже больше, поэтому четкого обозначения границы территории родины здесь нет.

¹⁰ Записано в начале XX в. в с. Новые Шимкусы (*Курнавӓш*) Новошимкусской волости Тетюшского уезда Казанской губернии (ныне Яльчикский район Чувашской Республики) М. Андреевым. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отд. I. Ед. хр. 242. С. 245–249.

¹¹ *Инге* – уважительное обращение к жене старшего брата.

*Ял варрине тӓтӓм, тайӓлтӓм,
Мӓнпур кӓршӓсенчен уйӓрӓлтӓм.*

*Укӓлча умне тӓтӓм, тайӓлтӓм,
Мӓнпур тӓвансенчен уйӓрӓлтӓм.
Укӓлчаран тухрӓм, тайӓлтӓм,
Ял-йышсенчен уйӓрӓлтӓм.
Сӓр чиккине тӓтӓм, тайӓлтӓм,
Хам суралнӓ сӓршыврап уйӓрӓлтӓм.*

Посреди деревни встал я, поклонился,
Со всеми соседями разлучился.

Перед околицей встал я,
Со всей родней разлучился.
За околицу вышел я, поклонился,
С односельчанами разлучился.
На меже встал я, поклонился,
Со своей родиной, где я родился,
разлучился.

Заключение

Суммируя сказанное выше, отметим, что в приведенных вариантах рекрутских песен, записанных в Поволжье, территория родины обозначена при помощи границ земли, пашни, поля. В сибирских образцах рекрутских песен для показа границ родины используются понятия изгороди, огороженных территорий для выпаса скота на краю деревни, в тайге или на берегу реки, а также пространства, поэтично названного *урхамах* (аргамак, конь) в песне, записанной от Е. П. Исхаковой. На наш взгляд, подобное различное обозначение территориальных границ родины зависит от географического положения населенного пункта и от достатка / недостатка земельных угодий. Можно заметить, что в сибирских образцах рекрутских песен родина отождествляется со значительно большими просторами, нежели в текстах, записанных в Поволжье. Сохраняя в целом тексты рекрутских песен, чувашские поселенцы заметно расширили свое понимание локуса родины, что, вероятно, произошло под воздействием безграничных сибирских просторов.

Список литературы

- Ильина Н. Г.* Своеобразие рекрутских песен низовых чувашей и этнотерриториальных групп // Анатри тата этнотерриторири ушкӓнӓсенчи чӓвашсен никрут юррисем = Рекрутские песни низовых и этнотерриториальных групп чувашей / Текст. III том; подг. текстов, сост., коммент., указат. ключ. слов Т. И. Семеновой; предисл. Н. Г. Ильиной; филол. пер. и примеч. А. П. Леонтьева; науч. ред. Г. Г. Ильина; Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2022. С. 26–47.
- Исмагилова Е. И.* Рекрутские песни в фольклорной традиции сибирских чувашей // Чуваши и их соседи: этнокультурный диалог в пространственно-временном континууме: материалы межрег. науч.-практ. конференции (г. Чебоксары, 15–16 ноября 2011 г.) / сост. и отв. ред. В. П. Иванов. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 263–275.
- Исмагилова Е. И., Федотова Е. В.* Тема разлуки в песенном фольклоре чувашских переселенцев Кемеровской области // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 241–257. DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-241-257
- Кондратьев М. Г.* Многослоговой стих низовых чувашей в его взаимодействии с музыкальной формой // О чувашском искусстве. Труды НИИ ЯЛИЭ. Вып. 75. Чебоксары, 1977. С. 3–37.
- Кондратьев М. Г.* О ритме чувашской народной песни. М.: Сов. композитор, 1990. 144 с.
- Кондратьев М. Г.* Музыкальные особенности народной песни // Чувашская народная поэзия. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1990. С. 124–139.
- Кондратьев М. Г.* Мифологические мотивы в чувашской традиционной песне // Национальное и народное в чувашском искусстве. Чебоксары: ЧНИИЭЛИЭ, 1993. С. 60–70.
- Кондратьев М. Г.* Чувашская музыка: от мифологических времен до становления современного профессионализма. М.: ПЭР СЭ, 2007. 288 с.
- Кондратьев М. Г.* Музыкально-поэтическое творчество // Симбирско-саратовские чувашки: монографическое исследование / под общ. ред. проф. М. Г. Кондратьева. Чебоксары: ЧГИГН, 2004. С. 142–166.
- Матвеев Г. Б.* Рекрутские обряды // Чувашская энциклопедия. Т. 3. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 557–558.

- Матвеев Г. Б. Чуваши Сибирские и Дальнего Востока // Чувашия энциклопедия: в 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. Т. 4: Се–Я. 798 с., ил.
- Никольский Н. В. Взгляд чуваш на воинскую повинность. Казань: Центр. тип., 1905. 20 с.
- Петров И. Г. Проводы в рекруты у чувашей (конец XIX – начало XX в.) // Чувашия гуманитарный вестник. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. № 10. С. 51–87.
- Петров И. Г. Мотив преодоления пространственных границ в рекрутских песнях чувашей // Фольклор народов Поволжья и Урала: жанры, поэтика, проблемы изучения: материалы Межрег. науч.-практ. конференции (Чебоксары, 10–11 октября 2019 г.) / сост. и науч. ред. Г. Г. Ильина. Чебоксары: ЧГИГН, 2021. С. 158–164.
- Родионов В. Г. О системе чувашских языческих обрядов // Чувашия народная поэзия: сб. ст. Чебоксары: ЧНИИ при Совете Министров Чувашской АССР, 1990. С. 3–64. (Некрут а́сатни (проводы в рекруты). С. 55–56).
- Родионов В. Г. Записи чувашских и татарских песен из личного фонда И. Я. Яковлева // Проблемы сравнительного литературоведения и фольклористики Урало-Поволжья: сборник статей и материалов: к 70-летию литературоведа и фольклориста, доктора филологических наук, профессора В. Г. Родионова / сост. и науч. ред. И. Ю. Кириллова. Чебоксары: ЧГИГН, 2018. С. 239–244.
- Салмин А. К. Предводители обрядов у чувашей. Чебоксары: ЧГИГН, 1997. 78 с.
- Салмин А. К. Семантика дома у чувашей. Чебоксары: ЧГИГН, 1998. 63 с.
- Семенова Т. И. Рекрутские песни – своеобразные источники, отображающие жизнь чувашского народа // Анат енчипе тури чăвашсен никрут юррисем=Рекрутские песни средненизовых и верховых чувашей. Текст. II том / подг. текстов, сост., предисл., коммент., указат. ключ. слов Т. И. Семеновой / филол. пер. и прим. А. П. Леонтьева; науч. ред. Г. Г. Ильина; Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2021. С. 28–51.
- Сидорова Е. С. Фольклор Чебоксарского района (по материалам экспедиции 1974 г.) // Чувашия язык и литература / Научно-исследовательский институт при Совете Министров Чувашской АССР. Труды, вып. 53. Чебоксары, 1975. С. 189–202.
- Сироткин М. Я. Чувашия фольклор: очерк устно-поэтического народного творчества. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. 132 с.
- Федотова Е. В. Чувашия сказитель, песенник, участник Первой мировой войны И. Н. Сидоров // Первая мировая война в истории народов Поволжья: материалы Межрег. науч.-практ. конференции (Чебоксары, 24 октября 2014 г.) / сост. и отв. ред. Ю. В. Гусаров. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. С. 159–167.
- Федотова Е. В. Неизвестная чувашская традиционная рекрутская песня времен Первой мировой войны // Сулеймановские чтения (девятнадцатые): труды и материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием «Сохранение татарского языка, фольклора, традиций и обычаев в современных условиях» (Тюмень, 20 мая 2016) / под общ. ред. д-ра филол. наук, проф. Х. Ч. Алишиной. Тюмень: Печатник, 2016. С. 142–143.
- Федотова Е. В. Первая мировая война глазами кавалериста: обзор дневниковых записей // Этническая культура. 2021. Т. 3, № 4. С. 50–57. EDN: GYPVIW DOI: 10.31483/г-100707.
- Юмарт Г. Ф. Чăваш юррисен пуянлăхĕ. Ёспе йăла юррисен ушкăнĕсем [Богатство чувашских песен. Классификация трудовых и обрядовых песен] // Чăваш халăх пултарулăхĕ. Чувашия народное творчество. Трудовые и обрядовые песни. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013. С. 7–18. (На чувашском языке)

Список источников

- Анат енчипе тури чăвашсен никрут юррисем = Рекрутские песни средненизовых и верховых чувашей. Текст. II том / подг. текстов, сост., предисл., коммент., указат. ключ. слов Т. И. Семеновой / филол. пер. и прим. А. П. Леонтьева; науч. ред. Г. Г. Ильина; Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2021. 495 с.
- Анатри тата этнотерриторири ушкăнĕсенчи чăвашсен никрут юррисем = Рекрутские песни низовых и этнотерриториальных групп чувашей / Текст. III том; подг. текстов, сост., коммент., указат. ключ. слов Т. И. Семеновой; предисл. Н. Г. Ильиной; филол. пер. и примеч.

А. П. Леонтьева; науч. ред. Г. Г. Ильина; Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2022.

Ашмарин Н. И. Сборник чувашских песен, записанных в губерниях Казанской, Симбирской и Уфимской. Казань: типо-лит. Имп. Ун-та, 1900. 91 с.

Одюков И. И. Чăваш халăх юрри [Чувашская народная песня] // Чăваш халăх сăмахлăхĕ [Чувашское устное народное творчество. Т. III. Песни] / предисл. И. И. Одюкова, сост. И. И. Одюков, Г. Ф. Юмарт; отв. ред. Г. Ф. Юмарт. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1978. 512 с. (На чувашском языке)

Песни низовых чувашей. Кн. 1: сб. песен / подг. к печати чувашских поэтических текстов и русские переводы М. Г. Кондратьева и Е. С. Сидоровой; предисл., коммент., указ. М. Г. Кондратьева. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1981. 144 с.

Песни низовых чувашей. Кн. 2: сб. песен / подг. к печати чувашских поэтических текстов и русские переводы М. Г. Кондратьева и Е. С. Сидоровой; предисл., коммент., указ. М. Г. Кондратьева. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1982. 176 с.

Рекрутские песни низовых и этнотерриториальных групп чувашей / Текст. III том; подг. текстов, сост., коммент., указат. ключ. слов Т. И. Семеновой; предисл. Н. Г. Ильиной; филол. пер. и примеч. А. П. Леонтьева; науч. ред. Г. Г. Ильина; Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2022. 415 с.

Чăваш халăх пултарулăхĕ. Сăнавсемпе ёненÿсем. Тĕлĕксем = Чувашское народное творчество. Приметы и поверья. Сновидения // сост., автор предисловия и комментариев Е. В. Федотова. Шупашкар: Чăваш кёнеке изд-ви, 2009. 383 с. (На чувашском языке.)

Чувашское устное народное творчество. Песни. Т. III / сост., предисл. И. И. Одюкова, Г. Ф. Юмарт; отв. ред. Г. Ф. Юмарт. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1978. 512 с. (На чувашском языке.)

References

Anat enchipe turi chăvashsen nikrut yurrisem. Tekst. 2 tom [Recruit songs of middle and upper Chuvash people. Text. Vol. 2]. Т. I. Semenova (Prep. of texts, comp., foreword, comm., keyword index); А. P. Leont'ev (Philol. transl. and notes); G. G. Il'ina (Ed.). Cheboksary, Chuvash State Institute of Humanities, 2021, 495 p. (In Russ.)

Anatri tata etnoterritoriri ushkänësenchi chăvashsen nikrut yurrisem. Tekst. 3 tom [Recruit songs of the lower and ethno-territorial groups of the Chuvash people. Text. Vol. 3]. Т. I. Semenova (Prep. of texts, comp., comm., keyword index); G. G. Il'ina (Foreword); А. P. Leont'ev (Philol. transl. and notes); G. G. Il'ina (Ed.). Cheboksary, Chuvash State Institute of Humanities, Chuvash. kn. izd., 2022. (In Russ.)

Ashmarin N. I. *Sbornik chuvashskikh pesen, zapisannykh v guberniyakh Kazanskoi, Simbirskoi i Ufimskoi* [Collection of Chuvash songs recorded in the provinces of Kazan, Simbirsk, and Ufa]. Kazan, Tipo-lit. Imp. Univ., 1900, 91 p. (In Russ.)

Chăvash khalăkh pultarulăkhĕ. Sănavsempe ёnenÿsem. Tĕlĕksem [Chuvash folk art. Omen and beliefs. Dreams]. E. V. Fedotova (Comp., Foreword and Comm.). Shupashkar, Chăvash kёneke izd., 2009, 383 p. (In Chuvash)

Chuvashskoe ustnoe narodnoe tvorchestvo. Pesni. T. 3 [Chuvash oral folk art. Songs. Vol. II3]. I. I. Odyukov, G. F. Yumart (Comp., Foreword); G. F. Yumart (Ed.). Cheboksary, Chuvash. kn. izd., 1978, 512 p. (In Chuvash)

Fedotova E. V. Chuvashskii skazitel', pesennik, uchastnik Pervoi mirovoi voyny I. N. Sidorov [Chuvash storyteller, songwriter, participant of the First World War, I. N. Sidorov]. In: *Pervaya mirovaya voyna v istorii narodov Povolzh'ya: materialy Mezhdregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (Cheboksary, 24 oktyabrya 2014 g.) [The First World War in the history of the peoples of the Volga region: materials of the Interregional scientific-practical conference (Cheboksary, October 24, 2014)]. Yu. V. Gusarov (Comp., Ed.). Cheboksary Chuvash State Institute of Humanities, 2015, pp. 159–167. (In Russ.)

Fedotova E. V. Neizvestnaya chuvashskaya traditsionnaya rekrutskaya pesnya vremen Pervoi mirovoi voyny [Unknown Chuvash traditional recruit song of the First World War]. In: *Suleimanovskie chteniya (devyatnadsatye): trudy i materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunarodnym uchasti-*

em “Sokhranenie tatarskogo yazyka, fol’klora, traditsii i obychaev v sovremennykh usloviyakh” (Tyumen’, 20 maya 2016) [Suleymanovskie readings (nineteenth): Proceedings and materials of the All-Russian scientific conference with international participation “Preservation of the Tatar language, folklore, traditions and customs in modern conditions” (Tyumen, May 20, 2016)]. Kh. Ch. Alishina (Ed.). Tyumen: Pechatnik, 2016, pp. S. 142–143. (In Russ.)

Fedotova E. V. Pervaya mirovaya voina glazami kavalerista: obzor dnevnikovyykh zapisei [The First World War through the eyes of a cavalryman: a review of diary entries]. *Etnicheskaya kul’tura*, 2021, vol. 3, no. 4, pp. 50–57. DOI: 10.31483/r-100707. (In Russ.)

Il’ina N. G. Svoeobrazie rekrutskikh pesen nizovykh chuvashei i etnoterritorial’nykh grupp [Peculiarity of recruitment songs of the lower Chuvash and ethno-territorial groups]. In: *Anatri tata etnoterritoriri ushkänësenchi chävashsen nikrut yurrisem. Tekst. 3 tom* [Recruit songs of the lower and ethno-territorial groups of the Chuvash people. Text. Vol. 3]. T. I. Semenova (Prep. of texts, comp., comm., keyword index); G. G. Il’ina (Foreword); A. P. Leont’ev (Philol. transl. and notes); G. G. Il’ina (Ed.). Cheboksary, Chuvash State Institute of Humanities, Chuvash. kn. izd., 2022, pp. 26–47. (In Russ.)

Ismagilova E. I., Fedotova E. V. Tema razluki v pesennom fol’klоре chuvashskikh pereselentsev Kemerovskoi oblasti [Theme of separation in the song folklore of the Chuvash migrants of the Kemerovo region]. *Kritika i Semiotika (Critique and Semiotics)*. 2022, no. 2, pp. 241–257. DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-241-257 (In Russ.)

Ismagilova E. I. Rekrutskie pesni v folklornoj traditsii sibirskikh chuvashei [Recruit songs in the folklore tradition of Siberian Chuvashes]. In: *Chuvashi i ikh sosedi: etnokul’turnyi dialog v prostranstvenno-vremennom kontinuumе: materialy mezhregional’noi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Cheboksary, 15–16 noyabrya 2011 g.)* [Chuvashes and their neighbors: ethno-cultural dialogue in the space-time continuum: materials of the interregional scientific-practical conference (Cheboksary, November 5–16, 2011)]. V. P. Ivanov (Comp., Ed.). Cheboksary, Chuvash State Institute of Humanities, 2012, pp. 263–275. (In Russ.)

Kondrat’ev M. G. Mifologicheskie motivy v chuvashskoi traditsionnoi pesne [Mythological motifs in the Chuvash traditional song]. In: *Natsional’noe i narodnoe v chuvashskom iskusstve* [National and folk in the Chuvash art]. Cheboksary, Chuvash Research Institute of Language, Literature, History and Economics, 1993, pp. 60–70. (In Russ.)

Kondrat’ev M. G. Mnogoslogovoi stikh nizovykh chuvashei v ego vzaimodeistvii s muzykal’noi formoi [Multisyllabic verse of the lower Chuvash in its interaction with musical form]. In: *O chuvashskom iskusstve. Trudy NII YaLIE* [About Chuvash art. Proceedings of the Chuvash Research Institute of Language, Literature, History and Economics]. Cheboksary, 1977, iss. 75, pp. 3 – 37. (In Russ.)

Kondrat’ev M. G. Muzykal’nye osobennosti narodnoi pesni [Musical features of a folk song]. In: *Chuvashskaya narodnaya poeziya* [Chuvash folk poetry]. Cheboksary, Chuvash Research Institute of Language, Literature, History and Economics, 1990, pp. 124–139.

Kondrat’ev M. G. *O ritme chuvashskoi narodnoi pesni* [About the rhythm of the Chuvash folk song]. Moscow, Sov. kompozitor, 1990, 144 p. (In Russ.)

Kondrat’ev M. G. *Chuvashskaya muzyka: ot mifologicheskikh vremen do stanovleniya sovremenogo professionalizma* [Chuvash music: from mythological times to the formation of modern professionalism]. Moscow, PER SE, 2007, 288 p. (In Russ.)

Kondrat’ev M. G. Muzykal’no-poeticheskoe tvorchestvo [Musical and poetic creativity]. In: *Simbirsko-saratovskie chuvashi: monograficheskoe issledovanie* [Simbir-Saratov Chuvashians: a monographic study]. M. G. Kondrat’ev (Ed.). Cheboksary, Chuvash State Institute of Humanities, 2004, pp. 142–166. (In Russ.)

Matveev G. B. Chuvashi Sibirskie i Dal’nego Vostoka [Chuvashes of Siberia and the Far East]. In: *Chuvashskaya entsiklopediya: v 4 t.* [Chuvash encyclopedia: in 4 vols.]. Cheboksary, Chuvash. kn. izd., 2011, vol. 4: Se–Ya, 798 p., il. (In Russ.)

Matveev G. B. Rekrutskie obryady [Recruitment rites]. In: *Chuvashskaya entsiklopediya: v 4 t.* [Chuvash encyclopedia: in 4 vols.]. Cheboksary, Chuvash. kn. izd., 2009, vol. 3, pp. 557–558.

Nicol’skii N. V. *Vzglyad chuvash na voinskuyu povinnost’* [Chuvash view on military conscription]. Kazan, Tsentr. tip., 1905, 20 p. (In Russ.)

Odyukov I. I. Chävash khaläkh yurri [Chuvash folk song]. In: *Chävash khaläkh sämakhläkhë. T. 3. Pesni* [Chuvashskoe ustnoe narodnoe tvorchestvo. Vol. 3. Songs]. I. I. Odyukov (Foreword),

I. I. Odyukov, G. F. Yumart (Comps.), G. F. Yumart (Ed.). Cheboksary, Chuvash. kn. izd., 1978, 512 p. (In Chuvash)

Pesni nizovykh chuvashei. Kn. 2: sb. pesen [Songs of the lower Chuvash people. Book 2: collection of songs]. M. G. Kondrat'eva, E. S. Sidorova (Prep. for printing of Chuvash poetic texts and Russian transl.); M. G. Kondrat'eva (Foreword, Comm.). Cheboksary, Chuvash. kn. izd., 1982, 176 p. (In Russ.)

Pesni nizovykh chuvashei: sb. pesen [Songs of the lower Chuvash: a collection of songs]. M. G. Kondrat'eva, E. S. Sidorova (Prep. for printing of Chuvash poetic texts and Russian transl.); M. G. Kondrat'eva (Foreword, Comm.). Cheboksary, Chuvash. kn. izd., 1981, 144 p. (In Russ.)

Petrov I. G. Motiv preodoleniya prostranstvennykh granits v rekrut'skikh pesnyakh chuvashei [Motive of overcoming spatial boundaries in the recruit songs of the Chuvash]. In: *Fol'klor narodov Povolzh'ya i Urala: zhanry, poetika, problemy izucheniya: materialy Mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (Cheboksary, 10–11 oktyabrya 2019 g.) [Folklore of the peoples of the Volga region and the Urals: genres, poetics, problems of study: materials of the Interregional scientific-practical conference (Cheboksary, October 10-11, 2019)]. G. G. Il'ina (Comp., Ed.). Cheboksary Chuvash State Institute of Humanities, 2021, pp. 158–164. (In Russ.)

Petrov I. G. Provody v rekruty u chuvashei (konets 19 – nachalo 20 v.) [Seeing off for recruits among the Chuvash (late 19th - early 20th century)]. *Chuvashskii gumanitarnyi vestnik*. 2015, no. 10, pp. 51–87. (In Russ.)

Rekrut'skie pesni nizovykh i etnoterritorial'nykh grupp chuvashei. Tekst. 3 tom [Recruit songs of the lower and ethno-territorial groups of the Chuvashes. Text. Vol. 3]. T. I. Semenova (Prep. of texts, comp., comm., keyword index); G. G. Il'ina (Foreword); A. P. Leont'ev (Philol. transl. and notes); G. G. Il'ina (Ed.). Cheboksary, Chuvash State Institute of Humanities, Chuvash. kn. izd., 2022, 415 p. (In Russ.)

Rodionov V. G. O sisteme chuvashskikh yazycheskikh obryadov [About the system of Chuvash pagan rites]. In: *Chuvashskaya narodnaya poeziya: sb. st.* [Chuvash folk poetry: a coll. of art.]. Cheboksary, Chuvash Research Institute under the Council of Ministers of the Chuvash ASSR, 1990, pp. 3–64. (Nekrut āsatni [Send-off to recruits]. pp. 55–56). (In Russ.)

Rodionov V. G. Zapisi chuvashskikh i tatarskikh pesen iz lichnogo fonda I. Ya. Yakovleva [Records of Chuvash and Tatar songs from the personal fund of I. Y. Yakovlev]. In: *Problemy sravnitel'nogo literaturovedeniya i fol'kloristiki Uralo-Povolzh'ya: sbornik statei i materialov: k 70-letiyu literaturoveda i fol'klorista, doktora filologicheskikh nauk, professora V. G. Rodionova* [Problems of comparative literature and folklore studies of the Ural-Volga region: a collection of articles and materials: to the 70th anniversary of the literary scholar and folklorist, Doctor of Philology, Professor V. G. Rodionov]. I. Yu. Kirillova (Comp., Ed.). Cheboksary, Chuvash State Institute of Humanities, 2018, pp. 239–244. (In Russ.)

Salmin A. K. *Predvoditeli obryadov u chuvashei* [The leaders of the Chuvash rites]. Cheboksary, Chuvash State Institute of Humanities, 1997, 78 p. (In Russ.)

Salmin A. K. *Semantika doma u chuvashei* [Semantics of the house among the Chuvashes]. Cheboksary, Chuvash State Institute of Humanities, 1998, 63 p. (In Russ.)

Semenova T. I. Rekrut'skie pesni – svoeobraznye istochniki, otobrazhayushchie zhizn' chuvashskogo naroda [Recruitment songs – peculiar sources depicting the life of the Chuvash people]. In: *Anat enchipe turi chāvashsen nikrut yurrisem. Tekst. 2 tom* [Recruitment songs of the middle and highland Chuvash people. Text. Vol. 2]. T. I. Semenova (Prep. of texts, comp., comm., keyword index); A. P. Leont'ev (Philol. transl. and notes); G. G. Il'ina (Ed.). Cheboksary Chuvash State Institute of Humanities, 2021, pp. 28–51. (In Russ.)

Sidorova E. S. Fol'klor Cheboksarskogo raiona (po materialam ekspeditsii 1974 goda) [Folklore of the Cheboksarsky district (based on the expedition of 1974)]. In: *Chuvashskii yazyk i literature. Trudy, vyp. 53* [Chuvash language and literature. Proceedings, vol. 53]. Cheboksary, Research Institute under the Council of Ministers of the Chuvash ASSR, 1975, pp. 189–202.

Sirotkin M. Ya. *Chuvashskii fol'klor: ocherk ustno-poeticheskogo narodnogo tvorchestva* [Chuvash folklore: sketch of oral-poetic folk art]. Cheboksary, Chuvash. kn. izd., 1965, 132 p. (In Russ.)

Yumart G. F. Chāvash yurrisen puyanlākhē. Ėçpe iāla yurrisen ushkānēsem [The richness of Chuvash songs. Classification of labor and ritual songs]. In: *Chāvash khalākh pultarulākhē* [Chuvash folk art. Labor and ritual songs]. Cheboksary, Chuvash. kn. izd., 2013, pp. 7–18. (In Chuvash)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
27.11.2024*

Сведения об авторе

Елена Владимировна Федотова – кандидат филологических наук, специалист по этнокультурному достоянию отдела традиционной культуры и ремесел Автономного учреждения «Республиканский центр народного творчества «Дворец культуры тракторостроителей» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики» (Чебоксары, Россия)

E-mail: elena.fedotova.73@inbox.ru

ORCID 0000-0002-3479-7455

Information about the author

Elena V. Fedotova – Candidate of Philology, Specialist in ethnocultural heritage of the Department of Traditional Culture and Crafts of the Autonomous Institution «Republican Center of FolkArt “Palace of Culture of Tractor Builders” of the Ministry of Culture, Nationalities and Archives of the Chuvash Republic» (Cheboksary, Russian Federation)

E-mail: elena.fedotova.73@inbox.ru

ORCID 0000-0002-3479-7455

ЭТНОМУЗЫКОВЕДЕНИЕ

УДК 781.7(=511.143)(=511.142)
DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-162-177

Обско-угорский бубен: морфология, органофония

Г. Е. Солдатова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению шаманского бубна хантов и манси с точки зрения этномузыкологии. В составе обско-угорского бубна обнаружено несколько более простых звуковых орудий: мембранофон и разные виды погремушек. Установлено влияние морфологического, физического и исполнительского факторов на звуковой потенциал инструмента. В шаманских обрядах обских угров звучала также цитра – на ней исполнялись мелодии духов. Для коммуникации с ними применялась доска со стрелами. Ансамбль из цитры и доски со стрелами является заменой бубна в ритуале. Автор предполагает, что бубен и дуэт цитры и доски со стрелами в обрядовой культуре обских угров имеют разные исторические, географические и этнические корни.

Ключевые слова

ханты и манси, шаманский бубен, этноорганология, фоноинструмент, идиофоны

Для цитирования

Солдатова Г. Е. Обско-угорский бубен: морфология, органофония // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52). С. 162–177. DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-162-177

© Г. Е. Солдатова, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 4 (iss. 52)

Ob-Ugric drum: morphology, organophony

G. E. Soldatova

Institute of Philology, SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to ethnomusicological consideration of the shamanic drum of Khanty and Mansi (Ob-Ugric peoples). The study is based on the publications of ethnographers, open access video and field materials of the author. An important role in the work is given to special folk terminology related to the structure of the instrument and its name. The author found that the Ob-Ugrians' drum is a composite musical instrument, its components are simple sound instruments: membranophone and several types of idiophones (rattles). The handle and hammer are often called "spoon" and "arrow" or otherwise, but these names are not strictly assigned to them; they may have been interchangeable in the past. Three factors influencing the sound potential of the instrument have been identified: morphological (two resonator cavities and many pendants), physical (wood material, membrane temperature) and performance (the position of the drum and the shaman when playing). In many shamanic rituals of the Ob-Ugric peoples, other instruments were also played: the zither (on which personal melodies of the spirits were played) and the board with arrows (for transmitting "messages" from the spirits to the participants of the ritual). The zither and the board with arrows could completely replace the drum in the ritual. The author suggests that the Ob-Ugric drum is an instrument of late origin, and the use of the drum, zither and the board with arrows in the ritual culture of Khanty and Mansi has different historical, geographical and ethnic roots.

Keywords

Khanty and Mansi, shamanic drum, ethnoorganology, phonoinstrument, idiophones

For citation

Soldatova G. E. Obsko-ugorskiy buben: morfologiya, organofoniya [Ob-Ugric drum: morphology, organophony]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2024, no. 4 (iss. 52), pp. 162–177. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-162-177

Введение

Бубен обских угров, как и других коренных народов Сибири, является важным инструментом коммуникации человека с миром духов. Как атрибут шаманских ритуалов, он привлекал внимание многих путешественников, ученых, краеведов, и упоминания о нем в контексте сообщений о культовой практике хантов и манси встречаются довольно часто. Подробные этнографические описания обско-угорского бубна выполнены К. Ф. Карьялайненом [Карьялайнен, Лукина 1996: 194–196], Е. Д. Прокофьевой [Прокофьева 1961, 1981], И. Н. Гемуевым [Гемуев 1990: 102], А. В. Бауло [2024а, 2024б] и др. Большая подборка материалов по шаманству, а также каталог бубнов, зафиксированных у северных групп хантов и манси, содержится в недавно вышедшей книге А. В. Бауло [2024а]. Каталог, включающий 45 бубнов (далее – Каталог), в том числе двенадцать, публикуемых впервые, дает представление об их строении, разнообразии и распространении по северу Югры.

За последние сто лет подготовлено несколько серьезных исследовательских трудов о бубнах народов Сибири. Прежде всего, это статья Н. П. Дыренковой о шаманских атрибутах тюркских этносов, написанная в 1930-е гг. и опубликованная лишь в 2012 г. [Дыренкова 2012]. В этой работе затронуты многие проблемы исследования бубна. Неслучайно вскоре после ее публикации появились статьи, продолжающие разработку темы: о семантическом родстве шаманских атрибутов [Нам 2015] и о фоноинструментах шаманов Южной Сибири [Сыченко 2019]. Две работы Е. Д. Прокофьевой, написанные позже трудов Н. П. Дыренковой, но вышедшие гораздо раньше, существенно повлияли на формирование представления о бубнах обских угров и селькупов [Прокофьева 1961, 1981]. Большой массив фактического материала и его обсуждение опубликован в статьях Р. Б. Назаренко [1995, 1998] и монографии Ю. И. Шейкина [2002], написанных на основе материалов экспедиций к хантам. Важными представляются также статьи О. Э. Добжанской о бубнах северных самодийцев [2009, 2016]. Идеи и данные, содержащиеся в упомянутых работах, в том числе о заменах бубна в ритуальной практике, его связях с простыми инструментами, очень значимы для проблематики настоящей статьи.

Поскольку бубен хантов и манси изучался преимущественно этнографами, а музыковеды рассматривали его в кругу других культур либо, наоборот, как узколокальный феномен, до сих пор нет этномузыковедческой работы, посвященной бубну обских угров. Очевидна необходимость исследовать обско-угорский бубен не только как ритуальный, но как звуковой инструмент шамана, что и является целью настоящей статьи. Соответственно, возникают задачи описания его структуры, установления ее влияния на звуковой потенциал инструмента, выявления ритуальных звуковых атрибутов, близких бубну морфологически и функционально.

Важными источниками исследования, помимо упомянутых выше публикаций, являются лексические материалы, зафиксированные в словарях [DEWOS; Соловар 2020; Баландин, Вахрушева 1958; и др.], а также сведения, собранные автором во время экспедиций к хантам и манси [ПМА 1992, 1999, 2003].

1. Определение типа бубна хантов и манси

Согласно Е. Д. Прокофьевой, бубны хантов (за исключением восточных) и манси принадлежат к западносибирскому типу, к нему же относятся бубны тундровых ненцев и энцев. Такие инструменты отличаются небольшим размером, формой рукоятки в виде естественной березовой ветки-развилки с подвесками и отсутствием рисунков на коже [Прокофьева 1961: 446]. Ю. И. Шейкин определяет тип бубнов манси, хантов и лесных ненцев как югорский, отмечая такие важные его особенности, как высокие резонаторные столбики, отсутствие резонаторных прорезей на обечайке, вторая линия обода, наличие погребушечной полости [Шейкин 2002: 80]. Последняя деталь особенно важна для исследования бубна с точки зрения музыкальной этнографии.

Обско-угорский бубен, как и другие сибирские бубны, согласно систематике Э. М. фон Хорнбостеля и К. Закса [Хорнбостель, Закс 1987], относится к классу мембранофонов: односторонний рамный барабан с рукояткой (211.321)¹. Тип рукоятки в данной систематике не учитывается. Ю. И. Шейкин предложил ввести дополнительный индекс (211.331) для барабанов с рукояткой внутри обечайки, к ним относится большинство шаманских бубнов Сибири [Добжанская 2016: 82]. Более детализированной систематике, которая охватывала бы все разновидности рукоятки, нет. Для однозначного понимания этнической и территориальной привязки инструмента будем называть бубен хантов и манси обско-угорским.

2. Названия бубна

Звучность бубна, его способность гудеть и даже петь, быть голосом шамана сказалась на его наименовании. С пением – не обычным, а призывным, экстатичным – связано название бубна у большинства локальных групп обских угров: *kojət*, *kojər* (варианты написания: *койэм*, *куйэм*, *койп*, *куюп*, *коюп* и др.). Впервые на эту связь обратила внимание Е. Д. Прокофьева: «у южных манси и хантов имеется свой термин – *коем*, *коип*, что в буквальном переводе означает “орудие пения”» [1961: 449]. Лексема *kaj*, *kəj* (*кэй*) обозначает ритуальный возглас на жертвоприношении, в начале и в конце медвежьих песен, шаманскую песню для призывания духа [DEWOS: 595–596; Соловар 2020: 226]. Не случайно совпадение слов, обозначающих бубен и токовище боровой птицы у ваховско-васюганских хантов: *kojət*, *kəjət*. Глагол *kejtı* (*кэйты*) характеризует состояние экстатического пения: ‘находиться в состоянии транса, блаженства, издавать звуки в такт движению’, а также ‘токовать’ [Соловар 2020: 226]. Очевидна семантическая связь действий шамана, необычными звуками призывающего духов, и движений и звуков токующего глухаря или тетерева, зовущего самку. Осмысление бубна как птицы, представления о роли птицы в шаманстве вообще, о полетах шамана (о чем писала Н. П. Дыренкова в отношении северо-восточной Азии [Дыренкова 2012: 296]) нашло отражение в ритуальной терминологии обских угров.

На севере, у казымских и сынских хантов, известен термин *пензяр*, *пэнцар*, сходный с названием ненецкого бубна [Прокофьева 1961: 449]. Появление этого термина у ненцев, как и подобных названий у селькупов и других самодийцев, исследователи связывают с основой *пеу* / *пыу*, передающей звук жужжания. В этом случае название маркирует особый гудящий тембр инструмента [Шейкин 2002: 422–423; Добжанская 2009: 93].

¹ Здесь и далее цифрами в круглых скобках обозначены индексы согласно указанной систематике.

3. Морфология обско-угорского бубна

Бубен хантов и манси имеет три основные части, которые присутствуют в бубнах разных народов: обечайку, мембрану и рукоять. В обско-угорском бубне есть также резонаторные столбики-«шишки» и обруч (рис. 1).

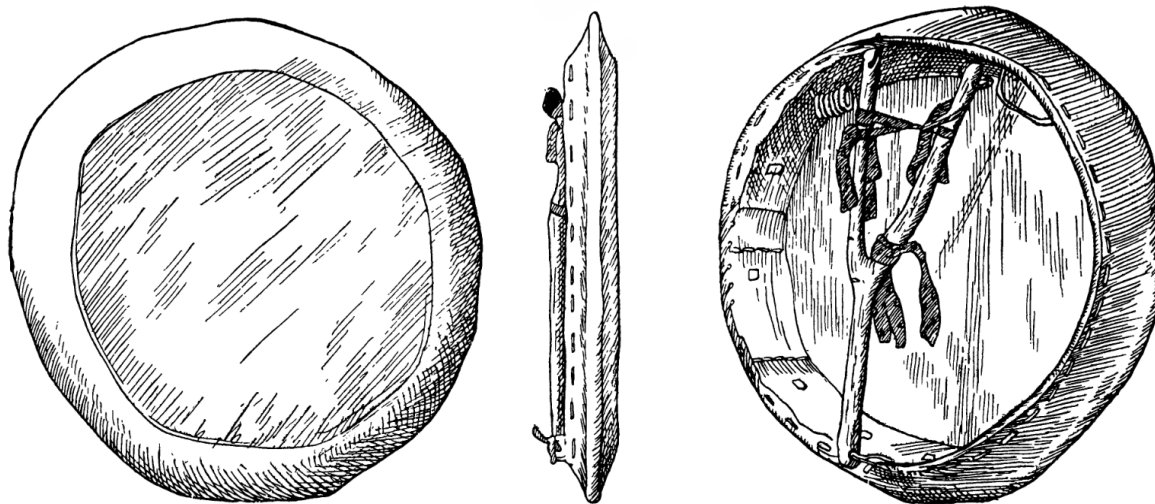

Рис. 1. Хантыйский бубен с цельной У-образной рукоятью [Прокофьева 1961: 477, табл. II, 4]
 Fig. 1. Khanty drum with one-piece Y-shaped handle [Prokofieva 1961: 477, table II, 4]

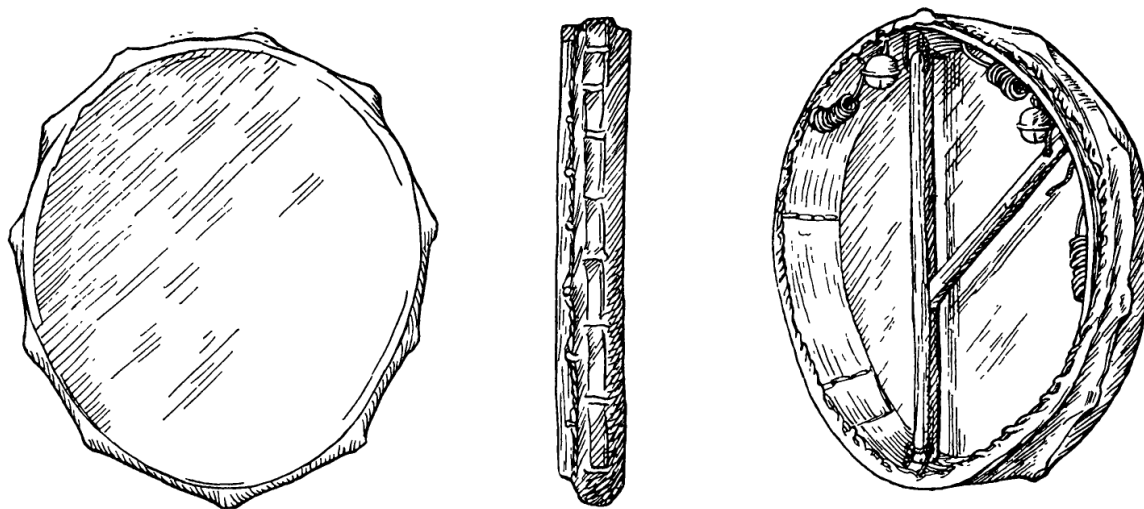

Рис. 2. Хантыйский бубен с составной У-образной рукоятью [Прокофьева 1961: 477, табл. II, 1]
 Fig. 2. Khanty drum with a composite Y-shaped handle [Prokofieva 1961: 477, table II, 1]

Все экземпляры инструментов, известные по полевым и музейным коллекциям, имеют овальную или круглую форму, иногда форму неправильного овала. Последнее может быть вызвано деформацией деревянной обечайки в процессе ее длительного использования и хранения. **Обечайка** делается из березы, ели или пихты. Ее название зафиксировано только у манси: *койп йив* [Источники 1987: 38], букв. ‘бубна дерево’. В обечайку врезаны деревянные резонаторные **столбики** *койп юр* [Там же], букв. ‘бубна зверь (?)’. Их число за редкими исключениями кратно семи: 7, 14 или 21 [Kannisto 1958: 411]. Число «шишек», как правило, прямо пропорционально размерам мембраны: чем больше мембрана, тем больше столбиков. В некоторых экземплярах бубнов столбики имеют форму сустава (рис. 4б, 4в и № 7 в Каталоге), что хорошо согласуется с представлением о бубне как ездовом животном шамана. В то же время слово *юр* в мифологическом контексте означает ‘тритон (земноводное, ящерица)’ [Афанасьева, Собянина 2012: 88]. Насколько сочетаемы столбик-сустав и именование его тритоном / ящерицей? Известно, что во

время камлания шаман перемещался в разные миры. И если в верхний мир его переносил бубен-олень или бубен-лось, а в нижнем, подземном, помогал медведь, то в подводном мире ему тоже нужен был помощник. Такими помощниками, проводниками в (под)водный мир как раз и могли быть мифологические земноводные или тритоны.

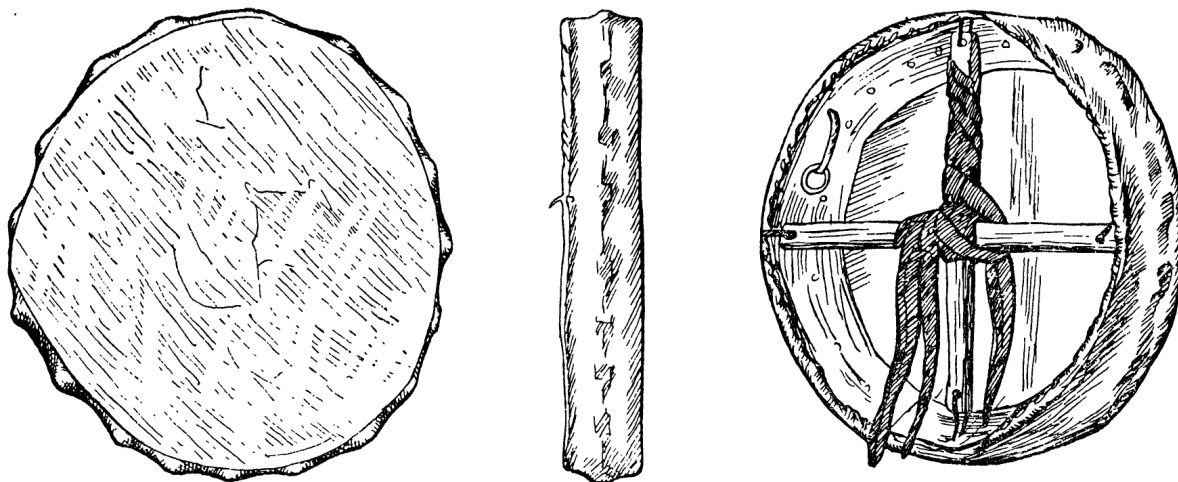

Рис. 3. Хантыйский бубен с крестовидной рукоятью [Прокофьева 1961: 485, табл. X, 3]

Fig. 3. Khanty drum with cross-shaped handle [Prokofieva 1961: 485, table X, 3]

Поверх столбиков вдоль наружной стороны обечайки бубна прокладывается **обод (обруч)**: манс. *койп кисе* ‘внешняя обвязка’ [Источники 1987: 38] (ср. манс. *кис* ‘обруч’ [Баландин, Вахрушева 1958: 37], хант. *кўсы* ‘обруч, дуга’ [Соловар 2020: 221]). На обод натягивается сырая кожа, которая при высыхании становится **мембраной** – главной звучащей частью бубна. Думается, использование кожи разных животных, включая оленью, лосиную, рыбью и собачью, наряду с названием столбиков – след узкой специализации шаманов, их способности камлать в определенную область мифоритуального пространства.

Размер бубна определяется диаметром его мембраны. У бубнов, представленных в Каталоге, преобладает диаметр 53–58 см, есть экземпляры меньшего (48 x 51) и значительно большего (72 x 82 см) размера. Такое разнообразие размеров может быть связано с обычаем изготовления бубна пропорционально росту силы шамана, как случается у других народов. Об этом же, основываясь на тюрко-монгольских материалах, писала Н. П. Дыренкова: «размеры бубнов значительно колеблются в пределах даже одной народности и даже у одного шамана в различные периоды его жизни» [Дыренкова 2012: 332].

В ряду обско-угорских бубнов выделяются миниатюрные инструменты. Таков *няврем койп* ‘детский бубен’ ляпинских манси, обнаруженный В. Н. Чернецовым в экспедиции 1926–1927 гг. [Источники 1987: 40]. Подобный инструмент описан Е. Д. Прокофьевой: «У казымских хантов бытовали маленькие бубны (*ай пензяр*), являвшиеся точной копией настоящих шаманских бубнов... это были бубны-игрушки» [Прокофьева 1961: 438]. Маленький бубен диаметром 30 см найден нами у манси р. Ляпин [ПИМА 1999: 8 об.]. Все эти инструменты действительно могли предназначаться для знакомства детей с ритуальными атрибутами² – ведь у обских угров есть обычай изготовления миниатюрных копий предметов быта (например, лодок, саней), повторяющих форму настоящих. Также нельзя исключить, что маленькие бубны принадлежали шаманам на начальном этапе их становления.

² Детские бубны известны также у коряков [Хаховская 2016: 317, рис. 1 и 2].

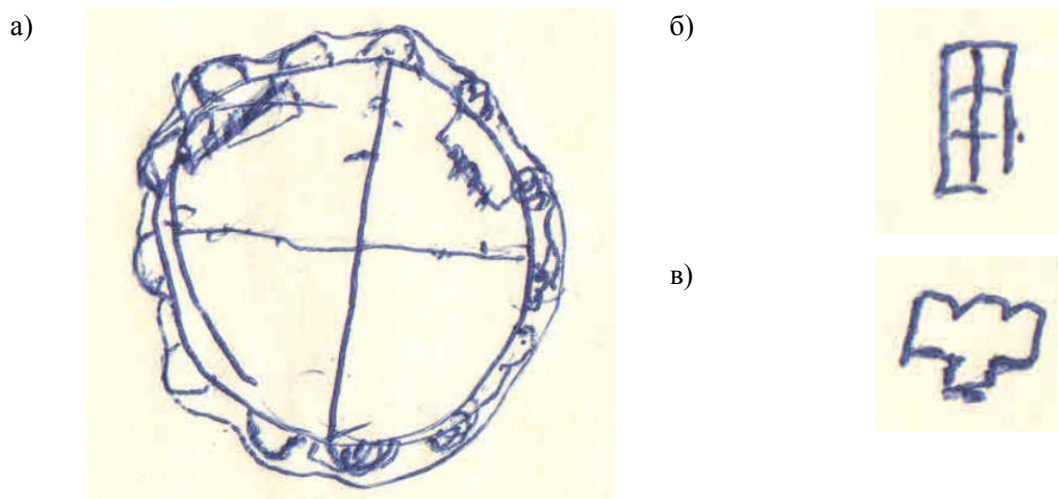

Рис. 4. Бубен верхне-сосвинских манси. Рисунок А-ва М. Н., 60 лет [ПМА 1992, тетрадь 1: 29]

Fig. 4. Drum of the Upper Sosva Mansi. Drawing by M. N. A-v, 60 years old

[Field materials of the author 1992, workbook 1: 29]

Рис. 4а. Внутренняя сторона бубна

Fig. 4a. The inside of the drum

Рис. 4б, 4в. Резонаторный столбик (вид сверху, сбоку)

Fig. 4b, 4c. Resonator post (top view, side view)

Внутренняя часть бубна содержит множество вложенных (прикрепленных, привязанных) предметов. Ими могут быть красные и черные полоски ткани, которыми обматывают рукоять, привязанные к ним бубенчики, колокольчики, а также металлические подвески и кольца, нанизанные на скобы в обечайке. Семантически все эти предметы связаны с представлениями о духах, обитающих в бубне. В то же время соприкосновение металлических подвесок друг с другом, с деревом и кожей создает множество различных шумов и звонов, играющих важную роль в создании звукового пласта шаманского обряда. Подробнее об этом см. п. 4.

Рукоять обско-угорского бубна чаще всего представляет собой цельную естественную развилку (ветку) березы (рис. 1). Она может быть не цельной, а составной (рис. 2), похожей на естественную развилку. Рукоять в виде естественной или искусственной развилки отнесена Е. Д. Прокофьевой к характерным признакам бубнов западносибирского типа [Прокофьева 1961: 446]. В то же время северохантыйские бубны могли иметь крестовидную рукоять (рис. 3, а также №№ 14–16 Каталога). Рукоять-крестовина встречается и у манси, проживающих в верховьях р. Сев. Сосьва (рис. 4а). Тем не менее У-образная рукоять является численно преобладающей, и ее нужно считать более специфичной для обско-угорских бубнов.

Отдельный, но крайне важный для звука бубна предмет – деревянная **колотушка**, обтянутая кожей, обычно оленьей, около 40 см в длину, прямая или слегка изогнутая. Колотушка служит для ударов по бубну (рукой музыкант не стучит) и, вероятно, используется как самостоятельный инструмент для гадания. Известно, что у других народов, в том числе у соседей-селькупов, с помощью колотушки гадали начинающие шаманы [Дыренкова 2012: 317; Нам 2017: 168; Прокофьева 1961: 437; Прокофьева 1981: 48].

Названия колотушки и рукояти стоит прокомментировать особо, поскольку терминов, маркирующих их, немало, и некоторые из них пересекаются. Самый употребительный термин – манс. *няли* ‘ложка’ (*койп няли* ‘ложка бубна’), обозначающий колотушку у манси и шурышкарских хантов. У казымских хантов ему соответствует *нъл* ‘ручка, рукоятка’ [Соловар 2020: 332]. В верхнелозьвинском диалекте мансийского колотушка обозначена семантически близким словом *мӓнт* ‘лопата’ [Kannisto 1958: 412; Бахтиярова, Динисламова 2016: 62], оно совпадает с названием разливных ритуальных ложек, которые применяются в культовой практике на мансийских святилищах [Гемуев, Сагалаев 1986: 41–44].

Зафиксировано и другое название колотушки, переводимое как ‘стрела’. А. Алквист записал у одборских хантов термин *penšer-ňal* [DEWOS: 1185], букв. ‘стрела бубна’, В. Н. Чернецов в том же значении у манси – *койп нял* [Источники 1987: 38]. Тем же словом обозначил коло-

тушку и наш информант с р. Сыня (инф. А. К. К-ов [ПМА 2003]). К. Ф. Карьялайнен сообщил общее название для лопатки, ложки и колотушки бубна у ваховских хантов – *pālañtiw* [Карьялайнен 1996: 194], Х. Паасонен нашел его на Югане (хант. *paliñtap* [DEWOS: 596]). Совмещение названий ложки и колотушки отмечено также у селькупов [Прокофьева 1981: 47]. В традиции сынских хантов рукоять бубна называют *сеҥкеп* ‘рукоять’ (инф. А. К. К-ов [ПМА 2003]), что в казымском диалекте означает ‘колотушка, молоток’ [Соловар 2020: 517].

Итак, главные названия колотушки ‘ложка’ и ‘стрела’ обозначают предметы, сходные по форме друг с другом и одновременно похожие на колотушку и рукоять бубна. Вероятно, по этой причине стало возможным перенесение названия с бытового предмета на обрядовый и использование одного термина для нескольких предметов.

Разница и сходство названий колотушки и рукояти бубна создают впечатление некоторой путаницы в терминологии, что не случайно. Смешанные названия рукоятки, колотушки, ложки, стрелы говорят не только о локальных различиях и неустоявшемся характере органоэтической лексики, но и о том, что само устройство бубна не столь жестко сформировано. Скорее всего, речь идет о некогда существовавшей функциональной вариативности атрибутов обряда. Благодаря морфологическому родству колотушка и рукоять могли быть взаимозаменяемы. Так было, например, у шорцев, которые в качестве колотушки использовали естественную развилку ветки [Прокофьева 1961: 436–437]. Ложка, лопатка, черпак могли стать инструментом для удара, подбрасывания (в целях гадания), размешивания или употребления ритуальной пищи³. Стрела, с одной стороны, является аналогом колотушки [Нам 2015: 169], с другой – может служить рукоятью бубна. Пример функциональной вариативности – музейный экспонат, фрагмент хантыйского бубна начала XX в. (Каталог, № 22). Сохранилась его обечайка со скобами и вставленная в нее рукоять-стрела, обмотанная тканью. Факт использования стрелы вместо У-образной или крестовидной рукояти очень важен еще и потому, что говорит о причастности стрел к звуковой атрибутике обряда (см. п. 5).

4. Органофония

Характеристика обско-угорского бубна представляет собой сложную задачу. Живая традиция игры на бубне у манси и северных групп хантов давно прервалась, и аудиозаписей на этих территориях, насколько нам известно, сделано не было. Мы можем опираться только на материалы, записанные у восточных хантов. Камлания тромаганского шамана И. С. Сопочина зафиксированы новосибирскими музыковедами в экспедициях 1986–1987 гг.⁴ Некоторые результаты исследований собранного материала опубликованы в работах Р. Б. Назаренко [Назаренко 1988; 1995; 2008] и Ю. И. Шейкина [Шейкин 2002]. Игру на бубне можно услышать и увидеть также благодаря фильму Леннарта Мери «Сыновья Торума» (1989 г.)⁵, который снимался в 1980-х гг. у восточных хантов и посвящен центральному обряду обских угров – медвежьему празднику.

В ритуальном звучании бубна образуется три пласта: гул / гудение (его создают колебания мембраны), звон всевозможных подвесок и шум вложенных предметов. Р. Б. Назаренко к числу фоноопределяющих параметров восточно-хантыйского бубна относит структуру резонатора – его форму, глубину, материал, наличие резонирующих элементов (столбиков, прорезей на обечайке), строение «дополнительной звуковой части» (металлических подвесок на обечайке или рукоятке, поперечного стержня с подвесками, колокольчиками), а также тип рукоятки (подвижная, неподвижная) [Назаренко 1988: 164]. На наш взгляд, качество звучания и окраска звука определяются не только этими параметрами, но и рядом иных.

Факторы звучания обско-угорского бубна можно условно разделить на морфологические, физические и исполнительские. **Морфологические** особенности бубна – размер обечайки

³ У чалканцев колотушку может заменять ложка – при разбрызгивании ритуальных напитков, как гадательный инструмент и как фоноинструмент, имитирующий удары в бубен [Сыченко 2019: 60].

⁴ МЭЭ НГК: 1986 г., Нижневартовский р-н ХМАО – музыковеды Ю. И. Шейкин и Р. Б. Назаренко, писатель Е. Д. Айпин; 1987 г., Сургутский р-н ХМАО – музыковеды Ю. И. Шейкин, Р. Б. Назаренко и В. И. Киле. Материалы хранятся в Архиве традиционной музыки НГК (коллекции А0046, А0047).

⁵ Фильм есть в открытом доступе: <https://jupiter.ert.ee/1608732760/toorumi-pojad> (на эстонском языке); <https://youtu.be/-kkJT-tNfHc> (на русском языке), дата обращения – 27.05.2024.

и мембраны, наличие обода – во многом определяют характер звука. Благодаря второму ободу югорский бубен имеет две резонаторные полости – большую и малую. Большая полость создается внутренними поверхностями мембраны и обечайки: чем больше ширина обечайки и диаметр мембраны, тем глубже образуемая «чаша» и больше объем резонатора, соответственно – громче и богаче звук, насыщеннее гудение. Малый резонатор возникает между внешней стороной обечайки и кожей, натянутой на дополнительный обод. Обод прокладывается по столбикам, которые сами по себе резонаторами не являются, но поддерживают кожу как распорки и стабилизируют форму резонирующей полости, заполняемой мелкими предметами (дробью, камешками и даже колокольчиками и кольцами [Карьялайнен 1996: 196]). Благодаря ободу «образовывались полости-резонаторы», и бубен «издавал шум подобно детской погремушке» [Прокофьева 1961: 435, 438]. Характерный шум производит малый резонатор, который органически представляет собой сосудную погремушку (112.13).

Наличие навесных / подвесных погремушек (112.121) и их количество создает еще одну линию звучания бубна, иногда автономную. Основным методом крепления металлических предметов является нанизывание на скобу – стержень, края которого загибаются и вбиваются в обечайку (112.112). Перемещение по скобе и соприкосновение металлических предметов во время встряхивания бубна и/или ударов по нему создает звонкий гремящий поливысотный звук. Звон исходит и от идиофонов, привязанных к рукояти полосками ткани – колокольчиков (111.242) и бубенчиков (112.13). Они не скользят по скобе, но звенят при малейшем движении. Благодаря этим подвескам хантыйский бубен, в частности на Тромагане, может звенеть и шуметь без контакта с колотушкой: «когда сам шаман или другие участники обряда поворачивают бубен “по солнцу”, звучат только идиофонные погремушки» [Назаренко 1995: 366].

Физические факторы звучания связаны со свойствами материалов, из которых сделан бубен. Основным источником звука – колебания мембраны, возникающие от удара колотушки. Чем больше амплитуда колебаний кожи, тем сильнее вибрация и мощнее звук. На возможности мембраны вибрировать влияет ее термическое состояние. Нагретая кожа становится мягче и слегка растягивается, следовательно, площадь мембраны увеличивается, и она будет колебаться с большей амплитудой, входя в резонанс с обечайкой. Именно поэтому перед камланием и во время него «бубен для лучшей звучности грели над открытым огнем костра, очага» [Прокофьева 1961: 435], это широко распространенная традиция, связанная с улучшением акустических свойств инструмента, достижением нужного тонового напряжения мембраны [Добжанская 2016: 87; Шейкин 2002: 74]. Старые бубны, долго служившие для культовых целей, имеют темный цвет, на их коже видны следы нагрева.

Большую роль в тембровых характеристиках бубна играет материал обечайки (древесина). Бубны, сделанные из березы и ели, резонируют по-разному. Древесина березы, плотная и твердая, резонирует мало, зато дает четкий ясный звук и хорошо отражает звуковые волны, подчеркивая высокие и средние частоты; сустейн (длительность извлеченного звука) у нее короткий⁶. Древесина ели, наоборот, мягкая и легкая, обладает отличными резонирующими свойствами, имеет широкий диапазон частот, усиливает колебания мембраны и продлевает сустейн⁷. Бубен с еловой и пихтовой обечайкой звучит гулко и глубоко. И. С. Сопочин считал лучшим материалом для обечайки сосну, потому что она дает бубну самый красивый звук [Kerezsi 2021: 201].

Исполнительский фактор. Без человека бубен не зазвучит. Шаман, используя разные позиции и меняя положение бубна при игре, управляет звуковым процессом. Во время камлания, описанного Р. Б. Назаренко, шаман был «в сидячем положении, за исключением кульминационного фрагмента обряда (пляска шамана)» [Назаренко 1995: 366]. По ее наблюдениям, инструмент может находиться перпендикулярно туловищу исполнителя (под углом 60°) или параллельно ему, шаман может равномерно двигать бубном из стороны в сторону или вверх и вниз и одновременно отклоняться назад [1995: 366–367].

⁶ По мнению знатоков современного искусства перкуссии, «барабаны из березы часто выбирают рок-барабанщики, потому что... береза помогает достичь более резкого и агрессивного звучания» [<https://pop-music.ru/articles/derevo-dlya-barabanov/>; дата обращения – 14.08.2024].

⁷ [<https://serebrov.com/2015/09/25/porody-dereva-ispolzuyemye-dlya-izgotovleniya-muzykalnyh-instrumentov/>; дата обращения – 14.08.2024]

В фильме Л. Мери аганский шаман Г. В. Покачев исполняет священную песню в сопровождении бубна (время начала эпизода: 00:43:07). Вне камлания он тоже сидит, скрестив ноги и немного покачиваясь. Бубен он держит в правой руке под углом, повернув мембраной к себе (рис. 5а). Заканчивая песню, он поднимается (сначала на колени) и продолжает стучать в бубен, двигая им вверх и вниз (рис. 5б).

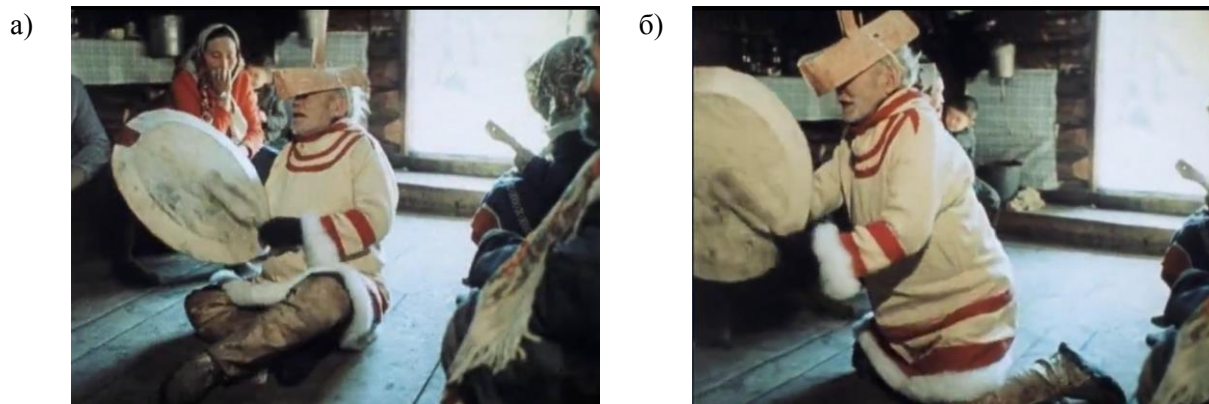

Рис. 5. Г. В. Покачев исполняет песню с бубном на медвежьем празднике.

Кадр из фильма Л. Мери «Сыновья Торума» (1989)

Fig. 5. G. V. Pokachev performing a song with a drum at the Bear Feast.

A still from L. Meri's movie "Sons of Torum" (1989)

Рис. 5а. The main section of the song

Fig. 5а. Основной раздел песни

Рис. 5б. Окончание песни

Fig. 5б. The end of the song

В фильме есть также эпизод мужской пляски (рис. 6), в которой участвует шаман И. С. Сопочин, одновременно играющий на бубне (00:50:11). Довольно быстрые удары в бубен сочетаются с прыжками мужчин. При этом бубен звучит тоже в двух позициях: исполнитель держит его то вертикально перед собой, перемещая вверх и вниз во время прыжка, то под углом.

Рис. 6. И. С. Сопочин играет на бубне во время мужского танца на медвежьем празднике.

Кадр из фильма Л. Мери «Сыновья Торума» (1989)

Fig. 6. I. S. Sopochnin playing a drum during a men's dance at the Bear Feast.

A still from L. Meri's movie "Sons of Torum" (1989)

Медвежьи песни обычно исполняются *a capella*, а танцы сопровождаются струнным инструментом, однако фильм демонстрирует иной вариант: и песни, и танцы исполняются под бубен, причем довольно новый (возможно, сделанный к приезду кинематографистов) и не оснащенный звенящими-гремящими подвесками. В партии бубна используется только техника удара колотушкой. Во время пения хорошо уловимы свободная смена темпа и ритмических фигур, чередование групп ударов – то частых, то редких; во время танца, наоборот, слышны однотипные трехдольные ритмоформулы⁸ и равномерные удары с регулярными акцентами. Все это говорит о хорошо управляемом процессе звукоизвлечения, об опыте исполнителей и намерении использовать бубен в данном случае не как шаманский, но именно как музыкальный инструмент. Таким образом, от мастера-изготовителя и от музыканта-шамана зависит, какой звук будет издавать бубен (резкий, ясно-ритмичный, четкий, гулкий, грохочущий и т. д.) и какое действие на участников обряда и на самого шамана он произведет.

5. Бубен как синтез простых звуковых орудий

Идея Н. П. Дыренковой о возможном совмещении в бубне двух простых звуковых орудий – бубна и рукоятки в форме трещотки [Дыренкова 2012: 320] – была независимо сформулирована также Е. Д. Прокофьевой [1961: 50; 1981: 50–54], а позже поддержана и продолжена в исследованиях Е. В. Нам [2015, 2017] и Г. Б. Сыченко [2019]. Рассмотрение бубна хантов и манси с этой точки зрения также весьма продуктивно.

У-образная рукоять обско-угорского бубна, снабженная звенящими подвесками, очень похожа на систр. Это хорошо заметно на примере старой рукояти, обнаруженной в среднем течении р. Сев. Сосьва отдельно от других фрагментов бубна, принесенных весенней водой (Каталог, № 13) (рис. 7а). По сути такая рукоять – самостоятельное звуковое орудие, стержневая погребушка (112.112).

Систром-погребушкой пользовались вместо бубна корякские шаманы [Шейкин 2002: 60], а у чулымцев, не имеющих бубна, по данным Э. Л. Львовой, погребушка была основным шаманским орудием [Сыченко 2019: 64]. Иными словами, погребушка, подобная рукояти бубна хантов и манси, существует реально в обрядовой деятельности сибирских народов как отдельный шаманский инструмент. По-видимому, систры применялись автономно и в ритуальной практике обских угров. Так, на святилище *Норколн урай* в районе проживания сосвинских манси найдена аналогичная по форме фабричная вещь, атрибутированная как игрушка [Бауло 2013: 36, 42, рис. 41]. Игрушка (рис. 7б) представляет собой погребушку с колокольчиками и вполне могла использоваться в качестве замены бубну. Это тем более вероятно, что святилище описано как шаманское место.

Внешний (ободочный) резонатор бубна с засыпанными в него мелкими предметами образует еще одно звуковое орудие. Дополнительную полость заметила Е. Д. Прокофьева: «столбики и сарговые полосы дают резонатор» [Прокофьева 1961: 435]. В другой работе она идет дальше, утверждая, что камешки между обечайкой и дополнительным ободком – это элементы инструмента, существовавшего до бубна – какой-то трещотки-жужжалки [Прокофьева 1981: 50–54]. Такая «трещотка» с точки зрения музыкальной органологии представляет собой погребушку сосудного типа (112.13).

Погребушками в составе бубна являются также скобы в обечайке с нанизанными на них кольцами (стержневая), привязанные к лентам на рукояти металлические предметы (шнуровая), среди которых есть и отдельные колокольчики / бубенчики (рамная / сосудная).

⁸ Ритмический рисунок партии бубна очень напоминает мелодию мужского танца, исполняемую на цитре *сауквьлтан* северными манси. Видимо, в таких мелодиях использовались формулы, общие для разных групп обских угров.

а)

б)

Рис. 7а. Рукоять бубна (Каталог, № 13 [Бауло 2024а: 170])

Fig. 7a. Drum Handle (Catalog, no. 13 [Baulo 2024a: 170])

Рис. 7б. Погремушка со святилища Норколн урай [Бауло 2013: 42, рис. 41]

Fig. 7b. The Rattle from the sanctuary Norcoln Urai [Baulo 2013: 42, fig. 41]

Колотушка у многих бубнов представляет собой не простую ударяющую палочку. Прикрепленный к ее концу колокольчик / бубенчик тоже создает подобие систра, а привязанные к ней ленты с металлическими предметами – погремушка шнурового типа.

Если учесть все, что звучит в обско-угорском бубне, включая звенящие и грохочущие части, можно сказать, что он представляет собой комплект фоноинструментов: один простой мембранофон и 4–5 погремушек разных видов. Наличие в бубне составных частей – потенциально самостоятельных звуковых орудий – может говорить об их изначальной, существовавшей до бубна, автономности и вероятном соединении в новом, более сложном инструменте. Анализ бубна хантов и манси подтверждает гипотезу Г. Б. Сыченко, выдвинутую на основе южно-сибирского материала: рукоять бубна «сама является погремушкой, звучание которой в значительной степени усилилось с появлением мощного резонатора – корпуса бубна с мембраной» [Сыченко 2019: 65–66]. Вслед за коллегами, изучавшими шаманские традиции другого этнокультурного региона [Дыренкова 2012: 330; Сыченко 2019: 65], можно предположить позднее происхождение обско-угорского бубна.

6. Бубен, цитра и доска со стрелами

Как показывает морфологический анализ бубна, вполне возможно, что до его появления – во всяком случае, в том виде, в котором он дошел до нас, существовали и другие звуковые атрибуты ритуалов. Бубен точно не был единственным фоноинструментом.

В. Н. Чернецов записал интересное суждение своего информатора: «Сайнахов высказал мнение, что в прежнее время вогулы не имели бубна, так как бубен не упоминался в сказках и песнях» [Источники 1987: 197]. И действительно, в памятниках устного народного творчества обских угров, записанных К. Ф. Карьялайненом, Б. Мункачи, А. Каннисто, гораздо чаще упоминается цитра (хант. *нарэс йӱх*, манс. *сауквылтан*): «Твое семиструнное, со струнами дерево / Настрой, / Твое шестиструнное, со струнами дерево / Настрой!» [Каннисто 2016: 33–34]. Использование хордофонов в качестве обрядовых инструментов, в том числе для шаманских ритуалов, известно в культурах многих сибирских и среднеазиатских народов. В обрядовой практике хантов и манси игра на цитре также неоднократно зафиксирована в XIX–XX вв. Таким образом, физическая возможность замены бубна струнным инструментом существует у обских угров, по меньшей мере, на протяжении двух веков.

В шаманских ритуалах, проводимых в темном помещении (манс. *турман кол*, хант. *пӓтлам хот*) звучала цитра, на ней исполнялись призывные персональные мелодии духов. Есть множество свидетельств, что в паре с ней был еще один фоноинструмент – доска со стрелами (манс.

нял парт), являющаяся коммуникативным средством [Солдатова 2014: 80]. С его помощью – стуком, царапанием – изображали появление духов и передавали их «сообщения» людям. Вот несколько примеров: «шаман кладет металлическую доску на пол, на нее стрелы с железными наконечниками и начинает призывать бога, ударяя этими стрелами по доске» [Гондатти 1888: 13]; «кладут “доску для стрел” (ñāl pārt); для этой цели часто берут доску задней полки. <...> дух-покровитель стучит стрелой по подставке для доски. Если никто больше не придет, дух-покровитель несколько раз скребет стрелой по доске» [Kannisto 1958: 426]; «Если это был бог, чье имя назвали, то в ответ слышался стук, а если нет, то был слышен звук, как будто что-то скребут (“проводят чем-то, будто подчеркивают”))» [Бауло 2024а: 135].

Связки стрел обнаруживаются на святилищах хантов и манси до сих пор, что говорит о доступности (и, следовательно, распространенности) доски со стрелами в качестве звукового атрибута шаманского сеанса. Следы этой традиции есть и в источниках рубежа XIX–XX вв., и в полевых материалах конца XX – начала XXI вв. Все свидетельства о доске со стрелами отмечают и цитру, а вот упоминания бубна чрезвычайно редки. По-видимому, присутствие в обряде цитры и доски со стрелами полностью удовлетворяет потребности шамана в звуковом обеспечении ритуала и поэтому представляется своего рода альтернативой бубну.

Заключение

Особенности строения бубна, наличие в его составе простых, но имеющих самостоятельную функцию звуковых орудий, неустоявшаяся лексика, маркирующая рукоять-держалку и колоушку бубна, возможность совершать ритуал без бубна, отсутствие рисунков на мембране дают основание поставить вопрос о позднем появлении бубна в шаманском инструментарии обских угров. Вполне вероятно, что его появлению предшествовало применение более простых в изготовлении и использовании звуковых орудий. В музыкальном и контекстуальном плане обско-угорский бубен обнаруживает черты сходства с самодийскими, особенно с селькупским. Е. Д. Прокофьева считала возможным «заимствование элементов камлания в темном чуме селькупами и манси от аборигенов территории бассейна Оби и восточного Приуралья, которых застали и селькупы, и манси» [1981: 57]. Возможно, формирование обско-угорского бубна имеет те же истоки.

Сохранившийся до конца XX в. способ звукового изображения духов-покровителей и передачи их сообщений в ритуале с помощью стрел – распространенного и подручного средства охотников и воинов – позволяет осторожно предположить, что бубен и дуэт цитры и доски со стрелами в обрядовой культуре обских угров имеют разные исторические, географические и этнические корни.

Список литературы

- Афанасьева К. В., Собянина С. А. Школьный мансийско-русский (орфографический) словарь. Ханты-Мансийск: РИО ИРО, 2012. 87 с.
- Баландин А. Н., Вахрушева М. П. Мансийско-русский словарь. Л.: Учпедгиз, 1958. 228 с.
- Бауло А. В. Священные места и атрибуты северных манси в начале XXI века: Этнографический альбом. Ханты-Мансийск, Екатеринбург: Баско, 2013. 208 с.
- Бауло А. В. Шаманские бубны северных обских угров (XVIII – начало XXI вв.) // Археология, этнология и антропология Евразии. 2024б. Т. 52 (3). С. 99–109.
- Бауло А. В. Шаманы и ворожеи обских угров (север Западной Сибири, XVII – начало XXI века) / Отв. ред. А. И. Соловьев. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2024а. 207 с.
- Бахтиярова Т. П., Динисламова С. С. Мансийско-русский словарь (верхне-лозьвинский диалект). Тюмень: ООО «ФОРМАТ», 2016. 140 с.
- Гемуев И. Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.
- Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси. Культурные места (XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1986. 192 с.
- Гондатти Н. Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М.: б. и., 1888. 92 с.
- Добжанская О. Э. Шаманские фоноинструменты самодийских народов: типология в контексте ритуального функционирования // Традиционная культура. 2009. № 3. С. 92–104.

Добжанская О. Э. Шаманский бубен: музыкальный инструмент или ездовой олень шамана? // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. Вып. 2 (12). С. 81–90.

Дыренкова Н. П. Атрибуты шаманов у турецко-монгольских народов Сибири // Дыренкова Н. П. Тюрки Саяно-Алтая: Ст. и этногр. матер. СПб.: Наука, 2012. С. 277–339. (Серия «Кунсткамера – Архив». Т. VI)

Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 284 с.

[Каннисто А.] Мансийская (вогульская) народная поэзия: тексты мифологического содержания, молитвы. Собрание и перевод А. Каннисто. Обработка и издание М. Лиимола / сост., транслит. текстов, пер. на рус. яз., паспортиз. текстов Е. И. Ромбандеевой. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2016. 152 с.

Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Перевод с нем. Н. В. Лукиной: в 3-х тт. Т. 3. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1996. 247 с.

Назаренко Р. Б. Музыкальные инструменты народов Сибири в музейных коллекциях (опыт типологии шаманских бубнов) // Музыкальная этнография Северной Азии / Отв. ред. Ю. И. Шейкин. Новосибирск, 1988. С. 161–169.

Назаренко Р. Б. О шаманском бубне сургутских хантов // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур: Тезисы Междунар. науч. конф. Новосибирск (Академгородок), 26–30 июня 1995 г. Новосибирск, 1995. Т. 1. Филология. С. 365–367.

Назаренко Р. Б. Напевы шаманских песен и шаманских сеансов // Традиции и инновации в современном фольклоре народов Сибири: Сб. науч. статей и материалов / Отв. ред. Г. Е. Солдатова. Новосибирск: Арта, 2008. С. 98–103.

Нам Е. В. Шаманские атрибуты народов Сибири: истоки семантического единства и полифункциональности // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3/2 (87). С. 165–172.

Нам Е. В. Космология и практика сибирского шаманизма / науч. ред. Д. А. Функ. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2017. 296 с.

Прокофьева Е. Д. Шаманские бубны // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 435–490.

Прокофьева Е. Д. Материалы по шаманству селькупов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л.: Наука, 1981. С. 42–68.

Солдатова Г. Е. Музыкальный фольклор в шаманской практике манси // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2014. № 1. С. 76–82.

Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект): более 9000 слов / Под ред. А. А. Бурькина. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2020. 690 с.

Сыченко Г. Б. «Только с бубном можно до Тьяжина дойти...» (фоноинструменты в шаманских традициях Южной Сибири) // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 4. С. 57–69. DOI: 10.26158/ТК.2019.20.4.005

Харовская Л. Н. Корякские бубны: бытование в этнолокальной культуре // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 2. С. 315–327.

Хорнбостель Э. М. фон, Закс К. Систематика музыкальных инструментов // Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка. М., 1987. Ч. 1. С. 229–261.

Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование. М.: Вост. лит., 2002. 718 с.

DEWOS – Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin: Akademie Verlag, 1966–1988. 1024 pp.

Kannisto A. Materialien zur Mythologie der Wogulen. Gesamm. von Artturi Kannisto. Bearb. und hrsg. von E. A. Virtanen, M. Liimola. Hels., 1958. 443 p. (MSFOu; Bd. 113).

References

- Afanas'eva K. V., Sobyana S. A. *Shkol'nyy mansiysko-russkiy (orfograficheskiy) slovar'*. [School Mansi-Russian (orthographic dictionary)]. Khanty-Mansiysk, Institute for Education Development, 2012, 87 p. (In Mansi, in Russ.)
- Bakhtiyarova T. P., Dinislamova S. S. *Mansiysko-russkiy slovar' (verkhne-loz'vinskiy dialekt)* [Mansi-Russian dictionary (Verkhne-Lozvinsky dialect)]. Tyumen', FORMAT Publ., 2016, 140 p. (In Mansi, in Russ.)
- Balandin A. N., Vakhrusheva M. P. *Mansiysko-russkiy slovar'* [Mansi-Russian dictionary]. Leningrad, Uchpedgiz publ., 1958, 228 p. (In Mansi, in Russ.)
- Baulo A. V. Shamanskie bubny severnykh obskikh ugrov (XVIII – nachalo XXI vv.) [Shamanic drums of the Northern Ob-Ugrians (XVIII – early XXI cc.)]. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2024, vol. 52 (3), pp. 99–109. <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2024.52.3.99-109> (In Engl., in Russ.)
- Baulo A. V. *Shamany i vorozhei obskikh ugrov (sever Zapadnoy Sibiri, XVII – nachalo XXI veka)* [Shamans and witches of the Ob-Ugrians (North of Western Siberia, XVII – beginning of XXI cent.)]. Ed. by A. I. Solov'ev. Novosibirsk, IAET SB RAS, 2024, 207 p. (2024 a) (In Russ.)
- Baulo A. V. *Svyashchennyye mesta i atributy severnykh mansi v nachale XXI veka: Etnograficheskiy al'bom* [Sacred places and attributes of northern Mansi in the beginning of XXI century: Ethnographic album]. Khanty-Mansiysk, Ekaterinburg, Basko Publ., 2013, 208 p. (In Russ.)
- DEWOS = Steinitz W. *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. Berlin, Akademie Verlag, 1966, 1024 pp.
- Dobzhanskaya O. E. Shamanskie fonoinstrumenty samodiyskikh narodov: tipologiya v kontekste ritual'nogo funktsionirovaniya [Shamanic phono-instruments of Samoyedic peoples: typology in the context of ritual functioning]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture], 2009, no. 3, pp. 92–104. (In Russ.)
- Dobzhanskaya O. E. Shamanskiy buben: muzykal'nyy instrument ili ezdovoy olen' shamana? [Shamanic drum: musical instrument or riding deer of a shaman?]. *Tomsk Journal LING & ANTHRO*, 2016, no. 2 (12), pp. 81–90. (In Russ.)
- Dyrenkova N. P. Atributy shamanov u turetsko-mongol'skikh narodov Sibiri [Attributes of shamans in the Turkish-Mongolian peoples of Siberia]. In *Dyrenkova N. P. Tyurki Sayano-Altaya: Stat'i i etnograficheskie materialy* [Türks of Sayano-Altai: articles and ethnographic materials]. SPb., Nauka, 2012, pp. 277–339. (KA Series, VI) (In Russ.)
- Gemuev I. N. *Mipovozzpenie mansi: Dom i Kosmos* [Worldview of Mansi: Home and Cosmos]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990, 232 p. (In Russ.)
- Gemuev I. N., Sagalaev A. M. *Religiya naroda mansi. Kul'tovye mesta (XIX – nachalo XX v.)* [Religion of the Mansi people. Cult places (XIX – beginning of XX century)]. Novosibirsk, Nauka, 1986, 192 p. (In Russ.)
- Gondatti N. L. *Sledy yazychestva u inorodtsev Severo-Zapadnoy Sibiri* [Traces of paganism among aboriginals of North-Western Siberia]. Moscow, 1888, 92 p. (In Russ.)
- Hornbostel E. M. von, Sachs K. Sistematika muzykal'nykh instrumentov [Systematics of musical instruments]. In *Narodnye muzykal'nye instrumenty i instrumental'naya muzyka* [Folk musical instruments and instrumental music]. Moscow, 1987, pt. 1, pp. 229–261. (In Russ.)
- Istochniki po etnografii Zapadnoy Sibiri* [Sources on ethnography of Western Siberia]. Tomsk, Tomsk University Press, 1987. 284 p. (In Russ.)
- [Kannisto A.] *Mansiyskaya (vogul'skaya) narodnaya poeziya: teksty mifologicheskogo sodержaniya, molitvy. Sobranie i perevod Artturi Kannisto. Obrabotka i izdanie Matti Liimola* [Mansi (Vogul) folk poetry: texts of mythological content, prayers. Collection and translation by A. Kannisto. Pro-

cessing and edition by M. Liimola]. Compil., translit. of texts, translation into Russian by E. I. Rombandeeva. Khanty-Mansiysk, Pechatnyy mir Khanty-Mansiysk Publ. House, 2016, 152 p. (In Mansi, in Russ.)

[Kannisto A.] *Materialien zur Mythologie der Wogulen*. Gesamm. von Artturi Kannisto. Bearb. und hrsg. von E. A. Virtanen, M. Liimola. Hels., 1958, 443 p. (MSFOu; Bd. 113).

Karjalainen K. F. *Religiya yugorskikh narodov. Perevod s nemetskogo N. V. Lukinoy* [Religion of the Yugra peoples. Translation from German by N. V. Lukina]. Vol. 3. Tomsk, Tomsk University Press, 1996. 247 p. (In Russ.)

Khakhovskaya L. N. Koryakskie bubny: bytovanie v etnolokal'noy kul'ture [Koryak drums: existence in ethnocultural culture]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture], 2016, no. 2, pp. 315–327. (In Russ.)

Nam E. V. *Kosmologiya i praktika sibirskogo shamanizma* [Cosmology and practice of Siberian shamanism]. Ed. by D. A. Funk. Tomsk, Tomsk University Press, 2017. 296 p. (In Russ.)

Nam E. V. Shamanskije atributy narodov Sibiri: istoki semanticheskogo edinstva i polifunktsional'nosti [Shaman attributes of the peoples of Siberia: the origins of semantic unity and polyfunctionality]. *Izvestiya of Altai State University*, 2015, no. 3/2 (87), pp. 165–172. (In Russ.)

Nazarenko R. B. Muzykal'nye instrumenty narodov Sibiri v muzeynykh kollektsiyakh (opyt tipologii shamanskikh bubnov) [Musical Instruments of the Peoples of Siberia in Museum Collections (Experience of Shaman Drums Typology)]. In Yu. I. Sheykin (Ed.) *Muzykal'naya etnografiya Severnoy Azii* [Musical Ethnography of Northern Asia]. Novosibirsk, 1988, p. 161–169. (In Russ.)

Nazarenko R. B. Napevy shamanskikh pesen i shamanskikh seansov [Tunes of shaman songs and shaman rites]. In G. E. Soldatova (Ed.) *Traditsii i innovatsii v sovremennom fol'klоре narodov Sibiri* [Traditions and innovations in the modern folklore of the peoples of Siberia]. Novosibirsk, Arta Publ., 2008, pp. 98–103. (In Russ.)

Nazarenko R. B. O shamanskom bubne surgutskikh khantov [About shaman's drum of Surgut Khanty]. In *Aborigeny Sibiri: problemy izucheniya ischezayushchikh yazykov i kul'tur Novosibirsk (Akademgorodok), 26–30 iyunya 1995 g.* [Proceedings of the International scientific conference “Aborigines of Siberia: problems of studying disappearing languages and cultures, Novosibirsk (Akademgorodok), June 26–30, 1995”]. Novosibirsk, 1995, vol. 1 (Philology), pp. 365–367. (In Russ.)

Prokof'eva E. D. Materialy po shamanstvu sel'kupov [Materials on shamanism of the Selkups]. In *Problemy istorii obshchestvennogo soznaniya aborigenov Sibiri* [Problems of the history of social consciousness of Siberian aborigines]. Leningrad, Nauka, 1981, pp. 42–68. (In Russ.)

Prokof'eva E. D. Shamanskije bubny [Shaman drums]. In *Istoriko-etnograficheskiy atlas Sibiri* [Historical and ethnographic atlas of Siberia]. Moscow, Leningrad, 1961, pp. 435–490. (In Russ.)

Sheykin Yu. I. *Istoriya muzykal'noy kul'tury narodov Sibiri: Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie* [History of musical culture of the peoples of Siberia: Comparative-historical study]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002, 718 p. (In Russ.)

Soldatova G. E. Muzykal'nyy fol'klor v shamanskoj praktike mansi [Musical folklore in the shamanic practice of Mansi]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous people of Siberia], 2014, no. 1, pp. 76–82. (In Russ.)

Solovar V. N. *Khantyysko-russkiy slovar' (kazymskiy dialekt): bolee 9000 slov* [Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect): more than 9000 words]. Novosibirsk, SB RAS, 2020. 690 p. (In Khanty, in Russ.)

Sychenko G. B. «Tol'ko s bubnom mozhno do T'azhina doyti...» (fonoinstrumenty v shamanskikh traditsiyakh Yuzhnoy Sibiri) [“Only with a drum you can reach Tyazhin...” (phono-instruments in the shamanic traditions of South Siberia)]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture], 2019, no. 4, pp. 57–69. DOI: 10.26158/TK.2019.20.4.005 (In Russ.)

Список сокращений

- инф. – информант
Каталог – Каталог шаманских бубнов (Приложение 2) [Бауло 2024а: 158–203]
МЭЭ – музыкально-этнографическая экспедиция
НГК – Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки
об. – оборот
ПМА 1992 – Полевые материалы автора. МЭЭ НГК: Е. В. Комаров, Г. Е. Солдатова, 1992 г., с. Хулимсунт Березовского р-на Тюменской обл. Дневник Г.Е. Солдатовой.
ПМА 1999 – Полевые материалы автора. ПрЭО: А. В. Бауло, Г. Е. Солдатова, 1999 г., Березовский р-н Тюменской обл. Дневник Г. Е. Солдатовой.
ПМА 2003 – Полевые материалы автора. ПрЭО: А. В. Бауло, Г. Е. Солдатова, 2003 г., Шурьшкарский р-н Ямало-Ненецкого АО. Дневник Г. Е. Солдатовой.
ПрЭО – Приполярный этнографический отряд Института археологии и этнографии СО РАН

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
11.11.2024*

Сведения об авторе

Галина Евлампьевна Солдатова – кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
E-mail: ge.soldatova@yandex.ru
ORCID 0000-0003-1421-6075

Information about the Author

Galina E. Soldatova – Cand. of Art history, leading researcher, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
E-mail: ge.soldatova@yandex.ru
ORCID 0000-0003-1421-6075

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811.512:81'373

DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-178-192

Промысловая лексика теленгитов и чалканцев по данным полевых исследований 2024 г.

О. Ю. Шагдурова, Е. В. Тюттешева, Н. Н. Федина, И. М. Плотников

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Представлены промежуточные результаты полевых исследований теленгитского диалекта алтайского языка и чалканского языка, осуществленного в 2024 г. Полевой сбор лексики традиционных промыслов – охоты и рыболовства – был проведен в Улаганском и Турочакском районах Республики Алтай. Опрошены информанты разных поколений (1948–1996 гг. рожд.), собрано более 200 лексических единиц и 620 минут аудиозаписей с рассказами, быличками охотников и рыбаков. Наблюдается некоторое обеднение состава промысловой лексики, в некоторых случаях параллельное употребление своих и русских слов, смешанная речь представителей молодого поколения, ограничение эвфемистической лексики замещающими наименованиями медведя и волка. Различаются наименования разного типа манков и свистков, изготавливаемых как традиционным способом, так и из современных подручных материалов, а также приспособленных для этой цели покупных свистков. У чалканцев отмечается большее разнообразие лексики, предназначенной для обозначения способов и приспособлений для ловли рыбы и рыбных блюд. В исследуемой лексике выделяется общетюркская, а также ограниченная сибирским ареалом и характерная для некоторых из рассматриваемых языков. В частности, в теленгитском отмечены диалектные слова, которые отличают этот диалект от литературного алтайского языка и сближают его с другими тюркскими языками Сибири.

Ключевые слова

тюркские языки Сибири, диалекты алтайского языка, теленгитский диалект, чалканский язык, лексика охоты, лексика рыболовного промысла

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01738, <https://rscf.ru/project/24-28-01738/>, «Промысловая лексика тюркских языков Саяно-Алтая: документация, опыт сравнительного и лексикографического описания», (2024–2025, руководитель – О. Ю. Шагдурова)

Для цитирования

Шагдурова О. Ю., Тюттешева Е. В., Федина Н. Н., Плотников И. М. Промысловая лексика теленгитов и чалканцев по данным полевых исследований 2024 г // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52). С. 178–192. DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-178-192

© О. Ю. Шагдурова, Е. В. Тюттешева, Н. Н. Федина, И. М. Плотников, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 4 (iss. 52)

Hunting and fishing vocabulary of Telengits and Chalkans based on 2024 field research

O. Yu. Shagdurova, E. V. Tyuntешеva, N. N. Fedina, I. M. Plotnikov

Institute of Philology of the Siberian Branch RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

This paper outlines the initial findings from the 2024 expedition to the speakers of two South Siberian Turkic languages: Chalkan and the Telengit dialect of Altai. The expedition, conducted within the Ulagansky and Turochaksky districts of the Altai Republic, focused primarily on documenting the vocabulary associated with hunting and fishing, traditional livelihoods of the local inhabitants. Interviews were conducted with informants representing a range of generations, with birth years from 1948 to 1996. The collected data included over 200 lexical units and 620 minutes of audio materials comprising stories recounted by hunters and fishermen. The analysis revealed a gradual decline in the use of specific vocabulary, evidenced by the simultaneous use of native and Russian words, the presence of code-mixing in the speech of younger individuals, and the limited use of euphemisms, mainly restricted to the denominations of bear and wolf. The vocabulary reflects the preservation of diverse decoy and whistle types, crafted using both traditional methods and contemporary materials, and the adaptation of commercially procured whistles for this use. Observations revealed that the Chalkans possessed a more extensive lexicon encompassing the terminology of fishing techniques, tools, and culinary preparations involving fish. The materials collected contained vocabulary exhibiting general Turkic and Siberian regional linguistic elements, a trait observed in specific languages examined in the study. Notably, Telengit exhibits dialectal vocabulary that differentiates it from the standard literary Altai language, establishing a linguistic connection with other Siberian Turkic languages.

Keywords

Turkic languages of Siberia, Altai language dialects, Telengit dialect, Chalkan language, hunting vocabulary, fishing vocabulary

Acknowledgements

This research was supported by the grant of the Russian Science Foundation no. 24-28-01738, <https://rscf.ru/project/24-28-01738/>, ‘Trade Vocabulary of Altai-Sayan Turkic Languages: Documentation and Experience in Comparative and Lexicographic Description’, (2024–2025, lead by O. Yu. Shagdurova)

For citation

Shagdurova O. Yu., Tyuntешеva E. V., Fedina N. N., Plotnikov I. M. Promyslovaya leksika telengitov i chalkantsev: polevye issledovaniya 2024 g. [Hunting and fishing vocabulary of Telengits and Chalkans: 2024 field research. . *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2024, no. 4 (iss. 52), pp. 178–192. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-178-192

Введение

Промысловая лексика – лексика охоты, рыболовства и собирательства – непосредственно связана с традиционным образом жизни коренных народов Саяно-Алтая. Охота издревле играла существенную роль в жизни всех этих народов. Рыболовство же было и остается неодинаково распространенным на этой территории. Большое значение оно имеет для народов, живущих в таежных и притаежных зонах – это северная часть Алтая, Хакасии и Горная Шория. У южных алтайцев и степных хакасов оно не было приоритетным видом деятельности, что показывает даже одно из названий рыбы алт. *суунын куртты* [Яимова 1990: 115], хак. *суг хурты* (букв.: воды червь) [Бутанаев 1996: 37; Боргояков 2001: 19]. Исключение составляют южные алтайцы-теленгиты (Улаганский р-н Республики Алтай), у которых рыболовство играет существенную роль.

Традиционные промыслы тюркских народов Южной Сибири описывались в этнографических работах [Бутанаев 1996; Селезнев, Селезнева, Бельгибаев 2006; Даржа 2009; Кандаракова 2020], они содержат и лексику, связанную с охотой, рыболовством.

Как предмет лингвистического исследования промысловая лексика в тюркских языках Сибири рассматривалась в диссертационных работах А. Р. Рахимовой [1998] (в диалектах сибирских татар) и В. А. Боргоякова [2001] (в хакасском языке). Промысловая лексика рассматривается с точки зрения происхождения, а в ряде работ исследуется и историко-ареалогический аспект [Рахимова 1998; Боргояков 2001]. Так, в работе А. Р. Рахимовой промысловая и хозяй-

ственная лексика диалектов сибирских татар сравнивается с языком древнетюркских письменных памятников, с другими тюркскими и соседними нетюркскими языками; выявлены историко-генетические пласты промысловой и хозяйственной лексики в диалектах сибирских татар. В. А. Боргояков выделяет в хакасской лексике, связанной с охотой и рыболовством, праалтайскую, общетюркскую, региональную широкого плана (восточнотюркскую, помимо хакасского, представленную в уйгурских письменных памятниках, а также в якутском и тувинском), и узкорегionalную лексику, или хакасско-саяно-алтайскую, охватывающую хакасский, шорский, чулымско-тюркский, диалекты алтайского и тувинского языков. В диссертации В. А. Боргоякова присутствует также лингвокультурологический аспект исследования. В ней широко представлены эфемизмы, приводятся обряды, обычаи и поверья, связанные с организацией охоты. Описанию отдельных групп промысловой лексики или какой-либо их особенности в том или ином языке или диалекте сибирского региона посвящен также ряд статей (например: Е. М. Куулар [2016]; И. П. Павлова, Дь. С. Багдарынов [2016] и др.). Специальных лингвистических исследований промысловой лексики алтайцев и чалканцев до сих пор не предпринималось.

В настоящее время в алтайском, чалканском и хакасском языках промысловая лексика относится к одному из уходящих фрагментов лексической системы, и все больше переходит в пассивный лексический фонд языка старшего поколения без передачи последующим поколениям. Наблюдается тенденция снижения уровня владения родным языком среди алтайцев, хакасов, чалканцев. При этом чалканский язык находится под угрозой исчезновения. Поэтому необходима скорейшая фиксация и документация этой лексики. Кроме того, систематизация и анализ данного материала позволит выявить связи рассматриваемых языков друг с другом и с другими тюркскими языками, даст возможность проследить динамику языковых изменений, конвергентные и дивергентные процессы в этом регионе, сложном и неоднозначном в отношении формирования языкового ландшафта. На решение этих задач направлен проект РФ «Промысловая лексика тюркских языков Саяно-Алтая: документация, опыт сравнительного и лексикографического описания» (2024–2025, руководитель О. Ю. Шагдурова).

Сбор языкового материала в полевых условиях и предварительные результаты его обработки

В рамках проекта была организована экспедиция в Республику Алтай в места проживания носителей теленгитского диалекта алтайского языка (Улаганский район: села Акташ – Чибит – Улаган – Балыктуюль – Коо – Балыкча) и чалканского языка (г. Горно-Алтайск, Турочакский район: с. Турочак, с. Курмач-Байгол, с. Бийка) (см. рис. 1).

Теленгитский диалект – один из трех южных диалектов алтайского языка. Его носители компактно проживают в Кош-Агачском районе Республики Алтай и в Улаганском районе по рекам Чолушман, Башкаус и по южному берегу Телецкого озера. Северный же берег Телецкого озера – территория расселения чалканцев. Чалканцы – этническая группа, входящая в состав населения Республики Алтай, населяющая ее северо-восточную часть по рекам Бия, Лебедь, Байгол. Вплоть до начала XXI в. чалканский язык было принято рассматривать в качестве одного из трех северных диалектов алтайского языка [Баскаков 1985: 9]. Однако в силу значительных отличий его от южных алтайских диалектов и соответственно от литературного алтайского языка, в основу которого лег один из южных диалектов, ряд исследователей выделяет чалканский как отдельный язык [Пустогачева 2008; Пустогачева, Тайборина 2014; Федина, Широбокова 2019].

Как у чалканцев, так и у теленгитов Улаганского района распространены охота и рыболовство. Во время экспедиции фиксировалась лексика, относящаяся к этим промыслам:

- наименования промысловых животных, птиц, рыб;
- названия орудий охоты и рыбалки (силки, капканы, ловушки, манки, рыболовные снасти, названия видов ружей и др.);
- названия способов охоты и рыбалки;
- названия предметов, используемых во время охоты (лыжи, охотничьи сумки, переноски для добычи и др.);
- глаголы, обозначающие действия охотников / рыболовов во время охоты / рыбалки.

Выявленные лексемы были дополнительно зафиксированы в формате аудиозаписей.

Предварительное исследование показало наличие пласта общетюркской лексики, особенно в наименованиях животных. Однако встречаются и слова, относящиеся к сибирскому ареалу (например, названия рыб) или характерные лишь для некоторых языков, например: хак. *пил*, алт. лит. *бел*, чалк. *педер* ‘таймень’, ср. алт. лит., хак. *пүдүре* ‘пескарь’; хак. *хыйлаг*, чалк. *тек*, *мажық*, алт. теленг. *маажы*, алт. лит. *маажы* ‘спусковой крючок’; чалк. *көстөц* (ср. хак. *көсте* – ‘целиться’), алт. теленг. *чыка*, *каруул*, алт. лит. *каруул* ‘мушка’.

В ходе экспедиции были записаны охотничьи истории, былички, а также обычаи, приметы, запреты, связанные с охотничьим промыслом (620 мин.), примеры которых представлены в приложении 1.

Информантами выступили представители разных поколений. Были охвачены люди среднего и старшего возраста: информанты-теленгиты, мужчины 1948–1991 гг. рожд., информанты-чалканцы 1953–1995 гг. рожд., а также женщины-чалканки, занимающимися рыбалкой, 1968–1982 гг. рожд. По сведениям информантов, охотниками могли быть и женщины, которые были вынуждены заниматься этим промыслом в военные и послевоенные годы. Так, информант-чалканец рассказывал о том, что его бабушка была хорошей охотницей и могла имитировать свист бурундука губами. Мать другого информанта во время охоты без помощи свистка издавала характерные для бурундука звуки, сложив руки определенным образом. Дети также охотились на мелких зверей (сусликов, бурундуков).

С каждым из информантов была организована работа по записи аудиопримеров охотничьих рассказов, быличек.

Опрос информантов показал, что в настоящее время охотничья и рыболовная лексика используется, но часто в речи употребляются и всем известные русские слова. Например, отмечается параллельное использование своего и русского названия рыб: алт. теленг. *чарган* / чалк. *шарган* – *хариус*, алт. теленг. *бел* / чалк. *педер* – *таймень*; рыболовных снастей: чалк. *мен қарвам* ‘моя удочка’ – *мен удочкам* ‘моя удочка’; некоторых глаголов: чалк. *қарвык салтым* ‘я рыбачу’ – *рыбачить этим* ‘я рыбачу’, где *эт-* ‘делать’ – вспомогательный глагол (распространенный способ словообразования от заимствованных глаголов). Известны названия старых ружей: алт. лит., алт. теленг. *кырлу мылтык* ‘нарезное ружье’, *көндөй мылтык* ‘ружье (фитильное, кремневое, пистонное)’, но сейчас этими ружьями не пользуются и часто употребляют вместо алтайского слова *мылтык* ‘ружье’ название модели ружья: *тигр*, *вепрь*. Наряду с тем, что в настоящее время оборудование для охоты и рыбалки приобретает в магазине, отмечается также приспособление современных материалов для изготовления традиционных орудий охоты. Так, чалканцы используют для свистков, манков такие подручные материалы, как гильзы, железо (см. рис. 2). Разнообразие свистков и манков сохраняется у теленгитов и чалканцев, различаются их специализированные наименования: алт. теленг., чалк. *авырғы* ‘манок на марала’ (из бересты, пустотелого ровного дягиля), алт. теленг. *абырғы* (изготавливают из дерева, в которое ударила молния, см. рис. 3), ср. алт. лит. *амырғы* (из бересты, рога), хак. *пырғы*; чалк. *сывыскы* ‘манок на марала’ (из березы или кедра), ср. хак. *сыбысха* / *сымысхы* ‘манок на косулю’ (звук манка подражал голосу детеныша [Бутанаев 1996: 29]); алт. теленг. *эдиски* ‘манок (для приманивания косули)’, ср. алт. лит. *эдиски* ‘дудка (для приманивания птиц, издающая звуки, сходные с голосом птицы) [АРС: 906]; чалк. *сыгырғыш/сынгырғыш* ‘свисток на рябчика’ (из тальникового прута). Теленгиты для приманивания маралов используют также *шоор* (из стебля дягиля (*балтырган*) и т. п.). По утверждению информантов из с. Курмач-Байгол, старым способом издавать рёв марала с помощью *авырғы* владеют лишь несколько человек в селе, современная молодежь использует *сывыскы*. Зафиксирована лексема *көрүктец* ‘свистулька для охоты на бурундуков’ (из высохшей дудки дягиля) (< *көрүк* ‘бурундук’), характерная только для чалканцев. Информанты отмечают, что, если алтайцев в голодные годы спасали суслики, то чалканцев – бурундуки.

Голос косули чалканские охотники воспроизводят с помощью гладких листьев осота (*кыйган*) или тонкого слоя бересты (*тос*).

У чалканцев отмечается большее разнообразие в способах ловли рыб, чем у теленгитов, а соответственно и в их названиях, а также в названиях приспособлений и блюд, приготавливаемых из рыб. Некоторые из этих лексем сближают чалканский язык с хакасским и шорским. Так, *уврақ* ‘сушеная рыба’ встречается у чалканцев, хакасов и шорцев.

Разнообразие эвфемизмов утрачивается. Широко известными остаются лишь замещающие наименования медведя и волка как особо опасных хищников. Сохраняются традиционные представления и соответственно охотничьи обычаи. Так, перед охотой обязательно кормят огонь, брызгают аракой, талканом, обращаясь к духу-хозяину местности.

В традиционных представлениях многих сибирских народов медведь является родственником человека. Так, во всех южносибирских языках и в якутском как эвфемизм для медведя используются лексемы, обозначающие родственника или родственницу: алт. *таадак* ‘дедушка по материнской линии’ [Яимова 1990: 94], хак. *аба, ага* ‘дед по отцу’ [Боргояков 2001: 118], тув. *ире, ирей, кырган-ачай* ‘дедушка’ [Куулар 2018: 50]; як. *эчээкэ* ‘дедуся’ [Борисова 2023: 218]; ср. бур. *таабай* ‘дед’ [Цыдендамбаева 2011: 202]; хак. *улуг иче, ууча* [Боргояков 2001: 118]; тув. *эней, энейгин / энекей (< эне), кырган-авай* [Куулар 2018: 50]; як. *äbääx / äbäkä / äbäkkä* [Naumenschild 2008: 13] ‘бабушка’. Все информанты отмечают особый ум и прозорливость медведя и волка. Один из эвфемизмов медведя – алт. *жер кулак* ~ хак. *чир хулах* ‘волк’ (букв.: земное ухо); чалк. *тьер кулақтау* ‘медведь’, ‘волк’, тув. *чер-кулактыг* ‘волк’ (букв.: с земным ухом), т. е. все слышит, все знает.

Некоторые информанты утверждают, что нельзя убивать медведя, т. к. он родственник человека. Тем не менее, охота на медведя разрешена, но при обязательном проведении определенных обрядов. По словам информантов, это делается для того, чтобы медведь не преследовал охотников после своей смерти.

У чалканцев после охоты на медведя проводят обряд *Паи бурар* ‘Повернуть голову’, когда голову медведя насаживают на деревянный колышек из молодого дерева лицом на восток, говоря: «*Ол тьерге парзын, кижжи олтыргын деп айтпе, агацтын ашқам, кайадын андырылқам, деп айт*» ‘Когда попадешь на тот свет, не говори, что тебя убил человек, а скажи, что ты упал с дерева или со скалы разбился’ (см. рис. 5). Домой приносить голову медведя нельзя.

У теленгитов в пасть медведя закладывается трава и голову кладут в сторону захода солнца (см. текст 2).

У хакасов после добычи медведя обязательно устраивали поминки – *аба тойы* (букв.: медвежий праздник). При сдирании шкуры, говорили: «*Туттырып салып тарынма, чылыг тоның сустыпчабыс. Піс сині амды чыластанчабыс, пыро поэңда, пісті пыралаба*» ‘Мы снимаем с Тебя теплую шкуру, не обижайся на нас. Мы раздеваем тебя, ты виноват сам, не сердись на нас’. Голову отрезали, а зубы выбивали. Ее с плачем вешали рядом на развилку дерева. Рот открывали и поперек вставляли палку. Охотник, убивший медведя, вешал голову в сторону заката солнца со словами: «Дедушка, вышедший из глухой тайги, ты был хорошим человеком» [Боргояков 2001: 112–113].

Таким образом, и у теленгитов, и у чалканцев, и у хакасов обряд «задабривания» медведя, нейтрализации его посмертной силы, направленной против охотника, связан с головой медведя, с расположением ее в определенную сторону света и с утверждением невинности охотника в его смерти.

Во время экспедиции также велась работа по сканированию личных архивов носителей языков, которые были собраны энтузиастами, стремящимися сохранить родной язык, традиции и обычаи, передать их последующим поколениям. Это рукописные словники, рассказы пожилых людей. Среди языковых активистов учителя школы села Курмач-Байгол – Сумачакова Марьяна Владимировна, Пустогачева Надежда Петровна, Пустогачева Светлана Юрьевна, которые занимаются сбором лексики чалканского языка, в том числе промысловой. Под их руководством ученики школы пишут рефераты, участвуют в олимпиадах.

Участниками экспедиции велась работа и в местных сельских музеях, которые удалось посетить (музей в с. Шашикман Онгудайского района, организованный энтузиастом, жителем села А. И. Ачимовым; музей в с. Актёл Шебалинского района, в с. Курмач-Байгол Турочакского района). Были сделаны фотографии экспонатов, относящихся к традиционным промыслам этносов Алтая.

Заключение

Таким образом, во время полевых исследований 2024 г. в районах проживания теленгитов и чалканцев на территории Республики Алтай, было собрано более 200 лексических единиц и 620 минут аудиозаписей с рассказами, быличками охотников и рыбаков. Представители данных этносов традиционно занимались охотой и рыболовством, но у чалканцев отмечается большее разнообразие в способах и названиях ловли рыб, приспособлений и рыбных блюд.

Были опрошены информанты разных поколений, и можно сказать, что в целом промысловая лексика сохраняется, но наблюдается и некоторое ее обеднение. Новые реалии называются по-русски, например, *ночной прицел*, названия моделей ружей. Отмечается параллельное употребление своих и русских слов (например, названия рыб), смешанная речь представителей молодого поколения. Из эвфемизмов общеизвестными остаются лишь наименования медведя и волка.

Предварительное исследование промысловой лексики показало наличие общетюркского пласта, особенно в наименованиях животных. Встречаются также слова, относящиеся к сибирскому ареалу, и лексемы, характерные лишь для некоторых из рассматриваемых языков. Некоторые лексемы отличают теленгитский диалект от литературного алтайского языка и сближают его с другими тюркскими языками Сибири.

В настоящее время продолжается работа по расшифровке и обработке собранного материала, дальнейшее исследование предполагает проведение сравнительно-сопоставительного анализа промысловой лексики с другими тюркскими языками.

Выражаем глубокую благодарность информантам, которые приняли участие в работе экспедиции и предоставили свои личные архивы. Образцы текстов и фотоматериалов, собранных в ходе полевых исследований, представлены в приложениях.

Список использованных сокращений

алт. – алтайский язык (без отнесения к диалектам), **алт. лит.** – алтайский литературный язык, **алт. теленг.** – теленгитский диалект алтайского языка; **бур.** – бурятский язык; **тув.** – тувинский язык; **хак.** – хакасский язык, **чалк.** – чалканский язык, **як.** – якутский язык.

Список литературы

- АРС – Алтайско-русский словарь. Горно-Алтайск, 2018. 936 с.
- Баскаков Н. А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект лебединских татар-чалканцев (куу-кижи). М.: Наука, 1985. 232 с.
- Боргояков В. А. Лексика охоты и рыболовства в диалектах хакасского языка. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 251 с.
- Борисова Ю. М. Эвфемизмы в лексике охоты и рыболовства якутского языка // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Сборник материалов X (XXIV) Международной научно-практической конференции молодых ученых. Томск, 2023. С. 216–222.
- Бутанаев В. Я. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1996. 224 с.
- Даржа В. К. Традиционные мужские занятия тувинцев. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2009. 592 с.
- Кандаракова Е. П. Чалканцы (историко-этнографический очерк). Горно-Алтайск: АУ РА Литературно-издательский Дом «Алтын-Туу», 2020. 178 с.
- Куулар Е. М. Лексика традиционных орудий и способов ловли в диалектах тувинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 12 (66). Ч. 3. С. 125–127.
- Куулар Е. М. Эвфемизмы в охотничье-рыболовной лексике тувинского языка // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2018. № 4. С. 49–51.
- Павлова И. П., Багдарынов Дь. С. Номинации орудий охоты и рыболовства в лексике якутского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 8 (62). Ч. 2. С. 132–134.
- Пустогачева О. Н. Челканско-русский тематический словарь: Пособие для учащихся 1–4 классов общеобразовательных учреждений. СПб.: Просвещение, 2008. 111 с.

Пустогачева О. Н., Тайборина Н. Б. Бичиктöскö шалғануф тилле кожулта [Приложение к словарю на чалканском языке]. Горно-Алтайск: Горно-алтайская типография, 2014. 81 с.

Рахимова А. Р. Промысловая и хозяйственная лексика диалектов сибирских татар. Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1998. 184 с.

Селезнев А. Г., Селезнева И. А., Бельгибаев Е. А. Мир таежных культур юга Сибири (традиционное хозяйство и сопутствующие компоненты жизнедеятельности). Омск: Наука, 2006. 259 с.

Федина Н. Н., Ширококова Н. Н. Фонетические и морфологические особенности чалканского языка. Новосибирск: Академиздат, 2019. 192 с.

Цыдендамбаева О. С. К типологическому изучению эвфемизмов в разноструктурных языках (на материале бурятского, английского немецкого языков) // Филология и человек. 2011. № 4. С. 201–207.

Яимова Т. А. Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке. Горно-Алтайск: Горно-алтайская типография, 1990. 169 с.

Hauenschild I. Lexikon jakutischer Tierbezeichnungen. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 2008. 188 s.

References

Altaysko-russkiy slovar' [Altai-Russian dictionary]. Gorno-Altai, 2018, 936 p.

Baskakov N. A. *Severnye dialekty altayskogo (oyrotskogo) yazyka. Dialekt lebedinskikh tatar-chalkantsev (kuu-kizhi)* [Northern dialects of the Altai (Oiro) language. Dialect of Lebedin Chalkan Tatars (Kuu-Kyzy)]. Moscow, Nauka, 1985, 233 p. (In Russ.)

Borgoyakov V. A. *Leksika okhoty i rybolovstva v dialektakh khakasskogo yazyka* [The vocabulary of hunting and fishing in the dialects of the Khakass language]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2001. 251 p. (In Russ.)

Borisova Yu. M. Evfemizmy v leksike okhoty i rybolovstva yakutskogo yazyka [Euphemisms in the vocabulary of hunting and fishing of the Yakut language]. In: *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya. Sbornik materialov X (XXIV) Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh* [Actual problems of linguistics and literary criticism. Collection of materials of the X (XXIV) International Scientific and Practical Conference of Young Scientists]. Tomsk, 2023, pp. 216–222. (In Russ.)

Butanaev V. Ya. *Traditsionnaya kul'tura i byt khakasov* [Traditional culture and life of the Khakass people]. Abakan, Khakas. kn. izd., 1996, 224 p. (In Russ.)

Darzha V. K. *Traditsionnye muzhskie zanyatiya tuvintsev* [Traditional Tuvan men's occupations]. Kyzyl, Tuvin. kn. izd., 2009, 592 p. (In Russ.)

Fedina N. N., Shirobokova N. N. *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti chalkanskogo yazyka* [Phonetic and morphological features of the Chalkan language]. Novosibirsk, Akademizdat, 2019, 192 p. (In Russ.)

Hauenschild I. *Lexikon jakutischer Tierbezeichnungen* [Lexicon of Yakut animal names]. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, 2008, 188 p. (In Ger.)

Kandarakova E. P. *Chalkantsy (istoriko-etnograficheskiy ocherk)* [Chalkantsy (historical and ethnographic outline)]. Gorno-Altai, AU RA Literaturno-izd. Dom "Altyn-Tuu," 2020, 178 p. (In Russ.)

Kuular E. M. Evfemizmy v okhotnich'e-rybolovnoy leksike tuvinskogo yazyka [Euphemisms in hunting and fishing vocabulary of the Tuvan language]. *Vestnik KhGU im. N.F. Katanova*. 2018, no. 4, pp. 49–51. (In Russ.)

Kuular E. M. Leksika traditsionnykh orudiy i sposobov lovli v dialektakh tuvinskogo yazyka [Vocabulary of traditional fishing tools and methods in dialects of the Tuvan language]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2016, no. 12 (66), pt. 3, pp. 125–127. (In Russ.)

Pavlova I. P., Bagdarynov D'. S. Nominatsii orudiy okhoty i rybolovstva v leksike yakutskogo yazyka [Nomenclature of hunting and fishing tools in the vocabulary of the Yakut language]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2016, no. 8 (62), pt. 2, pp. 132–134. (In Russ.)

Pustogacheva O. N. *Chelkansko-russkiy tematicheskii slovar': Posobie dlya uchaschchikhsya 1–4 klassov obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy* [Chelkan-Russian thematic dictionary: A manual for

the students of the 1–4 grades of general education institutions]. St. Petersburg, Prosveshchenie, 2008, 111 p. (In Russ.)

Pustogacheva O. N., Tayborina N. B. *Bichigtöskö shalghanugh tille qozhulta* [Appendix to the dictionary in the Chalkan language]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altaysk typ., 2014, 81 p. (In Chalkan)

Rakhimova A. R. *Promyslovaya i khozyaystvennaya leksika dialektov sibirskikh tatar* [Hunting, fishing and household vocabulary of the Siberian Tatar dialects]. Cand. philol. sci. diss. Kazan, 1998, 184 p. (In Russ.)

Seleznev A. G., Selezneva I. A., Bel'gibaev E. A. *Mir taezhnykh kul'tur yuga Sibiri (traditsionnoe khozyaystvo i soputstvuyushchie komponenty zhiznedeyatel'nosti)* [The universe of taiga cultures of Southern Siberia (traditional economy and components of accompanying activities)]. Omsk, Nauka, 2006, 259 p. (In Russ.)

Tsydendambaeva O. S. К типологическому изучению евфемизмов в разноструктурных языках (на материале бурятского, английского неметского языков) [On typological study of euphemisms in structurally diverse languages (based on the material of Buryat, English and German)]. *Philology and Man*. 2011, no. 4, p. 201–207. (In Russ.)

Yaimova T. A. *Tabuirovannaya leksika i evfemizmy v altayskom yazyke* [Taboo vocabulary and euphemisms in the Altai language]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altaysk typ., 1990, 169 p. (In Russ.)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
30.08.2024*

Сведения об авторах

Ольга Юрьевна Шагдурова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения РАН (ИФЛ СО РАН), г. Новосибирск, Россия

E-mail: kokoshnikova@mail.ru

ORCID 0000-0003-1372-8685

Елена Валерьевна Тюнтешева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения РАН (ИФЛ СО РАН), г. Новосибирск, Россия

E-mail: tyunteshevae@mail.ru

ORCID 0000-0002-4819-8306

Наталья Никитовна Федина – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения РАН (ИФЛ СО РАН), г. Новосибирск, Россия

E-mail: natfedina@mail.ru

ORCID 0000-0003-3769-6139

Илья Михайлович Плотников – младший научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения РАН (ИФЛ СО РАН), г. Новосибирск, Россия

E-mail: iliaplotnikov@gmail.com

ORCID 0000-0002-6416-689X

Information about the Authors

Olga Yu. Shagdurova – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

E-mail: kokoshnikova@mail.ru

ORCID 0000-0003-1372-8685

Elena V. Tyuntesheva – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

E-mail: tyunteshevae@mail.ru

ORCID 0000-0002-4819-8306

Natalya N. Fedina – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

E-mail: natfedina@mail.ru

ORCID 0000-0003-3769-6139

Ilya M. Plotnikov – Junior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

E-mail: iliaplotnikov@gmail.com

ORCID 0000-0002-6416-689X

Образцы собранных текстов

**Текст 1. Рассказ о запрете убивать некоторых зверей и птиц
(теленгитский диалект алтайского языка, информант 1948 г. рожд., с. Балыкча, 2024 г.)**

(1) <i>Кууды өлтүрбәс, касты атпас, је озада аттуран, јаман өйдә, каркыра, ого беришпес, ангыр, ого база јарабас.</i> (2) <i>Кара ан деп јат.</i> (3) <i>Кара ан: тооргы јарабас, камду јарабас, кайы ол андый заклыйтый андардан, ирбисти баабице јарабас.</i> (4) <i>Ирбис сразу обмен, ол кижидән обязательно на алыяр.</i> (5) <i>Бистә андый случайлар болган не.</i> (6) <i>Час сләргә куучындап берәйин.</i> (7) <i>Бистә ол уулдар өләкалды.</i> (8) <i>Ирбисти өлтүрзе, обизательно бирүзин алыјјат.</i> (9) <i>Герасим деп өбәйн уул, менән огаиш, чакпаа туткан.</i> (10) <i>Ананг оза дезә оны паза чакпыдан божанала барган, үч сабарлу ирбис.</i> (11) <i>Айнда ол уулдан бир уул чыккан, ол уулда үч сабарлу уул чыккан.</i> (12) <i>Айнда аны Ирбизәк деп адакыйан.</i> (13) – <i>Ол Ирбизек өл калан сәнг.</i> (14) – <i>Ол да өл калды.</i> (15) <i>Айнда Чой деп кличкалу өбәйн бар Көөдә, ол база бойы божаан.</i> (16) <i>База уулду болган.</i> (17) <i>Уулы дезә эмди дә, эм тирү, мында ла, эки эргәктү, алты сабарлу.</i> (18) <i>Те ал анды больий ол ирбистинг нези ол, заклыйтиези көчтран.</i> (19) <i>Проклыйтие – каргыш.</i>	Лебедя не убивают, гуся не стреляют, но его раньше стреляли, когда плохое время было, журавля, его нельзя трогать, варнавку, ее тоже нельзя. Черный зверь, говорят. Черный зверь: кабаргу нельзя, сараса нельзя, ирбиса вообще нельзя. Ирбис – сразу обмен, он обязательно возьмет [душу] у человека. У нас же такие случаи были. Сейчас вам расскажу-ка. У нас те парни поумирали. Если убить ирбиса, то обязательно одного возьмет (т. е. человек умрет). Человек по имени Герасим, меня моложе, поймал в капкан [ирбиса]. А до этого этот ирбис, освободившись из капкана, ушел, [у ирбиса] было три пальца. После этого [случая] у того парня родился сын, с тремя пальцами сын родился. Его назвали Ирбизек. – Тот Ирбизек умер же. – Он [охотник] тоже умер. Потом человек по прозвищу Чой из [села] Коо, он тоже умер. У него тоже был сын. Сын его и теперь жив, тут же, с двумя большими пальцами, с шестью пальцами. Но это так и будет, это проклятие от [убийства] ирбиса переходит. Проклятие [по-алтайски] <i>каргыш</i>.

**Текст 2. Рассказ охотника об обычае, связанном с охотой на медведя
(теленгитский диалект алтайского языка, информант 1949 г. рожд., с. Язула)**

(1) <i>Мен туку јаш тужымда бир катап айуды аткам.</i> (2) <i>Јаан улус айткан, айуды атса, јаагын айрыр керәк деп.</i> (3) <i>Арай ла деп айрыгам, ананг көрәр болза, кош јенгил немә эмтир: јаагында крючок ушқуш немә бар, оныла эки јара тартыйза, бойы ла айрыларар.</i> (4) <i>Айуды атса, јаагын эки айры айрыла, эки јаактын ортазына өлән салала, ол өләндү айудын бажын күнбадыш јаар салсалар.</i>	Я в молодости однажды застрелил медведя. Взрослые мне сказали, что, когда застрелят медведя, надо разделить его щеки. Когда кое-как разделил, потом, оказалось, что все очень просто: на его щеках есть штучка, похожая на крючок, если за него дернуть, то щека разделяется сама. Когда застрелят медведя, надо разделить две его щеки, между двумя щеками положить траву и ту голову медведя с травой надо положить в сторону захода солнца.

(5) <i>Онызы не дегәни на: эм ол Алтайдың жаан анын адала, оны байлап, ачынбазын деп айып этсалжат.</i>	Это означает: застрелив большого зверя Алтая, его почитая, чтобы зло не держал, так делают.
(6) <i>Эмдиги немәләр айып та этпий жат ушкуш.</i>	Современные эти (букв.: вещи), вроде, так и не делают.

Текст 3. Рассказ охотника о запрете охоты на беременных самок (чалканский язык, информант 1959 г. рожд., с. Курмач-Байгол, 2024 г.)

(1) <i>Агнын парывем.</i>	Пришел охотиться.
(2) <i>Көрзым ал пулан тьатъыт.</i>	Смотрю, лось лежит.
(3) <i>Мен адым тагийдым.</i>	Я [быстро] коня привязал.
(4) <i>Мултым көстывам.</i>	Ружье нацелил.
(5) <i>Адырайтым ле палы туркен.</i>	Только хотел стрелять, и лосенок (букв.: ребенок) встал.
(6) <i>Ол пулан палы салтын полтыр.</i>	Эта лосиха, оказывается, рождает.
(7) <i>Тьақшы көрзым, пырси рыжий, экынжызы да пар – эке палы полтыр.</i>	Присмотрелся хорошо, один рыжий и даже второй там есть, оказывается, – два ребенка.
(8) <i>Най айнық!</i>	Так интересно!
(9) <i>Анзон қатып ползком парим.</i>	Потом обратно ползком ушел.
(10) <i>Анде пулан палы салтъыт, қайдет атын пон эн?</i>	Если там лосиха рождает, как можно стрелять в нее?!
(11) <i>Анзон парыле көрзем, сыгын туртъыт.</i>	А потом иду, смотрю – марал стоит.

Текст 4. Рассказ охотника о запрете охоты на беременных самок (чалканский язык, информант 1991 г. рожд., с. Курмач-Байгол, 2024 г.)

(1) <i>Пултыр агнире паргым.</i>	В прошлом году ходил на охоту.
(2) <i>Адым айтъыт ма: «Қайдыле ползе, элыкты тегве, эме анду ой элыктыр палы салтыр».</i>	Отец мне говорит: «Что бы ни случилось, косулю не трогай, сейчас такое время, когда косули рожают».
(3) <i>Мен партымде ийдет ақ санам, элыктыр тушитырлыр деп.</i>	Когда я шел так и думал, что встретятся косули.
(4) <i>Перы партым пыр аг тьоқ, ана партым.</i>	Сюда пошел – ни одного зверя, туда пошел.
(5) <i>Анзон оцоптым, оцоптым, көртым элык түйцъыт.</i>	Потом сижую, сижую, смотрю: косуля спускается.
(6) <i>Ол элык ұр тьеп тургын.</i>	Эта косуля долго стояла ела.
(7) <i>Пыс адымле аннамыс.</i>	Мы с отцом охотились.
(8) <i>Мен адымны рацияле кыйрим тьёве, а мен қадымды ле ол элык тьеп туртъыт.</i>	Я, короче, позвал отца по рации, а подо мной эта косуля ест.
(9) <i>Адым келывен, паза көр туртъыт, ол элык тьептъыт, тьептъыт.</i>	Отец пришел, тоже стоит и смотрит, а косуля ест и ест.
(10) <i>Ўр оцам.</i>	Долго я сидел.
(11) <i>Анзон элык парин.</i>	Потом косуля ушла.
(12) <i>Ағ угза ньаныкамыс.</i>	Потом мы ушли домой.
(13) <i>Экыницы ақ күн агнире паргым, ньаан сыгын келывен, ньан мұстырлу, олан орына.</i>	На второй день я снова пошел на охоту и пришел ко мне огромный марал, с огромными рогами, вместо той.
(14) <i>Қудай нес көртъыт тьёве, ол пулан ужсын экынжы күн паишке аг перин.</i>	Бог же все видит, вместо той косули другого зверя дал.

Фотоматериалы

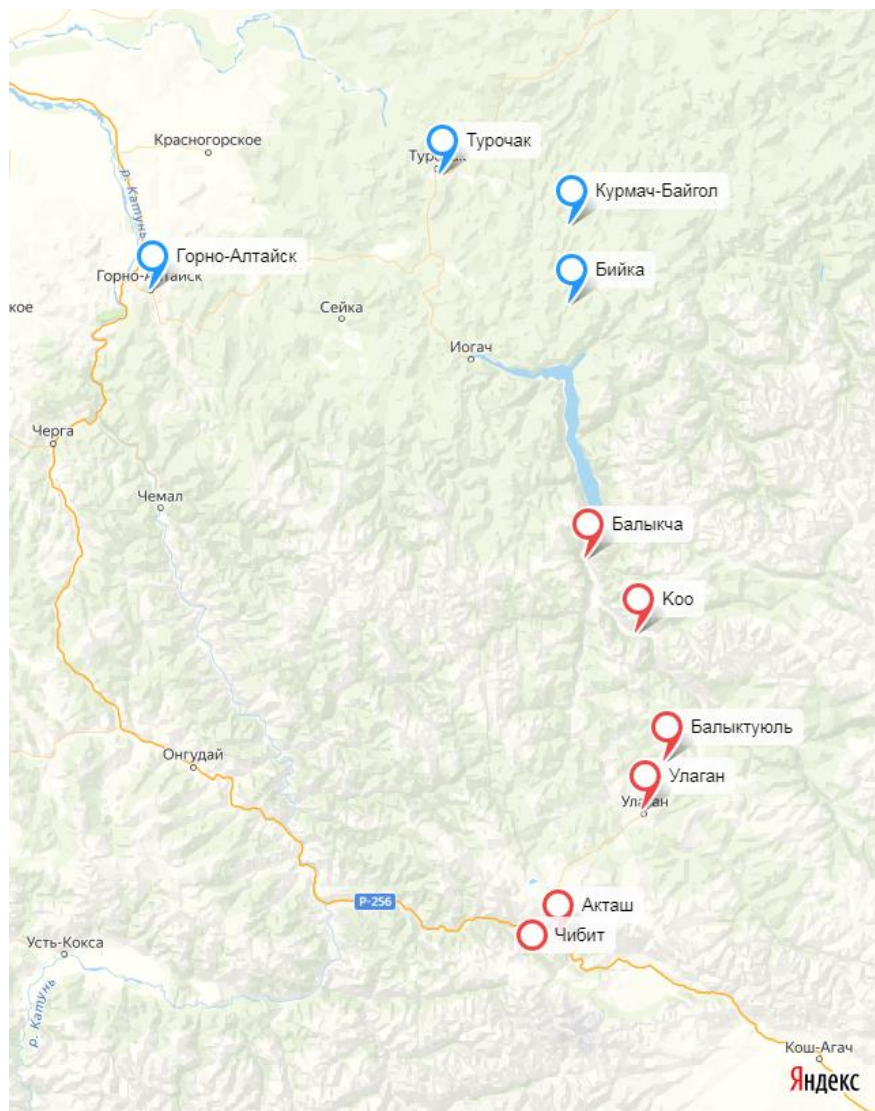

Рис. 1. Населённые пункты, в которых производился сбор материала.
Красным обозначены места проживания теленгитов, синим – чалканцев.
Fig. 1. Settlements where the material was collected.
Red and blue indicate places of residence of Telengits and Chalkans respectively.

Рис. 2. Звукоподражательные способы и устройства охоты. Чалканцы. Музей СОШ с. Курмач-Байгол.
Fig. 2. Onomatopoeic hunting methods and devices. Chalkans. Museum of Kurmach-Baigol secondary school.

Рис. 3. Манок *абыргы*. Теленгиты. 2024 г.
Fig. 3. *Abyrgy* decoy. Telengits. 2024.

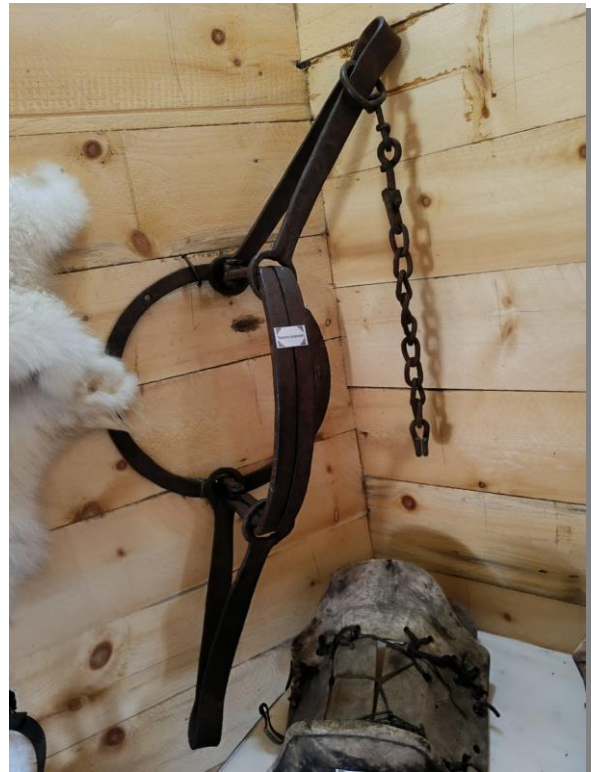

Рис. 4. *Чаклы* 'капкан на медведя'.
Частный музей А. И. Ачимова,
с. Шашикман, 2024 г.
Fig. 4. *Chakly* 'bear trap'.
Private museum in Shashikman).

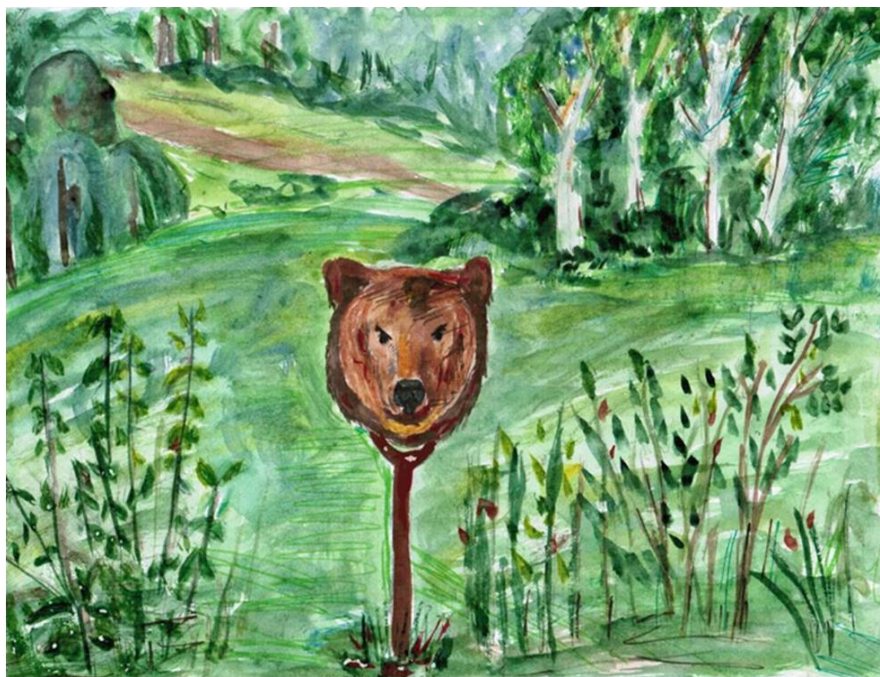

Рис. 5. Обряд после охоты на медведя. Чалканцы.

Рисунок Пустогачевой Елизаветы, рук. Н. А. Пустогачева, СОШ с. Курмач-Байгол.

Fig. 5. Ritual performed after a bear hunt.

Drawing by Elizaveta Pustogacheva, supervisor N. A. Pustogacheva, Kurmach-Baigol secondary school.

Рис. 6. Чалканец-охотник, с. Курмач-Байгол.

Из личного архива информанта.

Fig. 6. Chalkan hunter, Kurmach-Baigol.

From the informant's personal archive.

Рис. 7. Чалканец-рыбак, с. Бийка.

Из личного архива информанта.

Fig. 7. Chalkan fisherman, Biyka.

From the informant's personal archive.

Рис. 8. Интервью с информантом-теленгитом.
С. Балыктуюль, 2024 г.
Fig. 8. Interview with a Telengit informant.
Balyktuyul, 2024.

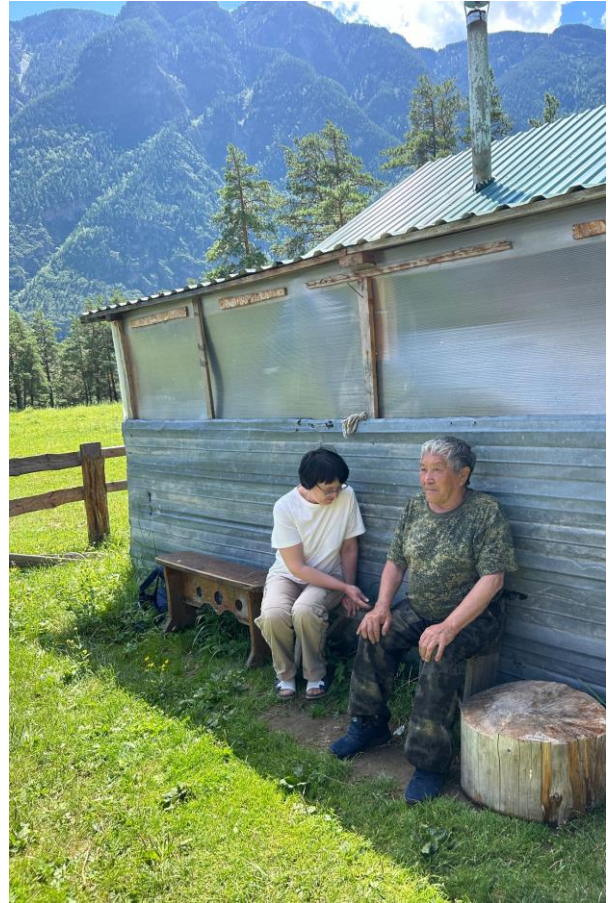

Рис. 9. Интервью с информантом-теленгитом.
С. Балыкча, 2024 г.
Fig. 9. Interview with a Telengit informant.
Balykcha, 2024.

Рис. 10. Интервью с информантом-теленгитом. С. Балыктуюль, 2024 г.
Fig. 10. Interview with a Telengit informant. Balyktuyul, 2024.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 811.16.1 + 81.119

DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-193-199

**Всероссийская научная конференция с международным участием
«Языки народов Сибири и сопредельных регионов»
(к 100-летию доктора филологических наук, профессора М. И. Черемисиной)
Новосибирск, 8–12 октября 2024 г.**

И. В. Высоцкая

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Аннотация

Дана информация о Всероссийской научной конференции с международным участием в честь столетия со дня рождения доктора филологических наук, профессора Майи Ивановны Черемисиной, основателя Новосибирской синтаксической школы. Пленарные доклады в первый день работы конференции представили научную биографию М. И. Черемисиной. Секционные заседания посвящены грамматическим, лексическим, экспериментально-фонетическим и социологическим исследованиям и вопросам преподавания языков Сибири и сопредельных регионов. Приведен обзор докладов секции «Типология сравнительных конструкций в языках разных систем». Заключительное пленарное заседание было посвящено научному наследию М. И. Черемисиной.

Ключевые слова

М. И. Черемисина, Новосибирская синтаксическая школа, языки народов Сибири и сопредельных регионов, типология сравнительных конструкций

Для цитирования

Высоцкая И. В. Всероссийская научная конференция с международным участием «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» (к 100-летию доктора филологических наук, профессора Майи Ивановны Черемисиной). Новосибирск, 8–12 октября 2024 г. // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52). С. 193–199. DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-193-199

© И. В. Высоцкая, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 4 (iss. 52)

**All-Russian scientific conference with international participation
"Languages of the peoples of Siberia and adjacent regions" (on the 100th anniversary
of the Doctor of Philology, Professor Maya Ivanovna Cheremisina)
Novosibirsk, October 8–12, 2024**

I. V. Vysotskaya

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

This overview considers the All-Russian scientific conference with international participation that was held to celebrate the centenary of the birth of Professor Maya Ivanovna Cheremisina, the founder of the Novosibirsk Syntactic School. The conference commenced with plenary presentations detailing the scientific biography of Maya Ivanovna. Beyond the plenary sessions, the conference featured specialized sessions addressing various linguistic and cultural facets of the languages of Siberia and neighboring regions, including grammar, vocabulary, phonetics, and sociolinguistics, as well as pedagogy. The focal point of this overview lies in the contributions of the section dedicated to the typology of comparative constructions in languages of different systems. The final plenary session was dedicated to an in-depth discussion on the scientific legacy of Maya Ivanovna.

Keywords

M. I. Cheremisina, Novosibirsk syntactic school, languages of Siberia and adjacent regions, typology of comparative constructions

For citation

Vysotskaya I. V. Vserossiyskaya nauchnaya konferentsiya s mezhdunarodnym uchastiem "Yazyki narodov Sibiri i sopredel'nykh regionov" (k 100-letiyu doktora filologicheskikh nauk, professora Mayi Ivanovny Cheremisinoy) [All-Russian scientific conference with international participation "Languages of the peoples of Siberia and adjacent regions" (on the 100th anniversary of the Doctor of Philology, Professor Maya Ivanovna Cheremisina)]. Novosibirsk, 8–12 oktyabrya 2024 g. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 4 (iss. 52), pp. 193–199. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-193-199

Сибирское отделение Российской академии наук, Институт филологии СО РАН и Гуманитарный институт Новосибирского государственного университета (НГУ) объединили усилия в подготовке научной конференции в честь столетия со дня рождения Майи Ивановны Черемисиной, доктора филологических наук, профессора, основателя Новосибирской синтаксической школы.

9 октября на открытии конференции в НГУ, где много лет работала М. И. Черемисина, прозвучали приветственные слова директора Гуманитарного института НГУ, д-ра истор. наук, профессора Андрея Сергеевича Зуева и директора Института филологии СО РАН, д-ра филол. наук, чл.-корр. РАН Игоря Витальевича Силантьева.

Пленарные доклады в первый день работы конференции представили научную биографию Майи Ивановны, дополнив образ ученого яркими деталями. Характеризуя научно-педагогическое наследие М. И. Черемисиной, **С. Ж. Тажибаева** (д-р филол. наук, профессор кафедры теории и практики перевода Евразийского Национального университета им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан) охарактеризовала широкий круг научных интересов («нет таких единиц языка, которые не изучала бы Майя Ивановна»): характерологические метафоры, средства лексической образности и синтаксической организации. Вместе с Елизаветой Ивановной Убрятовой М. И. Черемисина стала основателем Новосибирской синтаксической школы, которая занимается сопоставительно-типологическими исследованиями языков народов Сибири, прежде всего – исследованием полипредикативного синтаксиса. Идеи профессора М. И. Черемисиной оказали большое влияние на формирование русской и казахской лингвистики. В докладе представлены отзывы учеников об Учителе, особенно значимы с учетом интереса М. И. Черемисиной к сравнительным конструкциям ответы на вопрос: *С кем / чем можно сравнить Майю Ивановну?* **Л. А. Шамина** (д-р филол. наук, главный научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, Новосибирск) поделилась воспоминаниями об экспедициях синтаксической группы, увлеченности Майи Ивановны полевыми

исследованиями и неизменно теплых отношениях с учениками. **Г. М. Запорожченко** (д-р истор. наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН, Новосибирск) рассказала о научной карьере в Сибирском отделении РАН и личности Майи Ивановны Черемисиной – на основании ее писем и дневников.

Был показан фильм, запечатлевший Майю Ивановну на пленке (съемка 02.11.2001), и открыта выставка о жизни и творчестве М. И. Черемисиной.

Секционные заседания были посвящены грамматическим, лексическим, экспериментально-фонетическим и социологическим исследованиям и вопросам преподавания языков Сибири и сопредельных регионов.

11 октября в «Точке кипения» Академпарка прошло заседание секции «Типология сравнительных конструкций в языках разных систем» под руководством д-ра филол. наук, профессора Натальи Борисовны Кошкаревой, ученицы и последователя М. И. Черемисиной.

И. М. Плотников (м.н.с. сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, Новосибирск) представил структурную классификацию сравнительных конструкций со значением эквивалентности (на материале уральских и алтайских языков Сибири). Классификация включает десять структурных типов синтаксических конструкций, отмечено развитие сходных показателей у конструкций одного типа, а также наличие полифункциональных лексем с семантикой сравнения. Этот доклад открыл «марафон типологий», задал определенный терминологический и методологический стандарт (см.: [Кошкарева, Плотников 2023]) представления результатов исследования.

Функционально-семантической характеристике сравнительных конструкций в кетском языке посвящен доклад **Н. М. Гришиной** (канд. филол. наук, доцент, сектор фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН, Новосибирск) и **Е. А. Крюковой** (канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета, Томск). Подчеркнута важность логической операции сравнения при категоризации и оценке ландшафта для человеческого сообщества вообще, описаны разные способы выражения сравнения, в частности – послелог *dokot* с семантикой тождества и подобия. **Л. И. Ильина** (канд. филол. наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, Новосибирск) исследовала способы выражения отношений сравнения в южных диалектах селькупского языка на материале экспедиций, устных опросов респондентов (поскольку язык бесписьменный). Несмотря на ограниченное употребление сравнений в южно-селькупском языке, можно выявить лексические и морфологические средства выражения сравнения, в частности исконные послелоги и заимствованный русский союз *как* (при наличии южно-селькупского аналога). В традициях Новосибирской синтаксической школы **В. А. Горбунова** (канд. филол. наук, научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, Новосибирск) систематизировала средства выражения сравнительных отношений в ульчском языке, выделив средства выражения суперлатива, компаратива, эквативных и симилиативных отношений.

Функционально-семантическая классификация тюркских компаративных бипредикативных конструкций, предложенная **И. В. Шенцовой** (д-р филол. наук, главный научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, Новосибирск), сопровождалась ярким иллюстративным материалом, не утратившим своеобразие и в переводе с шорского языка: *Не осталось крови, чтобы собака могла лизать – Не осталось мяса, чтобы ворон мог клевать*. На материале языка бабарабинских татар выполнено исследование **Т. Р. Рыжиковой** (канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН, Новосибирск), обратившейся к аффиксальным сравнительным конструкциям со значением дифференциальности: аффикс *-рак* выражает значение удаления / ослабления признака.

«Лингвистический портрет» полифункциональной лексемы *ошкош* ‘как’ в алтайском языке представлен **А. Р. Тазрановой** (канд. филол. наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, Новосибирск) и **Л. Н. Тыбыковой** (канд. филол. наук, доцент кафедры алтайской филологии и востоковедения Горно-Алтайского государственного университета, Горно-Алтайск): в именных компаративных конструкциях данная лексема употребляется в функции сказуемого с семантикой ‘подобный’. **А. Н. Чугунцова** (д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, Абакан)

рассмотрела сопоставительные конструкции в хакасском языке на материале пословиц и поговорок и охарактеризовала показатели сравнения в них. Ненецкие сравнительные конструкции стали предметом исследования **Н. Б. Кошкаревой** (д-р филол. наук, профессор, зав. сектором языков народов Сибири Института филологии СО РАН, зав. кафедрой общего и русского языкознания НГУ, Новосибирск): систематизированы специализированные средства выражения сравнительных отношений (аффикс *-раха / -лаха* со значением не вполне достоверной информации в сочетании с существительными и прилагательными и др.). Все эти доклады дают представление о многообразии картин мира в исследуемых языках и позволяют увидеть в них универсально-типологическое и национально-специфическое.

С проблемой стратегий перевода связан доклад **Ю. В. Сеницыной** (преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва), в котором представлена база данных сравнительных конструкций равенства (по текстам Нового Завета). На основе сопоставления текстов древнегреческого оригинала, русского Синодального перевода и Нового русского перевода выявлены общая тенденция сохранения структурных особенностей конструкций между переводами и случаи отступления от нее, отмечено расширение грамматической предикативности контекстов.

Ряд докладов связан с редукцией сравнительных конструкций. По мнению **И. В. Высоцкой** (д-р филол. наук, профессор кафедры массовых коммуникаций Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, Новосибирск), импликация параметра сравнения в бисубстантивной конструкции с показателем сравнения *как* в современном русском языке служит механизмом создания стратегии парадокса и обуславливает широкое употребление предложений типа *Счастье как бабочка* в нейминге. **И. А. Диде** (студент Новосибирского государственного университета, Новосибирск) описал русские сравнительные конструкции с союзом *точно* (простое предложение, осложненные придаточным оборотом или сравнительным обстоятельством, сложноподчиненные предложения расчлененного и нерасчлененного типа с отсутствующим стандартом сравнения, предполагающим отсылку к типичному положению дел), рассмотрев в них возможность редукции компарата, стандарта или модусного звена. **Ду Сьюань** (аспирант Новосибирского государственного университета, Новосибирск) представила сравнительные конструкции с лексемой 仿佛 ‘походить, быть похожим’ в романе Мо Яня «Лягушки». Лексема может функционировать в китайском языке как глагол, наречие, выражающее событийное сравнение. В событийных сравнительных конструкциях наблюдается редукция эталона, параметра сравнения, а также модусного звена.

Большинство докладов вызвали интерес аудитории, вопросы, обсуждение. Работа секции продемонстрировала единство подхода в исследовании сравнительных конструкций, намеченного в монографии М. И. Черемисиной [Черемисина 1976].

Заключительное пленарное заседание было посвящено научному наследию Майи Ивановны Черемисиной. **И. Е. Ким** (д-р филол. наук, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири Института филологии СО РАН, Новосибирск) рассмотрел вопросы теории референции в научных исследованиях М. И. Черемисиной. **А. А. Озонова** (канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, Новосибирск) и **А. В. Байыр-оол** (канд. филол. наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, Новосибирск) подчеркнули вклад М. И. Черемисиной в подготовку специалистов по языкам народов Сибири.

В докладе **А. В. Байыр-оол** (канд. филол. наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, Новосибирск) и **Л. А. Шаминой** (д-р филол. наук, главный научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, Новосибирск) представлены модально-компаративные конструкции с семантикой кажимости в тувинском языке. В докладе **Е. К. Скрибник** (д-р филол. наук, профессор Института финноугроведения Университета им. Людвига-Максимилиана, Мюнхен, Германия) и **Н. Б. Даржаевой** (д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ) выделены модели бурятских эмотивных конструкций.

Во всех докладах отмечался вклад М. И. Черемисиной в разработку основополагающих терминов и понятий синтаксиса, таких как *элементарное простое предложение*, *скрепа*, *полипре-*

дикативная конструкция, моносубъектная конструкция, аналитическая конструкция сказуемого и мн. др., ее неординарные организационные способности и значительный вклад в развитие фундаментальных основ синтаксического описания языков коренных народов Сибири.

Литература

Кошкарёва Н. Б., Плотников И. М. Метаязык описания семантики сравнения как языкового знака // Критика и семиотика. 2023. № 2. С. 180–216. DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-180-216
Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск: Наука, 1976. 270 с.

References

Cheremisina M. I. *Sravnitel'nye konstruksii russkogo yazyka* [Comparative constructions in the Russian language]. Novosibirsk, Nauka, 1976, 270 p.

Koshkareva N. B., Plotnikov I. M. Metayazyk opisaniya semantiki sravneniya kak yazykovogo znaka [Metalinguistic representation of the semantics of comparison as a linguistic sign]. *Kritika i Semiotika (Critique and Semiotics)*. 2023, no. 2, pp. 180–216. DOI: 10.25205/2307-1753-2023-2-180-216.

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
10.11.2024

Сведения об авторе

Ирина Всеволодовна Высоцкая – доктор филологических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций Гуманитарного института, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия)

E-mail: i.vysotskaia@g.nsu.ru
ORCID 0000-0003-3098-3143

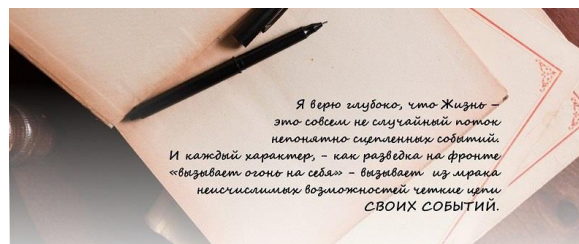
Information about the Author

Irina V. Vysotskaya – Doctor of Philology, Professor of the Department of Mass Communications of the Humanitarian Institute, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

E-mail: i.vysotskaia@g.nsu.ru
ORCID 0000-0003-3098-3143

Постер конференции (автор – А. А. Кожаева)

Майя Ивановна Черемисина: НАУКА И ЖИЗНЬ

2024

Майя Ивановна Черемисина – советский и российский лингвист, доктор филологических наук, профессор Новосибирского государственного университета, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН, заслуженный деятель науки РФ; глава Новосибирской синтаксической школы. Автор трудов по общей и русской лексикологии, теории синтаксиса, синтаксису русского языка и языков коренных народов Сибири.

1924

«Наука и жизнь» 2024.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Постер выставки (автор – Е. В. Шиплюк)

Открытие конференции. Выступление директора Института филологии СО РАН, чл.-корр. РАН И. В. Силантьева

Ректор НГУ, академик М. П. Федорук на открытии выставки, посвященной М. И. Черемисиной

На открытии выставки, посвященной М. И. Черемисиной. Слева направо: Ч. Г. Ондар, Н. Б. Кошкарева, В. М. Телякова, Н. Р. Ойноткинова, Е. В. Тютнешева, О. Д. Абумова, Т. И. Морозова, О. Ю. Шагдурова, А. Я. Салчак, М. Д. Чертыкова, Г. Л. Нахрacheва, Н. Н. Ефремов, А. В. Байыр-оол.

Участники конференции в «Точке кипения» Академпарка, где проходили секционные заседания (слева направо):

1-й ряд, слева от постера: И. А. Диде, И. В. Высоцкая, И. В. Шенцова, Н. Н. Ефремов, В. А. Иванов; справа от постера: Л. А. Шамина, Л. А. Ильина, И. Я. Селютина, А. А. Озонова, Л. Б. Будажапова, С. Б. Сарбашева;

2-й ряд, слева от постера: О. Г. Сухина; справа от постера: Д. Б. Харанутова, И. М. Плотников, Б. Ч. Ооржак, О. Ю. Шагдурова;

3-й ряд: слева от постера: Т. Р. Рыжикова, В. А. Горбунова, А. Р. Тазранова, Ю. В. Синицына, Н. Б. Кошкарева, А. Н. Чугунекова, справа от постера: В. М. Телякова, Ду Сьюань, Г. А. Дырхеева, А. Я. Салчак, Е. В. Тюнтешева.

Фотографии из открытых источников:

сайт Гуманитарного института Новосибирского государственного университета
<https://www.nsu.ru/n/media/news/nauka/v-ngu-otkrylas-vystavka-posvyashchennaya-100-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-doktora-filologicheskikh-nauk/>

сайт Института филологии СО РАН
<https://www.philology.nsc.ru/news/index.php?id=485>

ХРОНИКА

Юрию Ильичу Шейкину – 75 лет

В августе 2024 г. исполнилось 75 лет со дня рождения выдающегося этномузыковеда-сибироведа, доктора искусствоведения, профессора Юрия Ильича Шейкина (1949–2023).

В кругу фольклористов, этнографов, искусствоведов имя Ю. И. Шейкина, крупнейшего специалиста по автохтонным музыкальным культурам Северной Азии, хорошо известно. Он провел более ста экспедиций по Сибири и Дальнему Востоку, собрав богатую коллекцию звукозаписей, музыкальных инструментов, фотографий и видеоматериалов, опубликовал десятки научных трудов, в том числе четыре монографии («Музыкальная культура народов Северной Азии», 1996; «История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование», 2002; «Жанры музыкального фольклора удэ», 2011; «Музыкальная культура чукчей», 2018).

Исследования Ю. И. Шейкина основаны на глубоком знании музыкальной практики народов Сибири и Дальнего Востока, большом опыте полевой работы, стремлении увидеть общее и специфичное в изучаемых культурах, выявить их исторические, ареальные и генетические связи. Многие подходы и методы изучения этнических традиций огромного сибирско-дальневосточного региона, разработанные ученым, используются его учениками и коллегами.

Ю. И. Шейкина-исследователя отличали незаурядная эрудиция, тонкое чутье, большое трудолюбие и увлеченность фольклором. Все, что им было записано в поле, он не только изучал, но и исполнял – пел, танцевал и играл на музыкальных инструментах. Многим запомнились его лекции и доклады с яркими живыми примерами необычного звучания экзотических образцов фольклора северных народов.

Юрий Ильич был членом Главной редколлегии академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» со дня ее основания, разрабатывал принципы создания музыковедческих разделов томов, руководил этномузыковедами в комплексных фольклорных экспедициях с 1984 по 1991 гг., был автором и соавтором музыковедческих разделов томов эвенкийского, бурятского, алтайского эпоса, тувинских сказок, якутских преданий и мифов, якутской и эвенкийской обрядовой поэзии, фольклора удэгейцев.

Публикации о Ю. И. Шейкине

Василенко О. В. Этномузыковед Юрий Ильич Шейкин. К 70-летию юбилею // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 4. С. 184–187.

Добжанская О. Э., Никифорова В. С. Юрию Ильичу Шейкину 60 лет! // Традиционная культура. 2009. № 3. С. 124–125.

Игнатьева Т. И. Экспедиция по Северной Азии длиною в жизнь... // Музыкальная Вселенная Юрия Шейкина (к 50-летию научной деятельности): Сб. ст. / Сост. О. Э. Добжанская. Якутск: Алаас, 2017. С. 6–16.

Игнатьева Т. И., Никифорова В. С. Музыкальная культура тунгусо-маньчжурских народов Северной Азии в трудах профессора Ю. И. Шейкина // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2024. № 3 (48). С. 80–91.

Игнатьева Т. И., Никифорова В. С. Научная школа профессора Юрия Ильича Шейкина: этапы становления и перспективы исследований // Традиционная культура. 2024. Т. 25. № 3. С. 12–22.

Солдатова Г. Е. Полевик, исследователь, педагог (к 70-летию Юрия Ильича Шейкина) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2019. № 2 (38). С. 99–103.

Редколлегия журнала

**ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

2024. № 4 (Вып. 52)

В оформлении обложки использована репродукция картины
Любови Арбачаковой «Кер-палык»

Раздел «Лингвистика»:

редактор *Е. В. Тунтешева*, оператор электронной верстки *А. В. Байыр-оол*

Раздел «Фольклористика»:

редактор и оператор электронной верстки *К. В. Жданова*

Корректор текста на английском языке *Е. В. Давыдова*

630090, г. Новосибирск, ул. ак. Николаева, д. 8
Институт филологии СО РАН

E-mail: yaz_fol_sibiri@mail.ru

Официальный сайт журнала: <https://lang-folk.ru/journals/ykns/index.php>

ISSN 2712-9608

